

Б. И. КОЛОНИЦКИЙ

СИМВОЛЫ ВЛАСТИ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ



К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ **1917** ГОДА



Борис Иванович Колоницкий (р. 1955) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Преподавал как приглашенный профессор в Иллинойском, Принстонском и Йельском университетах. Автор книг: *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London, 1999 (в соавторстве с О.Г. Файджесом); *Погоны и борьба за власть в 1917 году*. (2001); *Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года*. (1-е изд., 2001); «Трагическая эротика»: *Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны*. (2010).

В книге рассматривается вопрос о том, как различные политические символы влияли на возникновение и протекание политических конфликтов в 1917 году. Описывается отношение противоборствующих центров власти и политических сил к национальной и государственной символике, к символам революционного подполья (знамена, флаги, гербы, гимны и политические песни, портреты и памятники государственных и политических деятелей, награды и форма одежды, названия улиц и кораблей, имена и фамилии). При этом ставилась задача реконструкции тех значений символов, которые придавались им современниками. Изучаются субъекты символотворчества и каналы распространения символов (государственные органы, политические организации, рыночные структуры). Рассматривается вопрос о том, какое влияние политические символы и ритуалы оказывали на развитие массового сознания и на самоорганизацию тех массовых движений, которые не находились под прямым влиянием политических партий.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б.И. Колоницкий

**СИМВОЛЫ ВЛАСТИ
И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ:**

**К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

Лики России
Санкт-Петербург
2012

Б.И. Колоницкий. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. — СПб.: Лики России. 2012. — 320 с., ил.

Научный редактор: кандидат исторических наук *В.Ю. Черняев*

Редактор: *Л.Ю. Киреева*

Корректоры: *Р.Н. Ишбулатова-Елизаветинская*

Технический редактор: *Н.В. Макарова*

Оформление обложки: *Н.Ф. Барклай, Т.М. Rogozная*

Издание осуществлено в рамках проекта «Общественное сознание эпохи российских революций» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук Российской Академии наук «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

Издание 2-е, исправленное, дополненное

Книга ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории, профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге Б.И. Колоницкого посвящена политической борьбе в переломный момент истории. Автор рассматривает конфликты той эпохи не только как столкновение основных политических партий, борющихся за контроль над государственными институтами, но и как комплекс «стихийных» движений, самоорганизация которых происходила вокруг политических символов — «старых» и «новых». В центре внимания автора конфликты вокруг государственных символов, военных знамен и военноморских флагов, государственных наград и форм одежды, названий улиц и кораблей, песен и форм обращения. В монографии уделено внимание политизации религиозной жизни и массовой культуры той эпохи. В книге использованы материалы российских и зарубежных архивов.

ISBN 978-5-87417-384-5

© Лики России, 2012
© Б.И. Колоницкий,
предисловие, текст, указатель, 2012
© РГАКФД, фотографии, 2012

Я выражаю глубокую признательность своим коллегам по Санкт-Петербургскому институту истории Российской Академии наук за помощь, консультации и советы. Особенно благодарен я за доброжелательную критику и ценные советы члену-корреспонденту РАН Р.Ш. Ганелину, доктору исторических наук Н.Н. Смирнову, кандидатам исторических наук В.Ю. Черняеву и П.Г. Рогозному. Весьма важны оказались для меня консультации и рекомендации кандидата исторических наук П.К. Корнакова.

Академик РАН Б.В. Ананьич, доктор исторических наук Г.Л. Соболев, Б.Д. Гальперина, В.С. Измозик, А.Б. Николаев, Г.В. Вилинбахов, кандидаты исторических наук Т.А. Абросимова, Н.В. Михайлов, С.И. Потолов и Б.Б. Дубенцов взяли на себя труд ознакомиться с различными вариантами моего исследования и высказали важные замечания.

В свое время мое исследование получило финансовую поддержку Института Кеннана (Вашингтон, США) и Фонда «Открытое общество» (программа поддержки исследований (Вашингтон, США), грант № 815/1998). Первое издание книги финансировалось Российским гуманитарным научным фондом (издательский проект № 00–01–16045д).

Книга, вышедшая в 2001 г., давно уже исчезла с прилавков магазинов, между тем читатели продолжают проявлять к ней некоторый интерес. В то же время за истекшее десятилетие вышли интересные исследования, среди них монографии М.А. Бабкина, В.П. Булдакова, Г.В. Вилинбахова, А. Рабиновича, П.Г. Рогозного, Н.А. Соболевой, М.В. Ходякова. Находки, наблюдения и выводы этих авторов позволяют мне точнее и убедительнее сформулировать свою позицию, однако, концепцию первого издания оставляю без изменений. Мне представляется, что работы современных историков ее в целом подтверждают.

Я признателен академику РАН Б.В. Ананьичу, руководителю проекта «Общественное сознание эпохи российских революций» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук Российской Академии наук «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов», который поддержал идею подготовки нового, дополненного издания моей книги.

Выводы настоящего исследования отражают мнение автора и могут не совпадать с позицией упомянутых исследователей, центров и программ.

Благодарю также М.А. Воронина, который любезно разрешил мне использовать материалы его коллекции почтовых карточек.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Революцию 1917 г. невозможно представить без звуков «Марсельезы» и красных флагов. И их не следует воспринимать лишь как колоритную деталь, украшающую повествования мемуаристов и историков об этом сложнейшем политическом процессе.

Основной вопрос всякой революции — вопрос о власти. Справедливость этого утверждения, казалось бы, подтверждается обилием монографий различных историков, приверженцев самых разных политических взглядов, сторонников всевозможных исследовательских подходов. В центре их внимания — институты власти (Временное правительство, военное командование, Советы, комитеты) и основные участники борьбы за власть, прежде всего крупнейшие российские политические партии и их лидеры. Именно такие сюжеты освещены в большей части томов гигантского собрания книг, посвященных Российской революции.

Однако можно ли термин «власть» понимать только как власть государственную? Даже применительно к мирным, «нормальным» периодам истории подобный подход вызывает серьезные возражения, но тем с большой осторожностью следует относиться к феномену власти революционных эпох. Саму революцию можно охарактеризовать как специфическое состояние власти, при котором государственность находится в особом, «расплавленном» состоянии. Соответственно, политические институты эпохи революции невозможно описать с помощью понятий конституционного права, так как они весьма отличаются от элементов стабильных политических систем. Например, в период революций довольно сложно отличить политические институты от политических организаций, на это справедливо указывают историки революции¹. Общественные организации нередко присваивают себе полномочия государственной власти, иногда и преобразуются в государственные структуры нового строя, а некоторые неустойчивые политические образования, созданные революцией, присваивают себе новые функции, формализуют свою деятельность, «застывают» и служат основой создания новой государственности. Структуры специфического гражданского общества эпохи революции присваивают себе полномочия органов государственной власти, что и создает предпосылки для гражданской войны.

¹ См.: Миллер В.И. Осторожно: история! М., 1997. С. 43–44.

Если власть — это способность проводить свои решения с помощью насилия, закона и авторитета, то возможности старых властвующих элит в период революций представляются весьма ограниченными; государство перестает быть единственным источником права, появляются конкурирующие центры правотворчества, претендующие при этом на монополию. В этот период в стране действует несколько параллельных правовых систем, каждая из которых считает себя легитимной. В результате общество оказывается в различных правовых измерениях.

Революция, даже «мирная», предполагает применение силы. Однако именно тогда государство и теряет свою монополию на насилие, появляются альтернативные военные и полицейские формирования, которые часто бросают открытый вызов центральной власти. Да и собственные силовые структуры государственным органам власти приходится постоянно убеждать в законности своего права на использование насилия. Особенно ярко это проявилось в ходе Российской революции 1917 г. К тому же многие либеральные министры первых составов Временного правительства были первоначально принципиальными противниками использования властью насилия, и лишь в ходе революции они постепенно и не без труда меняли свои взгляды. Некоторые министры-социалисты также высказывали подобные идеи. Так, еще в середине мая 1917 г. военный и морской министр А.Ф. Керенский провозгласил в Севастополе: «Товарищи, легко управлять дикарю. Он думает, что достаточно для этого иметь палку, и всякий с палкой будет капралом... Временное правительство раз и навсегда отказалось от всех способов, которые могут напомнить способ управления царей. Мы предпочитаем погибнуть, но к насилию мы не прибегнем»². Конечно, в заявлениях такого рода содержалась известная доля лукавства: даже если бы Временное правительство и решилось сделать ставку на силу, его реальные возможности воплотить подобный курс в жизнь были весьма ограничены. Отсутствие силы Керенский пытался восполнить укреплением своего авторитета.

Действительно, в условиях революции важнейшим источником власти становится именно авторитет. Власть как никогда зависит от общественного мнения, быстрые и непредсказуемые колебания которого приобретают значение важнейшего политического фактора. Власть должна постоянно доказывать свою легитимность: она заключает, расторгает и перезаключает общественный договор чуть ли не ежедневно. Соответственно, для понимания особенностей функционирования власти в эти периоды необходимо изучение массового сознания. Важность этого подхода была осознана рядом историков. В российской историографии первая важная попытка подобного исследования была предпринята Г.Л. Соболевым, изучавшим революционное сознание рабочих и солдат Петрограда³. Однако содержание его работы значительно шире обозначенной заголовком книги темы: речь в ней идет не

² Цит. по: Коновалов В.Г. Подвиг «Алмаза». Одесса, 1989. С. 50.

³ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (Период двоевластия). Л., 1973.

только о массовом политическом сознании, но и о политической культуре революционной эпохи. И это совершенно оправданно.

Представление о феномене политической культуры появилось одновременно с возникновением науки о политике, утверждается даже, что это лишь новый термин для весьма старой идеи. Так, в некоторых работах, посвященных истории изучения политической культуры, изложение начинается с характеристики работ Платона. Словосочетание же «политическая культура» ввел, по видимому, И.Г. Гердер. В России оно появилось значительно позже. Во всяком случае в книге В.В. Ивановского «Вопросы государственоведения, социологии и политики», изданной в Казани в 1899 г., этот термин уже встречается, хотя автор, употребляя его, имеет в виду лишь политическое воспитание и образование. В начале XX века словосочетание «политическая культура» использовали российские авторы М. Острогорский, В. Мирон, А. Рыкачев, П. Струве. Для последнего этот термин имел особое значение, он использовал его неоднократно. Это словосочетание употреблял в 1920 г. и В.И. Ленин⁴.

Однако специальный термин «политическая культура» стал широко употребляться в научных исследованиях лишь с 60-х гг. XX в. Он был введен в научный оборот американским политологом Габриелем Алмондом в 1956 г., и стал особенно популярным после публикации книги, написанной им в соавторстве с Сиднеем Вербой⁵. Согласно Алмонду, каждой политической системе свойственна определенная политическая культура, определенный образец ориентаций на политическое действие. В качестве элементов политической культуры он выделял восприятие различных аспектов политической жизни на уровне знаний и представлений, эмоциональный настрой (политические симпатии и антипатии) и оценочное (нормативное) отношение к политическим явлениям и структурам. Термин «политическая культура» сразу же начал активно применяться специалистами разных областей общественнознания и использовался столь широко и вольно, что вскоре можно было уже говорить о злоупотреблении «модным» понятием. Оно оказалось необычайно востребованным, заполнило известный терминологический вакуум, образовавшийся в различных дисциплинах. Интерес к этой проблематике стимулировался необходимостью изучения дестабилизированных политических режимов, сопутствующие процессы было невозможно описать, лишь исследуя формальные политические институты. Соответственно, создание понятия «политическая культура» вводило в анализ политических систем элементы антропологии культуры. При этом единое понимание термина «политическая культура» до сих пор отсутствует — различные исследователи понимают его совершенно по-разному. Эта многозначность, «размытость» служит косвенным доказательством популярности, востребованности данного понятия⁶.

⁴ См.: Дука А.В. Политическая культура: Проблемы генезиса и принципы типологии: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1995. С. 3–8.

⁵ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

⁶ О различных подходах к изучению феномена политической культуры см.: Kavanagh D. Political Culture. London; Basingstoke, 1972; Зарубежная научная литература о политической культуре стран Запада: Реф. сб. М., 1981.

В силу указанных выше причин изучение политических культур и субкультур необычайно важно для историков революций: в эти периоды политические институты «расплавленной государственности» распадаются, порой почти растворяются в политической культуре, и в то же время создаются условия для «застывания», «кристаллизации» новых политических культур и субкультур, создания на их основе других политических институтов, нового политического строя. Возникающие политические системы несут глубокий отпечаток политико-культурных конфликтов революционного времени. Изучение политической культуры помогает также понять крайне важный для эпох революций процесс перехода от психологии индивидуумов к действиям коллективов. Наконец, политическая культура оказывает необычайно сильное воздействие на общественное мнение, на отношение к текущим политическим процессам. Иногда ценности политической культуры могут иметь столь большое значение для индивидуума, что он стремится к искаженному восприятию политической реальности, чтобы любой ценой сохранить эти ценности.

У историков Российской революции 1917 г. существует особый стимул к изучению политической культуры, политических символов и политических ритуалов. Дело в том, что эти сюжеты давно уже привлекают внимание известных исследователей Французской революции XVIII в., достаточно вспомнить классические исследования Альбера Матьеза, появившиеся еще в начале XX в.⁷ Новый импульс изучение этой темы получило в 70-е и 80-е годы минувшего столетия, когда были созданы, например, интересные исследования, посвященные празднествам Французской революции, образам Марианны⁸.

Следует признать, что и русскими, и зарубежными историками Российской революции 1917 г. в изучении данной проблематики сделано значительно меньше. Исключение составляют несколько работ. Прежде всего это уже упомянутая монография Г.Л. Соболева. Большое значение имеет новаторская работа американского исследователя Р. Стайтса, который рассмотрел различные аспекты истории культуры эпохи революции⁹.

Изучению политических символов эпохи революции посвящены исследования П.К. Корнакова. Жаль, что его замечательная диссертация о знаменах 1917 г. до сих пор не нашла своего издателя, лишь отдельные ее фрагменты публиковались в виде статей. Исследователь выявил большое количество знамен и флагов в различных архивах и музеях, во многих

⁷ *Mathiez A.* Les origines des cultes révolutionnaires (1789–1792). Paris, 1904.

⁸ *Agulhon M.* Marianne into Battle: Republican Imagery and Symbolism in France, 1789–1880. Cambridge, 1981; *Ozouf M.* Festivals and the French Revolution. Cambridge, Mass., 1988 (рус. пер., М., 2003); *The New Cultural History* / Ed.L.Hunt. Berkeley, 1989; *Baker K.* Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century. Cambridge, 1990; *Mason L.* Singing the French Revolution: Popular Culture and Politics, 1787–1799. Cornell, 1996.

⁹ *Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in Russian Revolution. New York; Oxford, 1979; *Смайтс Р.* Революционная культура и ее место в истории культурных революций // *Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть.* С.-Петербург, 1994. С. 372–382.

случаях тщательно восстановил историю их создания и преобразования¹⁰.

Для рассматриваемой темы большое значение имеют труды Н.А. Соболевой и В.А. Артамонова, посвященные истории российской государственной символики. С.А. Солнцева, опираясь на архивные источники, рассматривала вопрос о том, как Февральская революция повлияла на военную символику¹¹. Так же представляет большой интерес богато иллюстрированная книга В.П. Лапшина, посвященная художественной жизни Москвы и Петрограда в 1917 г.; в ней рассматривается влияние революционных событий на изобразительное искусство¹².

Изучению политической культуры и языка эпохи революции уделяет немалое внимание в своих работах и британский историк О. Файджес¹³. Совместно с автором настоящего исследования он подготовил и книгу, специально посвященную языку и символам Российской революции¹⁴. Кроме того имеется целый ряд работ, посвященных празднествам революционной России, правда, основное внимание в них уделяется большевистскому этапу революции¹⁵.

Если у исследователей и нет единого подхода в определении понятия «политическая культура», то все же существуют некоторые общие положения, которые разделяются большинством ученых. Пожалуй, все признают, что важнейшим элементом политической культуры является политическая традиция. Наконец, никто не отрицает, что политические символы — важный компонент политической культуры. Символы — это неотъемлемая часть формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой политической общности. Некоторые же авторы даже предлагают рассматривать всю политическую культуру как символическую систему. В рамках этого подхода политическая культура трактуется как «система политических символов, входящая в более широкую систему, которую можно обозначить термином политическая коммуникация»¹⁶. Но при всем разнообразии исследовательских подходов не-

¹⁰ Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // *Анатомия революции: 1917 год в России...* С.356-365. Автор особенно тщательно изучил знамена эпохи: Корнаков П.К. 1) 1917 год в отражении вексиллологических источников (По материалам Петрограда и действующей армии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1989; 2) Опыт привлечения вексиллологических источников для решения геральдических проблем // *Труды Государственного исторического музея*. М., 1986. Вып. 61. С.134-144; 3) Знамена Февральской революции // *Геральдика: Материалы и исследования*. Л., 1983. С.12-26; 4) Краски войны // *Родина*. 1990. N 10. С.26-28, 34, 50-51; 5) Автограф художника // *Музейное дело в СССР*. М., 1980. С.140-146.

¹¹ Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России: Очерки истории государственной символики России. М., 1993. 208 с.; Соболева Н.А., Казакевич А.Н. Символы и святыни Российской державы. М., 2007; Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции // *Военно-исторический журнал*. 1999. № 5.

¹² Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.

¹³ Figes O. 1) *A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924*. London, 1996. 923p.; 2) *The Russian Revolution of 1917 and its Language in the Village* // *Russian Review*. 1997. Vol. 56. № 3.

¹⁴ Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London, 1999.

¹⁵ Van Geldern J. *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley, 1993.

¹⁶ Гаджиев К.С. *Политическая наука*. М., 1995. С. 340–341.

возможно отрицать, что политические символы, важнейшие составляющие ментального устройства, — это бесспорная часть политической культуры. Соответственно, для любого исследователя, изучающего политическую историю, символы представляют особый интерес: они служат своеобразными ключами для интерпретации различных политических культур.

В политической жизни символы выполняют разнообразные функции. Они могут быть средством идентификации, способствовать развитию группового сознания, солидарности и чувства принадлежности к единому социальному целому. Так, символика указывает на коллективную идентичность, являясь ее знаком. В некоторых ситуациях именно символы становятся важнейшим фактором, определяющим, конструирующим, создающим политические сообщества. Люди интегрируются в крупные политические или социальные образования «опосредованно» — через общую идентификацию с символами¹⁷.

Демонстративная функция политических символов очевидна: с их помощью, например, указывается и подтверждается факт политических изменений. Так, захват власти может сопровождаться демонстративным присвоением признанных государственных и/или национальных символов власти либо их радикальным отрицанием и утверждением новой системы политических символов.

Функции мобилизации и легитимации основаны на резонировании символов с коллективным сознанием. Обращение к значимым символам является мощным инструментом оправдания целей и средств субъектов политического процесса и ресурсом мобилизации поддержки. Для исследователей революции необычайно важно, что в условиях ослабления правовой системы именно символы и ритуалы делают легитимным насилие в различных его формах. Не случайно, что В.П. Булдаков, сделавший предметом своего исследования революционное насилие, уделяет символам большое внимание¹⁸. Правовому упорядочению насилия предшествует его символическая легитимация.

Компенсаторная функция политических символов выражается в том, что символические изменения порой являются замещением и суррогатом насущных общественных и политических преобразований, особенно это актуально для тех случаев, когда на пути последних стоят существенные социальные и психологические барьеры. Так, порой власти пытаются укрепить свое положение, подменяя назревшие политические и социальные преобразования символическими действиями: например, они проводят акции по переименованию улиц и городов, откладывая при этом проведение назревших, но непопулярных и трудных реформ.

Наконец, следует выделить коммуникативную функцию символов как средства передачи информации. Многие важные идеологические тексты проникали в массовое сознание не только через их адаптированные версии посредством

¹⁷ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 22.

¹⁸ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 375 с.; 2-е изд., доп. М., 2010. 967 с.

политической агитации, но и с помощью соответствующих популярных символов. В этом смысле показательна история развития немецкого национализма, изученная с этой точки зрения Дж. Моссе¹⁹. Но для получения и понимания этой информации адресаты должны знать значения символов, должны уметь их «читать» и «переводить», должны их чувствовать и понимать. Нередки также случаи, когда символ воспринимается немалой частью аудитории совсем не так, как это планировали его создатели и распространители. Символы многозначны, поэтому они могут действовать как в интересах использующей их политической группы, так и против нее: «перевод» символов может быть совершенно неожиданным, им может быть приписано совершенно неожиданное значение.

В разные периоды в рамках политических циклов усиливается та или иная функция символов и интенсивность деятельности различных субъектов политического символотворчества. К числу последних можно отнести властные структуры, политические партии и общественные движения, частные лица и коммерческие организации. В разных ситуациях различна и роль средств массовой информации в процессах символических изменений.

Роль политических символов, апеллирующих не только к разуму, но и к эмоциям, возрастает в периоды глубоких социальных и культурных потрясений, которые провоцируют своеобразную архаизацию общественного сознания. В эти эпохи воскресают древние образцы синкретического восприятия символа, когда борьба за символы власти была важнейшим элементом борьбы за власть, когда символы власти порой и воспринимались как сама власть. Специалисты в области политической антропологии отмечают, что в периоды дезинтеграций возрождаются наиболее архаические формы проявления властных отношений, этот феномен получил название «архаического синдрома». В.П. Булдаков важнейшим элементом революции считает «бунт замаскированной архаики» в центрах урбанизации²⁰. Сфера рационального в такие периоды сужается, размывается, возрастает роль чувственно-эмоционального восприятия. Актуализируются архаические пласты человеческого мышления, для которых символ власти и сама власть — тождественные реалии.

В эпохи социальных революций напряженно идут поиски новых форм социальных связей, обеспечения социального единства на иной основе. Соответственно сознание этих периодов тяготеет к повышенной семиотичности, «знакомании»²¹, поэтому революцию нельзя понять без изучения политических символов эпохи. Однако речь должна идти не только об их собирании, изучении и классификации (что само по себе важно), исследователь должен выявить ту роль, которую они играли в политических процессах разного уров-

¹⁹ *Dresher S., Sabean D., Sharlin A.* Introduction: George Mosse and Political Symbolism // *Political Symbolism in Modern Europe: Essays in Honour of George L. Mosse.* New Brunswick; London, 1982. P. 1–15.

²⁰ *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 34. И на других страницах этой книги автор вновь возвращается к теме архаики в революции.

²¹ *Попов В.А.* Символы власти и власть символов // *Символы и атрибуты власти: Генезис. Семантика. Функции.* СПб., 1996. С. 13; *Кантор А.М.* Город и социальный кризис в России XVII века: Русский опыт социального единства // *Социальная история: Проблема синтеза.* М., 1994. С. 127.

ня. Это позволит использовать богатый материал, накопленный историками музыки и историками театра, специалистами в области геральдики, униформистики, фалеристики и других дисциплин, для изучения политической истории революции. Не только символы, но конфликты вокруг символов должны стать объектом исследования.

Отношение к символам и к конфликтам в сфере политической символики порой служит довольно важным индикатором влияния властных структур и других субъектов политического процесса. Изменения в системе господствующих символов отражают влияние сил, претендующих на власть. Иначе говоря, изучение меняющихся символов позволяет лучше проследить этапы и особенности борьбы за власть, помогает исследованию техники политической борьбы. Символы — важный инструмент борьбы за власть, а порой и автономный фактор, провоцирующий и организуящий политические конфликты разного характера.

Наконец, историк должен реконструировать, «расшифровать» различные значения символов, которые порой весьма отличаются от современных их толкований. Изучение символов необходимо для исследования массового политического сознания революционных эпох, которое, как уже отмечалось, само становилось фактором власти.

Особый интерес представляет отношение к символам военнослужащих, ежедневная жизнь которых регламентируется всевозможными ритуалами. В подобных условиях даже самые аполитичные российские солдаты и матросы, в отличие от части штатских граждан, вынуждены были втягиваться в политику: они попросту не могли не выразить своего отношения к старым и новым военным символам и ритуалам, с которыми они сталкивались ежедневно. Тут не только определенные действия, но и бездействие людей в форме порой превращалось в явную политическую демонстрацию.

То же можно сказать и о службах российской Православной церкви — они неизбежно приобретали политическое значение. Чувство замешательства, возникшее в военной и религиозной среде, хорошо передает генерал А.И. Деникин: «Кого поминать на богослужении? Петь ли народный гимн и “спаси Господи люди твоя”?.. Эти кажущиеся мелочи вносили, однако, некоторое смущение в умы и нарушали сложившийся военный обиход»²².

Неверующий и штатский человек мог, казалось бы, оставаться аполитичным, но красные флаги и звуки «Марсельезы» настигали и его повсюду, требовали от него каких-то действий, а порой и против его воли втягивали во всевозможные конфликты.

Приступая к настоящему исследованию, автор стремился описать не только символы и их значения, но и те политические процессы Российской революции 1917 г., в которых символы играли важную роль.

²² Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии (Февраль — сентябрь 1917). М., 1991. С. 132.

И. СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ

1. Восстание в Петрограде

Вопрос о соотношении стихийного и сознательного в истории Февраля неоднократно обсуждался, обсуждается и, надо полагать, будет обсуждаться историками еще долго. Изначально революция рассматривалась некоторыми современниками как результат коварного заговора врагов России. Гардемарин элитного Морского корпуса вспоминал: «Волнения в городе мы объясняли исключительно “немецкими деньгами”, о революции даже и не мыслили». Начальник корпуса фактически подтвердил подобную оценку событий 27 февраля 1917 г.: «Нашему врагу, Германии, сегодня удалось одержать самую крупную победу». Но не только юные питомцы военно-морского учебного заведения и опекавшие их старые адмиралы, но и опытные политики полагали, что за спиной демонстрантов действовали вражеские агенты. Так, уже в 1917 г. П.Н. Милюков указывал на роль германских денег в провоцировании беспорядков на промышленных предприятиях столицы, в Ставке также полагали, что волнения в Петрограде вызваны «немецкими кознями»¹.

В то же самое время германское командование санкционировало выпуск листовок на русском языке, в которых утверждалось, что переворот в Петрограде якобы произошел в результате действий британских агентов, пытавшихся предотвратить заключение сепаратного мира между Россией и Германией. И, похоже, немецкие военные и политики сами искренне верили этой версии. Так, германская пресса именовала переворот в российской столице «английской революцией», даже германские генералы впоследствии в своих воспоминаниях с уверенностью указывали на роль Антанты в свержении царя².

Русские авторы правого толка считали и считают революцию 1917 года следствием действия неких подрывных антинациональных «темных сил», в числе которых нередко называются и масоны. Выявление же новых фактов, касающихся истории российского масонства, они рассматривали и рассматривают как подтверждение своей точки зрения.

Советские историки с начала 1930-х гг. всячески подчеркивали организующую роль большевистских организаций в дни Февраля. Новый сильный импульс эта тенденция получила после 1967 г. Все действительные и сомни-

¹ Тарсаудзе А.Г. Морской корпус за четверть века, 1901–1925. Нью-Йорк, 1944. С. 16; Романовы и союзники в первые дни революции // Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 47.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 9.

тельные факты активного участия организаций и отдельных членов партии большевиков в революционных событиях тщательно регистрировались, тем самым искусственно создавалась весьма впечатляющая картина партийного руководства массовым движением. При этом деятельности иных организаций и групп в ходе революции придавалось куда меньше значения, что искажало масштаб деятельности большевистских организаций. Авторы, пытавшиеся показать стихийный характер движения, подвергались в советские времена серьезным идеологическим и квази-академическим проработкам³.

По-своему атаковал теорию стихийности, находясь в эмиграции, Л.Д. Троцкий, представляя стихийность масс как следствие многолетней организации. Он признавал, что в Петрограде ослабленные в годы войны большевистские центры действительно не могли возглавить массовое революционное движение, однако утверждал, что Февральским восстанием руководили «сознательные и закаленные рабочие, воспитанные главным образом партией Ленина»⁴. Стихийное движение в дни революции, таким образом, считалось следствием многолетних организационных усилий партии большевиков. В настоящее время некоторые исследователи стремятся выделить организующую роль иных политических сил. Например, подчеркивается значение «единого фронта» различных левых групп, координировавших свою деятельность. Другие авторы особо выделяют в событиях Февраля роль организаций социалистов-революционеров⁵.

Но жесткое противопоставление «стихийности» и «организованности» как факторов, определяющих характер общественных движений, не всегда плодотворно — оно игнорирует проблему самоорганизации улицы, в результате чего забываются тысячи людей, действовавших по собственной инициативе. В действительности общественное движение редко бывает либо исключительно организованным, либо полностью стихийным. Механизм стихийной самоорганизации должен стать предметом исследований историков.

Одновременно в разных частях Петрограда, огромного города, независимо друг от друга, и активисты-подпольщики, и рядовые участники событий действовали схожим образом, ориентируясь на определенные образцы политического протестного поведения, которые сформировались в предшествующие годы. Февральскую революцию в Петрограде можно представить как событие, рожденное пересечением нескольких культурных традиций.

К Февралю 1917 г. в России сложилась развитая политическая субкультура революционного подполья, которую можно было использовать при проведении разного рода протестных акций. Несколько поколений радикально настроенной интеллигенции создали систему ритуалов, традиций, символов, которые

³ О проблеме стихийности в революции см.: *Соболев Г.Л.* Февральское восстание рабочих и солдат в Петрограде: Психология коллективного поведения в экстремальных условиях // 80 лет революции 1917 года в России (Республиканская научная конф.). СПб., 1997. С. 3; *Старцев В.И.* Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 года в Петрограде // Там же. С. 22–26.

⁴ *Троцкий Л.* История русской революции. Берлин, 1931. Т. 1. С. 180.

⁵ *Melancon M.* The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914–1917. Columbus, 1990. P. 226–277.

играли важную роль в воспроизводстве структур революционного подполья, постоянно возрождавшихся несмотря на все преследования мощной и эффективной полицейской машины. Без сомнения, революционное подполье, эта своеобразная политическая контрсистема, выполняло определенные социальные функции, которые не могли взять на себя институты легальной системы. Именно это в конце концов и объясняет удивительную способность российского подполья к регенерации. Вместе с тем и развитая политическая культура революционного подполья значительно упрощала задачу воссоздания, воспроизводства разнообразных нелегальных структур левого толка.

Важнейшим элементом политической культуры были революционные песни. Известный историк Февраля Э.Н. Бурджалов имел все основания утверждать, что революция победила под звуки «Марсельезы»⁶. Однако точнее было бы сказать, что переворот произошел на фоне двух «марсельез». Дело в том, что в России особенно была распространена «Рабочая Марсельеза» — «Новая песня» П.Л. Лаврова («Отречемся от старого мира»), впервые опубликованная 1 июня 1875 г. в газете «Вперед» (Лондон). Уже в 1876 г. ее пели в России во время политических манифестаций. Песня отступала от мелодии французского оригинала, звучала в ином ритме и по существу была самостоятельным произведением. Возможно, Лавров написал слова «Новой песни» на вариант «Марсельезы», звучавший в заключительной части популярной песни Р. Шумана на слова Г. Гейне «Два гренадера». Во всяком случае в дореволюционной России концертное исполнение этого популярного произведения Шумана нередко использовалось радикальной аудиторией для небольших политических демонстраций: публика начинала «подпевать» исполнителю, используя политически опасный текст Лаврова, что порой ставило певца в затруднительное положение (в такой ситуации оказался однажды и Ф.И. Шальпин). На содержание песни Лаврова могли повлиять и многочисленные «рабочие марсельезы», сложенные к тому времени во Франции и Германии⁷. Русская «Рабочая Марсельеза» принадлежала к ряду политических символов социалистического движения. Она обращалась к «рабочему народу», к «голодному люду» и призывала к бескомпромиссной войне:

*На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира — царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись, лучшей жизни заря!*

Песня, которую иногда называли «Русской Марсельезой», получила широкое распространение в дни Первой российской революции и стала главным революционным гимном (до этого роль основной русской песни социального протеста исполняла «Дубинушка»). С этого времени «Рабочая марсельеза» проникает в быт различных социальных групп, становясь и элементом массовой

⁶ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971. С. 454.

⁷ Гитцус Е., Ширяева П. Рабочая марсельеза // Биографии песен. М., 1965. С. 54, 65, 67; Шальпин Ф.И. Страницы из моей жизни. Л., 1990. С. 310.

городской культуры: дети пели ее во время своих игр, а выпившие простолюдины порой исполняли ее под аккомпанемент балалаек и гармоний.

Революционные песни проникают и в деревню, а порой радикально настроенные сельские учителя и учительницы в 1905–1907 гг. с энтузиазмом разучивали их со своими питомцами. Так, иногда со знакомства с революционными песнями начинался процесс политизации молодых людей. В некоторых слоях молодежи становилось тогда весьма престижным знать запрещенные тексты популярных песен. «В 1905 году мне было 14 лет, но я уже знал много революционных песен», — с гордостью вспоминал годы спустя эстонец Э. Иогансон, бывший в 1917 г. матросом крейсера «Баян». Песни становились важным элементом агитации в низах. «Рассказывал товарищам содержание революционных песен», — так впоследствии описывал свою пропагандистскую деятельность другой моряк⁸. Во многих других случаях песни становились основой устных политических выступлений, они цитировались в нелегальных листовках, а иногда авторы прокламаций просто перефразировали популярные песни.

Проникали песни подполья и в военные казармы. Полицейский осведомитель в начале 1917 г. докладывал своему начальству, что в помещении 2 взвода нестроевой роты Кронштадтского крепостного артиллерийского склада распеваются революционные песни и насмехаются над развешенными в казарме царскими портретами и портретами начальствующих лиц⁹.

Революционные песни становились своеобразным психологическим и культурным мостом, связывающим разные социальные группы, они распространяли символы политической культуры радикальной интеллигенции в иных общественных слоях. «Песня сближала и роднила нас с рабочими, с народом», — вспоминала одна из пропагандисток. Данному мемуарному свидетельству можно верить, именно яркие политические символы, а не сложные отвлеченные теоретические проблемы и детальное изложение партийных программ политических партий интересовали рабочих и работниц, слушателей ее пропагандистского кружка. «Бывало, придешь на занятия — в программе тема “Падение мелкого ремесла”, а рабочие наточили карандаши и просят продиктовать им “Марсельезу” или “Интернационал”. “Мы, — говорили они, — эту тему — о падении мелкого ремесла, хорошо знаем, а вы лучше научите нас революционными песням”»¹⁰.

Исполнение и издание запрещенных революционных песен преследовалось властями. Однако их отношение к «Марсельезе» было все же двойственным. В конце XIX в. сложился военно-политический союз России с Французской республикой, и один из наиболее известных символов Французской революции приобрел тем самым статус гимна дружественной, а затем и союзной державы. Этим обстоятельством неоднократно пользовались русские оппозиционеры разного толка, запевавшие «Марсельезу», а властям в этих условиях

⁸ Иогансон Э. Где я принимал активное участие в Октябрьской социалистической революции в 1917 г. // ЦВММ, рукописно-документальный фонд, № В-7763/1. Л. 57; Мясин А.С. [Воспоминания] // Там же, № В-9111.

⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 18. Л. 18 об.

¹⁰ Эссен М. Песни революционного подполья // Советская музыка. 1955. № 12. С. 10.

трудно было просто запретить публичное исполнение «подрывной» мелодии. Однако некоторые попытки ограничить ее распространение все же предпринимались. Так, в театре для рабочих при петроградском Путиловском заводе в годы мировой войны перед каждым спектаклем играли российский гимн «Боже, царя храни!» и гимны союзных держав. Однако «дружественный» гимн республиканской Франции при этом не исполнялся¹¹.

Стихийная забастовка, начавшаяся 23 февраля на заводах и фабриках Петрограда, достигла большого размаха именно потому, что участники движения в разной степени были знакомы с символами революционного подполья, хорошо владели навыками организации забастовок, демонстраций, других акций протеста¹². Но и военные, и полицейские власти, стремившиеся подавить движение, также осознавали мобилизующую роль символов подполья: их приказы требовали от нижестоящих чинов отбирать красные флаги и не допускать пение революционных песен¹³.

Сама сложившаяся к этому времени политико-культурная топография Петрограда «программировала» действия сторонников революции и ее противников. Уже 23 февраля, в первый день забастовки, организованные и неорганизованные группы забастовщиков и сочувствующих им горожан пытались попасть в центр города, на Невский проспект. Они, по словам большевистского активиста, стремились «продемонстрировать всей массой в буржуазных кварталах Петрограда».¹⁴ Группы демонстрантов распались, рассеивались полицией, но вскоре вновь собирались. Их состав при этом менялся, забастовщики продолжали движение и в одиночку, но все они упорно стремились достигнуть известного им всем пункта, прорываясь через все преграды.

Некоторые рабочие активисты, прежде всего меньшевики-оборонцы, призывали идти к Таврическому дворцу, резиденции Государственной Думы, чтобы поддержать оппозиционных депутатов. Однако главным центром притяжения для манифестантов стал Невский проспект, центральная городская магистраль¹⁵. Позже большевики ставили это себе в заслугу: именно они звали туда забастовщиков. «Масса», по их утверждениям, откликнулась на этот призыв партийных активистов¹⁶. Но в данном случае в действиях «массы» проявлялась осознанная и неосознанная ориентация на укорененную городскую политическую традицию: Невский проспект давно уже стал общеизвестным местом оппозиционных политических акций.

¹¹ Лемешев Ф. На Путиловском заводе в годы войны // Красная летопись. 1927. № 2(23). С. 5.

¹² См.: Жданков А.В. Уличные демонстрации в системе политической культуры пролетариата накануне Февральской революции // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г.: Сб. науч. тр. Л., 1989. С. 103–112.

¹³ Ходнев Д.И. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 261.

¹⁴ Каюров В.Н. Дни Февральской революции // Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 – февраль 1917 г.) Л., 1986. С. 240.

¹⁵ Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, 1981. P.222–223, 232–233, 241.

¹⁶ Чугурич И.Д. Из автобиографии // Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 – февраль 1917 г.)... С. 253.

Одним из главных центров событий в Феврале стала площадь перед Казанским собором. Еще в 1876 г. там состоялась первая в России политическая демонстрация. Затем эта традиция закрепилась. Пытаясь ее преодолеть, власти специально устроили на площади сквер, там были посажены кусты и разбиты газоны. Однако подобные действия лишь подтверждали особый, политический, «протестный» характер пространства у Казанского собора в глазах горожан, об этом им было известно чуть ли не с детства. Для носителей революционной традиции площадь давно уже стала сакральным местом политического протеста. В ходе революции впоследствии подчеркивалось особое значение этого пространства, которое вновь и вновь становилось центром политических манифестаций. Выбор этого места для различных акций должен был придавать особое значение действиям манифестантов: «Площадь у Казанского собора, “пропитанная кровью русских борцов за свободу”», — так описывал корреспондент севастопольской газеты патриотическую демонстрацию в честь наступления русской армии 18 июня 1917 г.¹⁷

Так, 23 февраля демонстранты прекрасно знали конечный пункт своего движения, да и полиции не требовалась дополнительная информация, чтобы подготовиться к их встрече. К тому же рядом на Невском проспекте находилась Городская дума — от нее в Феврале многие манифестанты хотели потребовать решения обострившегося продовольственного вопроса.

Другим важным местом политических демонстраций в Феврале стала обширная Знаменская площадь (пл. Восстания) у железнодорожного вокзала, на пересечении Невского проспекта и нескольких улиц. Посреди площади находился памятник Александру III, его массивная конная статуя напоминала современникам верхового городского. Памятник «царю-жандарму» в дни Февраля украшался красными флагами, на круп коня забирались подростки, а пьедестал стал удобной трибуной для ораторов. Площадь превратилась в место непрерывного митинга, на ней постоянно происходили столкновения между полицией и демонстрантами. В результате площадь и памятник Александру III, украшенный красным флагом, стали символами Февраля в столице.

Жителям некоторых рабочих окраин, устремившимся на Невский проспект, было просто трудно миновать Знаменскую площадь, а ее огромное пространство само организовывало демонстрантов, делая памятник императору центром манифестаций. Однако происходившее имело и некоторое символическое значение. Памятник царю воспринимался как священное пространство врага, завоеванное теперь «народом». Действия манифестантов имели и характер демонстративного нарушения закона: законодательство империи предусматривало серьезные наказания за оскорбления изображений царствующей фамилии, бывали случаи, когда и за словесное оскорбление памятника покойному царю люди привлекались к суду¹⁸.

¹⁷ Крымский вестник. Севастополь, 1917. 23 июня. Во время «перестройки» пространство перед Казанским собором стало центром антикоммунистических демонстраций, а после распада СССР там собирались коммунисты.

¹⁸ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Изд. Н.С. Таганцев. Изд. 18-е, пересмотренное и дополненное. Пг., 1916. С. 338.

Показательно, что и в других городах монархические монументы воспринимались похожим образом: их украшали красными флагами и использовали как трибуны. Монументы становились центрами политических демонстраций. Особенно явно символический характер использования памятников проявился во время революции в Твери: труп губернатора, убитого революционной толпой, был положен у статуи его предшественника, погибшего от руки террориста в 1906 г. Рядом с телом погибшего чиновника повстанцы повесили генеральское форменное пальто, вывернутое наизнанку, — красной шелковой подкладкой наружу. Таким образом символическое «выворачивание» — знак старого режима превращался толпой в знак революционный¹⁹. Убийцы ритуализировали свои действия, и памятнику, и форменной одежде старого режима в этих действиях отводилась особая роль: памятник жертве террора превращался в монумент, прославляющий свирепый революционный террор. Подобное происходило во многих городах, например в Кронштадте убийства офицеров происходили рядом со знаменитым памятником адмиралу С.О. Макарову. Зловещее выражение «отправить к Макарову» в тех условиях означало расстрел²⁰.

Впрочем, революционная традиция в дни Февраля не проявлялась на улицах Петрограда в чистом виде. Так, частью антиправительственного движения стали погромы продовольственных лавок, грабежи и убийства граждан с целью овладения ценностями и оружием. Женщины из очередей, громившие магазины и лавки, отвлекали силы порядка от борьбы с демонстрантами, уголовники и хулиганы, противостоявшие полиции, также оказывались своеобразными союзниками революционеров; иногда границу между группами революционеров и преступниками трудно было провести.

Советские историки игнорировали эту сторону революции. Они не упоминали, например, о группах подростков, которые, двигаясь в центр города из рабочих окраин, крушили витрины дорогих магазинов. Их действия можно оценивать как вульгарный вандализм и простое хулиганство, однако и «обыкновенные хулиганы» также действовали согласно своеобразному коду поведения: и ранее демонстративный вандализм в центре города был своего рода символической атакой «детей окраин» на комфортабельные места обитания высших классов, и ранее в российской столице происходило слияние политического протеста и «хулиганства» (именно такой непривычный термин использовался в русской прессе в начале XX в.). Сам же «хулиганство» представлял собой новое для России сложное культурное явление. Исследователи особо выделяют летние забастовки 1914 г., которые современная консервативная печать аттестовала как «революционный хулиганство». Тогда с пением революционных песен толпа, например, атаковала трактир. В ходе этой забастовки насильно прерывалось трамвайное движение, при этом городской собственности наносился немалый ущерб,

¹⁹ *Вениамин (Федченко), митрополит. На рубеже двух веков. М., 1994. С. 148.*

²⁰ *Бахметев Е. Октябрь в Феврале (Кронштадтские впечатления) // Красный балтиец. 1920. № 6. С. 40.*

портились вагоны трамваев. Этот метод, как известно, успешно применялся забастовщиками и в дни Февраля, однако теперь, в отличие от 1914 г., либеральная пресса оценивала подобные действия рабочих не как «вандализм», они воспринимались как важная часть революционного процесса. В февральские дни 1917 г. также имело место соединение политического протеста с погромным движением. На стихийном митинге рабочих некий оратор, требовавший покончить с войной и правительством, завершил свою речь призывом громить лавки, начиная «с первой попавшейся». Он же и возглавил толпу, которая громила магазины и, одновременно, действовала против полиции²¹.

Однако в Февральские дни движение было по преимуществу политическим. Известный историк Февраля американский исследователь Ц. Хасегава сравнивает подпольщиков-активистов с армией муравьев: не имея какого-то одного общего организационного центра, они действовали как единое целое²². Это удачное сравнение можно отнести и ко многим рядовым участникам революции. Люди разных убеждений, разного возраста и социального положения, в различных, подчас совершенно необычных ситуациях могли действовать схожим образом и солидарно, ибо все они были знакомы с революционной политической традицией, с традицией политического и социального протеста, их действия регулировались общим культурным кодом поведения. При этом важнейшим инструментом их самоорганизации стали революционные символы, прежде всего песни протеста и красные флаги.

Уже 23 февраля бастовавшие рабочие выходили на улицу с пением известных революционных песен — «Марсельезы», «Дубинушки», «Варшавянки», «Смело, товарищи, в ногу!». Рабочий завода «Арсенал» вспоминал, что мастеровые-подростки, активно участвовавшие в февральские дни в стачке, обращались к своим старшим товарищам и коллегам: «Запевайте “Марсельезу”! Мы, молодые, не знаем!». Однако припев этой песни был известен и той молодежи, которая не получила прививку революционной политической культуры в 1905 г. Пели 23 февраля и на Невском проспекте. «По улице с песнями и красными знаменами (их было немного) двигалась толпа рабочих в несколько сот человек», — вспоминал меньшевик А.Э. Дюбуа²³. Упоминания о пении революционных песен в этот день мы встречаем не только в мемуарах демонстрантов и лиц, им сочувствовавших (можно было бы допустить, что они позднее были склонны романтизировать события минувших дней), но и в современных

²¹ Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917... P. 224, 233, 236–238; Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkley; Los Angeles, 1993. P.256–271; Mc Kean R.B. Petersburg Between the Revolutions. New Haven, London, 1990. P.307. На действия манифестантов в Москве известное влияние оказал и опыт антинемецкого погрома 1915 г. Как и тогда толпы собирались у резиденции сестры царицы, великой княгини Елизаветы Федоровны, которую безосновательно подозревали в симпатиях к врагу. В свою очередь на погром 1915 г. оказала влияние традиция антиеврейских погромов.

²² Hasegawa T. The February Revolution:... P. 232.

²³ Марков И. Как произошла русская революция // Рассвет. 1937. 27 ноября; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С.124–125; Крушение царизма. С. 263, 266, 267; Дюбуа А.Э. Революция в Петрограде // Архив Института социальной истории (Амстердам). Ф. А.Э. Дюбуа. Л.1.

полицейских донесениях: «В пятом часу дня толпа рабочих до 150 человек, преимущественно молодежи, вышла с Садовой улицы на Невский проспект с пением рабочей «Марсельезы». В рапортах полиции за 24, 25 и 26 февраля также говорится о пении толпой революционных песен. Показательно, что в документах такого рода песни упоминались неоднократно, очевидно, что для полиции это было важной характеристикой событий. О пении революционных песен сообщали даже в докладах, направлявшихся императору в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандующего»²⁴.

С каждым днем пение демонстрантов становилось все более и более вызывающим: «Бесконечное море голов... гудит все грознее, бурлит все мощнее и настойчивее. В одном месте поют «Марсельезу», в другом — «Варшавянку», в третьем — «Смело, товарищи, в ногу!». При проезде казаков умолкают и снова поют». Иностранцам же, находившимся в русской столице, Невский проспект напоминал гигантский цирк — огромные толпы пели «Марсельезу», пение прерывали крики: «Хлеба! Хлеба!»²⁵.

В феврале 1917 г. песни становились инструментом самоорганизации толпы, преобразования ее в политическую демонстрацию. Зрители, присоединяясь к пению, из наблюдателей превращались — иногда всего на несколько минут — в активных участников, принимали на себя роль «революционеров», противников режима. В то же время запевалы и знаменосцы, поднимавшие среди толпы красные флаги, становились ядром организации.

Какие же песни чаще всего пели в дни Февраля?

И в полицейских донесениях того времени, и в воспоминаниях современников чаще всего упоминается пение «Марсельезы». Иногда в источниках специально оговаривается, что в дни Февраля исполнялась именно «Рабочая марсельеза». Но и во многих случаях, когда упоминалась «Марсельеза», речь безусловно шла о произведении П.Л. Лаврова²⁶. Иностранцы, не знавшие о существовании особой русской песни, с удивлением слушали измененную мелодию, а некоторые воспринимали ее как замедленную карикатуру на классический оригинал. Об этом писал во время революции и известный художник А. Бенуа: «... "Марсельезу" у нас поют по-своему, и нехорошо поют, искажают эту вдохновенную песню»²⁷.

²⁴ Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М., 1992. С. 72, 83, 85, 96, 97, 101, 106–108; Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 64.

²⁵ Кондратьев Т.К. Воспоминания о подпольной работе // Крушение царизма. С. 280; Witnesses of the Russian Revolution. London, 1994. P.13; Дюбуа А.Э. Революция в Петрограде. Л.З.

²⁶ Существовали русские переводы «Марсельезы», близкие к тексту французского оригинала, но они не пользовались популярностью и редко печатались в песенниках 1917 г.: Пролетарский гимн и другие песни свободы. М., 1917. С. 10–12; Под красным знаменем: Сб. революционных песен. Архангельск, 1917. Вып. 2. С. 5–6; Песни революции и свободы. М., 1917. Вып.1. С. 19–21; Песни труда и борьбы. Вып. 1. С. 26–28. Свои «марсельезы» существовали и у различных народов Российской империи, в 1917 г. появились и ее национальные «пролетарские» версии. См.: Миронец Н.И., Солтановська Т.Г. Французська політична пісня в революційному русі Росції // Український історичний журнал. 1985. № 11 (269). С. 94.

²⁷ [Thomas A.] Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde Russe et sovetique. Vol. XIV–1–2. P. 123; Robien L., de The Diary of a Diplomat in Russia (1917–1918). London, 1967. P. 25, 61–62; [Бенуа А.] Александр Бенуа размышляет. М., 1968. С. 57.

О распространенности «Рабочей марсельезы» в 1917 г. свидетельствует и тот факт, что именно она чаще всего перепечатывалась в нотных изданиях и песенниках того времени. Чаще других песен она встречается и на грамофонных пластинках, выпускавшихся после Февраля. Знаком популярности песни было и то, что именно на основе ее стихотворного текста еще до революции создавались новые «марсельезы», песни революционного подполья — «Солдатская марсельеза» («Отречемся от гнусного рабства...»), «Казачья марсельеза» («Отречемся от дряхлого мира...»), «Новая марсельеза» («Отречемся от подлого слова...») и др. Очевидно и влияние «Рабочей марсельезы» на текст «Крестьянской марсельезы», ее припев начинался так: «Вставай, подымайся весь русский народ...». Песня П.Л. Лаврова в 1917 г. особенно часто использовалась и авторами пародий, сатирических стихотворений и юмористических рассказов — что служило показателем ее узнаваемости, а значит и распространенности²⁸.

Песни стали реальным инструментом обеспечения солидарных коллективных действий во время антимонархической революции — они были общими для всех радикальных политических течений. Песню, запетую активистом-меньшевиком, охотно подхватывал анархист, к красному знамени, поднятому большевиками, устремлялись и эсеры. Но в действительности революционные символы считали «своими» и многие люди, не связанные с подпольем. Так, революционные символы широко использовались при организации различных студенческих протестных акций. Если часть участников университетских сходок пела «Гаудеамус», то другие затягивали «Марсельезу» (как было в 1915 г. в Казанском университете). Татьяна день, традиционный праздник московских студентов, в 1917 г. также сопровождался пением революционных песен. Показательно, что даже некоторые патриотические манифестации российских студентов в 1914 г. сопровождалась пением революционных песен: если одни шли на войну с пением «Боже, царя храни», то другие с пением «Марсельезы»²⁹. Песни революционного подполья становились элементом субкультуры различных социальных групп.

В дни Февраля участники антиправительственных демонстраций также пели «Варшавянку», «Смело товарищи в ногу». Рабочие Невского района шли со своей песней «На десятой версте от столицы», в которой речь шла о революционных событиях на Обуховском заводе³⁰.

Показательно, однако, что почти отсутствуют упоминания о пении «Интернационала» в дни Февраля, хотя эта песня частично была переведена на русский язык еще в 1902 г. Меньшевики, большевики, эсеры и анархисты считали

²⁸ Примером может послужить «Марсельеза оборонцев» И.Логина («Отречемся, друзья, от марксизма...»). Правда. 1917. 22 апреля. См. также: *Дымшиц А.Л.* О «рабочих марсельезах»: Из истории пролетарской гимнологической поэзии в России // Советский фольклор. 1936. № 4–5. С. 282–295; Яичница всмятку или несерьезно о серьезном: Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году. М., 1992. С. 83, 214.

²⁹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 63. Л. 49; *Авдеев Н.* Революция 1917 года (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. 1: Январь-апрель. С. 9–10.

³⁰ *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1979. С. 169.

песню своим партийным гимном, стремились популяризовать ее текст и во время революции 1905 г., и в условиях подполья, и после свержения монархии в 1917 г.³¹

Как уже упоминалось, при организации демонстраций немалую роль играли красные флаги. Знаменосцы становились своеобразным центром, полицейские и войска стремились атаковать в первую очередь именно их. Иногда старшие по званию военные и полицейские чины специально отдавали соответствующие команды, приказывали захватить красные знамена³². Манифестанты же прятали и защищали свои флаги, старались их отбить. Борьба за красное знамя сама по себе организовывала конфликт.

Флаги обычно готовили заранее, часто по решению групп подполья — одни активисты спешно закупали в магазинах красный материал, другие использовали детали туалета своих друзей — платки, косынки, рубашки. В дело пошла даже красная батистовая нижняя юбка сочувствующей студентки, на которой был спешно пришит соответствующий лозунг из белой тесьмы³³. Даже в этом случае мы не можем говорить о стихийности: изготовление флагов, и, главное, лозунги на флагах, санкционировалось заранее революционными организациями.

Однако улица, радостно приветствуя появления красных флагов, принимала одни знамена и решительно отвергала другие. Например, под давлением революционной толпы в дни Февраля были убраны некоторые флаги интернационалистов с антивоенными лозунгами: немало вышедших на демонстрацию противников режима выступали за продолжение войны³⁴. Иными словами, улица непосредственно влияла на выбор знамен движения и в том случае, когда флаги были созданы ранее.

Революционные знамена создавались и стихийно, прямо на улице, во время уже начавшегося движения, из подручного материала. Уже 23 февраля импровизированные флаги делали из красных платков, в которые рабочие обычно заворачивали свои завтраки. В другом случае демонстранты спешно соорудили флаг из красного фартука одной работницы³⁵. Нередко для создания революционного символа использовались и российские национальные флаги: манифестанты отрывали от древка белую и синюю горизонтальные полосы, оставляя лишь красную. Так демонстранты поступали еще в 1905 г., так же поступали демонстранты и во время протестных акций эпохи Мировой войны³⁶. Узкие красные флаги-ленты, выцветшие и потрепанные, после Февраля неделями и даже месяцами продолжали висеть на улицах столицы, превращаясь уже для некоторых современников в символ «увядания» революции.

³¹ Анархисты иногда печатали текст под заголовком «Интернационал анархистов». РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 51. Л. 27.

³² Большевизация Петроградского гарнизона: Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. 38.

³³ *Ковнатор Р.* Накануне «Февраля» (Отрывки из воспоминаний) // Революционное юношество (Из прошлого социал-демократической и учащейся молодежи). Л., 1924. Сб. 1. С. 188.

³⁴ *Зензинов В.* Февральские дни // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. Кн. 34. С. 201.

³⁵ *Мильчик И.* Рабочий Февраль. М.; Л., 1931. С. 64; *Егоров И.Н. (Орлов К.Н.)* Жизнь рабочего-революционера (От 1905 г. до 1917 г.). Л., 1925. С. 36.

³⁶ *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 83.

Роль революционного символа в сложившейся обстановке приобретали многие красные предметы. Например, когда букет красных цветов был преподнесен участницами манифестации командиру казачьего подразделения, которое патрулировало Невский проспект, толпа с напряжением ожидала реакции офицера. Вручение цветов и принятие букета лихим есаулом было встречено с ликованием: оно расшифровывалось как знак солидарности прежде всегда верных режиму войск с демонстрантами³⁷. Красные ленты вплетались затем манифестантами и манифестантками в хвосты и гривы казачьих коней.

К 25 февраля многие улицы Петрограда были уже во власти манифестантов, полиция подчас просто не контролировала ситуацию, а войска лишь изредка применяли силу. В это же время происходят открытые столкновения толпы и полиции, а на Выборгской стороне громят полицейские участки. Многочисленные импровизированные митинги, шествия, пение революционных песен, яркие красные флаги — все это создавало атмосферу невиданного общегородского политического праздника. В движение вовлекались тысячи новых участников, на Невском проспекте появлялись группы рабочих с женами и детьми. Демонстрации приобретали вид праздничного народного гуляния, именно так воспринимали происходящее некоторые современники³⁸.

При этом жители столицы и действовали подчас, ориентируясь на традицию городских гуляний и празднеств³⁹. Так, грандиозный переворот сравнивался (а подчас и переживался) как праздник Пасхи. «Первая революционная ночь была как Пасхальная по ощущению чуда близко, рядом, вокруг тебя», — писала в своем письме от 26 марта художница Т.Н. Гиппиус, сестра известной писательницы. В своих дневниках и воспоминаниях другие участники событий также сравнивали революцию с Пасхой⁴⁰. Часто и ритуалы Пасхи использовались современниками для выражения своего отношения к происходящему. Участница событий вспоминает о первой после переворота встрече с коллегами-учителями: «Многих товарищей я увидела здесь впервые после перерыва занятий и, пожимая их руки, вместо приветствия говорила каждому: “Христос воскрес!” и со многими троекратно целовалась»⁴¹. Сознательная и бессознательная ориентация на праздник Пасхи проявлялась затем и в целовании незнакомых людей (часто революционных солдат) на улицах городов.

³⁷ Hasegawa T. The February Revolution. P. 252–253.

³⁸ Зензинов В. Февральские дни. С. 199.

³⁹ См. интересно, хотя и спорную статью: *Архитов И.* Карнавал «Свободной России» (Заметки о «блеске и нищете» российской политической культуры образца 1917 года) // Звезда. 1996. №1.

⁴⁰ Письмо Т.Н. Гиппиус Д.В. Философова 26 марта 1917 г. // ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 174. Л. 18. См. также: *Оберучев К.* В дни революции: Воспоминания участника Великой русской революции 1917-го года. Нью-Йорк, 1919. С. 49; *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 228; *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента во время войны и революции 1915–1922 г. // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 114; *Миртов О.* Христос Воскресе // Русская воля. 1917. 1917. 10 марта; *Пушкин С.* Пасхальный звон // Солдат-гражданин. 1917. 1 апреля; Лукоморье. 1917. № 9/10 (Весь номер посвящен этой теме). Об атмосфере «общего братства», «общенародного праздника» в дни революции см.: *Зензинов В.М.* Февральские дни // *Ашиш Д.* Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 151–157.

⁴¹ Цит. по: *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 117.

Меньшевик П. Гарви вспоминал слова простой старухи на провинциальном базаре: «Воистину и на Пасху такой радости не бывает. Тогда один человек воскрес, а нынче — весь народ»⁴².

День 26 февраля вошел в историю России как второе «кровавое воскресенье». Расстрелы манифестантов войсками на Невском проспекте полностью изменили ситуацию, но в некоторых частях города они сделали переживание праздника революции особенно острым. «... Там, за цепью солдат, на Невском беспощадно расстреливают рабочих. Тут же еще чувствуется дыхание революции, громадное скопление демонстрантов, пение революционных песен, в стороне перед толпой говорит оратор», — вспоминал участник событий⁴³. Тема беспощадной кровавой борьбы, грандиозной «последней битвы» с могущественным врагом, звучавшая во всех революционных песнях, воплощалась в жизнь на улицах российской столицы... Революционные песни приобретали в этой ситуации особое звучание.

День 27 февраля стал переломным — началось восстание солдат запасных батальонов гвардейских полков. В солдатских восстаниях причудливым образом переплеталось демонстративное нарушение воинских уставов и стремление использовать элементы военной дисциплины и уставной организации (огромную роль в движении сыграли унтер-офицеры), одновременно привлекались и символы революции. На штыках и саблях повстанцев появляются красные флажки, а некоторые воинские отряды действовали под красными флагами⁴⁴. Вместе с тем восставшие солдаты, лишённые первоначально руководства офицеров, немалое внимание уделяли военной ритуализации мятежа — они по собственной инициативе строились, выводили на улицу полковые оркестры. Унтер-офицер Т.И. Кирпичников, которого можно назвать «организатором стихийного выступления» запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка, вспоминал: «Потом саперы быстро и с музыкой присоединились к нам. Музыку пустил вперед, а остальных присоединил назад, к хвосту. ... Дошел до Знаменской — встретил остальные роты Волынского полка, которые шли с музыкой, играли “Марсельезу”. Тогда я сказал: “Ну, ребята, теперь пошла работа”»⁴⁵. Под звуки «Марсельезы» выходили на улицу и другие полки восставших. Матрос Гвардейского экипажа, направлявшегося из Царского Села в Петроград, вспоминал: «Музыканты всю дорогу играли то “Марсельезу”, то другие какие-либо революционные песни наспех разученные ими»⁴⁶.

Можно предположить, что факт присоединения военных оркестров был психологически важен для солдат и матросов, ведь именно музыка ритуализировала и регламентировала повседневную жизнь войсковых частей, поэтому

⁴² Гарви П. Воспоминания: Петербург — 1906 г., Петербург–Одесса–Вена — 1912 г. New York, 1961. С. 246.

⁴³ Каюров В.Н. Дни Февральской революции. С. 246.

⁴⁴ Мильчик И. Рабочий Февраль.. С. 87–88; Кнох А. With the Russian Army. London, 1921. Vol. 2. P. 554–555.

⁴⁵ Кирпичников Т.И. Восстание лейб-гвардии Волынского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма. С. 311.

⁴⁶ Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в Февральские дни 1917 года. М., 1932. С. 47.

исполнение «Марсельезы» полковыми музыкантскими командами как бы делало мятеж в глазах восставших солдат чем-то привычными, чуть ли не «уставным» явлением. Но и для революционеров исполнение «их» гимна военными музыкантами имело огромное значение — регулярная армия, главная опора режима, присоединялась к движению. Социалисты с восторгом встречали подобное обновление репертуара гвардейских полковых оркестров. Н.Н. Суханов вспоминал свои впечатления в дни революции: «Ведь тогда мы не привыкли еще даже к звукам “Марсельезы”, и я помню, как долго волновали меня эти звуки, военный оркестр и военные почести “нелегальному” гимну свободы!». Для петроградцев исполнение военными оркестрами «гимнов свободы» стало вскоре после Февраля совершенно привычным, обыденным, на это повседневное событие переставали обращать внимание, об этом уже не писали и в газетах, и в дневниках. Но подобное острое ощущение встречи с победившими символами революции вновь и вновь переживали политические эмигранты, устремившиеся в революционную столицу в последующие месяцы. Л.Д. Троцкий, вернувшийся в Россию в мае, так вспоминал свои первые петроградские впечатления: «Солдаты проходили с революционными песнями и красными ленточками на груди. Это казалось невероятным, как во сне»⁴⁷.

Красные флаги отряды повстанцев использовали 27 февраля (флаг революции водрузили и на баррикаде, перегородившей Литейный проспект), и в последующие дни. Восставшие войсковые части быстро создавали импровизированные красные флаги и флажки. Автор воспоминаний о восстании запасного батальона Литовского полка 27 февраля вспоминал уже в 1917 г.: «Войско получает и знамя. Разрывается на куски ратницкая, потом пропахшая кумачовая рубаша; обрывками ее украшаются штывки». Позднее и матросы Гвардейского экипажа также использовали красную домашнюю рубашку одного моряка, из которой они сделали флаг⁴⁸.

Стремление «узаконить» свой мятеж повлияло и на маршруты движения многих солдат — во второй половине дня 27 февраля они устремляются к Таврическому дворцу, резиденции Государственной Думы. Повстанцы желали, чтобы этот авторитетный орган власти подтвердил патриотический характер их действий и задним числом оправдал их⁴⁹. И если ранее призывы идти к Думе не встречали особого отклика в среде манифестантов, то теперь толпы восставших направлялись туда. В новой ситуации и призывы А.Ф. Керенского, других радикально настроенных депутатов Думы, и обращение меньшевиков-оборонцев, членов Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, только что освобожденных из тюрьмы и направившихся в Думу, получают поддержку революционной улицы. Возможно, что известную роль здесь сыграл авторитет «борцов за свободу», получивших волю: в бывших

⁴⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1, кн. 1. С. 166. См. также с. 260, 263; Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1990. Т. 2. С. 7.

⁴⁸ [Иванов И.] Февральская революция 1917 года глазами солдата-литовца Ил. Иванова / Публ. А.В. Мельникова // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды (Сб. научн. статей). СПб., 2010. С. 168; Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в Февральские дни 1917 года. С. 42.

⁴⁹ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. С. 202.

политических заключенных толпа видела революционных вождей. В новой обстановке большую активность проявляют и думские депутаты умеренных политических взглядов — это также повышало «революционный» статус Государственной Думы в глазах горожан и солдат.

С этого дня Таврический дворец, «священное здание», «цитадель русской революции», становится резиденцией новых конкурирующих центров власти — Временного комитета Государственной Думы и Петроградского совета рабочих депутатов (затем — Совет рабочих и солдатских депутатов). Дворец становится главным центром «праздника революции», и современникам вновь приходят на ум сравнения с праздником Пасхи: «Таврический дворец горел тысячью электрических лампочек... как в пасхальную ночь... Это была ночь воскресения русской жизни»⁵⁰.

Так Таврический дворец становится одним из важнейших сакральных символов революции, здание именуется «храмом свободы» и «святилищем революции». Дворец появляется на всевозможных открытках и плакатах, на картинах часто его озаряет Солнце свободы. Затем Таврический дворец изображается и на печати Временного правительства. Также силуэт дворца, озаренного Солнцем свободы, появляется на облигациях Займа Свободы и на государственных кредитных билетах достоинством в 1000 рублей (их стали называть «думскими деньгами», «думками») ⁵¹.

Однако Таврический дворец стал восприниматься не только как новая резиденция революционной власти, не только как символ власти, но и как субъект властных отношений, как некий особый институт власти. Если большинство писем и резолюций приветствуют или осуждают Временный комитет Государственной Думы, Временное правительство и Петроградский Совет, то в некоторых случаях авторы адресуют свои приветствия, просьбы и пожелания прямо «Таврическому дворцу»⁵².

Центры восстания использовали революционную символику. Так, Военная комиссия Временного комитета Государственной Думы, созданная при содействии Петроградского совета, имела собственное красное знамя с надписью «Штаб революции на своем посту»⁵³.

Ночь на 28-е многие восставшие проводили на улице — у костров, у горящих зданий; звучали революционные песни. На следующий день известный ученый, математик В.А. Стеклов записал в своем дневнике: «Часто толпой предводительствует кучка девиц, поющих “Марсельезу”, с красным флагом. Скверно!»⁵⁴. Мно-

⁵⁰ Г.П. [толковник Г.П. Перетц] В цитадели русской революции: Записки коменданта Таврического дворца. Пг., 1917. (Репринтн. изд. 1997). С. 45. О «пасхальной» атмосфере в дни Февраля см. также: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 43–44.

⁵¹ Мальшев А.И., Таранков В.И., Смиренный И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С. 78–79, 81–82, 96; Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России, 1917 – 1920 гг. СПб., 2009. С. 23–24, 26, 32.

⁵² Figes O. The Russian Revolution of 1917 and it's Language in the Village // Russian Review. 1997. Vol. 56. № 3. P. 325.

⁵³ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 226.

⁵⁴ Санкт-Петербургское отделение Архива Российской Академии наук. Ф. 162. Оп. 3. Д. 168, Л. 20.

гие повстанцы «милитаризовали» свой облик, используя различные элементы военной формы и амуниции в самых причудливых сочетаниях. Нередко мелькали студенческие фуражки, которые порой воспринимались как знак отличия: сказала революционная репутация «студенчества», складывавшаяся десятилетиями. Многие солдаты охотно подчинялись руководству учащихся высших учебных заведений (студент с белой повязкой гражданской милиции стал одним из главных образов Февраля). Красные флаги были уже повсюду, в новой ситуации они порой могли обеспечить некоторую безопасность, например уберечь частный автомобиль от конфискации. В этот день уже повсюду виднелись красные цветки и ленточки на лацканах и рукавах. Почти все офицеры, впервые рискнувшие показаться на улицах, обзавелись красными бантами. Американский военно-морской атташе отмечал, что красное знамя, бывшее ранее символом революционеров, стало теперь символом всех приверженцев нового строя⁵⁵.

Войсковые части Петроградского гарнизона поочередно подходили к Таврическому дворцу и в последующие дни, революция приняла характер «парада» войск под символами революции. Это была впечатляющая демонстрация верности революции и новому режиму. Полковые оркестры непрерывно исполняли «Марсельезу», нередко к старым боевым знаменам прикреплялись красные ленты, все колонны несли и красные флаги. Когда к Таврическому дворцу подошел запасной гвардейский Саперный батальон, то депутат Думы меньшевик Н.С. Чхеидзе, ставший председателем Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, встал на колени, схватил красное знамя первой роты и стал целовать его как символ победившей революции. В этом первом «параде» нового строя причудливым образом смешались русская военная традиция и традиция революционного подполья. Писательница З.Н. Гиппиус, жившая неподалеку от Таврического дворца, наблюдала это шествие: «С утра текут, текут мимо нас полки к Думе. И довольно стройно, с флагами, со знаменами, с музыкой. <...> Незабвенное утро, алые крылья и марсельеза в снежной, золотом отливающей белости». Если «дневник» Гиппиус выделяет преобразующую роль революционных символов, то депутат Думы полковник Б.А. Энгельгардт, возглавлявший военную комиссию Государственной Думы, вспоминал эти события по-своему, подчеркивая организованный, упорядоченный характер движения на этом этапе. Привычные ритуалы и символы служат для него знаком восстановления военной дисциплины, о красных флагах и «Марсельезе» он не вспоминал: «Вся вторая половина дня 1-го марта являлась как бы апофеозом революции. Войсковые части стекались к Таврическому дворцу в полном порядке, с оркестром музыки впереди, со всеми офицерами на своих местах»⁵⁶.

⁵⁵ Ильин-Женевский А.Ф. От Февраля к захвату власти: Воспоминания о 1917 году. Л., б. г. С. 14; Обзор событий в Петрограде, 8–16 марта (составлен на основе донесений военно-морского атташе в Петрограде) // National Archives (Washington). RG 45. WA 6. Box 716. F. 4. P. 7.

⁵⁶ Станкевич В.Б. Пять неужных лет: Воспоминания одного из виновников войны (1914–1919). Л. 43 // Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives. В. Nikolaevsky Papers, box 122; Гиппиус З.Н. Синяя книга: Петербургский дневник, 1914–1918. Белград, 1929. С. 89, 90; Энгельгардт Б.А. Февральская революция // ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 32. Л. 17.

Марш стройных полковых колонн, возглавляемых офицерами, отражал иную стадию движения: символы революции утверждались уже и «сверху» — по приказу командования. Иногда в этом явно проявлялась политическая микрия: под звуки «Марсельезы» подошел к Государственной Думе даже жандармский дивизион. Колонну Гвардейского экипажа, шедшего к Таврическому дворцу под красным флагом, возглавил его командир, великий князь Кирилл Владимирович. Утверждали даже, что он украсил свою адмиральскую форму большим красным бантом. Впоследствии вопрос о красном банте великого князя стал предметом острой дискуссии в эмиграции. Сторонники великого князя Кирилла Владимировича, претендовавшего на императорский престол в изгнании, яростно опровергали этот факт, другие же монархисты продолжали обвинять родственника последнего царя в измене. Однако показательно, что в начале марта слух о красном банте воспринимался как совершенно правдоподобный, да в то время никто и не спешил выступать с опровержениями. Между тем некоторые генералы в 1917 г. рассматривали действия гвардейских частей и великого князя как явный акт политической капитуляции династии и даже предательства. «Гвардейский морской экипаж изменил во главе с двоюродным братом — великим князем Кириллом», — записал в своем дневнике один генерал. Полковник (впоследствии генерал) П.А. Половцов вспоминал об этом эпизоде так: «Из числа грустных зрелищ, произведших большое впечатление, нужно отметить появление Гвардейского экипажа с красными тряпками под предводительством великого князя Кирилла Владимировича. ... Появление великого князя под красным флагом было понято как отказ императорской фамилии от борьбы за свои прерогативы и как признание факта революции. Защитники монархии приуныли»⁵⁷.

В это время появились центры руководства восстанием, движение приобретало все более организованный характер. Однако и на этой стадии оно подчас «программировалось» революционной традицией. Если действия большевиков в Октябре 1917 г. были прежде всего функциональными: захватывалась инфраструктура власти — вокзалы, мосты, телефон, телеграф, то в Феврале повстанцы часто «завоевывали» символы «старого мира» — дворцы и тюрьмы. Так, подъем 1 марта красного флага над Зимним дворцом, главной императорской резиденцией, имел большое политическое значение⁵⁸. В этом штурме символов власти проявлялся преимущественно стихийный характер движения. Стихийными были и повсеместные нападения на места заключения. При этом

⁵⁷ Г.П. [полковник Г.П. Перетц] В цитадели русской революции... С. 50–52; [Болдырев В.Г.] Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный архив. 1927. Т.4 (23). С. 254; Керенский о кануне Февраля // Возрождение. 1932. 22 апреля; Поляков А. Комната № 10 // Новое русское слово. 1947. 23 марта; Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 28–29. В эмиграции сторонники великого князя отрицали эпизод с красным бантом: Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция, 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1962. Кн. 3. С. 217; Закастов А. Предисловие // Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 13–14. Показательно, однако, что после революции Кирилл Владимирович выдвинул свою кандидатуру на пост командира Гвардейского экипажа (матросы должны были остановить свой выбор на одном из трех офицеров), но был забаллотирован. Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Великого Октября. Л., 1985. С. 89.

⁵⁸ Г.П. [полковник Г.П. Перетц] В цитадели русской революции... С. 50

восставшие стремились не только освободить заключенных, захватить тюрьмы и гауптвахты, местные «бастилии» различного уровня и ранга, но часто сжечь и полностью их уничтожить. Именно такого поведения требовала вся система революционной символики. Так, во всех революционных песнях встречается оппозиция «настоящего» и «светлого будущего». Настоящее — это ненавистный «старый мир», «мир насилия» и «вечного горя», царство неволи, а главный символ настоящего — тюрьма. Соответственно, атрибуты ненавистного настоящего — это «оковы» и «рабские путы», «ярмо» и «пытки». И для носителей революционной традиции революция прежде всего была уничтожением «темниц» и «оков».

Уже 27 февраля были освобождены все заключенные, находившиеся в знаменитой столичной тюрьме «Кресты». В этот же день толпы людей стали собираться и у Петропавловской крепости, а 28-го несколько групп восставших, явно действуя независимо друг от друга, планировали начать штурм главной «русской Бастилии» — Петропавловской крепости. Речь шла не только о захвате важного стратегического объекта столицы — они желали освободить многочисленных «борцов за свободу», предположительно томящихся там.

Новые власти были весьма обеспокоены подобными приготовлениями, ведь в крепости находились также Арсенал и Монетный двор. В своем обращении, опубликованном 28 февраля, Временный комитет Государственной Думы заявлял: «Всякие враждебные действия против крепости нежелательны». Специально оговаривалось, что все политические заключенные, в том числе и 19 солдат Павловского полка, арестованных в ночь на 27 февраля, уже обрели свободу. Но лишь весть об освобождении всех узников, подтвержденная, проверенная и перепроверенная, тщательная инспекция крепости несколькими делегациями инсургентов и, наконец, водружение красного флага над главной «citadelle старого режима» предотвратили столь желанный штурм — крепость заполнили восставшие, которые, объединившись с ее гарнизоном, начали опустошать Арсенал. При этом в городе циркулировали фантастические слухи о сотнях заключенных, якобы освобожденных из мрачных казематов⁵⁹.

Но участники революции желали освобождения не только противников монархии, но и всех «узников старого режима». Из тюрем Петрограда освобождались и политические, и, численно преобладавшие, уголовные заключенные, не было сделано исключения даже для агентов внешнего врага. Так на воле оказался В. Дурас, бывший американский вице-консул, обвиненный ранее в шпионаже (правда, через некоторое время он вновь попал за решетку)⁶⁰. Свободу обрели и пленные германские офицеры, пытавшиеся затем найти убежище в посольствах нейтральных стран, и финские сепаратисты-«активисты», сотрудничавшие с немецкими разведслужбами. Об этом повествует бывший

⁵⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 402; *Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution*. London, 1996. P. 317–318; *Тихонова Н.С.* 1) Год после двух революций (Трубецкой бастион Петропавловской крепости с марта 1917 по март 1918 г.) // Политический сыск в России: История и современность. СПб., 1997. С. 170–174; 2) Узники двух революций в Петропавловской крепости // Новый журнал. 1997. № 1. С. 80–99.

⁶⁰ Обзор событий в Петрограде... Р. 4, 9.

арестант, финский «активист» А. Ахти, бежавший потом через Финляндию и Швецию в Германию (там он поступил в королевский прусский егерский батальон, набиравшийся из финских добровольцев, сторонников независимости Финляндии)⁶¹.

Можно с большой долей уверенности предположить, что иногда инициатива захвата тюрем и освобождения всех преступников исходила от преступников. Свидетельства такого рода выглядят правдоподобно. Так, один из участников событий вспоминал впоследствии о штурме Литовского замка (заключенные этой петроградской тюрьмы были выпущены утром 28 февраля): «Литовский замок был тюрьмой чисто уголовной, в этой тюрьме не помещался ни один политический заключенный, а освобождение организовала шпана Лиговки». Мемуарист отмечал характерную деталь: «Мне удалось присутствовать при моменте, когда часть узников уже находилась в толпе и по кличкам приветствовала знакомых». Современный исследователь А.Б. Николаев, опираясь на другие мемуарные свидетельства, считает, что в штурме Литовского замка участвовали броневики, посланные Военной комиссией Временного комитета Государственной Думы. Весьма вероятно, что нападение на тюрьму было начато преступниками, а затем получило поддержку повстанческого центра⁶².

Представляется, что подобная реконструкция этого важного события авторитетным исследователем подтверждает предположение о том, что символы и ритуалы оказывали огромное воздействие на борьбу в городе. Преступники не могли организовать нападение на тюрьму сами, им нужно было обеспечить сочувствие, а то и содействие революционной улицы, повстанческих отрядов, они должны были представить свои действия как политические. А сочувствие улицы не могло не влиять на действия центров восстания: революционеры, без сомнений, поддержали штурм тюрьмы. Вряд ли они санкционировали последующее сожжение Литовского замка, во всяком случае нет никаких свидетельств о том, что центры восстания требовали этого, но революционная толпа считала такие действия естественными. В некоторых же случаях преступники и заключенные также находились в поле влияния революционной атмосферы: уголовники ощущали себя героями улицы, борцами с народными врагами, а освобожденные узники заявляли о своем нравственном перерождении. А.Б. Николаев приводит слова другого мемуариста: «По Зелениной ... движется толпа с пением революционных песен. Впереди, как сумасшедший, в припляску бежит молодой подросток, крича: “Я выпущен из тюрьмы! ... Революция! ... Я свободен! ... Я не буду больше воровать!”»⁶³. Большая часть преступников вернулась к своим прежним занятиям, но и они порой использовали революционную риторику и символику.

⁶¹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Bonn), Der Weltkrieg, Russland, 104, № 11 с, R. 21002, A.16624. Фантастические слухи утверждали, что из Петропавловской крепости освобождено свыше 300 немецких шпионов (в крепости шпионы вообще не содержались). *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. С. 128.

⁶² *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 512–514.

⁶³ *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 514.

И в Петрограде, и в провинции здания тюрем подчас сжигались и уничтожались. Иногда это оказывалось результатом спонтанных действий толпы, иногда же соответствующие решения принимали новые органы власти⁶⁴. А революционный комитет Шлиссельбурга принял специальное решение об уничтожении тюремных корпусов знаменитой каторжной тюрьмы, бывшей для всех русских революционеров одним из мрачных символов ненавистного им режима. Из тюремных зданий было вывезено ценное имущество, и в ночь с 4 на 5 марта здания запылали, они горели несколько дней. Пожар этот воспринимался современниками как символ начала «новой жизни»⁶⁵.

В Ревеле распространились невероятные слухи об огромном количестве узников старого режима, томящихся в местных тюрьмах. 2 марта началась манифестация, в которой участвовали рабочие и матросы, певшие революционные песни. Толпа, преодолев вооруженное сопротивление охраны, освободила заключенных. Знаменитая тюрьма-башня «Толстая Маргарита» была повстанцами сожжена (горящая живописная тюрьма стала символом революции в Ревеле, она неоднократно изображалась на современных почтовых открытках). И здесь были освобождены не только политические заключенные, но и уголовники, и немецкие шпионы. Местный Совет затем занимался обеспечением уголовников работой и в то же время пытался организовать поиск оказавшихся на свободе вражеских агентов. Об освобожденных же политических заключенных передавали самые ужасающие слухи. «Многие из тех, кто сидел в “Маргарите” с 1905 года были доведены до такого состояния, что не выжили (!) этой радости — умерли на глазах матросов, распахнувших им двери свободы», — вспоминал бывший моряк из Кронштадта, который, разумеется, не был сам свидетелем этих событий, происходивших в Ревеле. Другой бывший матрос также «вспоминал», передавая слухи революционной поры: «Политзаключенных содержали в нечеловеческих условиях, некоторых выносили на солнечный свет и они тут же умирали». Судя по всему, слухи об освобождении ревельских узников царизма оказали немалое влияние на радикализацию балтийских моряков в 1917 г. Но в действительности общественное мнение города было поражено сравнительно малым количеством бывших политических заключенных, освобожденных после Февраля. По Ревелю поползли новые фантастические слухи об узниках, якобы все еще томящихся в необнаруженных еще застенках, поэтому местный Совет начал производить раскопки, пытаясь найти некие особые тайные подземные казематы. На место работ откомандировали и специалистов по тюремному перестукиванию, чтобы они могли немедленно вступить в контакт с «узниками режима». Разумеется, работы и «перестукивание» не

⁶⁴ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 24. Л. 115–117. Дневник В.Г. Глазова.

⁶⁵ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 5: Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ, 1907–1917. М., 1956. С. 243–244; Симанович В. Из Шлиссельбургской крепости на волю // На волю! Падение самодержавия. Освобождение из царских тюрем и каторги. Л., 1927. С. 12–13 (далее: На волю!).

дали никаких результатов, Совет оповестил об этом жителей Ревеля в соответствующем воззвании⁶⁶.

Освобождение заключенных становилось важным элементом «праздника революции». Когда 3 марта по приказу из Петрограда бакинская прокуратура отдала распоряжение об освобождении узников из местной тюрьмы, то у ее ворот собралась огромная толпа, которая встречала овациями всех освобожденных⁶⁷.

Уничтожение зданий тюрем имело символическое значение: в «новом мире» революционной символики, в наступившем царстве «свободы вечной» тюрьмам просто не было места. Их уничтожение мыслилось многими носителями революционной политической культуры как важное предварительное условие наступления этого «нового мира», в котором радикально должны измениться не только социальные и политические условия, но и весь моральный климат. Так, политические заключенные, выпущенные из Шлиссельбургской тюрьмы, сразу же потребовали освобождения своих товарищей по заключению — уголовников. Власти колебались, и тогда вчерашние арестанты, политические заключенные, начали готовить местное население к штурму «Бастилии», операцией руководил известный анархист И. Жук, сам только что освобожденный из крепости. В последний момент администрация капитулировала и передала повстанцам ключи от тюремных корпусов. При освобождении последних заключенных собравшиеся жители Шлиссельбурга опустили на колени, раздались рыдания. Все уголовные получили свободу, предварительно торжественно и публично пообещав, что навсегда прекратят преступную жизнь, бросят пить и перестанут играть в азартные игры⁶⁸.

Показательно, что и в других случаях часто амнистия проводилась по собственной инициативе, еще до того, как соответствующее распоряжение поступало из столицы⁶⁹. Когда же одна «верующая социалистка», давний член Бунда, с изумлением узнала, что в России тюрьмы все-таки существуют и после свержения царя, то она решительно заявила: «Это не моя революция»⁷⁰. Такие же аргументы приводили и бывшие политические заключенные, выступавшие за полное освобождение и арестантов-уголовников: «Праздник свободы, переживаемый всей Россией, не будет полным, если хоть один человек будет оставаться в тюрьме в эти великие исторические дни»⁷¹. Другой возмущенный гражданин обращался в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов:

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-402. Д.119. Л. 11. Об. 21, 24-24; ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, альбом № 221279; Баранов С. По своим следам: Воспоминания старого балтийца-большевика // ЦВММ, рукописно-документальный фонд, № 35763. Л. 57; Лохвицкий Ф. Воспоминание // Там же, № В-14715, Л.3.

⁶⁷ Белецкий С., Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (Хроника событий). Баку, 1927. С. 13.

⁶⁸ Симанович В. Из Шлиссельбургской крепости на волю. С. 11-12; Иващенко Г. Освобождение из Шлиссельбургской тюрьмы // На волю! С. 46-52.

⁶⁹ Революционное движение в России... С. 309.

⁷⁰ Воспоминания А.М. Майской. Архив Б.И. Колоницкого.

⁷¹ Иващенко Г. Освобождение из Шлиссельбургской тюрьмы. С. 46.

«В настоящее время уголовных снова задерживают, снова сажают в тюрьму, и все это происходит в обновленной России»⁷².

Подобное отношение к тюрьмам повлияло и на формирование образа и репутации одного из самых популярных вождей революции — А.Ф. Керенского. В качестве министра юстиции он подписал указ об амнистии, и одним из его «революционных титулов» стало звание «освободителя», именно так к нему обращались авторы ряда резолюций и петиций. На современной открытке «министр народной правды» был изображен на фоне горящей полуразрушенной тюрьмы. Разумеется, никаких свидетельств того, что Керенский выступал за тотальную ликвидацию всех мест заключения, нет. Однако именно он подчас символизировал эти действия, и уничтожения зданий тюрем ошибочно связывались с его именем.

В сохраненных же тюрьмах режим радикально менялся, «революционизировался» и «демократизировался». Места заключения становились местом разнообразных смелых политических и общественно-педагогических экспериментов. Камеры и коридоры тюрем украшались красными флагами и революционными лозунгами, они стали местом собраний и митингов заключенных. Так, по Москве поползли тревожные слухи о массовых беспорядках в Таганской тюрьме. Туда были срочно направлены адъютанты командующего Московским военным округом и представители Московского совета. Оказалось, что отныне порядок в тюрьме организуется самими заключенными: «Нет больше преступников!» — гласил плакат, вывешенный на самом видном месте. И современники первоначально искренне верили в чудо революционного преобразования «старорежимного» острога: «В тюрьме был праздник свободы, орошенный слезами обновления», — с умилением писала об этом эпизоде газета Московского Совета солдатских депутатов в марте 1917 г.⁷³

В одесской тюрьме также было организовано самоуправление заключенных, большую роль здесь играл Г.И. Котовский, пользовавшийся большим авторитетом среди уголовников. Отказавшись воспользоваться благоприятной ситуацией, создавшейся после переворота, он в отличие от некоторых узников, не бежал из тюрьмы и пытался (не всегда успешно) удерживать от побега других заключенных. Будущий герой Гражданской войны даже совершал с разрешения тюремной администрации выходы на волю, агитируя одесских преступников организоваться, начать новую жизнь и поддержать новый строй⁷⁴. Замки в одесской тюрьме были сломаны, а на ее стене появилась надпись: «Смерть тому, кто посмеет отремонтировать замки!»⁷⁵.

Порой заключенные проводили политические митинги и даже уличные демонстрации. Так, в Киеве заключенные, окруженные конвоем, шли по улицам

⁷² ЦГА Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 76. Л. 23–24. Письмо кончалось призывом: «Товарищи! Прошу не забывать, что вы христиане».

⁷³ Солдат-гражданин. М., 1917. 23 марта.

⁷⁴ Право. 1917. № 10; Русское слово. 1917. 10 марта. Вскоре Котовский был освобожден, его кандалы были проданы в одесском театре за 10 тыс. рублей. Он отправился на фронт, был награжден орденом и произведен в офицеры.

⁷⁵ Зинько Ф. Кое-что из истории одесской ЧК. Одесса, 1998. С. 70–71.

города со знаменами и плакатами. Одних киевлян это умиляло, другие же, подобно некоторым руководителям Совета, видели в подобной манифестации профанацию священного красного знамени⁷⁶.

2. «Праздники свободы»

В большинстве населенных пунктов империи революция произошла «по телеграфу». Действия местных оппозиционных сил были реакцией на вести из столицы: «Свободу мы получили по почте», — вспоминал о событиях в Тифлисе влиятельнейший лидер грузинских меньшевиков⁷⁷.

Это утверждение справедливо лишь отчасти. Именно вести о происходящем в Петрограде, срочность и обстоятельства передачи данной информации были важнейшими факторами, влияющими на дальнейшее развитие событий в разных городах. Порой именно попытки властей скрыть или исказить эти сведения становились причиной радикализации движения на местах, проявлявшейся и в кровавых конфликтах.

Везде имели место митинги, часто перераставшие в демонстрации, в ходе митингов нередко отстранялись от должности представители власти разного ранга, создавались новые органы власти. Часто объектами нападений оказывались тюрьмы и гауптвахты. При этом действия участников событий в провинции весьма напоминают события в Петрограде. Везде красные флаги и «Марсельеза», исполняемая, как правило, сначала демонстрантами, а затем и военными оркестрами, играли важную роль.

Одновременные и весьма схожие акции, стихийные и организованные, проходившие на территории огромной империи без какого-либо централизованного административного руководства, являются показателем развитости и распространенности революционной традиции и культуры политического протеста в России: соответствующие приемы политической мобилизации, ритуалы и символы были широко известны.

В Кронштадте, Гельсингфорсе, некоторых других городах имели место вооруженные восстания, сопровождавшиеся немалым числом жертв. Однако в большинстве населенных пунктов России революция победила мирно. И там своеобразным символическим заменителем восстания стал революционный праздник. На смену стихийным демонстрациям первых дней пришли празднования, организованные новыми властями. В городах и деревнях организовывались «дни свободы».

Современник вспоминает о манифестации, проходившей в одном из сел Рязанской губернии в конце марта 1917 г.: «...Молодежь и солдаты наскоро устроили красные флаги и с пением “Марсельезы” и криками “ура” двинулись

⁷⁶ Киевлянин. 1917. 24 марта.

⁷⁷ Жордания Н. Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 73.

по улицам села, тихо, плавно, со светлой радостью на лице, часто останавливаясь... Народ друг друга поздравлял, торжественно целовался и говорил: «Вот, наконец-то, подошел светлый торжественный праздник». Все были одеты в хорошие наряды, как в большой праздник»⁷⁸. Традиция празднования православной Пасхи и здесь сливается с традицией революционной.

К данному тексту, опубликованному в «год великого перелома», следует относиться весьма осторожно: многие мемуаристы тогда задним числом преувеличивали свою революционность. Однако цитируемый источник не выдержан в жанре типичных советских воспоминаний того времени, скорее, он соответствует эсеровской интерпретации Февраля. К тому же в прессе и других источниках 1917 г. мы встречаем аналогичные описания подобных празднеств. Например, из села Вичуга Костромской губернии сообщали в Московский Совет рабочих депутатов: «28 февраля телеграфно из Петербурга на фабрике Коноваловых стало известно о перевороте в ближайшие два дня. Эти слухи подтвердились. Народ вышел с флагами, на скорую руку устраивались митинги, говорили на политические темы, выступали сознательные рабочие и солдаты военно-автомобильной школы. Шествие демонстрантов направилось из одной фабрики на другую, повсюду присоединялись и крестьяне окрестных сел»⁷⁹.

На смену первым послереволюционным демонстрациям, часто стихийным, пришли «праздники свободы», организованные новыми властями. Они носили разные названия («день свободы», «первый день свободы», «первый праздник революции», «праздник перехода к новому строю», «праздник единения», «день памяти жертв освободительного движения», «праздник Русской свободы»). Эти праздники представляли собой хорошо подготовленные манифестации с участием войск, оркестров, хоров, местного духовенства.

Уже 4 марта в Москве на Братском (Всехсвятском) кладбище состоялись похороны трех солдат 2-й запасной автомобильной роты, погибших в дни революции. Накануне похорон отслужили панихиду. В день же похорон в городе были закрыты все магазины и лавки, к двум часам дня закрылись и банки. На Арбатской площади прошел траурный митинг. В похоронной процессии принимали участие 70 тыс. москвичей, которые несли красные знамена, букеты красных цветов. Впереди шли рабочие, которые несли флаги, плакаты с революционными призывами. За ними следовали воинские чины с венками, их было около сотни, дамы несли букеты красных тюльпанов. За траурными колесницами следовали автомобильная рота и школа мотоциклистов, во главе каждой колонны шли офицеры. По пути на кладбище похоронная процессия несколько раз останавливалась для совершения коротких заупокойных служб. Погибших на кладбище отпевали священники, а на Красной площади, у памятника Минину и Пожарскому в этот день был отслужен благодарственный молебен «о даровании России свободы». Современникам церемония напоминала знаменитые похороны Н.Э. Баумана в 1905 г. «Похоронные демонстрации»

⁷⁸ 1917 год в деревне // Сб. воспоминаний крестьян. М.; Л., 1929. С. 64.

⁷⁹ Революционное движение в России... С. 207.

времен первой российской революции действительно были образцом для ритуалов и церемоний в 1917 г., однако похороны 4 марта от них существенно отличались. Церемония представляла собой комбинацию военных похорон, религиозной церемонии и политической рабочей демонстрации⁸⁰. В новом ритуале сочетались революционная традиция и традиция дореволюционных официальных церемоний, военных и религиозных. Иногда к дням «праздников свободы» в различных городах специально печатались брошюры и листовки с текстами «гимнов свободы», которые пользовались большим спросом.

Праздники были действительно массовыми. Газеты сообщали, например, что в Ташкенте на улицы вышло 200 тыс. человек. В некоторых городах в манифестациях участвовало почти все население. Характер праздников в разных местах отличался, что отражало реальную расстановку сил на местах и особенности символического сознания их организаторов и участников. Нередко в «праздниках свободы» участвовали представители православного духовенства, а в некоторых случаях специально сообщалось, что в церемониях принимали участия все городские священнослужители. В ряде случаев манифестация переходила в крестный ход. В Баку, Витебске, Владивостоке, Владикавказе, Вятке, Екатеринославе, Иркутске, Казани, Калуге, Каменце-Подольском, Костроме, Красноярске, Минске, Москве, Новгороде-Северском, Омске, Орле, Рязани, Севастополе, Ставрополе, Тифлисе, Царицыне, Чите в «праздниках свободы» участвовали местные архиереи Российской православной церкви. Владыки служили благодарственные молебны, произносили речи, приветствуя новый строй. Во многих случаях элементами праздника были панихида о павших борцах за свободу и торжественный благодарственный молебен по случаю избавления от самодержавия. Если же программой празднования панихида не предусматривалась, то провозглашали «Вечную память» погибшим борцам с монархией.

Обычно на «праздниках свободы» проходили военные парады (в Москве в нем участвовал даже конный жандармский дивизион, а в Одессе на манифестацию вышли городские). Соответственно, военные власти, командующие гарнизонами, играли в них немалую роль, что накладывало отпечаток на проведение праздника, придавая им характер праздника военного. Показателен в этом смысле приказ командующего флотилией Северного Ледовитого океана от 9 марта: «... Объявляется приказом по Флотилии ... за № 227, что 10-го сего марта в ознаменование решительной победы народа в деле свержения старого порядка и вступления России на новый исторический путь предписывается всем судам Флотилии расцветиться с подъемом флага стеньговыми флагами, посыльному судну “Бакан” произвести салют в 31 выстрел, а к 10 час. 30 мин. от каждой части быть команде для участия в параде, имеющим быть в 11 час. на площади Кафедрального собора...»⁸¹.

⁸⁰ Новое время. 1917. 5 марта; Крымский вестник. Севастополь, 1917. 7 марта; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. С. 52; Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011. С. 373 — 374, 380.

⁸¹ Рабочая газета. 1917. 22 марта; Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 370–390; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.). Сб. документов. Л., 1982. С. 21.

Современники упоминали об особом ощущении единения, охватившем участников «праздников свободы»: «Могло показаться, что рай опустился на землю». Сложно реконструировать эмоциональную атмосферу во время этих празднеств. Источники, однако, упоминают о том, что иногда участники демонстраций не могли сдерживать слез, а в Петрограде, Архангельске, Баку, Иркутске люди вставали на колени во время провозглашения «Вечной памяти» павшим «борцам за свободу». В Пятигорске же толпа преклонила колени и при исполнении революционного похоронного марша «Вы жертвою пали...», который был исполнен церковным хором певчих (эта песня исполнялась церковными хорами и в некоторых других городах, что придавало песне особое значение). Само по себе это свидетельствует о сакрализации революционной символики⁸².

Многие современники, в том числе и те, кто вовсе не симпатизировал революции, отмечали особую праздничную атмосферу, которая царила на этих грандиозных манифестациях. Бывшая императрица Мария Федоровна писала 18 марта о ситуации в Киеве: «Здесь, однако, относительно спокойно, несмотря на праздник свободы, который прошел позавчера с 7 утра до 6 часов вечера: процессии с красными флагами, Марсельезой и т.д. И хотя полиции не было, был относительный порядок. Совсем не было пьяных. Можно ли было представить, что все произойдет здесь, в России, и что народ так быстро и с такой радостью изменит свои чувства»⁸³.

Новые власти организовывали «праздники свободы», в этом проявлялся их авторитет. Иногда именно факт организации «праздника свободы» существенным образом влиял на расстановку политических сил в данном городе в последующие недели и месяцы. Так, командующий флотом Черного моря адмирал А.В. Колчак, не без оснований опасавшийся стихийного революционного движения солдат и моряков, срочно устроил 5 марта торжественный молебен и парад в Севастополе. Это позволило ему взять ситуацию под контроль и удержать власть в крепости и на флоте: организация «праздника свободы» делала его власть легитимной. Накануне же торжества обстановка была весьма нервной, некоторые солдаты даже явились на парад с боевыми патронами: они опасались, что объявленное командованием празднество — это лишь ловушка монархических офицеров, желающих расстрелять их из пулеметов. Хорошо организованный парад под красными флагами позволил адмиралу, выступившему в роли торжествующего сторонника новой власти, изменить ситуацию на базе и в городе и на время укрепить свой авторитет. Под его руководством Севастополь на некоторое время стал центром политической мобилизации сторонников продолжения войны⁸⁴. Будущий лидер Белого движения вовремя поднял красный флаг, и именно это сделало его

⁸² Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 374 — 375, 379.

⁸³ Кудрина Ю.В. Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 74.

⁸⁴ Верховский А.И. 1) Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914 — 1918 гг.). Пг., 1918. С. 70–71; 2) На трудном перевале. М., 1959. С. 172–174; Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 44.

политиком общенационального масштаба. В отличие от командования флотом Балтийского моря он сохранил власть и даже временно укрепил свой авторитет после революции.

Возможно, Колчак так действовал потому что ему была известна истинная ситуация, сложившаяся днем раньше в Одессе, другой важной базе Черноморского флота, где по инициативе левых социалистических групп на 4 марта была назначена демонстрация в честь нового строя. Однако командный состав базы и гарнизона к этой инициативе отнесся отрицательно. Солдаты, возмущенные подобным запретом, утром 4 марта отказывались выполнять приказы офицеров, не выходили на занятия. Последовало специальное распоряжение командующего военным округом, и войска все же приняли участие в грандиозной манифестации, продолжавшейся десять часов⁸⁵. Однако в результате этого конфликта вокруг ритуала авторитет многих командиров в войсках был уже подорван.

Сходные стычки между солдатами и офицерами вокруг праздничных демонстраций происходили и в других городах. В конечном итоге проигравшей стороной оказывались офицеры, пытавшиеся предотвратить манифестации. Так, в Саратове командование пыталось удержать солдат от участия в демонстрации, назначенной на 3 марта, для чего выдвигался даже план использования против демонстрантов школы прапорщиков. Однако манифестация все же состоялась и сопровождалась военным парадом. Власть консервативно настроенных офицеров была поколеблена⁸⁶.

Чаще всего «праздник революции» организовывался по образцу старых официальных праздников, хотя православные священники использовали язык освободительного движения, а военные оркестры играли и новые мелодии. Чаще всего звучали «Марсельеза» и революционный похоронный марш («Вы жертвою пали...»), но нередко звучало и религиозное православное песнопение «Вечная память» — в память о погибших за свободу. Однако в Риге на соответствующей манифестации прозвучал и «Интернационал». Возможно, это объясняется тем, что организаторами манифестации здесь были латышские социал-демократы, известные своим радикализмом⁸⁷. Влияние традиций официальных праздников подметил корреспондент московской газеты «Солдат-гражданин», сообщавший о «празднике свободы», состоявшемся в Орле, где военный оркестр играл «Марсельезу», но атмосфера скорее напоминала традиционный полковой праздник, присоединение к революции произошло как бы по приказу свыше; манифестация казалась формальной, а исполнение революционных мелодий военными оркестрами не сопровождалось пением. «Не слышно песен свободы», — писал разочарованный свидетель событий⁸⁸.

Действительно, коллективное пение представляло собой иной уровень вовлечения в политический процесс: в отличие от людей, остающихся лишь слу-

⁸⁵ Ковбасюк. Очерк истории одесской Красной Гвардии // Октябрь на Одещине: Сб. статей и воспоминаний к 10-летию Октября. Одесса, 1927. С. 195.

⁸⁶ Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995. С. 75–76.

⁸⁷ Ezergailis A. The 1917 Revolution in Latvia. New York; London, 1974. P. 14.

⁸⁸ Солдат-гражданин. 1917. 23 марта.

шатателями революционных мелодий, исполняемых оркестрами, поющие становились активными участниками праздника, важного политического события, а само многократное повторение текстов боевых «гимнов свободы» революционизировало сознание. Многие жители России впервые познакомились с революционными песнями именно во время «праздников свободы», которые становились своеобразной школой радикального политического воспитания.

Порой сам ритуал праздника предоставлял возможность проявить инициативу по осуществлению символического переворота во время революционного торжества. Так, участники одной манифестации в провинции, увидевшие российский флаг, потребовали уничтожения этого символа «старого режима», и от полотнища были оторваны белая и синяя полосы — так состоялось его превращение в революционный символ. В других ситуациях во время демонстраций спонтанно уничтожались царские портреты и государственные гербы, например в Кишиневе во время демонстрации 10 марта манифестанты повсюду свергали «эмблемы самодержавия»⁸⁹.

Однако в иных городах празднование победы революции первоначально происходило и под трехцветным стягом: «Население... прошло с национальными флагами по городу и вернулось к работам». Урюпинский священник записал в церковной летописи 3 марта 1917 г.: «С утра ... в учреждениях и домах вывешены национальные флаги. В народе идет молва, что министров разогнали и что “царь с Россией соединился”. В 12 часов ... на площади Вознесенского собора духовенство всех церквей в присутствии войск и многочисленного народа совершило благодарственный молебен, а после него по улицам происходили манифестации с музыкой и плакатами “Да здравствует новое правительство”. У всех радостное и светлое настроение»⁹⁰. В некоторых же случаях красные и русские национальные флаги пока еще мирно соседствовали. Иногда рядом с красными вывешивались траурные черные флаги. Порой манифестанты использовали национальные флаги различных народностей России, например 3 марта в Харькове состоялась манифестация войск, о которой газеты писали, что они шли под красными знаменами, однако в современном украинском исследовании указывается, что манифестация прошла под желто-голубыми флагами. Национальные флаги преобладали и на грандиозной украинской манифестации, которая состоялась в Киеве 19 марта. По оценкам современников в ней участвовало 100 тыс. человек, в том числе 30 тыс. военнослужащих⁹¹.

Но все же в подавляющем большинстве случаев на «праздниках свободы» доминировали символы нового строя — красные флаги. Так, из Рязани сообщали,

⁸⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. Т. 1: 27 февраля–6 мая 1917 года. М., 1957. С. 155.

⁹⁰ Рабочая газета. 1917. 22 марта; Амурское эхо. 1917. 23 апреля; ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Д. 168. Л. 3; Смутное время: 1913–1920 гг. глазами священника: Церковно-приходская летопись Христо-Рождественской церкви прихода Урюпинского ярмарочного поселения, составленная священником Петром Протопоповым / Публ., предисл. и примеч. С. П. Синельников // Волга. Саратов, 2000. № 413. С. 138.

⁹¹ Новое время. Пг., 1917. 5 марта; Крымский вестник. Севастополь, 1917. 7 марта; 1917 год на Киевщине: Хроника событий. Киев, 1928. С. 18; *Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П.* Українськ проекти в російськ й мпері. Київ, 2004. С. 413.

что 12 марта там состоялся праздник. После молебна, в котором участвовало «все духовенство», состоялся парад войск и шествие 50 тысяч граждан, «ставших под красное знамя свободы»⁹².

Кое-где «праздники свободы» отличались своеобразием. Так, в Липецке 191-й пехотный полк устроил «торжественные похороны старого строя»: под звуки «Марсельезы» при большом стечении народа был сожжен специально изготовленный черный гроб с надписью «Вечное проклятье дому Романовых». После сожжения гроба полк с музыкой, красными флагами и революционными плакатами прошел через город, сопровождаемый колоннами штатских участников церемонии⁹³.

Необходимо отметить, что ритуал праздника создавал и почву для конфликтов разного толка. Один из участников событий позднее вспоминал, что в Кронштадте в похоронах жертв революции участвовало несколько десятков священников. Вдруг один матрос воскликнул: «Революцию с богом не сделать! Главные враги революции — это попы!». С этими словами он ударил священника прикладом своей винтовки. Автор цитируемых воспоминаний так комментирует этот эпизод: «Этим ударом он как будто бы сделал первый сигнал и показал на примере, что революцию делать против царя и с богом нельзя»⁹⁴. К позднему свидетельству мемуариста-коммуниста следует относиться осторожно, хотя избивание священнослужителя могло иметь место. Возможно, автор воспоминаний задним числом хотел представить сознание революционных моряков как антирелигиозное. В действительности же церемония похорон в Кронштадте включала отпевание, гробы с телами жертв революции были внесены в собор, который заполнила огромная толпа с красными флагами. Эта церемония была запечатлена фотографиями, на одном из красных знамен, внесенных в храм, видна надпись «Вечная память павшим за свободу»⁹⁵. И в последующие месяцы в Кронштадте, отличавшемся своим политическим радикализмом, проходили торжественные религиозные церемонии, в которых участвовали революционно настроенные матросы, рабочие и солдаты.

Однако и в 1917 г. многие увязывали антимоноархическую революцию с необходимостью антиклерикального, а то и антирелигиозного переворота, поэтому можно с уверенностью предположить, что участие духовенства в «праздниках свободы» могло подчас восприниматься некоторыми радикально настроенными современниками негативно, хотя, как уже отмечалось, в большинстве случаев в празднованиях участвовали священнослужители Российской Православной церкви. Впрочем, порой вопрос об участии духовенства в «праздниках свободы» специально обсуждался в местных органах власти. Так, в Самаре 5 марта на одном из красном знамен было написано: «Это Русь идет, сам Бог ее ведет», что свидетельствовало о религиозном и патриотическом воодушевлении части демонстрантов. Но в новой мани-

⁹² РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 4. Л. 83.

⁹³ Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 421.

⁹⁴ Жданов И.М. 1917 год в Кронштадте // РГА ВМФ. Ф. Р. 402. Оп. 2. Д. 143. Л. 37.

⁹⁵ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, №НВ-07049/1-2. Альбом № 44262. Л. 2 об. № 27.

фестации 23 марта, организованной в память жертв революции, духовенство смогло принять участие лишь после того, как местный Исполнительный комитет народной власти принял соответствующее решение, допускающее священников⁹⁶.

Хотя «праздники свободы» и были преимущественно символическими заменителем восстания против старой власти, в ходе их проведения подчас происходили настоящие политические микроперевороты. Так, во время военного парада в Иркутске командиры частей по примеру одного офицера после прохождения своих колонн становились не рядом с командующим военным округом, как того требовал устав, а рядом с членами Комитета общественных организаций, созданного во время революции. Тем самым подчеркивалось главенство нового органа власти и демонстрировалось недоверие старому командующему, имевшего репутацию «старорежимного». Солдаты, обладавшие опытом участия в парадах, сразу же поняли смысл этой демонстрации своих офицеров и встретили его криками «ура». После праздника произошла замена командующего, потерявшего авторитет⁹⁷. Здесь сам праздничный военный ритуал, хорошо известный всем военнослужащим, создавал возможность для организации протестных действий.

Во всех случаях проведение «праздников революции» имело огромное политическое значение. Конфликт политических символов разрешался в пользу революционной традиции, терпели крах попытки сдержать этот процесс. Если первоначально в отдаленных гарнизонах офицеры подчас препятствовали солдатам петь революционные песни, запрещали носить красные банты и вывешивать красные флаги, то «праздники свободы» либо легитимизировали революционную символику, делая ее чуть ли не «уставной», либо провоцировали борьбу за ее утверждение, что повлекло за собой новый раунд борьбы войсковых комитетов с офицерами. В своих воспоминаниях о «празднике революции» 2-го Кавказского корпуса в Урмии, казачий офицер Г.М. Семенов, ставший впоследствии одним из организаторов антибольшевистского движения на Дальнем Востоке, указывал на политическое воздействие празднества на отношения между военнослужащими разного ранга: «После митинга и обычных демагогических выступлений на нем все части с красными флагами и прочими революционными эмблемами маршировали по городу. Зрелище было отвратительное, и подобные выступления старших начальников в корне парализовали попытки младших офицеров сохранить хоть какой-нибудь порядок в частях»⁹⁸. Однако сам мемуарист, похоже, не протестовал весной 1917 г. по поводу утверждения новых ритуалов в армии: подобные попытки были бы настоящим политическим самоубийством.

Иногда местное военное начальство пыталось маневрировать. Так, туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин накануне «праздника свободы»

⁹⁶ *Блюменталь И.И.* Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии (Хроника событий). Самара, 1927. Т. 1: 1917 год (март-декабрь). С. 23, 25, 44.

⁹⁷ *Войтинский В.* Годы побед и поражений. Бенсон, 1990. С. 18–19.

⁹⁸ *Семенов Г.М.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 1993. С. 63.

в Ташкенте отдал следующий приказ: «Дабы ознаменовать сегодняшний день видимым образом, я, с отступлением от правил, определяющих форму одежды, взял на свою ответственность и разрешил надеть красные кокарды и другие знаки только на сегодняшний день»⁹⁹. Генерал прекрасно понимал, что на демонстрацию военнослужащие выйдут с эмблемами революции и без его приказов, поэтому он, упреждая конфликт, пошел на уступки, пытаясь удержать общую ситуацию под контролем.

Но не всегда символический переворот проходил без острой борьбы. Через месяц после победы революции делегат далекого Румынского фронта, прибывший в Петроград, заявлял: «Я приехал с того фронта, где полковой адъютант до сих пор еще бьет музыкантов по морде за то, что они играют “Марсельезу”». Однако вскоре «Марсельеза» зазвучала во многих полках на утренней и вечерней молитвах.

Приведение войск к новой присяге также часто проходило под звуки «Марсельезы», а церемония присяги Временному правительству также становилась своеобразным праздником революции, но этот ритуал использовался подчас и для смены символов: по требованию нижних чинов на полковых знаменах закрывались старые монархические эмблемы. Иногда солдаты вообще отказывались присягать новой власти под старым полковым знаменем, требуя замены его красным флагом¹⁰⁰.

Революционная столица также стала местом проведения многочисленных праздников революции. В Петрограде в марте 1917 г. всевозможные демонстрации под красным флагом, сопровождавшиеся музыкой и пением, проходили чуть ли не ежедневно. Поводом к этому служили самые разнообразные события. Под «Марсельезу», например, было возобновлено в столице трамвайное движение, прерванное в дни революции, вагоны украшались красными флагами и революционными плакатами. Шествия к Таврическому дворцу и военные парады, политические митинги и демонстрации в течение нескольких недель поддерживали эту праздничную атмосферу. Социолог П.А. Сорокин вспоминал: «И в Москве, и в Петербурге население радуется и веселится, как на Пасху... “Свобода! Священная свобода!” — кричат повсюду и везде поют песни»¹⁰¹. Подобные праздничные, «пасхальные» настроения нашли отражение и в наивных стихах поэта-любителя, предложившего своеобразное развитие концепции «Москва — третий Рим»:

*...Россия вся в сиянье солнца —
Наш Петроград — четвертый Рим.
Эй! Гряньте “Марсельезу” звонко
Свободного народа гимн*¹⁰².

⁹⁹ Новая жизнь. Пг., 1917. 20 апреля.

¹⁰⁰ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. С. 133; Русское слово. 1917. 19 марта; Правда. 1917. 19 марта; Оськин Д.П. Записки прапорщика. М., 1931. С. 109.

¹⁰¹ Известия петроградской городской думы. 1917. № 3–4. С. 157; см. также: Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 89.

¹⁰² Песни свободы. Армавир, 1917. Вып. 2. С. 3.

Но важнейшей и самой крупной манифестацией после Февраля явились похороны жертв революции в Петрограде 23 марта, которые фактически стали главным праздником победы над самодержавием. Похороны сыграли огромную роль в утверждении культа «борцов за свободу», который занимал важнейшее место в субкультуре революционного подполья, а после революции становился фактически и новым государственным культом. Торжественные перезахоронения героев революции 1905 г., погребения участников местных восстаний и похороны земляков, погибших в столице во время революции, имели место и в других городах.

К 1917 г. в российской революционной политической традиции уже сложился своеобразный обряд «красных похорон» и «похоронных демонстраций»¹⁰³.

Церемония включала в себя и религиозные православные обряды, и использование революционной символики (красные флаги, революционный похоронный марш). Во время «праздников свободы» в 1917 г. также имели место впечатляющие религиозно-политические демонстрации. Вновь и вновь звучала пасхальная тема воскрешения России в результате смерти мучеников революции. Павшие «борцы за свободу» нередко даже сравнивались с Христом: «Кровью их священной жертвы она (Россия) воскресла из мертвых»¹⁰⁴.

В Кронштадте похороны участников революции состоялись 7 марта, гробы с телами погибших были торжественно перенесены в огромный Морской собор, где состоялась церемония отпевания. Однако в храм были внесены и революционные красные флаги. Но, как уже отмечалось, в ходе церемонии возник конфликт между некоторыми священнослужителями и матросами. По некоторым данным, он был вызван призывом представителей духовенства к общенациональному примирению, что вызвало протесты ряда революционеров. Бывший моряк С.И. Сажин вспоминал: «Во время полугражданских похорон... один дьякон выступил, чтобы расстрелянных монархистов также похоронить. Товарищ Железняков снял с себя сумку с патронами и избил ею дьякона, которого тут же отправили в поликлинику»¹⁰⁵. Важно отметить, что согласно этому свидетельству протест революционного моряка был вызван не самим фактом участия духовенства в «полугражданских» похоронах, а призывом священнослужителя, который и не был политическим, но в обстановке того времени прочитывался как выражение сочувствия «слугам старого режима». Во всяком случае и впоследствии депутаты одного из самых революционных Советов страны уделяли внимание религиозным церемониям. В начале июня 1917 г. Исполнительный комитет Кронштадтского

¹⁰³ О «красных похоронах» в России см.: *Trice T.R. The «Body Politics» Russian Funerals and the Politics of Representation, 1841 – 1921: Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in History. Urbana-Champaign, 1998. P. 260 – 270.*

¹⁰⁴ Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 24, 25 марта.

¹⁰⁵ *Сажин С.И. Воспоминания революционных эпизодов 1910–1919 гг. в Балтийском флоте // ЦВММ, рукописно-документальный фонд, № 34537.*

совета даже предоставил автомобиль архиепископу Петроградскому Вениамину, который должен был отслужить торжественную панихиду на братской могиле борцов за свободу¹⁰⁶.

В Гельсингфорсе похороны двух участников революции состоялись 17 марта, их церемониал был тщательно разработан Исполнительным комитетом Гельсингфорского совета. Руководство церемонией возлагалось на капитана 1-го ранга А.А. Ружека и представителей Исполнительного комитета, распорядителей отличали большие красные ленты. В этот день в финляндской столице закрылись все магазины и предприятия, были отменены занятия в учебных заведениях, прекращено трамвайное движение. В 12 часов, после выстрела дежурного корабля, гробы вынесли и установили на колесницы. За ними несли венки и большой красный флаг с надписью «Вечная память борцам за свободу». Затем шли члены Исполнительного комитета, сопровождаемые почетным караулом трех родов войск — от моряков, пехотинцев и артиллеристов, каждый со своим оркестром. По оценкам местного Совета, возможно, завышенным, в похоронах участвовало 120 тыс. человек¹⁰⁷. В этот день состоялись торжественные манифестации и в других городах Финляндии, в которых были дислоцированы российские войска. Их порядок определялся приказами начальников соответствующих гарнизонов¹⁰⁸. Гельсингфорским советом была создана специальная комиссия по увековечиванию памяти павших борцов за свободу, которая объявила конкурс на создание памятника павшим героям революции в столице Финляндии. Однако представители Петроградского общества архитекторов, привлеченные в качестве экспертов, забраковали все представленные проекты. Тогда в сентябре был объявлен второй конкурс¹⁰⁹.

Однако похороны жертв революции, состоявшиеся в Петрограде, отличались и масштабами, и своим характером.

Уже 5 марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов постановил назначить похороны на пятницу 10 марта. Этот день объявлялся «днем воспоминания о жертвах Революции и всенародным праздником Великой Русской Революции на все времена». Предполагалось увековечить память погибших созданием монумента. Было решено организовать «всенародные и общегражданские» похороны, без церковного обряда, каковой должен был быть совершен родственниками убитых, по их убеждениям (просьбы представителей православного духовенства об участии в церемонии были отклонены Советом). В похоронах жертв революции должно было участвовать все население столицы и войсковые части Петроградского гарнизона в полном составе, со своими знаменами и оркестрами.

По вопросу о выборе места захоронения разгорелись дискуссии. Идея похорон на каком-либо уже существующем кладбище была отвергнута —

¹⁰⁶ *Бабкин М.А.* Священство и Царство. С. 315.

¹⁰⁷ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 16, 19, 23, 24 марта.

¹⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. 21. Оп.1. Д. 21. Л. 59.

¹⁰⁹ Первая премия составляла 2500 финских марок, вторая — 1500, а третья — 1000. РГА ВМФ. Ф. 353, Оп. 1. Д. 126. Л. 207 об.

все участники дискуссии считали, что захоронение должно стать особым памятным местом. Некоторые депутаты Петроградского Совета, прежде всего солдаты, предлагали Марсово поле — традиционное место военных парадов, расположенном в центре города; на Марсово поле выходили и казармы гвардейского Павловского полка, одна из рот которого 26 февраля 1917 г. первой восстала против старого режима. Склеп жертв революции планировалось разместить под огромной колонной. Рядом предлагалось воздвигнуть «по всем правилам науки, техники и искусства» огромное здание для российского парламента, которое должно было стать центром управления страной. Грандиозный вход в здание парламента, обращенный к Неве, предполагалось украсить статуями видных деятелей Российской революции. Депутаты предлагали и другие места, связанные с революцией, в том числе Казанский собор, Знаменскую площадь (совр. пл. Восстания). Но все же «громадное большинство» делегатов, и особенно делегаты-рабочие, высказалось в пользу Дворцовой площади, ибо на этом «плацдарме встречи двух миров — аристократии и демократии» «не раз проливалась кровь народа за идею освобождения». Делегаты, разумеется, подразумевали «кровавое воскресенье», памятный расстрел рабочей манифестации 9 января 1905 г.¹¹⁰

Идея была поддержана Обществом архитекторов-художников, которое делегировало Е.Ф. Шреттера, Л.В. Руднева, А.Л. Шиловского и С.В. Домбровского в Петроградский совет. Совет поручил им разработать необходимый проект, план которого уже был готов к 7 марта. Согласно плану, братскую могилу предполагалось расположить в западной части площади, а на месте Александровского сквера, предназначенного этим проектом к вырубке, создавалась новая Площадь Свободы. Этот план был одобрен и Петроградским советом, и Обществом архитекторов-художников¹¹¹.

Ко дню 10 марта готовились по всей России, во многих городах именно на этот день были специально назначены «праздники свободы», «праздники революции». Проходили манифестации, митинги, парады, во многих местах были отслужены и публичные молебны. Всевозможные торжественные мероприятия состоялись в этот день в Аккермане, Архангельске, Астрахани, Бендерах, Бердичеве, Боровичах, Бузулуке, Бухаре, Екатеринославе, Иркутске, Казани, Канске, Керчи, Киеве, Кишиневе, Красноярске, Кушке, Одессе, Омске, Орле, Ревеле, Рыбинске, Самарканде, Ташкенте, Термезе, Тирасполе, Тифлисе, Чарджуе, Черновцах и других населенных пунктах. В некоторых городах в этот день не производились работы. В Керчи же, напротив, местный Совет заявил, что день 10 марта «должен праздноваться ежегодно всей Россией», однако,

¹¹⁰ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций, 27 февраля — 25 октября 1917 года. СПб., 1993. Т.1: 27 февраля — 31 марта 1917 года. С. 144, 146, 151, 181, 243.

¹¹¹ Орлов И.С. Траур и праздник в революционной политике. Церемония 23 марта 1917 г. в Петрограде: Квалификационная работа бакалавра / Санкт-Петербургский государственный университет. Смольный институт свободных искусств и наук. СПб., 2007. С. 29 — 30.

вместе с тем, призвал всех оставаться на своих рабочих местах. В Одессе также решили работы не прерывать¹¹².

Организаторы некоторых праздников революции пытались использовать пребывание в городах почетных гостей для придания митингам и шествиям большей торжественности. Так, в Сретенске на день праздника 10 марта специально задержались бывшие каторжане, возвращавшиеся из Сибири. Во время праздника они стояли на специальной площадке рядом с городским духовенством. Возможно, присутствие «борцов за свободу» повлияло на настроения десятитысячной толпы, и во время пения «Вечной памяти» началась массовая истерика. Завершением же праздника стали торжественные проводы бывших каторжан на вокзале¹¹³.

В этот день «праздники свободы» проходили не только в больших городах — различные демонстрации состоялись в деревнях и селах, фабричных поселках и казачьих станицах. Запись за этот день в одной из церковных летописей гласит: «Революционный комитет ... решил назначить на 10 марта праздник революции и приурочить к этому времени совершение благодарственного молебствия. <...> На площадь Вознесенского собора пришли войсковые части с революционными плакатами и многочисленная толпа народа во главе с Революционным комитетом. По окончании молебствия члены Революционного комитета в речах к народу и войскам осветили значение революции, после чего с плакатами и музыкой войска и народ проходили по улицам станицы»¹¹⁴.

Однако в самом Петрограде похороны 10 марта не состоялись: в последний момент выяснилось, что к назначенному сроку невозможно сделать все необходимые приготовления. Кроме того организаторы похорон опасались и повторения катастрофы Ходынки, известной трагедии, случившейся во время коронации Николая II, которая стала зловещим символом его царствования. Наступление «царства свободы» должно было ознаменоваться грандиозной и великолепно организованной церемонией. Срок ее не раз переносился, наконец была назначена окончательная дата — 23 марта. Появились и возражения против места похорон — организаторов беспокоили почвенные воды, проходящие под Дворцовой площадью. Выдвигался также аргумент, что братские могилы нарушат цельность знаменитого архитектурного ансамбля Дворцовой площади. Комиссия по делам искусств, в которую, в частности, входили А. Бенуа, И. Фомин, Н. Лансере, М. Добужинский, И. Билибин, Е. Нарбут, К. Петров-Водкин, А. Тихонов и М. Горький, выдвинула свои проекты. После очередного обсуждения комиссия предложила избрать местом захоронения

¹¹² День. Пг., 1917. 11 марта; Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 152, 154–158; Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917 – 1920 гг.). Симферополь, 1927. С. 27.

¹¹³ Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: Борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917 – 1918). Самара, 2002. С. 86–87.

¹¹⁴ [Протопопов П.] Смутное время: 1913–1920 гг. глазами священника: Церковно-приходская летопись Христо-Рождественской церкви прихода Урюпинского ярмарочного поселения, составленная священником Петром Протопоповым / Публ., предисл. и примеч. С.П. Синельников // Волга. Саратов, 2000. № 413. С. 138.

либо Казанскую площадь, «являющуюся местом многократных выступлений в пользу освобождения», либо Марсово поле, «где раздались первые выстрелы, возвестившие начало великой революции». На заседании Совета эти аргументы привел Максим Горький, высказавшийся за захоронение на Марсовом поле. Первоначально его предложение было отвергнуто, депутаты продолжали поддерживать план захоронения на Дворцовой площади. Но затем Петроградский Совет в конце концов все же решил остановить свой выбор на Марсовом поле, к этому призывали и различные художественные организации Петрограда¹¹⁵.

На этот раз организатором похорон выступила другая комиссия, созданная Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, а различные правительственные ведомства, военные власти и городские службы выполняли ее распоряжения (это само по себе было свидетельством расстановки сил в период двоевластия). Частям гарнизона были отданы приказы, регламентирующие их участие в церемонии, для чего им следовало выделить особые подразделения с оркестрами. В городе в день похорон не работали промышленные и торговые предприятия, было прекращено трамвайное движение. Весь день колонны от различных районов города поочередно шли к Марсову полю, где были вырыты четыре большие братские могилы¹¹⁶. Гробы до Марсова поля сопровождали поочередно колонны районов со своими знаменами, оркестрами и венками. Когда гробы опускались в могилы, то всякий раз раздавался торжественный залп орудий Петропавловской крепости. Первая из колонн прибыла к месту захоронения в 9.40 утра, последняя же покинула Марсово поле поздно вечером. По оценкам организаторов церемонии, в ней приняло участие 800 тыс. человек, некоторые современники даже говорили о миллионе участников манифестации. В фильме Скобелевского комитета «Национальные похороны героев и жертв Великой Русской революции на Марсовом поле в Петрограде 1917 г.» в титрах указано, что «в процессии участвовало до полутора миллиона человек». Колонны склоняли перед могилами свои знамена. Военные власти должны были руководствоваться предписаниями похоронной комиссии, они издавали соответствующие приказы¹¹⁷.

Приказ, подписанный начальником штаба Петроградского военного округа, гласил: «Согласно постановлению похоронной комиссии главнокомандующий (генерал Л.Г. Корнилов. — *Б.К.*) приказал в день похорон жертв революции оркестрам музыки при движении процессии к Марсову полю играть только похоронные марши, тотчас по проходе братских могил играть “Марсельезу”, при расхождении играть разные марши и “Марсельезу”»¹¹⁸. Подобно адмиралу

¹¹⁵ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. С. 151, 158, 177, 181, 193, 196, 252, 243–244; *Орлов. И.С.* Траур и праздник в революционной политике. ... С. 34. — 38.

¹¹⁶ М.А. Чертилина, изучившая фотодокументы и кинохронику, пришла к выводу, что была вырыта одна большая братская могила в виде буквы «Г». См.: *Чертилина М.* Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в кинофотодокументах РГАКФД // Вестник архивиста. 2011. № 8. Доступно по: <http://www.vestarchive.ru/dokumentovedenie/1512-pohorony-jertv-fevral'skoi-revolucii-v-petrograde-23-marta-1917-g-v-kinofotodokumentah-rgakfd.html>. Просмотрено 8 августа 2011 г.

¹¹⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 270; *Чертилина М.* Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г.

¹¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2314. Л. 30.

Колчаку другой будущий вождь Белого движения, генерал Корнилов, способствовал в это время распространению революционных символов своими приказами, только так он мог укреплять свое политическое влияние.

На похоронах присутствовали члены Временного комитета Государственной Думы, Временного правительства и депутаты Петроградского совета, это подчеркивало особый, общегосударственный характер происходящего. Военный и морской министр А.И. Гучков, сопровождаемый генералом Л.Г. Корниловым, прибыл на Марсово поле в 10 часов утра. Министр встал на колени перед могилами и перекрестился. Однако сами похороны проходили без священников, без религиозных обрядов. Петроградский совет, организовавший похороны, не позволил духовенству принять участие в церемонии (священникам военных храмов в этот день было предписано совершить заупокойные богослужения)¹¹⁹.

Погребение без отпевания вызвало недоумение и даже возмущение у части верующих¹²⁰. Казаки столичного гарнизона по этой причине отказались участвовать в церемонии. Однако ритуал похорон повлиял на революционную традицию, они стали своеобразным образцом для всей страны. Присутствие представителей Временного правительства, членов Государственной Думы и депутатов Петроградского совета подчеркивало нормативный характер происходящего, а огромное количество фотографий и открыток познакомили с церемонией всю Россию. В иллюстрированных изданиях также появились фотографии, изображающие «национальные похороны жертв революции». Подготовка к траурной церемонии, которая происходила 22 марта, и похороны 23 марта были зафиксированы кинооператорами. Соответствующие документальные фильмы сняли Ф. Вериго-Доровский, М. Быстрицкий, В. Булла, а также операторы Скобелевского комитета (А. Дорн, И. Кобозев, П. Новицкий под руководством Г. Болтянского) и операторы фирмы «Братья Патэ»¹²¹. Посетители кинематографов по всей России вскоре смогли сами увидеть главный праздник победы революции.

Похороны прошли по сценарию, утвержденному представителями Петроградского совета, под руководством комиссии, назначенной Советом, а члены Временного правительства, присутствовавшие на церемонии, молчаливо одобрили новый ритуал. День 23 марта стал важной символической победой Петроградского совета. Культ «борцов за свободу», необычайно важный для политической культуры революционного подполья, становился в ходе «праздников свободы» фактически государственным культом. Символы революции получали статус символов нового строя.

Участники похорон на Марсовом поле несли и черные траурные флаги (они встречаются и на других «праздниках свободы»), но преобладали красные знамена, многие из которых специально готовились к похоронам. Лидер меньше-

¹¹⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10115. Л. 8.

¹²⁰ *Философов Д.В.* Дневник // Звезда. 1992. № 2. С. 198; ОР РНБ. Ф. 322. Оп.1. Д. 44. Л. 80.

¹²¹ Родина. 1917. № 12. С. 171, 173, 175; *Чертилина М.* Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в кинофотодокументах РГАКФД...

виков И.Г. Церетели впоследствии вспоминал: «На бесчисленных знаменах были самые разнообразные надписи, формулировавшие стремления разных групп, классов, профессий, — но все это были красные знамена, и дух единения, воодушевлявший всех манифестантов, нашел свое выражение в основной надписи, общей для всех знамен: “Да здравствует Великая Революция!”». Некоторые национальные организации, участвовавшие в манифестации, наряду со своими национальными флагами также несли красные знамена со своими лозунгами¹²². Красной материей было украшено место захоронения, красными полотнами были декорированы здания, выходящие на Марсово поля. На этой первой крупной общегосударственной церемонии красный флаг, преобладавший и на всех «праздниках свободы», состоявшихся ранее, приобрел новый официальный статус.

День похорон усилил антибуржуазные настроения, уже распространенные в Петрограде. Даже у умеренных социалистов, сторонников Советов, создавалось впечатление, что зажиточные слои населения, господствующий класс, «буржуазия», «господа», «хозяева» игнорировали революционную церемонию¹²³.

Можно согласиться с современным исследователем В.П. Булдаковым, который, сравнивая ритуалы похорон жертв революции в Москве и Петрограде, отмечал, что они символизировали различия между «петроградским Февралем» и «Февралем московским». Вместе с тем они отразили и глубокий социокультурный раскол в обществе¹²⁴. Однако данный раскол в это время все же только намечался, в некоторых отношениях петроградский ритуал продолжал оставаться уникальным. Похороны 23 марта были событием национального масштаба, и некоторые местные Советы послали свои делегации с венками. Однако многие социалистические организации на местах не сразу начали копировать столичный пример, отказ от религиозной церемонии похорон оставался исключением. В Кронштадте, например, 23 марта состоялась еще одна панихида по жертвам революции, в траурном шествии участвовало до 50 тыс. человек. Политические лозунги на красных флагах здесь были в целом более радикальными, чем в Петрограде, однако, в отличие от столицы, кронштадцы решили провести и религиозную церемонию. Таким образом, даже один из наиболее революционных гарнизонов страны в этом отношении действовал не столь решительно, как столичный Совет, кронштадтские депутаты учитывали чувства верующих¹²⁵.

Позднее и на Марсовом поле состоялись религиозные церемонии. Уже 24 марта по просьбам родственников и одного члена Петроградского совета

¹²² *Корняков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников (По материалам Петрограда и действующей армии): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 64–85; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1. С. 59; *Witnesses of the Russian Revolution.* P. 70.

¹²³ *Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта.* 1917. 29 марта.

¹²⁴ *Булдаков В.П.* Имнерство и российская революционность (Критические заметки) // *Отечественная история.* 1997. № 1. С. 47.

¹²⁵ *Голос правды.* Кронштадт, 1917. 25 марта; *Великая Октябрьская социалистическая революция...* Т. 1. С. 271.

причт храма Воскресения Христова (Спас-на-крови), расположенного вблизи от Марсова поля, крестным ходом вышел к братским могилам и совершил заочное отпевание павших по православному обряду. Настоятель храма произнес речь, посвященную заслуге «героев, погибших за благо Родины». 11 апреля, в день пасхального поминовения, по всем усопшим на Марсовом поле были отслужены многочисленные панихиды по «борцам за свободу». Весь день из столичных церквей и соборов на братские могилы шествовали крестные ходы. 21 мая, в день Св. Троицы, особенно многочисленное скопление народа было на Марсовом поле, куда прибыл крестный ход из нескольких церквей. Здесь у братских могил выступал с речью протоиерей Богоявленский. Во время крестного хода богомольцам раздавались листки и особые памятки. Закончились крестные ходы после пяти часов вечера. В шествии принимало участие до 300 тысяч человек. В этот день и съезд крестьянских депутатов в полном составе отправился на Марсовое поле, чтобы возложить венки на могилы борцов за свободу. Руководители Съезда, среди которых преобладали лидеры партии социалистов-революционеров, произнесли речи. Склонив знамена, депутаты опустили на колени перед могилами и несколько раз пропели «Вечную память»¹²⁶.

Можно предположить, что не все из 184 погребенных на Марсовом поле в Петрограде были противниками «старого режима» и активными участниками переворота. Наверное, 23 марта были захоронены и случайные жертвы, а возможно, и полицейские, ставшие последними защитниками павшего режима: родные попросту боялись их забирать из моргов (в то же время многие погибшие участники революции были самостоятельно похоронены родными и сослуживцами). С 1918 по 1944 г. Марсово поле именовалось Площадью жертв революции — это название точно отражало ситуацию. Но в революционной традиции 1917 г. братские могилы стали главным священным местом погребения борцов за свободу. Соответственно, менялась и культурно-политическая топография города; Марсово поле с этого времени становится особым сакральным политическим пространством, которое использовалось разными силами, порой противоборствующими.

Большую роль в политических конфликтах 1917 г. продолжал играть Невский проспект. И во время Апрельского, и во время Июльского кризисов политические противники пытались контролировать центральную магистраль столицы. Некоторым современникам это представлялось иррациональным, однако группы политических активистов разных взглядов ориентировались на городскую традицию политического протеста, что свидетельствовало о стихийном характере движений. В дни Октября Невский стал местом самоорганизации сил, пытавшихся противостоять большевикам¹²⁷. Однако и Марсово поле во время революционных событий стало центром важных политических акций — в отличие от Невского проспекта оно не было местом конфликтов,

¹²⁶ Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 381; На могилах борцов за свободу // Искры. 1917. № 21 (4 июня). С. 163.

¹²⁷ Подробнее см.: Колоницкий Б.И. Политическая топография Петрограда и революция 1917 года (Невский проспект) // Исторические записки. М., 2003. Т. 6 (124). С. 327–341.

но различные политические силы стремились обозначить там свое присутствие. Уже 4 апреля, в день пятой годовщины Ленских событий, в центр города направились демонстрации рабочих, на Марсовом поле ораторы произносили соответствующие речи, демонстранты пели революционные песни¹²⁸. Могилы затем были украшены цветами и лозунгами.

Туда обязательно направлялись представители многочисленных делегаций, устремившихся в революционную столицу, участники всевозможных съездов и конференций, высокие гости. 17 апреля на Марсово поле прибыл французский министр, социалист А. Тома, его сопровождал министр юстиции А.Ф. Керенский, за кортежем следовал почетный конвой из казаков и кавалеристов, а у могил был выстроен почетный караул гвардейской пехоты. В присутствии главы Временного правительства князя Г.Е. Львова и других министров, при огромном скоплении публики Тома произнес речь, посвященную памяти борцов за свободу, и возложил венки от имени правительства Французской республики. Разумеется, во время этой церемонии оркестрами неоднократно исполнялась «Марсельеза»¹²⁹.

Делегаты крестьянского, учительского и офицерского съездов, активисты различных профсоюзов и георгиевские кавалеры, представители бельгийских социалистов и британских рабочих организаций — все непременно посещали в 1917 г. Марсово поле, склоняли перед могилами свои знамена и возлагали цветы и венки. Порой члены делегаций вставали перед могилами на колени — так поступили, например, представители офицерского съезда¹³⁰. Эти церемонии фиксировались операторами кинохроники, корреспондентами газет и фотографами.

Отныне ритуал всех важных политических манифестаций и демонстраций обязательно включал в себя посещение Марсова поля. Так, 18 апреля (1 мая по новому стилю), и в дни Апрельского, Июньского, Июльского кризисов здесь происходят важные события. Это место включается в маршруты манифестаций, становится «сборным пунктом», а иногда и главным местом проведения демонстраций и митингов. Странники различных политических направлений как бы подтверждают тем самым революционный характер своих действий, они демонстрируют верность идеалам «павших борцов за свободу», выражают готовность продолжать их дело. Память о мучениках революции должна освящать их действия¹³¹. И 5 января 1918 года, в день открытия Всероссийского Учредительного собрания, Марсово поле стало сборным пунктом для демонстрантов, пытавшихся противостоять большевикам и левым эсерам.

В Гельсингфорсе, Красноярске, Кронштадте, Ревеле, Севастополе, Ташкенте и других местах посещение могил «борцов за свободу» и «жертв борьбы с царизмом» также стало обязательным элементом демонстраций и манифестаций. При этом могилы украшались цветами, флагами и революционными

¹²⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 365.

¹²⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 18 апреля.

¹³⁰ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, альбом № 035759. Л.14, 25, 34. Речь. 1917. 16 мая.

¹³¹ Корнаков И.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции (1917 год в России: Массы, партия, власть)... С. 365.

лозунгами, рядом с ними торжественно фотографировались делегаты и манифестанты. Постоянно подчеркивался сакральный характер этих мест: «...Мы не будем изменниками под красным знаменем, знаменем вашей крови, принесенной в жертву за нас, — мы сплотимся и с вечной памятью на устах подойдем к вашим могилам, к могилам для других, для нас — храмом, храмом смелой любви к свободе», — писала газета большевиков Кронштадта 23 марта, в день похорон в Петрограде¹³².

Похороны 23 марта в революционной столице стали и грандиозной психологической победой нового строя. Накануне среди испуганных горожан ходили всевозможные панические слухи: одни ожидали погромов и провокаций затаившейся «черной сотни», у других же вырытые могилы и узкие улицы пробуждали ужасные воспоминания о катастрофе на Ходынском поле в Москве. Но если первая важнейшая церемония царствования «Николая Последнего» была омрачена страшной катастрофой, то главный праздник начала «царства свободы» прошел блестяще, несмотря на огромное количество участников процессии организаторам удалось избежать серьезных эксцессов. Шествие многочисленных дисциплинированных колонн, которыми руководили специально назначенные распорядители с красными лентами и повязками, поражало зрителей. Гордые петроградцы полагали, что их грандиозная манифестация свободных граждан, прошедшая без какого-либо полицейского контроля, не имеет аналогов в мировой истории. А.М. Горький с воодушевлением писал: «В этом парадном шествии сотен тысяч людей впервые и почти осязательно чувствовалось — да, русский народ совершил революцию, он совершил революцию, он воскрес из мертвых и ныне приобщается к великому делу мира — строению новых и все более свободных форм жизни!»¹³³. Автор газеты большевиков Кронштадта также писал об историческом значении этого события: «Этот день жертв революции должен быть праздником праздников из века в век, до тех пор, пока на земле будут свободные люди»¹³⁴.

Похороны 23 марта были не только петроградским, но и общероссийским событием. В некоторых городах и в этот день прошла новая волна «праздников свободы». В Москве отдельные предприятия не работали, на заводах и в учреждениях проходили митинги, посвященные похоронам жертв революции в Петрограде. В Киеве, Кронштадте, Одессе, Самаре, Риге, Симбирске и других городах состоялись новые манифестации, посвященные памяти «борцов за свободу». Нередко центром этих манифестаций были захоронения жертв революции 1905 и 1917 гг., а также могилы павших в годы войны. В прифронтовом Двинске состоялся «Праздник единения» военнослужащих 5-й армии: на братских могилах павших за родину солдаты и офицеры обменивались поцелуями, «праздник свободы» использовался для патриотической мобилизации и укрепления воинской дисциплины. Однако порой ритуал местных праздников принципиально отличался от исключительно светской церемонии в сто-

¹³² Голос правды. Кронштадт. 1917. 23 марта.

¹³³ Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 80.

¹³⁴ Голос правды. Кронштадт, 1917. 23 марта.

лице. Так, в Москве на вокзалах и в некоторых учреждениях были совершены панихиды по жертвам революции¹³⁵.

И в других городах состоялись захоронения и перезахоронения «борцов за свободу». На Черноморском флоте, матросы которого гордились своей революционной историей, началось движение по поиску мест захоронений «борцов за свободу», казненных старым режимом. Определенные инициативы предпринимали революционные организации, но наряду с ними свои разыскания и раскопки производили и различные независимые энтузиасты, это движение приобрело массовый и стихийный характер. В результате были найдены останки 11 матросов, расстрелянных в 1912 г. за попытку организации восстания. В Севастопольском совете обсуждался вопрос о перезахоронении «жертв революции, казненных в 1912 году». Делегатское собрание 25 апреля 1917 г. большинством голосов высказалось за гражданские похороны, возможно, при этом учитывался опыт похорон в Петрограде. Но такое решение, по-видимому, вызвало протесты, и 29 апреля было решено «хоронить гражданскими похоронами, но и со священниками». Торжественная церемония перезахоронения состоялась в Севастополе 30 апреля¹³⁶.

Исполнительный комитет Севастопольского совета снарядил и специальную экспедицию на остров Березань, на котором были расстреляны в 1906 г. лейтенант П.П. Шмидт и другие руководители восстания на крейсере «Очаков». Туда было направлено посыльное судно «Принцесса Мария» с отрядом матросов. Уже 16 апреля этой экспедиции удалось обнаружить захоронение. Прах моряков поместили в роскошно убранные железные гробы, была отслужена церковная панихида, а на месте казни при участии корабельного священника установили деревянный крест. Гробы были доставлены в Очаков, а затем в Одессу, где их торжественно пронесли по улицам городов. В Очакове и Одессе состоялись митинги, шествия, были совершены торжественные заупокойные службы, в Одессе панихиду отслужил архиепископ Херсонский и Одесский. Показательна проповедь одного из священников: «Дадим, подобно Шмидту, слово ни перед чем не отставать от намеченной цели свободы, равенства и братства. В этом проявится наибольшее уважение к увековечению памяти истинного сына в России». Наконец останки «борцов за свободу» были доставлены в Севастополь. Когда корабль входил в бухту, то все суда Черноморского флота приветствовали его салютом с приспущенными кормовыми флагами, оркестры играли «Коль славен...». На флагманском корабле был поднят сигнал «Вечная память борцам за свободу, павшим в 1905 году». По настоянию родственников погибших решено было устроить «смешанные» похороны — гражданско-религиозные. В панихиде участвовали высшие представители православного духовенства города, включая епископа Севастопольского.

¹³⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 272, 276, 280; Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 29 марта; Авдеев Н. Революция 1917 года... Т. 1. С. 116.

¹³⁶ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1932. С. 21–24; РГА ВМФ. Ф. Р–181. Оп. 1. Д. 15. Л. 143, 144.

Церемония представляла собой яркую оборонческую демонстрацию: рядом с хоругвями, многочисленными венками, красными знаменами, серебряными венками и портретами лейтенанта Шмидта несли лозунги «Победа над Германией — путь к братству народов». Портреты Шмидта были и на многих красных знаменах¹³⁷.

В организации похорон в Севастополе активную роль играло командование Черноморского флота во главе с адмиралом А.В. Колчаком, который использовал и эту торжественную церемонию для укрепления своего влияния и распространения идей оборончества. Во время церемонии захоронения адмирал первым шел за гробом лейтенанта Шмидта, его сопровождали чины штаба командующего флотом¹³⁸. Колчак тем самым давал понять, что именно командование флота и оборонческие организации являются истинными продолжателями дела лейтенанта Шмидта. Показательно, что в соответствии с приказом адмирала Колчака имя Шмидта было присвоено клубу офицеров Черноморского флота. На Черноморском флоте был создан также особый фонд имени Шмидта. Севастопольские чиновники, например, сдавали свои ордена в этот фонд¹³⁹. Сложно предположить, чтобы это происходило без санкции адмирала Колчака.

В некоторых оборонческих резолюциях командование флота даже изображалось как продолжатель дела революционеров 1905 года. Служащие станции Сокологорное, Южной железной дороги заявляли: «Гордимся и верим, что славные потомки Шмидта и Матюшенко приложат все силы и разум довести войну до победоносного конца и удержат вырванную из рук тиранов — свободу. Да здравствует славный Черноморский флот! Да здравствует адмирал Колчак! Да здравствует свободная Россия! Ура Черноморскому флоту и ее вождю адмиралу Колчаку!». Показательно, что газеты, сочувственно относившиеся к адмиралу, печатали такие воззвания¹⁴⁰. Колчак воспринимался частью оборонцев как «славный продолжатель» дела лейтенанта Шмидта. Вряд ли адмирал был рад такой роли, однако отказываться от нее в сложившихся условиях было бы самоубийственно. Ради достижения тактических преимуществ Колчак, возможно, неохотно, но активно и творчески способствовал развитию революционного культа лейтенанта Шмидта, наиболее известного борца за свободу. Адмирал временно укреплял свой политический статус, но одновременно он способствовал созданию таких правил политической игры, которые затрудняли его конечную победу.

В схожем положении находились и иные умеренные политические силы в других местах. Так, в Гельсингфорсе и Свеаборге местные социалисты-революционеры выступили инициаторами поисков могил участников восстания

¹³⁷ Крымский вестник. Севастополь, 1917. 11, 26 мая; Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 24–26; Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 381 – 383.

¹³⁸ Крымский вестник. Севастополь, 1917. 11 мая.; Верховский А.И. На трудном перевале. С. 236.

¹³⁹ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: Исследователь, адмирал, верховный правитель России. М., 2002. С. 70; Крымский вестник. Севастополь, 1917. 11 мая.

¹⁴⁰ Крымский вестник. Севастополь, 1917. 16 мая.

1906 г. И там имели место торжественные церемонии и религиозные службы, и там память о борцах за свободу использовалась оборонцами в политической борьбе¹⁴¹.

Вместе с тем в Севастополе, Гельсингфорсе и других городах умеренным политическим силам было сложно монополизировать память о революции 1905 г., права на нее предъявляли и левые социалисты, местную революционную традицию активно использовали большевики и их союзники. «Места памяти», создававшиеся и «перестраивавшиеся» в ходе «праздников свободы» и политических конфликтов 1917 г., вполне могли стать выгодным плацдармом для политических наступлений большевиков и их союзников, ресурсом для радикализации политического процесса.

Ритуал «праздников свободы» оказал большое воздействие на первые праздники советского периода. Даже религиозные церемонии продолжали некоторое время оставаться частью торжественного похоронного ритуала. Показательно, что и церемониал похорон в Кронштадте 12 ноября 1917 г. моряков, погибших в дни Октября, предполагал религиозную церемонию. Тела их из госпитальной часовни Николая Морского торжественно переносились в огромный Морской собор¹⁴². Похороны «героев Октября» организовывались по примеру захоронения «героев Февраля».

Во время «праздников свободы» в России появляется новый ритуал, в котором соединились русская военная традиция, ритуал церковного православного празднества и традиция революционного подполья. Этот синтез противоречивых культурных элементов оказал немалое воздействие на политическую культуру советской эпохи. В дальнейшем праздник секуляризуется, т.к. открытое использование религиозных обрядов становится невозможным. Подобное влияние опыта «праздников свободы» проявляется в последующей сакрализации ритуалов и символов новых праздников и традиций советского периода.

3. Красная Пасха революции

Московский историк М.М. Богословский записал 8 марта 1917 г. в своем дневнике: «В газетах продолжается вакханалия, напоминающая мне сцены из реформации XVI в., когда ломали алтари, бросали мощи, чаши, иконы и топтали ногами все те святыни, которым вчера поклонялись. <...> Переворот наш — не политический только, не революция июльская или февральская (Богословский упоминает французские революции XIX в. — *Б.К.*). Он захватит и

¹⁴¹ Подробнее см.: *Колоницкий Б.И.* Память о первой российской революции в 1917 году: случаи Севастополя и Гельсингфорса // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре.* 2009. № 2 (64).

¹⁴² Копии большевистских резолюций, постановлений // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд, В-11833/1. Л. 233.

потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформу»¹⁴³.

Историк пишет о процессах десакрализации монархии, о борьбе с символикой старого режима, борьбе, достигавшей религиозного напряжения. Революция действительно была не только политическим переворотом, политизировались социальные и экономические конфликты, научные дискуссии. Политика вторгалась и в церковную жизнь. М.М. Богословского такая перспектива тревожила, но многие его современники приветствовали эти процессы, способствовали их углублению.

Многие сторонники революции воспринимали ее не только как великий политический, но и как тотальный нравственный переворот, как реакцию на нетерпимую аморальность и даже «греховность» старого режима. Современный публицист писал: «...Политическая победа может быть понята многими именно как политическая, между тем как это общая победа русского духа над пассивностью и мертвечиной, мешавшей жить, дышать, творить». Другой пример морализаторской оценки ситуации — брошюра Н.Н. Пчелина, в которой «безнравственным» объявляется не только политический режим Николая II, но и весь дореволюционный общественный строй, основанный на социальном неравенстве: «Русские люди забыли самую цель, для чего нужно жить союзом, а не в одиночку. А забыли русские люди правду по простой причине — разделились они на богатых и бедных, на знатных и бесправных. Царская власть вся покоилась на страшном грехе»¹⁴⁴.

Участники событий нередко искренне полагали, что с революцией исчезнут ложь и воровство, сквернословие и азартные игры, тюрьмы и даже заборы. Во Владикавказе запрещалась «неприличная» французская борьба, а в Рыбинске спешно ликвидировались совершенно нетерпимые в новой жизни бордели. К искоренению публичных домов приступили революционные власти и в других городах. Исполнительный комитет Севастопольского совета воинских и рабочих депутатов также принципиально высказался за уничтожение домов терпимости и постановил войти по этому вопросу в соглашение с городским самоуправлением¹⁴⁵.

С радостью фиксировались и действительные, и лишь желаемые изменения в отношениях между людьми. Это было присуще и некоторым известным авторам консервативных взглядов, ранее опасавшимся революции. Так, философ С.Л. Франк, один из авторов известного антиреволюционного сборника «Вехи», писал после свержения монархии: «Люди стали внимательнее и вежливее друг к другу, пробудилось острое почти опьяняющее чувство общенациональной солидарности»¹⁴⁶. В этом отношении Февраль был крайней формой «революции завышенных ожиданий». Повышению же уровня общественных

¹⁴³ Богословский М.М. Дневники, 1913 — 1919. М., 2011. С. 322.

¹⁴⁴ Абрамович Н.Я. Подполье русского интеллигентства. М., 1917. С. 4; Пчелин Н.Н. Старый и новый порядок. М., 1917. С. 7.

¹⁴⁵ Столянский П. А. Там, в глубине России // Русский инвалид. 1917. 24 июня; Известия Севастопольского совета воинских и рабочих депутатов. 1917. 28 сентября.

¹⁴⁶ Франк С.Л. О благодетельстве и низости в политике // Русская свобода. 1917. № 3. С. 28.

ожиданий способствовали и чрезвычайно оптимистичные заявления некоторых влиятельных лидеров революции, обещавших не только политические преобразования, но и нравственное возрождение. «Мы должны создать царство справедливости и правды», — заявлял популярнейший министр А.Ф. Керенский¹⁴⁷. Разумеется, подобное ожидание морального перерождения присуще и иным общественным переворотам: и в других странах в иные эпохи энтузиасты революции объявляли последний бой проституции, а сознательные официанты отказывались от нетерпимых в новой жизни чаевых. Однако в условиях России синтез морально-политических ожиданий имел свои особенности.

Российская Православная церковь и самодержавие были связаны и институционально, и идейно, кризис режима переплетался с тем кризисом, который переживала церковь. Многие верующие привыкли относиться к государству религиозно. Царь был не только главой государства, но и земным главой Российской православной церкви, он выполнял функции, ранее исполнявшиеся патриархом. Официальный культ монарха переплетался с культом религиозным, и в XX в. царь земной порой воспринимался еще как образ Царя небесного. Сакрализация монарха продолжала оставаться фактом церковной жизни и религиозного быта части русского народа, культ царя оставался необходимым условием официальной религиозности. Н.А. Бердяев в своей знаменитой книге впоследствии писал, что самодержавная власть царя в народе имела религиозную санкцию как власть теократическая¹⁴⁸. Многие революционеры-пропагандисты впоследствии вспоминали, что на рубеже веков простолюдины охотно воспринимали самую радикальную социальную и политическую агитацию. Однако при этом даже осторожная критика в адрес царя ими отторгалась — она противоречила их религиозным убеждениям¹⁴⁹. В то же время переход на антимонархические позиции часто был связан с усвоением атеистических воззрений, а распространение антиклерикальных взглядов нередко способствовало усвоению республиканских идей. Противоречивый процесс секуляризации политической сферы переплетался с десакрализацией монарха и монархии.

Но немало верующих интеллигентов считали подобное официальное теократическое почитание царя противоречащим религиозным канонам, задолго до революции они искренне решительно осуждали «ересь цезарепапизма»¹⁵⁰. Подчас их аргументы совпадали с позицией ряда российских сектантов, продолжавших обличать власть императора, исходя из своих религиозных воззрений. Некоторые современники считали именно «грех цезарепапизма» важнейшей причиной революции. «Отчего рухнуло царское самодержавие в России?

¹⁴⁷ [Керенский А.Ф.] Речи А.Ф. Керенского. Киев, 1917. С. 29.

¹⁴⁸ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и бог // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 111–193; Shkarovskii M. The Russian Orthodox Church // Critical Companion to the Russian Revolution / Ed. E. Acton, V.Iu.Cherniaev, W.G.Rosenberg. London; Sydney; Auckland, 1997. P. 416–428; Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 13.

¹⁴⁹ Интересно, что это было присуще не только собственно русским областям. О ситуации в Грузии см.: Жордания Н. Моя жизнь. С. 2–5.

¹⁵⁰ Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 9.

Оттого что оно стало идолом для русского самодержца. Он поставил свою власть выше церкви, в этом было и самопревознесение, и тяжкое оскорбление святыни... Повреждение первоисточника духовной жизни — вот основная причина этого падения», — писал вскоре после Февраля философ Е.Н. Трубецкой¹⁵¹.

Разумеется, утверждения такого рода несли и известную пропагандистскую нагрузку. Некоторые авторы подобно Трубецкому стремились с помощью такой аргументации сосредоточить внимание своих читателей исключительно на религиозных вопросах, укрепить политический авторитет церкви и сдержать углубление революционного процесса. Однако, безусловно, старый режим многими верующими воспринимался как «греховный», а дореволюционные слухи и обличения революционного времени, касающиеся свергнутого императора и его супруги, немало этому способствовали. Свержение «цезарепапизма» («царепапизма») публично приветствовали и некоторые архиереи Российской Православной церкви — архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел, епископ Переславский Иннокентий, епископ Александровский Михаил, епископ Уфимский и Мензелинский Андрей. Другие архиереи приветствовали «освобождение» церкви. При этом использовалась риторика, созвучная революционной символике 1917 г.: освобождение страны и церкви от «гнета», «порабощения», освобождение от «вековых оков», «оков рабства», освобождение из «темниц»¹⁵².

Можно с уверенностью утверждать, что многие священники и миряне разделяли подобные настроения, а заявления представителей епископата авторитетно подтверждали их мнение. Религиозные эксперименты части политической элиты, в том числе и некоторых представителей царской семьи, в особенности возвышение Распутина, породившее разнообразные слухи, многие верующие, священнослужители и миряне с негодованием воспринимали как кощунство, как вызов своим религиозным убеждениям¹⁵³. В такой ситуации даже некоторые весьма консервативно настроенные епископы Российской Православной церкви накануне революции дистанцировались от верховной власти. Общественный кризис в канун революции проявлялся и в церковной жизни, и политический переворот не мог не привести к радикальному перевороту и в этой области.

Часть интеллигенции задолго до революции полагала, что борьбу против самодержавия следует вести и в сфере религии, ибо царь воспринимался немалой частью верующих не только политически, но и религиозно¹⁵⁴. Уже в ходе революции 1905 г. предпринимались всевозможные попытки синтеза религии и революции, религии и социализма (эти попытки беспокоили церковные власти,

¹⁵¹ Трубецкой Е. О христианском отношении к современным событиям // Русская свобода. 1917. № 5. С. 3–4.

¹⁵² Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011. С. 303 — 305, 314.

¹⁵³ О десакрализации монархии накануне Февраля и во время революции см.: Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

¹⁵⁴ Показателен сборник «Царь и революция», выпущенный Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философовым в Париже на французском языке в 1907 г. — См.: Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М., 1999.

которые пытались доказать, что любое социалистическое учение представляет собой атеизм, начиная с 1909/1910 учебного года в духовных семинариях был введен специальный предмет «Обличение основ социализма»). Появлялись даже группы, которые пытались соединить революционное антимонархическое движение и радикальное обновление православия¹⁵⁵. Подобных взглядов придерживались и некоторые лидеры Февральской революции. На одном из собраний петроградской интеллигенции 29 октября 1915 года А.Ф. Керенский заявлял: «...Политика — эмпирия, а самодержавие — религия... с этой религией нужно бороться тем же оружием, т.е. религией, религиозным сознанием». Схожие взгляды высказывал и другой участник беседы — Д.С. Мережковский¹⁵⁶. Использовать в революционных целях религию призывали и многие социалисты, это проявилось, например, в «богостроительстве». На религиозно-политические эксперименты интеллигенции влияла и антимонархическая позиция части российских сектантов (несколько поколений русских социалистов проявляли к сектам немалый интерес, считая сектантов своими естественными союзниками)¹⁵⁷. В годы Первой мировой войны появились новые основания для союза радикальных социалистов и части русских сектантов. Последние, по словам Г. Шавельского, протопресвитера русской армии и флота, активно выступали против войны и проповедовали близость революции. В своем секретном циркуляре за июль 1915 г. он специально обращал внимание военных священников на «вредную» деятельность баптистов в русских окопах¹⁵⁸.

Революция не могла не повлиять и на церковные службы. Дело в том, что в них упоминалось имя царя, в тексте молитвы содержались такие слова: «Возвесели сердце верного раба Твоего, Благочестивейшего, Самодержавнейшего великого Государя нашего императора Николая Александровича всея России о милости Твоей и укрепи его силою Твоею»¹⁵⁹. Соответственно, любая ежедневная церковная служба становилась официальной манифестацией верноподданности, но в то же время она легко могла быть превращена в антимонархическую демонстрацию. Так, во время Первой российской революции радикально настроенные прихожане требовали от священников, чтобы они перестали поминать царя, а в некоторых случаях и силой принуждали их к этому. В конце 1905 г. Д.С. Мережковский в своем «Воззвании к Церкви» призывал «прекратить в храмах возношение молитв за Царя и Царствующий Дом. Возносить молитву за освобождение народа»¹⁶⁰.

¹⁵⁵ *Поспеловский Д.В.* Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 28, 32–33; *Scherrer J.* Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen: Die Entwicklung des Religiösen Selbstverständnisses ihren Intelligencija-Mitglieder (1901–1917). Wiesbaden, 1973, S. 159–184; *Фурсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. 623 с.

¹⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1606. Л. 112, 115.

¹⁵⁷ См.: *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. 687 с.

¹⁵⁸ *Останина О.В.* Обновленчество и реформаторство в Русской православной церкви в начале XX века: Автореф. дис... канд. филос. наук. Л., 1991.; *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 270; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10776. Л. 21.

¹⁵⁹ Руководственные указания духовенству действующей армии. Б. м., 1915. С. 13.

¹⁶⁰ *Павлова М.М.* Мученики великого религиозного процесса // *Мережковский Д., Гиттиус З., Филосовов Д.* Царь и революция. С. 10–12.

Падение авторитета царя в годы Мировой войны также проявлялось в отрицательном отношении некоторых верующих к «поминанию». Так, пожилой крестьянин-сибиряк заявил в июле 1915 г.: «Нужно молиться за воинов и великого князя Николая Николаевича, за Государя же чего молиться. Он снарядов не запас, видно прогулял да проблядничал»¹⁶¹.

Вопрос о «поминовении» крайне остро встал перед многими священниками и прихожанами сразу же после Февраля. Митрополит Евлогий вспоминал: «С первого же дня после переворота передо мной, как главой Волынской епархии, встал вопрос: кого и как помянуть на церковных службах? Поначалу, до отречения Великого князя Михаила Александровича, он разрешился просто. После возникло осложнение»¹⁶². В схожей сложной ситуации находились все архиереи.

Иначе вспоминал первые мартовские дни революции известный социал-демократ В.С. Войтинский, ставший в дни революции членом Общественного комитета Иркутска: «Наряду с серьезными делами много времени отнимали пустяки. ... Приходил соборный протоиерей с запросом, за кого “возглашать” на ектении. — Преосвященный владыка предполагают благословить духовенство возглашать “за державу российскую и благочестивых правителей ее”. — Возглашайте!»¹⁶³. Здесь весьма показателен и сам факт быстрого и привычного обращения священнослужителя к новой светской власти (только она, по его мнению, может найти выход из данной деликатной ситуации), и отношение автора-социалиста к этому важному для многих верующих вопросу как к «пустяку», и быстрое решение проблемы.

Для верующих же, в особенности для священнослужителей «возглашение» вовсе не было «пустяком». Уже 3–4 марта в ряде епархий были приняты постановления об упразднении молитв за царя, немало же священников сами вносили изменения в ход церковных служб не дожидаясь распоряжений своих епископов. Но остро стоял вопрос о том, кого следовало включать в новый текст «поминовения». В Святейший Синод в большом числе начали поступать десятки панических телеграмм от архиереев, настоятельно требовавших спешного решения этой проблемы. «Дорога каждая минута», — торопил членов Св. Синода архиепископ Таврический и Симферопольский. Вопрос о том, «кого вспоминать из власти за богослужениями» стоял остро во всех епархиях. «Прошу вторично указания, кого помянуть за службами вместо царя. Меня осаждают просьбами об этом», — сообщал епископ Екатеринбургский. О том же писал в Св. Синод и епископ Приазовский и Таганрогский: «Доселе на местах нет единообразной формулы богослужебного поминовения. Смущаются пастыри и пасомые. Прошу указаний»¹⁶⁴.

Продолжение упоминания членов императорской фамилии на ектении священниками обостряло политическую ситуацию во многих районах, нередко мо-

¹⁶¹ РГИА. Ф.1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 53.

¹⁶² [Евлогий, митрополит] Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия. Париж, 1947. С. 285.

¹⁶³ Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. С. 22.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 84. Д. 64. Л. 29–33.

лящиеся выражали недоумение и недовольство поминовением, имели место и столкновения мирян с духовенством. По этой причине и священнослужители, и представители гражданских и военных властей на свой страх и риск, не дожидаясь указаний Св. Синода, распоряжались об изменении текстов, иногда этому предшествовали напряженные дискуссии, порой проводилось голосование представителей духовенства. При этом возникали различные местные варианты поминовения. Так, митрополит Московский и архиепископ Нижегородский 6 марта направили в свои епархии указания о необходимости поминовения «Богохранимой Державы Российской и христоролюбивого воинства». Ранее, 3 марта, в Москве одни представители духовенства решили молиться «О Велицей Державе Российской и правителях ея», а другие предлагали поминать «Богохранимую Державу Российскую и правительство ея». В Костроме в тот же день утвердили формулу «О благоверных придержащих властях», которая соответствовала любой ситуации. В Петрограде собрание благочинных предписало молиться о «Правительстве богохранимой державы Российской». В других епархиях, отдельных городах и монастырях находили свои новые формулы¹⁶⁵.

В вооруженных силах решительно действовали командующие, они понимали необходимость спешного решения вопроса, чреватого конфликтами. Соответствующие распоряжения отдал военным священникам Юго-Западного фронта его главнокомандующий генерал А.А. Брусиллов. А главный священник Черноморского флота получил первоначально телеграфное распоряжение от командующего флотом адмирала А.В. Колчака поминать «Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича и весь царствующий дом», опуская в титуле главнокомандующего слова «Благоверного государя». Очевидно, на этом этапе А.В. Колчак считал вероятным сохранение монархии. Однако уже через несколько дней от командования флотом поступило новое распоряжение об «изменении поминания». Показательно, что духовенство действовало в этих ситуациях по прямым указаниям военного и военно-морского командования. По-видимому, авторитет светских и военных властей в деле реорганизации богослужения признавался духовенством и не смущал представителей командования. Иногда вопрос даже решался без обращения к духовенству. Так, начальник Моонзундской позиции запрашивал командующего флотом Балтийского моря: «Как надлежит произносить в церкви при церковных службах ектенью?». Предполагалось тем самым, что распоряжения адмирала явно будут авторитетными для священников. В Могилеве же, где находилась Ставка верховного главнокомандующего, еще 5 марта сохранялось упоминание о царе, но было опущено упоминание о «самодержавнейшем»¹⁶⁶. Наконец специальные решения об унификации церемонии «возглашения» были приняты Петроградской духовной консисторией и Св. Синодом.

¹⁶⁵ Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 208–209, 229–230, 278–279, 280–282.

¹⁶⁶ Русский инвалид. 1917. 11 марта; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10115. Л. 5. 15 (об.); Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России (Ноябрь 1916 г. — апрель 1917 г.) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн.3. С. 80; [Евлогий, митрополит] Путь моей жизни. С. 285; Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. P. 225; Зингер М.Е. 1917 год в Балтийском флоте: Опыт систематического исследования революционных событий // РГА ВМФ. Ф. Р–29. Оп. 1. Д. 153. Л. 170.

7–8 марта Св. Синод предписал возносить моление «о Богохранимой Державе Российской и благоверном Временном правительстве ея». Митрополит Евлогий вспоминал, что некоторые диаконы иногда путали и возглашали «Многие лета» — «Благовременному Временному правительству»¹⁶⁷...

Однако и после этого, вопреки официальным указаниям Св. Синода и своих епископов, многие монархически настроенные священники упорно продолжали поминать царскую фамилию, это имело место в провинции, в действующей армии и даже в пригородах Петрограда (порой священники не оглашали манифесты и другие юридические акты Временного правительства). Подобные действия представителей духовенства стали предметом особых разбирательств. Некоторые священники были уволены за штат церковным начальством, некоторые — смещены местными властями, кого-то даже ждал арест. За монархическую проповедь был уволен на покой даже епископ Сарапульский и Елабужский Амвросий¹⁶⁸.

Депутат Государственной Думы Н.Д. Крупенский (Крупенский 2-й) сообщал в Св. Синод, что за пропаганду против нового строя некоторые представители петроградского духовенства неоднократно арестовывались, однако они «смотрели на это как на тяжелый крест, который они должны нести». Некий же вологодский священник, сохранявший верность свергнутому царю, упорно заявлял: «Поминаю и впредь буду поминать»¹⁶⁹. Некоторые же представители духовенства, не желая признавать «революционные» поминовения новых властей, но стремясь избежать репрессий, придумывали свои, компромиссные варианты. Так, известный московский священник В. Востоков во время своих служб провозглашал: «Помяни Господи всякое начало и власть благия в благодсти укрепи». Один же священник Вологодской епархии на протяжении весны 1917 г. «не отказывался поминать новое правительство», но одновременно упорно продолжал поминать на богослужении и правительство прежде¹⁷⁰.

Иногда основанием для разбирательства со стороны новых властей были и проповеди в храмах. Так, в Св. Синод поступило письмо, посвященное проповеди в петроградской церкви Скорой Послушницы (Николо-Александровский храм Палестинского общества). Ее произнес уже 5 марта 1917 г.

¹⁶⁷ [Евлогий, митрополит] Путь моей жизни. С. 285; Бабкин М.А. Священство и Царство... С. 209.

¹⁶⁸ Обзор положения в России за три месяца революции по данным отдела сношений с провинцией Временного комитета Государственной Думы // Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 34; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. С. 132; 391, 392; Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году (Период двосвастия). Л., 1973. С. 188–189; Осипова Е.С. Политика православной церкви в период подготовки Октябрьской революции (март–октябрь 1917 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1968. С. 10; Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. P. 225; Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 396–406.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 12. Л. 63. Крупенский сообщал в Синод: «Я считал бы необходимым просить священников для ограждения своей безопасности и достоинства своего сана временно воздержаться от произнесения проповедей в церквях и произносить только такие проповеди, которые должны призывать паству к общему Русскому делу: подчинение существующим ныне властям и порядку».

¹⁷⁰ Востоков В. Точные данные к послужному списку митрофорного протоиерея Вл. Востокова // Columbia University Library, Bakhmetieff Archive, Vostokov Papers, Box № 1; Бабкин М.А. Священство и Царство... С. 228.

староста церкви, профессор Киевской духовной академии А.А. Дмитриевский, известный византист, член-корреспондент Академии наук. Он сочувственно перечислял имена ряда представителей династии Романовых, включая Николая II, осудил убийства полицейских и гонения, которым подверглись члены их семей. Проповедь вызвала немалое волнение среди прихожан, у церкви собралась большая толпа, требовавшая ареста проповедника. Дмитриевскому удалось избежать ареста, впрочем, епархиальное начальство просило его впредь воздерживаться в проповедях от обсуждения политических вопросов¹⁷¹. Однако судьба некоторых других проповедников, сочувственно отзывавшихся о монархии, была иной, их задерживали сторонники революции.

С другой стороны, многие верующие организовали благодарственные молебны после падения монархии: «первой ласточкой» революции для епископа Евлогия была телеграмма священника его епархии: «Рабочие просят отслужить молебен по случаю переворота». Религиозные службы сопровождали «праздники свободы» во многих городах и селах, в епархиальных центрах в них нередко участвовали и местные архиереи. Во время торжественных религиозных процессий перед иконами порой несли красные знамена с лозунгом «Да здравствует демократическая республика» и др.¹⁷²

Некоторые священники украсили себя красными бантами, в условиях революции это была явная политическая демонстрация. Символы революции проникали и во внутреннее убранство церквей. «Теперь в Казанском соборе у подножия Распятия, где столик панихидный, заупокойный, у ног Христа кто-то приколот красный шелковый платок и цветы. <...> Это то же красное знамя. И это очень мудро. Я только что писала о кресте, и этот платок меня потряс, в редкие минуты такое волнение внутреннее испытываешь, и особенно я ноги Христа поцеловала, не так как всегда», — писала Т.Н. Гиппиус, сестра З.Н. Гиппиус, активно участвовавшая в деятельности Петербургского религиозно-философского общества. О прикреплении красных бантов к иконам сообщают и другие источники¹⁷³. Подобные индивидуальные действия глубоко верующих людей свидетельствовали о сакрализации революционных символов и о политизации религиозной жизни.

Политика все агрессивнее вторгалась во внутреннюю жизнь Российской православной церкви. Управление церковью было на время дезорганизовано. Во многих епархиях возникло движение мирян и низших церковных служителей, которые боролись за улучшение своего положения, требовали спешных и радикальных преобразований в церкви, использовали при этом революционную риторику, а иногда и действовали в союзе с новыми революционными

¹⁷¹ *Рогозный П.Г.* «Пред нашими взорами совершился суд над историей» (Проповедь профессора А.А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.) // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб., 2007. Т. XXX. С. 447–455.

¹⁷² *Евлогий, митрополит* / *Путь моей жизни.* С. 284; ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 174. Л. 20 об. О молебнах см. также: *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда... С. 41.

¹⁷³ ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 174. Л. 15. *Письмо Т.Н. Гиппиус Д.В. Философова 19 марта 1917 года; Мельников С.И.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 257.

властями. Противники подчас презрительно именовали их «социал-диаконами» и «социал-псаломщиками». Некие псаломщики даже создали свою Боевую организацию и угрожали своим оппонентам террором¹⁷⁴.

Некоторые архиереи и многие священники были арестованы в качестве «слуг старого режима», такая участь постигла в Петрограде митрополита Питирима уже 28 февраля. На развитие ситуации противоречивое воздействие оказывала политика «революционного» обер-прокурора Синода В.Н. Львова, который, действуя крайне решительно, «держался диктатором», сместил московского митрополита, почти полностью обновил Синод. С другой стороны активно действовали епархиальные съезды состоявшие из представителей духовенства и мирян, а также созданные ими комитеты (нередко они находили поддержку у революционных провинциальных органов власти). В некоторых случаях можно даже говорить о своеобразном «двоевластии», сложившемся в епархиях. По России прокатилась волна «низвержений епископов», а восемь епископов даже были подвергнуты аресту. Некоторые епархии в 1917 г. сменили даже несколько управляющих. Всего было смещено не менее 15 епархиальных архиереев, считавшихся реакционными. В 11 епархиях состоялись выборы новых иерархов (подчас при этом выдвигались кандидатуры мирян). При этом нередко священнослужители отстранялись, а иногда даже и арестовывались местными Советами (в июне воронежский архиепископ Тихон был арестован и препровожден в столицу, где он, впрочем, нашел поддержку и был освобожден)¹⁷⁵.

Временное правительство протестовало против смещения духовенства светскими властями, комитетами и Советами. Глава Временного правительства, князь Г.Е. Львов, издал на этот счет специальное постановление, однако это мало помогало. Конфликты между мирянами и священниками, между высшим и низшим, «черным» и «белым» духовенством переплетались с политической борьбой, в ходе которой использовались современные методы политической мобилизации, борьбы за общественное мнение. Так, монахи московского Даниловского монастыря, требовавшие смещения настоятеля, нередко созывали митинги, на которых собирались рабочие местных фабрик и солдаты из близлежащих казарм. Подобная ситуация не была уникальной. Монахи Санаксарского Богородицкого монастыря Тамбовской епархии, желавшие сместить и даже арестовать своего настоятеля, стремились заручиться поддержкой местного Совета солдатских депутатов. Комиссия о большевизме в церкви, созданная Поместным собором Российской Православной церкви, сообщала, что порой монашествующие свергали настоятелей, помогали красногвардейцам и комиссарам отбирать запасы продовольствия, доносили об имеющемся в оби-

¹⁷⁴ Митрофан, архиепископ Донской и Новочеркасский, писал: «Со введением в приходскую жизнь Православной церкви выборного начала в отношении духовенства начинает замечаться среди второстепенных членов клира (дьяконов и даже псаломщиков) получить себе священный сан через приходские приговоры...». Чтобы привлечь симпатии мирян они изъясляли готовность понизить таксы за требы. РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 21. Л. 1.

¹⁷⁵ Подробнее см.: *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

тели провианте, о сокрытых начальниками церковных вещах и даже о запасах муки для просфор¹⁷⁶.

Борьба внутри церкви нередко оформлялась с помощью политического языка Российской революции — если сторонники радикального обновления церкви именовали своих оппонентов «реакционерами», «распутинцами», «черносотенцами», «контрреволюционерами», «приверженцами старого режима», «охранниками» и «буржуями», то их противники также использовали обличительные политические штампы, именуя своих конкурентов «большевиками», «церковными большевиками» и даже «ленинцами». Словосочетание «церковный большевизм» ныне воспринимается как оксюморон, но оно часто использовалось в 1917 г. Комиссия о большевизме в церкви упоминала «большевиствующих клириков» и даже «повинных в большевизме» лицах епископского сана. Соответственно, Комиссия ставила задачу борьбы с «церковным большевизмом» и «церковными большевиками». Члены Комиссии утверждали при этом, что «большевизм захватил немалое число священнослужителей». Следует, впрочем, отметить, что в консервативных и даже либеральных кругах «большевизмом», или «ленинством», тогда называли любое радикальное или даже криминальное движение, часто это не имело никакого отношения к партии большевиков¹⁷⁷.

Язык революции употреблялся участниками конфликтов и для самоидентификации. Так порой низшие чины клира во время внутрицерковных конфликтов именовали себя «духовным пролетариатом». Радикально настроенные священнослужители призывали не только к реформам в церкви, но к настоящей церковной революции в союзе с революционными политическими партиями: «За революцией государственной, несомненно, должна последовать революция церковная», — писал известный сторонник радикального обновления церкви А. Введенский в центральном печатном органе партии социалистов-революционеров¹⁷⁸.

Можно говорить и о взаимодействии религиозного и антибуржуазного потоков революции. Это, в частности, проявилось в создании и развитии различных моделей христианского социализма, в появлении соответствующих партий и организаций. Так, Союз новых христиан-социалистов, характеризуя свергнутый строй как «совершенно противохристианский», своей задачей считал утверждение Царства Божия на земле. Предпринимались различные попытки создания христианско-социалистической, или «церковно-социалистической» партии. В Москве Ф.И. Жилкин пытался создать Христианскую социальную

¹⁷⁶ Фруменкова Т.Г. 1) Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 74–94; 2) Деятельность В.Н. Львова на посту обер-прокурора Св. Синода // Российская интеллигенция на историческом переломе (Первая треть XX века): Тез. докл. и сообщ. СПб., 1996. С. 74–78; Шкаровский М.В. «Религиозная революция» 1917 года и ее результаты // 1917-й: Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Новгород, 1998. С. 62; Rogoznyy П.Г. 1) «Церковный большевизм»: К изучению языка борьбы за власть в Российской православной церкви // Политическая история России первой четверти XX века (Памяти профессора В.И. Старцева). СПб., 2006. С. 329–340; 2) Церковная революция. С. 213–214; Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 341.

¹⁷⁷ Подробнее см.: Rogoznyy П.Г. «Церковный большевизм».

¹⁷⁸ Введенский А. Революция в церкви // Дело народа. 1917. 6 мая.

рабочую партию. Да и В.Н. Львова некоторые его оппоненты упрекали за то, что он «одевает» Православную церковь «в одежды христианского социализма»¹⁷⁹.

Показательно, что часть духовенства сочла необходимым принять участие в праздновании 1 мая (18 апреля старого стиля). И в Петрограде среди красных флагов виднелись и церковные хоругви, а некоторые священники выступали на митингах. Представители православного духовенства участвовали также в первомайских торжествах в Каменце-Подольском, Верном, Томске, Новочеркасске, Перми, Ачинске, Ярославле, Орле, Тамбове, некоторых уездных городах. В четырех случаях зафиксировано участие в праздновании 1 мая епископов. В Москве в некоторых церквях состоялись специальные торжественные службы, а управляющий Московской епархией епископ Дмитровский Иоасаф распорядился о проведении специальной службы в кафедральном храме Христа Спасителя. Архиерей также осудил приходское духовенство за недостаточно активное участие в праздновании. Его поддержал и находившийся в Москве управляющий Холмской епархией Серафим: «Мы должны быть сегодня с народом, как Христос был с ним всегда, ибо ни одно учение так не демократично, как евангельское». Сходные аргументы выдвигали и некоторые другие представители духовенства. Некий черниговский священник заявлял: «1 мая — праздник свободы, праздник христианский по преимуществу, торжество евангельских заветов, и мы, священники, будем праздновать его как праздников праздник». Первомай сравнился с Пасхой. Правда, большинство епископов не участвовали в этом празднике, а в отдельных случаях архиереи даже открыто обозначили свое отрицательное отношение к нему¹⁸⁰. Однако нельзя отрицать, что некоторая часть православных священников своими заявлениями и действиями способствовала распространению языка социалистической пропаганды и сакрализации ритуалов революционного движения.

С другой стороны и движение религиозного обновленчества, выступавшего за реформирование Российской Православной церкви, развивалось под воздействием популярной в условиях революции «моды на социализм». Реформаторы нередко использовали антикапиталистическую риторику. Так влиятельный Союз демократического духовенства и мирян высказался за борьбу с капитализмом¹⁸¹. После Февраля попытки соединения религии и революции, религии и социализма усилились. Это проявлялось, например, в деятельности части членов Петербургского религиозно-философского общества по органи-

¹⁷⁹ Союз новых христиан-социалистов. Киев, 1917. С. 6–7; *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Küssnacht, 1978. Т. 1. С. 32; *Астрахан Х.М.* Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 366; Письмо Т.Н. Гиппиус З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому, Д.В. Философову 30 июня 1917 г. ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 217. Л. 18 об. См. также: Катехизис христианина или социалиста. Екатеринослав, 1917; *Мудров А.А.* Христос-социалист, или христианство и социализм. Екатеринослав, 1917. ; Евангелие христианского социализма. Тверь, 1917; *Шкаровский М.В.* «Религиозная революция» 1917 года и ее результаты. С. 68.

¹⁸⁰ *Бабкин М.А.* Священство и Царство. С. 384 — 388.

¹⁸¹ *Spinka M.* The Church and the Russian Revolution. New York, 1927. P.69; *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С. 209.

зации митингов, создании особого издательства, попытки основания общества революционно-религиозной пропаганды¹⁸².

О политической радикализации части верующих и соединении политического и религиозного сознания свидетельствует резолюция совместного заседания комитетов одной из дивизий, входившей в состав 3-й армии. Делегаты 7 сентября постановили обратиться к Синоду и Церковному собору с требованием о предании генералов Корнилова и Лукомского, выступивших против Временного правительства, «всенародному проклятию»¹⁸³.

Существенным элементом кризиса церковного управления были движения за автокефалию православных церквей Грузии и Украины. Они переплетались с национальным движением и были сильно политизированными. Сторонники автокефалии не дожидались канонических решений Российской Православной церкви.

В Грузии собор Иверской Апостольской церкви уже 12 марта провозгласил восстановление ее автокефалии с полной независимостью от Св. Синода. Временное правительство было готово пойти навстречу этому решению, хотя органы Российской Православной церкви решительно этому противились. Правительство, однако, издало постановление «Об установлении временных правил о положении Грузинской Православной церкви в Российском Государстве», которые фактически признавали автокефалию Грузинской церкви, хотя окончательное установление положения Грузинской церкви предоставлялось Учредительному собранию. Российская Православная церковь эти решения не признавала, деяния грузинских епископов рассматривались на Поместном соборе Российской Православной церкви как проявление «церковного большевизма»¹⁸⁴.

По мере радикализации украинского национального движения становились более радикальными и его лозунги в области церковного строительства. Если в политической сфере от лозунгов федерализма оно перешло к требованию независимости, то в области религиозной лозунги автономии украинской церкви, ведения службы на украинском языке и украинизации литургии были лишь первыми шагами на пути к провозглашению автокефалии. Требование независимости украинской церкви содержалось в программах ряда украинских политических партий, соответствующее решение приняла и Центральная рада, которая рассматривала это как удар по российской контрреволюции. Неудивительно, что церковные вопросы стали предметом рассмотрения даже украинских армейских организаций. Подчас движение за автокефалию было революционным и «по форме»: современник с ужасом вспоминал «стриженных и бритых» украинских военных священников с

¹⁸² См.: *Колодицкий Б.И.* Издательство «Друзья свободы» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Л., 1989. Вып. 4. С. 79 – 84.

¹⁸³ Известия Севастопольского совета воинских и рабочих депутатов. 1917. 10 сентября.

¹⁸⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отд. 1-й. 1917. № 182. Ст. 1025; № 197. Ст. 1180; РГИА. Ф. 797. Он. 84. Д. 64. Л. 66. 97; *Шкаровский М.В.* «Религиозная революция» 1917 года. С. 66; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен. С. 507; *Рогозин П.Г.* Церковная революция 1917 года. С. 97–98.

винтовками и в шинелях, игравших активную роль на Всеукраинском церковном соборе¹⁸⁵.

Кризис церковного управления переплетался с кризисом власти в стране. Специфическая ситуация двоевластия проявлялась и в том, что со всевозможными петициями по вопросам церковного строительства верующие обращались в Советы и комитеты. Монахи Александро-Невской лавры писали в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: «Веря вашему комитету как справедливому органу правды, мы обращаемся к вам с просьбой об удалении из монастыря Александро-Невской лавры изверга-тирана наместника лавры архимандрита Филарета». Миряне же подчас жаловались в Советы на своих священников и требовали смещения последних¹⁸⁶.

С другой стороны, некоторые священники избирались в состав Советов и войсковых комитетов. Так, три представителя духовенства вошли в Ревельский Совет рабочих и воинских депутатов, священники также избирались в Омский совет. Первым председателем солдатского комитета 80-го Сибирского полка также был священник. Подчас представители духовенства занимали в комитетах довольно радикальную позицию. Генерал П.Н. Врангель вспоминал о своем столкновении с революционно настроенным священником, председательствовавшим на соединенном заседании комитетов казачьего соединения. Известный деятель церковного обновления А.И. Введенский вошел в Петроградский совет. Два протоиерея и один священник вошли в Исполком офицерских и солдатских депутатов 12-й армии. Многие священники избирались в состав общественных комитетов в городах и волостных сельских комитетах. Один судебный священник был даже секретарем комитета крейсера «Богатырь»¹⁸⁷. Радикальную позицию занял и священник учебного корабля «Азия». Матрос этого судна впоследствии вспоминал: «А во время Февральской революции отец благочинный сбросил с себя свою ризу и на митинге выступил с горячей речью: “Товарищи, нужно вести беспощадную борьбу с царским самодержавием и т.д.”»¹⁸⁸. Можно предположить, что участие священнослужителей в деятельности Советов и различных комитетов укрепляло авторитет этих органов власти в глазах многих верующих. В то же время факт избрания представителей духовенства в Советы и комитеты свидетельствовал о том, что они

¹⁸⁵ *Vociurkiw B.R.* The Rise of the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church, 1919–1920 // Church, Nation and State in Russia and Ukraine / Ed. G. Hosking. London, 1991. P.229; Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. Т.1. Київ, 1996. С. 86; *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С. 208; *Бевзюк Н.П.* Украинская автокефальная Православная церковь в годы гражданской войны: Автореф. дис... канд. ист. наук. Одесса, 1989. С. 13, 14; 1917 год на Киевщине... С. 354; *[Евлогий]* Путь моей жизни. С. 308.

¹⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 148. Л. 1; *Соболев Г.Л.* Революционное сознание... С. 193–194.

¹⁸⁷ *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. С. 338; *[Врангель П.Н.]* Воспоминания барона П.Н.Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969. С. 44–45; Вечернее время. Пг., 1917. 5 августа; *Осипова Е.С.* Политика православной церкви... С. 16–17; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. С. 195, 270, 315; Революционное движение в русской армии (27 февраля — 24 октября 1917 года). М., 1968. С. 496; *Петров М.А.* Большевизация южных баз Балтийского флота в 1917 году. Л., 1981. С. 34; *Бабкин М.А.* Священство и царство. 353 — 354..

¹⁸⁸ *Воропаев.* Начало военно-морской службы на Балтийском флоте // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд. В–18992. Л. 11.

пользовались политическим влиянием среди тех солдат, матросов, крестьян, рабочих, которые на эти властные органы ориентировались. В любом случае это придавало особое значение революционным символам и революционному языку.

Радикализм части духовенства находил отражение и в проповедях того времени. Священник одного из полков российской армии так излагал своей пастве события новейшей истории: «Великий русский народ стонал под игом беспросветного рабства в течение нескольких веков, держался в темноте, грязи и ужасающей бедности, работая на своих самодержавных властелинов и их приспешников. Идея равенства и братства решительно подавлялась и вытеснялась вместе с ее носителями в тюрьмы и далекие тайги (!) Сибири. Расправа с людьми свободной жизни была быстра и решительна. Эти мученики свободы напоминают нам жертвы христианского мученичества. <...> В лице своих лучших самоотверженных сынов свергнула святая Русь своего самодержавного властелина и его бездарных и недостойных приспешников... Мы в настоящий исторический момент находимся в положении первых мучеников за христианскую идею любви, равенства и братства»¹⁸⁹. И в данном случае упоминавшийся уже культ «борцов за свободу», предполагавший сакрализацию мучеников революции, получал и религиозную санкцию.

Некоторые священники принимали активное участие в политических и социальных конфликтах революционного времени, занимая подчас весьма радикальную позицию. Крестьяне впоследствии вспоминали о «попах-эсерах» и «попах-меньшевиках», об участии сельских священников в разгроме помещичьих имений. Порой они выступали в роли политических руководителей своей паствы. Воспоминания крестьян подтверждаются и другими источниками. Об этом свидетельствуют и сводки милиции за 1917 г.: в некоторых случаях именно «подстрекательства» священников рассматривались местными властями как причины крестьянских волнений. Радикально были настроены и отдельные военные священники (к некоторым солдаты обращались в духе времени: «товарищ-батюшка»). Разумеется, часть священников придерживались весьма консервативных политических взглядов (выше отмечалось, что несмотря на угрозу преследований они упорно продолжали «помянуть» свергнутого императора). Солдаты требовали устранения некоторых «попов» как сторонников «старого режима», а иногда и удаляли их своей властью. В то же время протоиерей 124-го пехотного полка, пропагандировавший лишь условную поддержку Временного правительства, что совпадало с позицией Петроградского совета, был удален со своего поста в результате ходатайства офицеров данной части. Другого радикально настроенного священника офицеры его полка даже обвиняли в «большевистской» деятельности¹⁹⁰.

Но и на фоне радикальных действий части священнослужителей выделяется резолюция собрания духовенства, церковных старост и представителей

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10313. Л. 131.

¹⁹⁰ 1917 год в деревне: Сб. воспоминаний крестьян. М.; Л., 1929. С. 72, 110; Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 705; РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10115. Л. 52–54 (об.), 87, 124.

от мирян 5-го благочиния Канского уезда Енисейской губернии, принятая 25 мая 1917 г. Она гласила: «Мы должны оказать всякое содействие к широкой организации трудящихся масс в местные и всероссийский Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и захвату Всероссийским Советом всей политической власти в свои руки, который один только может прекратить эту безумную бойню, решительно потребовать от своих союзников полного отказа от захватов, аннексий, контрибуций с правом всех наций на самоуправление, как единственном условии, при котором только и возможен мир всех народов всего мира, а не перемирие. <...> Освобождая себя от всякого обязательства по отношению к создавшемуся коалиционному Правительству, поддержать Совет Петроградских Рабочих и Солдатских депутатов». Глава епархии, епископ Красноярский и Енисейский Никон оценил постановление как «ленинство» и осудил его¹⁹¹.

Вряд ли представители духовенства и мирян действовали под руководством местных большевиков, да и текст постановления отличается от образцовых резолюций, публиковавшихся в центральных большевистских газетах, однако составители этого документа, без сомнения, испытали воздействие левых социалистов. Вряд ли таких постановлений было много, возможно оно является исключением, но немало священнослужителей, находившихся в поле влияния умеренных социалистов, действовали порой довольно радикально. Иногда они шли за своей паствой, а иногда использовали свой авторитет среди мирян, становились лидерами протестных движений разного рода. Со своей стороны, съезды и заседания Советов и комитетов подчас выступали с инициативами, касающимися церкви. Так, в апреле на заседании съезда комитетов Западного фронта военный священник Елашенцев потребовал отнять у церкви драгоценности, чтобы использовать их для «укрепления свободы и завершения войны». Собрание встретило этот призыв овациями и постановило напечатать текст выступления и разослать его духовенству¹⁹².

Подобные требования звучали и во многих резолюциях того времени. Это было связано с борьбой с монархическими символами и напоминало отношение военнослужащих к орденам и медалям (см. ниже). Так, епархиальный съезд Тавриды постановил уничтожить императорские инициалы на священнических крестах. Наличие этих вензелей стало причиной массовой сдачи духовенством на епархиальных съездах своих наперсных крестов и коронационных юбилейных знаков, выдававшихся всем священнослужителям в честь 300-летия царствования дома Романовых. Собранные кресты и знаки передавались на нужды Временного правительства и армии¹⁹³.

Подобные акции отражали энтузиазм первых месяцев революции, многими верующими свержение самодержавия оценивалось с религиозным энтузиазмом: «Атмосфера прочищается. поголовное воскрешение из мертвых... Слава

¹⁹¹ *Бабкин М.А.* Священство и Царство. С. 340–341.

¹⁹² Киевлянин. 1917. 16 апреля.

¹⁹³ *Бабкин М.А.* Священство и Царство. С. 392–395.

Богу, соборность торжествует над партийностью», — писала Т.Н. Гиппиус¹⁹⁴. В Пензе чрезвычайный епархиальный съезд духовенства и мирян расценил переворот как «дело великой милости Божьей к нашему отечеству»¹⁹⁵.

Немалое количество простых верующих также воспринимало революцию как богоугодное дело. Группа стариков-солдат направила письмо в Петроградский совет (они, впрочем, именовали его «Российский социал-демократический рабочий солдатский комитет»): «Вы разрушили храм тьмы деспотической власти и создали свою святою кровью алтарь светлой истины и правды. <...> Бог поможет Вам также, как помог собрать храм сияющий тою же демократической правдой, о которой твердил Христос»¹⁹⁶. Часть же современников, напротив, воспринимала акт свержения царя как вызов своим религиозным убеждениям, а революцию — как начало кощунственного похода против религии и церкви. Вера в Бога небесного не могла смириться со свержением «Бога земного» — именно так описывал ситуацию один священник. Наблюдатели утверждали, что такие священники-монархисты дали наибольшее число открытых приверженцев старой власти. Несмотря на опасность преследований со стороны новых властей, многие священники упорно продолжали «помянуть» царя, вели монархическую пропаганду, обличали наступившее «царство иудейское», а иногда даже пытались организовать погромы. Некоторые были арестованы за свои действия. Рабочие же одного из сибирских заводов приняли постановление такого рода: «... Предупредить монахинь Знаменского монастыря, если и впредь они не прекратят распространения ложных слухов о новом порядке, то будут привлечены к ответственности»¹⁹⁷. Отрицание революции, отрицание свержения монархии у многих священнослужителей было не только политическим, но и религиозным.

Для многих верующих-мирян весть об отречении царя также была сильным религиозным потрясением. «Церковь была полна плачущих крестьян: “Что с нами будет? — повторяли они, — у нас отняли царя”», — вспоминал впоследствии князь Ф.Ф. Юсупов. Сходную картину рисует в своих воспоминаниях и митрополит Евлогий: «Манифест об отречении Государя был прочитан в соборе, читал его протодиакон — и плакал. Среди молящихся многие рыдали»¹⁹⁸.

С.Л. Франк впоследствии писал: «Из всех достижений западноевропейской культуры Россия издавна обрела только одно: сильную государственную власть, которая первоначально выросла в ней не из процесса секуляризации и не в борьбе с теократией, а из самых недр православной веры: “Царь-Батюшка”, помазанник Божий был в народном сознании единственным носителем

¹⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1635.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 21. Л. 7об. В некоторых отношениях данный съезд проявил и известный политический радикализм, так он высказался за демократическую республику и за мир без аннексий и контрибуций, хотя и поддержал войну «за сокрушение германского империализма».

¹⁹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 255. Л. 24–25.

¹⁹⁷ Известия общества служащих в печатных заведениях. 1917. Т. 45–46. С. 542; *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат... С. 40–41; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 4. Л. 241 (об.); Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 591.

¹⁹⁸ *Юсупов Ф.* Перед изгнанием. М., 1993. С. 187; [*Евлогий, митрополит*] Путь моей жизни. С. 285.

и верховной инстанцией эмпирически-общественного осуществления религиозной правды, единственным звеном, соединяющим религиозную веру с историческим строительством. ... С того момента как рухнула монархия, эта единственная опора в народном сознании всего государственно-правового и культурного уклада жизни — а она рухнула в силу крушения в народном сознании религиозной веры в “Царя-Батюшку”, — должны были рухнуть в России все начала государственной и общественной жизни, ибо они не имели в ней самостоятельных основ, не были сами укоренены в духовной почве»¹⁹⁹. Вряд ли бы все современники согласились с такой интерпретацией революции, да и сам Франк, как мы видим, первоначально относился к Февралю с энтузиазмом. Но нет сомнения, что подобное мнение было весьма распространено, а многие оппоненты Франка также считали сознание эпохи синкретичным, политико-религиозным.

Можно утверждать, что как и для многих сторонников, так и для многих противников революции, восприятие этого грандиозного переворота было не только важнейшим политическим событием, но и глубоким религиозным переживанием. И в том, и в другом случае можно говорить о своеобразном религиозно-политическом сознании, что свидетельствует о том, что процесс секуляризации сферы политического протекал весьма противоречиво. Впрочем, это было присуще не только Российской революции. И во Франции конца XVIII века, как писал А.Токвиль, одни считали революцию благодетельным предначертанием Бога, пожелавшего обновить Францию, а другие именовали переворот «сатанинским»²⁰⁰.

Российская революция с самого начала однако была направлена и против участия церкви в политической жизни (и это делает ее схожей с Мексиканской и Испанской революциями XX в.). Февральская революция изначально являлась и революцией антиклерикальной, а иногда и богоборческой. Быстрое и неожиданное падение царя земного заставляло многих усомниться в существовании Царя небесного. Антирелигиозные же настроения многих революционеров повлияли на усиление отрицательного отношения немалой части верующих к революции.

Некоторые современники воспринимали этот поток революции крайне упрощенно: само свержение царизма для многих естественным образом ставило на повестку дня лозунг «Долой попов!». «Одни искренне думают, что “свергли царя” значит “свергли и церковь” — отменено учреждение. Привыкли сплошь соединять вместе, неразрывно. И логично. ... У более безграмотных это более выпукло: “Сама видела, написано, долой монархию. Всех, значит, монахов по шапке”», — записала в своем «дневнике» З.Н. Гиппиус. С самого начала революции имели место демонстративные оскорбления верующих и религиозных служб, хотя они и не получили в то время широкого распространения. Так, уже 4 марта после окончания молитвы казаков псковского гарнизона собравшиеся солдаты-автомобилисты начали аплодировать, издевательски благодаря

¹⁹⁹ Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея. М., 1992. С. 336–337.

²⁰⁰ Токвиль А. Старый и новый порядок. М., 1896. С. 21.

казаков «за прослушанный концерт». Г. Шавельский отмечал в июне 1917 г.: «Церковь обуреваются волнами неверия. ... В общей массе в последнее время обнаруживается охлаждение к вере и церкви, а для некоторых вера и церковь стали казаться остатками старого режима». Резко сократилось число солдат, посещающих церковь, и военные священники отмечали «скептическое отношение к молитве и враждебное отношение к духовенству», оскорбления со стороны «товарищей». Недоверие к «попам» переходило во враждебное отношение к верующим, молящиеся порой испытывали давление со стороны своих однополчан — во время богослужений их окружали группы солдат в головных уборах, державшихся крайне вызывающе²⁰¹.

Из некоторых войсковых частей священников удаляли. По-видимому, большой размах это движение приняло на Балтийском флоте. Князь В. Палей, сын великого князя Павла Александровича, записал 12 октября 1917 г.: «На одном из наших военных судов в Балтийском море матросы прогнали священника, сказав: “На небе был Бог, на земле — царь. Теперь царя нет, значит и Бога тоже нет, и священник нам не нужен”»²⁰². Вряд ли В. Палей из первых рук узнал об обстоятельствах отстранения судового священника, однако и другие источники свидетельствуют о подобных фактах.

В штаб флота 22 мая 1917 г. поступило послание А. Преображенского, главного священника Балтийского флота. Он отмечал: «Под влиянием закона о свободе совести некоторые судовые команды решили отказаться от присутствия на кораблях судовых священников и совершаемого ими богослужения». Первой подобное решение приняла команда учебного судна «Океан», ее примеру последовали моряки линейного корабля «Республика» и учебного судна «Азия» (очевидно, в последнем случае корабельному священнику не помог и его политический радикализм). Затем соответствующие резолюции одобрили и матросы некоторых других кораблей. Но и там, где официальные решения не принимались, положение священников было нелегким. После различных «неофициальных разговоров» с комитетами и матросами они сами начинали искать себе новые места. Так поступили священники линейного корабля «Андрей Первозванный», крейсеров «Громобой», «Диана», «Аврора», учебного судна «Рында» и 1-го Балтийского флотского экипажа²⁰³.

Однако обвинения в адрес служителей церкви и даже изгнания их из приходов далеко не всегда могут служить свидетельством полного отрицания религии. Так, в начале июля в газете Севастопольского совета было опубликовано письмо команды линейного корабля «Три Святителя», оно было заполнено обвинениями в адрес священников: «Духовенство искажает смысл учения Христа», «Духовенство всегда было и есть проповедником кнута и апостолом невежества, оно было всегда поборником лицемерия». В то же время текст

²⁰¹ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. С. 398; Гиттиус З.Н. Петербургские дневники, 1914–1919 // Гиттиус З. Живые лица: Стихи, дневники. Тбилиси, 1991. С. 302; Болдырев В.Г. Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный архив. 1927. Т. 4 (23). С. 256; РГИА. Ф. 806, Оп. 5, Д. 10115, Л. 72, 126; Д. 10394. Л.13; Ф. 1278. Оп. 10. Д. 14. Л. 235 (об.).

²⁰² Палей, В., князь. Поэзия. Проза. Дневники. М., 1996. С. 342.

²⁰³ Зингер М.Е. 1917 год в Балтийском флоте... Л.194.

письма насыщены цитатами из Библии, можно предположить, что в его составлении принимал участие какой-то сектант²⁰⁴.

Против церкви были направлены и некоторые социально-политические эксперименты той эпохи: например, еще 25 марта 1917 г. Никольский союз анархистов-коммунистов решил послать в Шмаковский мужской монастырь делегатов с предложением присоединиться к союзу и отменить монастырский режим. Не желающим жить светской коммунистической жизнью анархисты предлагали удалиться «в более глухие места». Революционные массы требовали «чистки духовенства», отправки церковных служителей на фронт как «ненужного элемента». Последнее требование часто встречается в солдатских и матросских резолюциях, обвинявших монахов в намеренном уклонении от тягот войны и дезертирстве. Команда балтийского крейсера «Диана» 5 мая постановила: «Что же касается разных монахов и схимников, и прочих дармоедов, то надо их отправить на фронт, где они путем защиты родины своей грудью смоют свой позор, который они приняли на себя в начале войны. Позор их состоял в том, что они, эти буржуи и дармоеды, позапрыгали в монастырь...». Антиклерикальные и одновременно «антитыловые» настроения проникали (возможно, несколько позже) и на Черноморский флот. Например, матросы обвиняли монахов в нежелании служить в вооруженных силах. Резолюции черноморцев, принятые в июне, требовали призвать в ряды войск «всех монахов», «всех монахов и бездействующих лиц». Текст резолюций свидетельствует о том, что их авторы в политическом отношении ориентировались часто на умеренных социалистов-оборонцев. Нередко о полном удалении священников из приходов принимали решения сельские сходы. Во многих резолюциях содержались требования изъятия церковных ценностей для покрытия Займа свободы (т.е., эти требования поддерживались явными оборонцами). Один из полков русской армии вообще решил временно прекратить церковные службы. По мнению солдат, сам вопрос о существовании Бога уполномочено было решить только Учредительное собрание. Пермский архиепископ Андроник жаловался на «создаваемый разными комитетами и советами рабочих террор»²⁰⁵. Он утверждал, что на митингах «открыто кричат жидочки, и даже русские, что церковей нам не надо, их надо закрыть и обратить в театры, а попов да монахов уничтожить»²⁰⁶.

Имущественные претензии к церкви также оформлялись порой с помощью современного революционного политического языка и антикапиталистической риторики. Так, общество мельников в одном из уездов Воронежской губернии вело борьбу за владение лугами. Они обратились за помощью к министрам, эсерам А.Ф. Керенскому и В.М. Чернову: «До каких же пор мы,

²⁰⁴ Известия Севастопольского совета воинских и рабочих депутатов. 1917. 2 августа.

²⁰⁵ Русское слово. 1917. 28 марта; Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 24 июня; *Осипова Е.С.* Политика православной церкви. С. 16–17, 19; Бюллетени литературы и жизни. 1917. Кн. 3–4. С. 3; Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: Документы и материалы. М., 1958. С. 506, 528, 560; *Фруменкова Т.Г.* Высшее православное духовенство России в 1917 г. С. 79.

²⁰⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 12. Л. 74.

граждане-землеробы, будем терпеть насилие со стороны буржуазных классов кулаков-священников?»²⁰⁷.

Антиклерикальное движение было связано с процессами социальной и культурной революции — захватывались не только церковные и монастырские земли и здания, но и религиозные издания, типографии, принадлежавшие Российской Православной церкви. В июне 1917 г. государство под давлением социалистических партий и профессиональных организаций учителей передало церковно-приходские школы в ведение Министерства народного просвещения. Российская Православная церковь решительно, но безуспешно пыталась протестовать против этого акта. Однако и многие носители антиклерикальных воззрений продолжали оставаться в поле воздействия глубокой религиозной традиции, хотя подчас этого и не осознавали. Она же оказывала большое воздействие на политизацию общества: массовое сознание, будучи по форме политическим, было организовано как религиозное сознание. Не все это осознавали, хотя некоторые современники именно так описывали ситуацию. Философ А.А. Мейер даже говорил о «кажущейся безрелигиозности» социальной революции, которая являлась лишь частью революции религиозной²⁰⁸. Данная оценка отражала, разумеется, особенности мировоззрения автора. Точнее было бы все же говорить не о религиозной, а о церковной революции²⁰⁹. Однако религиозную подоснову массового политического сознания в 1917 г. нельзя не заметить, некоторые же социалистические лидеры открыто призывали, подобно лидеру левых эсеров М.А. Спиридоновой, вносить в революцию «живую струю религиозного пафоса»²¹⁰.

Секуляризированное внешне социалистическое и антибуржуазное массовое сознание также было связано с религиозной традицией, это осознавали и некоторые современники. В докладе «Революция и русское национальное самосознание», прочитанном в Московском религиозно-философском обществе имени Вл. Соловьева 18 октября 1917 г., А.М. Ладыженский писал: «Но все же отнюдь не верно, будто массы одушевлены только личным эгоизмом, будто наша революция безыдейна, будто отказ полков идти в наступление вызывается только стремлением избежать опасности. Нет, в массах, наряду с чисто своекорыстными побуждениями, в настоящий момент есть глубокая вера в то, что они создают чрезвычайно справедливый строй, что через несколько лет, а может быть и месяцев, наступит царство Божие на земле. Есть люди с чисто религиозной верой относящиеся к большевизму. [Не случайно солдаты заставляют священников в молитву о мире всего мира Господу помолимся вставляя перед последними словами “без аннексий и контрибуций”]»²¹¹. В своей известной работе «Религиозные основы большевизма», опубликованной уже во время революции, философ Н.А. Бердяев

²⁰⁷ Там же. Д.14. Л. 54.

²⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1606. Л. 1–2.

²⁰⁹ *Рогозный П.Г.* Церковная революция. С. 212.

²¹⁰ *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 18.

²¹¹ ОР ИРЛИ. Ф.185. Оп. 1. Д. 1576. Л.14. Текст, взятый в квадратные скобки, в рукописи зачеркнут.

высказывал сходные мысли: «Большевизм есть социализм, доведенный до религиозного напряжения»²¹².

Объектом квазирелигиозного поклонения стали революционные символы, институты, лидеры революции. Примеры культа революции, бывшего составной частью субкультуры радикальной интеллигенции, дает запись в дневнике за 1917 г. писатель Л.Н. Андреев. Автор даже пишет о «религии революции», о «святости революции». Аналогичными были и публичные его заявления. Документальный фильм «Грандиозные гражданские похороны жертв революции в Петрограде» начинае

тся титрами со словами Л. Андреева: «...Мы первые и счастливейшие граждане свободной России, мы должны благоговейно склонить колени перед теми, кто боролся, страдал и умирал за нашу свободу. Вечная память погибшим борцам за свободу!». Текст титров, завершающих этот фильм, также должен был зафиксировать в сознании зрителей идею подвига «борцов за свободу»: «О, сколько их! Сколько их! Сколько безвестных могил, сколько трупов, сколько страданий оставил позади себя Николай Романов. Леонид Андреев»²¹³. В пропаганде же социалистических партий «борцы за свободу» именуется «служителями нового бога — бога революции, свободы и социализма». Именно так писала об участниках первой российской революции брошюра партии социалистов-революционеров, изданная в 1917 г.²¹⁴

Многие священнослужители Российской Православной церкви, в том числе и некоторые архиереи, внесли свой вклад в создании культа «борцов за свободу», ставшего государственным культом новой России. На различных собраниях и съездах священнослужителей и мирян вспоминали героев освободительного движения. В Архангельске, Баку, Верном, Владивостоке, Иркутске, Костроме, Красноярске, Омске, Орле архиерейские молебны завершались возгласием «вечной памяти борцам, за свободу народную положившим жизнь свою». В других городах епископы служили панихиды с поминовением «всех за веру, отечество, благо и свободу народную положивших жизнь свою», произносили проповеди «о величии подвига борцов за свободу». Первый день работы Всероссийского съезда православного духовенства и мирян (июнь 1917 г.) прошел под знаком поминовения павших «борцов за свободу», участники съезда пропели им «Вечную память». Затем председатель Синода прочитал заупокойную молитву «Боже духов» и съезд вновь пропел «Вечную память». Такие действия воспринимались как покаяние членов Св. Синода за действия своих предшественников, преследовавших «борцов за свободу»²¹⁵.

Действия духовенства способствовали распространению и укреплению культа «борцов за свободу», содействовали его сакрализации. Иногда при этом преследовались и цели защиты интересов священников как сословия и

²¹² Бердяев Н. Религиозные основы большевизма // Русская свобода. 1917. № 16/17. С. 3.

²¹³ [Андреев Л.Н.] Из дневника Леонида Андреева // Источник. 1994. № 2 (9). С. 42; Чертиллина М. Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г.

²¹⁴ Шабалин И.А. Восстание и казнь моряков с «Памяти Азова». Ревель, 1917. С. 7.

²¹⁵ Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 314–315, С. 342–344.

церкви как института: на некоторых съездах духовенства и мирян поминали своих «борцов за свободу», мучеников и «страдальцев» — священников, преследовавшихся при «старом режиме», «павших за свободу Церкви»²¹⁶. Можно предположить, что вне зависимости от замыслов организаторов таких акций они способствовали приобщению верующих к революционной политической культуре и сакрализации революционной политической символики.

Современники сравнивали революцию с «возрождением», «воскресением», «воскрешением» России и ее народа. Показательно, что и немецкие пропагандисты, руководители газеты, издававшейся германским правительством для русских военнопленных, учитывали восторженные, эйфорические, «пасхальные» настроения, охватившие многих граждан России после Февраля, публикуя соответствующие письма своих читателей: «Я могу поэтому смело сказать “Воистину воскрес”, потому что русский народ встал за свою свободу, а одно из имен Христа — свобода!»²¹⁷. Разумеется, можно предположить, что подобное письмо было сфабриковано вражескими пропагандистами. И в этом случае важно, что для описания революции использовались именно «пасхальные» мотивы: они должны были быть созвучными настроениям читательской аудитории.

Но схожие «пасхальные» мотивы можно встретить и в совершенно ином пропагандистском издании, в газете, предназначенной для солдат русского экспедиционного корпуса, сражавшегося во Франции:

*Христос воскрес! Гремя, упали цепи,
Ликует небеса — восторгом ночь полна...
Привет вам и поклон, России чудо — степи,
Поклон тебе земной, родимая страна!
Перед тобой — простор. Перед тобою — Слава,
Осанна! Светлый клич доносится с небес.
Все, все перед тобой, Славянская Держава,
России Вечный Бог — воистину воскрес!*²¹⁸

Можно с уверенностью предположить, что «пасхальные» мотивы такого рода находили отклик у читателей «Военной газеты», российских солдат, воевавших во Франции. Солдат русского экспедиционного корпуса писал в редакцию газеты:

*Как колокольный звон к окопу от окопа
Плывет волнение: Народ воскрес, воскрес.
Он начинает жить. С тоской глядит Европа
На смелые дела, на быстрый ход чудес*²¹⁹.

²¹⁶ Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 342–344.

²¹⁷ Русский вестник. Берлин, 1917. 5 (18) апреля.

²¹⁸ Ю.Л. [Лисовский Юрий] Христос воскрес! // Военная газета: Для русских войск во Франции. 1917. № 21.

²¹⁹ Тарышев Н. Я верю // Там же. С. 161.

В то же время, его соотечественник, сражавшийся в российском экспедиционном корпусе в Македонии, полагал:

*Я верю, что страдальца Россия
Воспрянет вновь и пышно зацветет.
Придет, придет желанный к ней Мессия
И к новой лучшей жизни поведет...*²²⁰

Сходные мотивы звучат и в другом солдатском пасхальном стихотворении, автор которого служил в Финляндии:

*...И для тебя пришел Мессия
В кровавый, страшный, грозный год,
Многострадальная Россия,
Великомученик народ...*²²¹

В России же «пасхальные» революционные стихотворения печатались уже в начале марта 1917 г, во время Великого поста. Показательна «Песнь Народу Русскому» В. Бородаевского, опубликованная в газете «День» 7 марта.

*Красную Пасху встречаем.
Пасху пресветлую ждем.
Розой штывки украшаем,
Песню мирскую поем!
Ты, не предавший Свободы,
Жертвенной кровью кропил
Буйные, юные всходы,
Полные дремлющих сил.
Крепни же в мудрости строгой:
Помни семнадцатый год!
С Богом, широкой дорогой
Шествуй спокойно вперед,
Русский народ!*²²²

Отметим, что эти тексты были созданы различными авторами, находившимися вдали друг от друга в разных концах Европы, поэтому взаимное влияние исключается. Вернее было бы предположить, что они ориентировались на общую культурную традицию, описывая необычную ситуацию свержения монархии как «воскрешение» страны. Разумеется, стихи поэтов-любителей — весьма специфический исторический источник, однако и во многих резолюциях (приговорах, наказах), и в личной переписке прослеживается тот же мотив: вера в возрождение (воскрешение) страдающей (несчастной), но великой России

²²⁰ Берестин Е. Русская революция // На чужбине: Сб. произведений русских воинов. Париж, б.г. С. 149.

²²¹ Каменский Б. Христос Воскресе! // Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции. 1917. 2 апреля.

²²² Цит. по: Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 378.

и ее народа. «Поздравляю с большим праздником — Воскрешением Великого Всероссийского народа», — писал солдат домашним²²³.

Тема воскрешения — воскрешения нации и человека — присутствует, наверное, в самосознании любой революции. Однако в Российской революции 1917 г. прослеживается особая связь этой темы с религиозным сознанием. Революция привела к массовой политизации общества, этот процесс был болезненным и противоречивым. Подчас, компенсируя отсутствие соответствующих политических знаний и навыков, современники подставляли — сознательно или бессознательно — привычные и значимые этические и религиозные понятия для оценки событий. Влияние религиозной риторики на политические тексты 1917 г. нельзя не ощутить. Порой же авторы и ораторы открыто описывают свершившийся переворот религиозно, он рассматривался как победа истинных идеалов христианства, как свержение «идолов», «ложных богов». Например, на похоронах «борцов за свободу» в Гельсингфорсе звучали такие слова: «Они свергли с пьедестала идола насилия, идола произвола и на развалинах его создали храм свободы. И они, жрецы этой свободы взирают на нас из мира небытия и эти взоры нам говорят: Держите высоко и гордо стяг свободы. Они являются проповедниками и апостолами, которые соблюли заветы, великие заветы самого Христа спасителя, то есть любви, братства и равенства»²²⁴. Так звучала речь на церемонии, организованной одним из наиболее влиятельных Советов. Более того, она была напечатана в газете этого Совета. Очевидно, подобные слова отражали настроения немалой части солдат и матросов Гельсингфорса.

Слиянию религиозного и политического сознания способствовали и скрытые религиозные мотивы, содержащиеся в социалистической политической культуре. Последняя же доминировала в послереволюционной жизни России. Революционные массы подчас проходили тот же путь, который ранее проходили поколения неофитов русского революционного подполья — для них революционная субкультура была своеобразным заместителем религии. Н.А. Бердяев, отмечая аскетизм, обостренное чувство греха, склонность к покаянию, присущие многим русским революционерам, полагал, что их воинствующий атеизм был лишь вывернутой наизнанку русской религиозностью²²⁵.

Религиозные символы нередко встречаются и в памятниках культуры революционного подполья, и в творчестве передовых, «сознательных» рабочих²²⁶. Не следует объяснять это лишь желанием говорить со своей аудиторией на понятном и эмоционально значимом для нее языке — создатели этих текстов сами находились в поле влияния глубокой религиозной традиции, сознавали они это или нет.

²²³ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 244. Л. 27.

²²⁴ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 19 марта.

²²⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 30, 36, 37.

²²⁶ Steinberg M.D. Workers on the Cross: Religious Imagination in the Writings of Russian Workers, 1910–1924 // The Russian Review. 1994, April. Vol. 53. P.213–239.

Вновь следует отметить, что грандиозный переворот сравнивался с праздником Пасхи (а подчас революция и переживалась как этот христианский праздник). Часто и ритуалы Пасхи использовались современниками для выражения своего отношения к происходящему. Так, например, описывал современник реакцию жителей Луганска: «...Пожилые работницы крестились, говоря “слава Богу”, молодые смеялись, обнимали друг друга, целовались как на Пасху...»²²⁷. Но и жена генерала, бывшего военного губернатора Забайкальской области, воспринимала Февраль таким же образом. После переворота она говорила своим домашним, что чувствует себя «как в светлое Христово Воскресение»²²⁸.

Подобный подход — оценка революции как важнейшего религиозного события — освящался и авторитетом известных религиозных мыслителей. «Может быть, с первых времен христианских мучеников не было во всемирной истории явления более христианского, более Христова, чем русская революция», — писал Д.С. Мережковский. Религиозный публицист В.П. Свенцицкий сразу после революции отмечал: «Русская революция — нанесла поражение “дьяволу”. И потому она так явно походит на ч у д о ... Мы знали, что существуют “революционные организации”. Но пусть скажет каждый по правде, — не исключая самых крайних революционеров, — думал ли он, что в три дня воскреснет русский народ. Конечно, никто об этом не мечтал никогда. И вот — воистину воскрес!»²²⁹

Любопытно, что так же относились к революции и некоторые духовные лица. Епископ Енисейский и Красноярский Никон (Бессонов) уже 3 марта направил телеграмму председателю Временного правительства: «Христос воскрес! Искренне рад перемене правительства, ответственному министерству». В своей проповеди 10 марта он также использовал образ Пасхи для описания политического переворота: «Нынче у нас Пасха, день воскресения всего русского народа. <...> Россия наша, дорогая Россия воскресла! Смертию старого строя попрано угнетение, болезнь, цепи, отчаяние народа». Никона никак нельзя назвать типичным епископом. Вряд ли подобные «пасхальные» настроения овладели многими архиереями, хотя некоторые из них также публично заявляли об обновлении России и «грядущем ее воскресении»²³⁰. Но некоторые священнослужители в других городах также использовали язык пасхального поздравления для выражения своих политических настроений и во время проходившего тогда Великого поста. Митрополит Евлогий вспоминал: «Иеромонах Иван (из пастырского училища), несмотря на пост, приветствовал меня: “Христос Воскресе!”, “Христос Воскресе!”, а в ответ на мои увещевания быть более сдержанным возразил: “Вы ничего не понимаете!...” Потом я узнал, что он в училище со стены сорвал царский портрет и куда-то его спрятал». Факты подобных «пасхальных» приветствий священнослужи-

²²⁷ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. С. 233.

²²⁸ *Редигер А.* История моей жизни: Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 446.

²²⁹ *Мережковский Д.С.* Ангел революции // Русское слово. 1917. 1 апреля; *Свенцицкий В.* Крест и пулемет // Маленькая газета. 1917. 7 марта.

²³⁰ *Бабкин М.А.* Священство и Царство. С. 278, 306–307.

телей по поводу переворота зафиксированы и в Красноярске. Известен и случай, когда священник даже задал «празднику свободы» «пасхальный» тон: Московский священник В. Востоков 4 марта служил праздничный молебен на Красной площади не в темном облачении, положенным по уставу в Великий пост, а в красном, пасхальном²³¹.

Впрочем, подобная «пасхальная» интерпретация революции встречала противодействие со стороны части духовенства. Епископ Тобольский и Сибирский Гермоген, откликаясь на постановление епархиального съезда, писал: «Я не благословляю случившегося переворота, не праздную мнимой еще “пасхи” (вернее же мучительной Голгофы) многострадальной России и пострадавшего душою духовенства и народа...»²³². Однако сам выбор им подобных слов свидетельствовал о распространенности среди немалой части священнослужителей «пасхальных» настроений.

Но если революция часто сравнивалась с Пасхой, то и Пасха в 1917 г. сопоставлялась подчас с революцией. В Петрограде в честь религиозного праздника были вывешены красные флаги²³³. Продавались даже пасхальные поздравительные открытки с актуальными религиозно-политическими поздравлениями «Христос воскрес. Да здравствует республика!», «Христос воскрес. Свобода России», на них изображались революционный солдат и рабочий, озаренные солнцем свободы. Можно с уверенностью предположить, что предприимчивые производители этих пасхальных открыток рассчитывали на то, что товар будет пользоваться спросом. Для этого были определенные основания. Празднование праздника Пасхи было крайне политизировано. Митрополит Евлогий был неприятно поражен тем настроением, которое господствовало в церкви, он вспоминал впоследствии: «Пасхальную заутреню я служил в соборе, битком набитом солдатчиной. Атмосфера в храме была революционная, жуткая... На приветствие “Христос Воскресе!” среди гула “Воистину Воскресе!”, какой-то голос выкрикнул: “Россия воскресе!”». В некоторых селах пасхальные торжества совмещались с «праздниками свободы»²³⁴.

Поздравления же органов власти (Временного правительства, Советов и комитетов разного уровня, командования) с праздником Пасхи носили в этот год политический характер: «Христос воскресе! Многоуважаемые защитники свободы, 7 рота Б.Д.Р.П. 35 пехотной дивизии поздравляет Вас с Высокоторжественным праздником Светлого Христова воскресения и этот праздник желаем Вам встретить и провести с таким чувством и восторгом, с каким мы и вся страна встретили свободу, завоеванную вами», — писали солдаты, поздравляя членов Временного правительства. В некоторых случаях писали о празднике «великого двойного Воскресения». В таком же стиле были выдержаны в этом году и традиционные поздравления старших по званию. Командующему флотом Балтийского

²³¹ [Евлогий, митрополит] Путь моей жизни. С. 285; Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 378.

²³² Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 321.

²³³ Верховский А.И. На трудном перевале. С. 205.

²³⁴ [Евлогий, митрополит] Путь моей жизни. С. 285; Бабкин М.А. Священство и Царство. С. 372.

моря, например, посылались такие телеграммы: «Христос Воскресе. Приморский фронт морской крепости приветствует Вас, господин адмирал, со светлым праздником Воскресения нашей дорогой свободной родины». Приказ же по запасному батальону Гвардейского Петроградского полка гласил: «В этом году светлый праздник вдвойне: воскрес и русский народ, он пробудился после тяжелого сна». В том же духе было выдержано и приветствие запасному батальону командира этого полка, находившегося на фронте: «В день светлого Христова праздника, в дни воскресения России к новой свободной жизни я и весь полк от всего сердца приветствуем родной запасной батальон»²³⁵.

Известный пример в этом отношении представляло и пасхальное поздравление самого Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексева, включенное в его приказ № 256, оглашавшийся во всех частях и подразделениях российской армии: «Да будет день этот символом возрождения многогрательной Родины нашей к силе, правде и свету...»²³⁶.

И, разумеется, весьма политизированными были пасхальные поздравления, направлявшиеся в адрес комитетов и Советов, даже весьма радикальных. Первый Балтийский флотский экипаж поздравлял со светлым праздником Совет рабочих и солдатских депутатов Кронштадта и желал «... от души, чтобы этот день светлой радости Христова (!) закрепил бы в нас светлое единение»²³⁷.

Политизированы были порой и частные пасхальные поздравления родных и друзей: «Христос воскрес и с ним свобода!» — писал солдат «дорогому Мише»²³⁸.

Радикальная политика окрашивала порой и тексты рождественских поздравлений 1917 г. Комитет и команда крейсера «Аскольд» поздравляли «рабочих, солдат, всех служащих учреждений и граждан города Мурманска и его района, идущих с нами лояльно в деле раскрепощения пролетариата и крестьянства от векового гнета империализма, с наступающим праздником рождества Христова и новым 1918 революционным годом»²³⁹.

Выражение «красная Пасха» приобрело в условиях революции новый смысл. Сбор денежных средств на посылку пасхальных и первомайских подарков, а также политической литературы в действующую армию шел весной 1917 г. под лозунгом «Пошлем на фронт красное революционное яичко». Символы православной Пасхи «революционизировались» и в текстах сторонников большевиков, последние же иногда даже использовали религиозный праздник для политической мобилизации. Резолюция собрания рабочих обувной фабрики «Максимова и Маркович» (Москва) от 16 апреля гласила: «Отчисляем свой дневной заработок (большевикам) РСДРП на фонд партийной типографии,

²³⁵ ГАРФ. Ф. 1. 1778. Оп. 1. Д. 80. Л. 15; РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 1. Д. 2190. Л. 36, 61; Ф. Р-181, Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

²³⁶ РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 256.

²³⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 133. Л. 146.

²³⁸ Солдатские письма 1917 года. С. 37.

²³⁹ Военные моряки в борьбе за власть Советов. С. 98.

при сем половина его отчисляется на большевистскую литературу («красное яйцо») в окопы»²⁴⁰. Образ «красной Пасхи» продолжали использовать впоследствии и сторонники большевиков, они именовали Октябрь «Пасхой рабочего класса и беднейшего крестьянства»²⁴¹.

Религиозная традиция оказала влияние на политическую символику антимонархической революции 1917 г.: многие красные флаги повторяли форму церковных хоругвей, на красных знаменах подчас изображались архангелы с трубами, возвещавшие, по-видимому, приход для угнетателей страшного суда — революции²⁴².

Сакрализация всегда присуща политике. Однако в 1917 г. процесс массовой политизации совпадал по времени и с антиклерикальным движением, и с церковной революцией, политические же проблемы переплетались с проблемами религиозными. Массовое сознание было политическим лишь по форме, по сути же политика становилась идеологическим суррогатом религии. Подобный процесс сакрализации политики и политического языка описал в то время Н.А. Бердяев: «Началось новое идолотворение, появилось много новых идолов и земных божков — “революция”, “социализм”, “демократия”, “интернационализм”, “пролетариат”»²⁴³. Обожествление революции, ее институтов и символов также вызывало его протесты и в другой статье: «Преклонение перед земной богиней, именуемой революцией, есть рабство духа и идолопоклонство»²⁴⁴. По сути дела Бердяев писал о тех же процессах, которые первоначально с энтузиазмом отмечал писатель Л. Андреев, иной была лишь их оценка.

Культ революции, ставший в 1917 г. фактически государственным культом, затем повлиял на формирование большевистской политической культуры советского периода. Революция рассматривалась как уникальное и эффективное средство разрешения всех проблем — экономических, социальных, политических, технических, моральных. Слово «революция» в советское время особенно часто использовалось и при создании новых «революционных» имен, уступая в этом отношении лишь имени Ленина²⁴⁵.

Вера в Чудо политического, экономического и морального Воскресения страны и нации, обещанного революцией, стало важнейшим элементом массового политического (в действительности — политико-морально-религиозного) сознания. Отсутствие же этого Чуда «объяснялось» происками общего политического врага, упрощенный образ которого («внутренний немец», «враг народа», «буржуй») дьяволизировался. Российскую революцию 1917 г. часто сравнивают с революциями нового времени. Но не меньше оснований сравнивать ее с религиозными конфликтами, битвами за веру и крестовыми по-

²⁴⁰ Революционное движение в России в апреле 1917 г. С. 394–395.

²⁴¹ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 539.

²⁴² Корнаков П.К. Знамена Февральской революции // Гербальдика: Материалы и исследования. Л., 1983. С. 22.

²⁴³ Бердяев Н.А. Правда и ложь в общественной жизни // Народоуправство. 1917. № 4. С. 7.

²⁴⁴ Бердяев Н. Контрреволюция // Русская свобода. 1917. № 10–11. С. 6.

²⁴⁵ Kolonitski B. Revolutionary Names // Revolutionary Russia. 1993. Vol. 6., № 2. P.222–223.

ходами. В столкновениях такого рода возможность достижения компромиссов существенно ограничивается.

К началу Февральской революции в России существовала развитая система политических символов и ритуалов, созданная несколькими поколениями представителей революционного подполья. Эти ритуалы и символы были составной частью культуры социального и политического протеста, которая была усвоена различными слоями населения. В дни Февраля эти символы и ритуалы широко использовались для политической мобилизации и объединения, с их помощью стихийные вспышки протеста были преобразованы в массовое политическое протестное движение, охватившее столицу империи. Порой же образы политической культуры подполья, воспринимаемые буквально, служили прямым руководством к действию, непосредственно влияя на тактику демонстрантов и повстанцев.

В Феврале в борьбе со «старым режимом», с «темными силами» объединились представители самых разных политических взглядов, включая и часть сторонников монархии разного толка. Многие рядовые участники революции не думали, что результатом их действий будет свержение монархии, они и не желали этого, переворот нередко воспринимался первоначально как победа над коварными заговорщиками, предающими Россию, над «темными силами», над «немцем внутренним». Однако для судеб страны немалое значение имело то обстоятельство, что революция прошла под красными знаменами революционного подполья, а песни подполья стали гимнами революции. Монополия символов революционного подполья, впрочем, утвердилась не сразу, но «праздники революции», прошедшие по всей стране, фактически придавали им статус новых официальных символов.

В 1917 г. политическая революция переплеталась с революцией религиозной. В этих условиях революционные символы, язык революции проникали в жизнь Российской Православной церкви и активно использовались во внутрицерковных конфликтах противоборствующими группировками. Обратной стороной политизации религиозной жизни стала особая сакрализация политики, сакрализация революционных символов. Для многих сторонников революции, придерживавшихся разных политических взглядов, они становились священными символами. Но в то же время и для противников революции политическая борьба, и в частности борьба с революционной символикой, также приобретала глубокий религиозный смысл. В то же время радикальная политическая позиция могла сочетаться с уважительным отношением к религии. Так, Совет «Кронштадтской республики», открыто бросивший вызов власти Временного правительства, поддерживал проведение религиозно-политических мероприятий.

II. ОТРИЦАНИЕ СТАРЫХ СИМВОЛОВ

Победа революции, установление «нового строя» описывались часто как крушение монархических символов, символов «ненавистного прошлого». На плакатах и карикатурах, картинах и знаменах часто изображались поверженные короны, сокрушенные орлы, сломленные скипетры.

Подобным образом рисует в своем стихотворении наступление новой жизни и моряк Балтийского флота, депутат Гельсингфорского совета:

*Развалились все короны,
Все романовские троны.
300-летний произвол
В ад кромешный перешел.
Ордена, орлы и звезды,
Черносотенные гнезды (!),
Скипетр, мантия, булава
И вся грязь и с грязью слава¹.*

О том же в мае 1917 г. писал и британский посланник, представлявший свою страну в Токио, сообщая в Лондон о действиях российских дипломатов в Японии: «Они были обязаны упразднить все императорские эмблемы, сорвать орлов с ворот и фасада здания, спрятать портрет императора, вычеркнуть слово “императорский” на визитных карточках, бланках и т.п. и отбросить все эти имперские атрибуты, что многого стоит в стране, где преклонение перед царским величием следует сразу же за богобоязненностью»². Символическая революция вступила уже в такую фазу, когда она происходила по распоряжению центральных правительственных ведомств. Между тем изначально инициатива символического переворота исходила снизу, и важной частью массового революционного движения, во многом стихийного, стала борьба с ненавистными символами старого режима.

¹ *Андриг Э.* Сказка-быль о мужике Панкрате, о его сыне Игнате, о земле и свободе и о русском народе. 2-е изд. Пг., 1917. С. 14.

² Cambridge University Library (CUL), Manuscript Room. Hardinge Papers. vol. 32. P. 168.

1. Государственные символы

Уже 28 февраля в Петрограде царские вензеля и изображения государственных гербов уничтожали: их топили в реках, сжигали на улицах (появилось множество незамысловатых шуток о «жареных орлах»). Огромный костер был разведен из гербов, сложенных у Аничкова дворца. Сожжение государственных гербов, царских портретов и архивных документов (предположительно полицейских дел) изображено на картине художника А.И. Вахрамеева «Жгут орлов». Это событие запечатлено и на многих фотографиях³. Среди многочисленных картин И.А. Владимирова, посвященных образам революции, широко известно полотно «Снятие царских гербов» — рабочие и солдаты сбивают герб, установленный над вывеской аптеки.

Охота на двуглавых орлов стала повсеместной и продолжалась в последующие дни по всему городу: «Видел, как везде сбивают царские гербы», — записал 4 марта в свой дневник художник К.А. Сомов⁴. Однако известны случаи, когда действия по уничтожению двуглавых орлов вызывали протесты. Так, в уже упоминавшейся проповеди 5 марта 1917 г. в одной из петроградских церквей А.А. Дмитриевский протестовал против уничтожения гербов. Впоследствии он воспроизводил свои слова так:

«Ненависть народная дошла до попрания таких символов и эмблем нашего отечества, которые составляют гордость и славу народа и свидетельствуют о его державных исторических правах на знаменитую столицу Императора Константина Великого — Константинополь с проливами Босфор и Дарданеллы. Двуглавый орел в нашем государственном гербе принят к нам по наследию при Иване III, после его брака с Софией Палеолог, а помещение на его туловище изображение Георгия Победоносца представляет герб древней России. Таким образом, оскорбление, наносимое нашему государственному гербу, есть не только попрание и кощунство над чтимой русской святыней, но, скажу даже более, — является жестоким незаслуженным оскорблением нашей матери Святой Руси, всего ее славного тысячелетнего прошлого существования и народного драгоценного наследия.

В своем невежестве и злобной слепоте многие, вставшие в заблуждение, думали, что герб государственный есть герб династии, и в своем негодовании спешили стереть с лица земли все, что напоминает им прошлое. Увы, это прямое заблуждение. Герб Романовых иного вида и иных цветов»⁵.

Проповедь Дмитриевского интересна тем, что позволяет судить о скрытых настроениях консервативно настроенных людей того времени; он публично говорил о том, о чем многие его современники предпочитали молчать.

³ Архив кино-, фото-, фонодокументов Санкт-Петербурга. Г 208; Герои и злодеи русской истории в искусстве XVIII — XX веков. С. 199

⁴ [Сомов К.А.] Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 175.

⁵ *Рогозный П.Г.* «Пред нашими взорами совершился суд над историей» (Проповедь профессора А.А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.) // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб., 2007. Т. XXX. С. 447–455.

В обстановке тех дней противодействовать борьбе с символами «старого режима» было опасно. Впрочем, Дмитриевский защищал и память о свергнутой династии, включая последнего царя, а его осуждение борцов со старыми символами достигает религиозного пафоса. Возможно, его речь была еще более непримиримой: он, записывая по требованию властей свою проповедь, задним числом мог смягчить некоторые пассажи. Слушателям Дмитриевского хорошо запомнилась его эмоциональная речь, о ней рассказывали своим знакомым и родным. Слышавшие ее, вспоминали, что проповедник говорил о надругательстве «над изображением Георгия Победоносца и над крестом, находящимся на государственном гербе и на коронах»⁶. Проповедник обвинял борцов со старым гербом не только в оскорблении национальных символов, но и в кощунственном глумлении над религиозной символикой. Можно с уверенностью предположить, что многих верующих, его слушателей, и прежде всего солдат, заполнявших храм, подобная сакрализация герба старого режима оскорбила. Немалая их часть вносила в борьбу с царскими символами религиозный энтузиазм.

В подобной атмосфере любой геральдический орел подвергался опасности. Над некоторыми вывесками и изображениями появились предостерегающие надписи, указывающие на то, что геральдические изображения никак не связаны с российской символикой: «Этот орел — итальянский»⁷. В пылу борьбы с ненавистными символами империи было уничтожено и несколько гербов США, а огромный орел на здании компании Зингер был предусмотрительно обернут в американский флаг. Дворники стали сбивать орлов с вывесок присутственных мест, аптек и магазинов, владельцы которых были поставщиками императорского двора. На другие, более ценные изображения государственного герба накидывались тряпки, солдатские шинели. Двуглавые орлы на знаменитой решетке Зимнего дворца были первоначально затянуты красной материей, а затем все-таки выломаны, на других городских оградах орлы лишались императорских корон. Некоторые современники воспринимали это как акт вандализма, но для многих уничтожение гербов, физическое и символическое, становилось необходимым знаком установления нового строя⁸.

В Москве также уничтожение гербов было символом победы революции: «Шла толпа с красным флагом, срывала с вывесок гербы, и на флаге было написано “Да здравствует свобода”», — именно так описывал события Февраля школьник в своем сочинении⁹.

И в провинции двуглавые орлы были атакованы демонстрантами. Во время митинга в Нижнем Новгороде, который состоялся 2 марта, герб был сбит, а на его месте был водружен красный флаг. Солдаты и матросы спарывали со своей

⁶ Там же. С. 449.

⁷ Итальянскому орлу не везло и в последующие месяцы. В Або (Турку) в ночь на 12 июля русские матросы уничтожили корону на гербе, украшавшем вход в консульство Италии. РГА ВМФ. Ф. 479. Он. 1. Д. 1050. Л. 82, 85, 102.

⁸ Новое время. 1917. 18 марта; *Heald E.T. Witness to Revolution: Letters from Russia (1916–1919)*. Kent, 1972. P. 64; *Witnesses of the Russian Revolution*. London, 1994. P. 47; Новый сатирикон. 1917. № 11. С. 3.

⁹ *Воронов В.* Февральская революция в детских записях // Вестник просвещения. 1927. № 3. С. 6.

формы пуговицы с двуглавыми орлами, а пряжки на ремнях носили перевернутыми — коронами вниз¹⁰.

Двуглавый орел исчезал и из императорских театров, сменивших свое «старорежимное» название. Когда 13 марта возобновились спектакли в Мариинском театре, то зрители увидели, что привычный занавес, украшенный царским гербом, заменен занавесом из «Орфея»¹¹.

Одновременные действия участников революции в различных частях огромной страны свидетельствовали о схожести их символического сознания: государственный герб явно относился для них к числу тех символов, которые подлежали ликвидации. Уничтожение двуглавых орлов с императорскими коронами и других эмблем монархии было для многих знаком фактического установления республиканского строя. На этот факт ссылался, например, известный юрист и видный деятель конституционно-демократической партии Б.Э. Нольде, который весьма скептически относился к мечтам своих коллег из Министерства иностранных дел, еще надевавшихся на сохранении в России монархической формы правления¹².

Повсеместная борьба с двуглавыми орлами влияла и на отношение к производителям товаров, на которых он изображался (до революции этот знак скорее привлекал потребителей). Отражая беспокойство части деловых кругов, Екатеринославский временный Исполнительный комитет общественных и рабочих организаций 10 апреля обратился за разъяснениями в Министерство внутренних дел. В этом документе упоминались многочисленные запросы торгово-промышленных фирм, общественных и частных учреждений, которые желали знать, является ли двуглавый орел символом монархической власти или государственного строя и подлежит ли он уничтожению или должен остаться неприкосновенным¹³.

Временное правительство, между тем, казалось, официально сохранило двуглавого орла в качестве государственного символа новой России. Уже 8 марта известный геральдист В.К. Лукомский направил новому министру иностранных дел П.Н. Милюкову заключение, касающееся проекта новой государственной печати. Он указывал, что двуглавый орел служил эмблемой не империи, но России. По его мнению, и «для настоящего революционного периода» возможно сохранить этот символ, сделав ряд изменений. Так, со всех гербов следовало удалить изображения императорских корон, скипетра, державы и цепи ордена святого Андрея Первозванного. С Большого и Среднего гербов предлагалось изъять сень, подложенную горностаем, шлем святого великого князя Александра Невского и щит с родовым гербом Романовых. С Большого герба должна была быть снята государственная хоругвь. Указы-

¹⁰ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия... С. 170.; Ривов Я.Н. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990. С. 286–287.

¹¹ Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 197.

¹² Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 253.

¹³ РГИА. Ф.1284. Оп. 187. Д. 8. Л. 52.

валось, что при составлении нового государственного герба расположение территориальных гербов не должно было следовать уже императорскому титулу. Однако Лукомский высказался против поспешного решения вопроса о гербе: «Принимая во внимание весьма сложную подготовительную и художественную работу по составлению новых рисунков государственного герба, на что потребовалось бы около трех месяцев, и во избежание значительных затрат на гравировку новых государственных печатей, представляется наиболее уместным отказаться на текущее революционное время от пользования эмблемою Российского орла...». Геральдист на печати правительства предлагал указать лишь название: «РОССИЙСКОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО». Предполагалось, что после установления Учредительным собранием нового образа правления в России необходимо будет и утвердить государственный герб, соответствующий основаниям этого политического строя и традициям русской геральдики¹⁴.

Можно с уверенностью предположить, что, предлагая отложить решение вопроса о символике, Лукомский имел в виду не только возможные технические сложности и неизбежные финансовые затраты. Он прекрасно понимал всю политическую деликатность данной проблемы в атмосфере «текущего революционного времени». Однако предложенный сценарий геральдического «непредусмотренчества» был отвергнут, да и сам ученый вскоре изменил свою позицию.

Вскоре после революции по инициативе А.М. Горького было организовано Особое совещание по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством императорского двора, в которое 13 марта влилась и комиссия при Исполкоме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В Комиссию по делам искусств, председателем которой стал А.М. Горький, в качестве товарищей председателя входили А.Н. Бенуа и Н.К. Рерих. Также при этом органе 6 марта была создана подкомиссия для разъяснения вопроса о государственном гербе в составе И.Я. Билибина, В.К. Лукомского, Г.И. Нарбута и С.Н. Тройницкого. 14 марта она приняла решение о возможности использования до решения вопроса Учредительным собранием во всех предусмотренных законом случаях «древнюю эмблему Российского государства» без символов царского достоинства. С этой точкой зрения согласились 15 марта и все члены Комиссии. Исполнение рисунка печати было поручено художнику И.Я. Билибину, который взял за основу изображение двуглавого орла на печати Иоанна III. На новом гербе орел был лишен имперской символики: исчезли короны, скипетр, держава, орден Андрея Первозванного и изображение святого Георгия, гербы областей России и появилось изображение Таврического дворца. Образец печати был утвержден Временным правительством 21 марта. Это предрешило фактически судьбу временного герба России: 5 апреля министр иностранных дел П.Н. Милюков направил рисунок государственной печати в Правительствующий Сенат для опубликования (на рисунке имелась помета Билибина о том, что в качестве образца был орел

¹⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 110. Л. 1–1 об.

«типа времени Иоанна III» с малой печати 1504 г.). Уже 15 апреля рисунок печати был опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений правительства»¹⁵. Рисунок государственной печати печатался в периодических изданиях, издавались и соответствующие почтовые открытки.

Можно с уверенностью предположить, что А.А. Дмитриевский с негодованием воспринял идею о том, что на проекте нового государственного герба России будет отсутствовать крест. Очевидно, и часть верующих была оскорблена подобным геральдическим творчеством.

В то же время появились и другие варианты «революционизирования» государственного герба России. Некий анонимный автор направил письмо министру торговли и промышленности. Он предлагал поместить двуглавого орла на фоне «солнца свободы», ломающего скипетр, без короны и державы. Возможно, автором этого проекта был генерал Ф.В. Рубец-Масальский — известно, что он также представил проект государственного герба в виде двуглавого орла, имеющего вместо короны ленту с надписью «Свобода, Равенство, Братство», а в когтях — сломанный пополам скипетр¹⁶.

Соответственно, преображенный «билибинский» двуглавый орел воспринимался как новый государственный герб. Он появился на знаках отличия и деньгах, в том числе и на знаменитых «керенках» (так называли купюры достоинством в 20 и 40 руб., выпускавшиеся с августа 1917 г.). Показательно, что в постановление Временного правительства от 22 августа о предоставлении Государственному банку права выпуска кредитных билетов 40- и 20-рублевого достоинства было включено описание их рисунка. Указывалось, что важной частью рисунка является «государственный герб»¹⁷. Итак, преображенный двуглавый орел воспринимался как новый государственный герб, именно так его описывали некоторые правительственные документы.

Однако позиция Временного правительства по этому вопросу не была столь однозначной, еще 7 апреля оно постановило передать вопрос о гербе на заключение Юридического совещания при Временном правительстве. На заседании 10 апреля члены Юридического совещания не смогли прийти к единому мнению. Некоторые его члены указывали, что «в связи с происшедшими событиями» желательна видоизмененная герба и флага: «Оставление этих эмблем в прежнем виде произвело бы, несомненно, отрицательное впечатление на население России». Противники сохранения старой символики утверждали также, что при старом порядке герб и флаг «в психологии народа отнюдь не имели того значения, которое должно было бы им принадлежать». Их оппоненты призывали сохранить национальный флаг, но изменить государственный герб, который не согласовывался с происходящими в России

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6834. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 10; РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 110. Л. 2, 10; Русская воля. 1917. 24 марта; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993. С. 143; Иван Яковлевич Билибин: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 308; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. СПб., 1997. С. 51–52; Герб и флаг России (X–XX века). М., 1997. С. 347–349.

¹⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 43. Л. 175–177; *Половцов П.А.* Дни затмения. М., 1999. С. 39.

¹⁷ *Мальшев А.И., Таранков В.И., Смиранный И.Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С. 81–83, 87; РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1088. Л. 1–1об.

преобразованиями, удалив с него монархические эмблемы. Участниками данного совещания были Ф.Ф. Кокошкин, М.С. Аджемов, Н.И. Лазаревский и Б.Э. Нольде. Можно предположить, что даже в этой группе либеральных юристов, связанных с конституционно-демократической партией, нашлись противники старых государственных символов. В конце концов было решено вновь вернуться к рассмотрению данного вопроса на другом заседании, Б.Э. Нольде было поручено подготовить специальный доклад по истории герба. Юридическое совещание вернулось к рассмотрению вопроса о государственной символике 25 апреля, однако состав участников был иной: помимо кадетов Ф.Ф. Кокошкина и В.А. Маклакова на нем присутствовали новые члены — А.Я. Гальперн и В.В. Водовозов, связанные с группами умеренных социалистов. В качестве «сведущих лиц» были приглашены также В.К. Лукомский и С.Н. Тройницкий. Это более «левое» собрание благосклоннее отнеслось к судьбе традиционной символики. После выступления экспертов совещание пришло к следующему выводу: «...Вопрос о государственном гербе в настоящее время предрешен постановлением Временного правительства о государственной печати...». Участники совещания полагали, что на гербе надлежало бы воспроизвести двуглавого орла, изображенного на государственной печати, исключив элементы, относящиеся до печати (изображение Таврического дворца и надпись по ободу). Подчеркивалось, что окончательное решение о судьбе государственного герба новой России должно вынести Учредительное собрание¹⁸.

Позиция Юридического совещания повлияла, по-видимому, на отношение и некоторых правительственных ведомств. Чиновники Министерства юстиции, отвечая на запрос из провинции о судьбе герба, первоначально ограничились ссылкой на решение Временного правительства об утверждении новой печати. Однако директор I департамента министерства счел нужным добавить свой комментарий: «Вследствие сего следует, казалось бы, признать, что двуглавый орел с вышеуказанным изменением в его изображении и ныне должен почитаться гербом Российского государства». Однако чиновники Министерства внутренних дел, отвечая на упоминавшийся уже запрос Екатеринославского временного Исполнительного комитета, сформулировали свою позицию осторожнее: «Что же касается временного государственного герба, то таковой вопрос находится на рассмотрении Временного правительства»¹⁹.

Консервативный исторический журнал с некоторым злорадством комментировал сложившуюся ситуацию: «Таким образом, самому нашему революционному правительству приходится теперь “восстанавливать в правах” наши незаслуженно надруганные революционным народом государственный герб и национальный флаг»²⁰. Однако коалиционное Временное правительство, сформированное в мае 1917 г., формулировало свою позицию относительно государственных символов более осторожно, чем Юридическое совещание:

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 80 об., 133–135 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 8. Л. 55, 60; Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1358. Л. 189, 191.

²⁰ Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. 654–655.

после доклада председателя совещания правительство попросту постановило отложить рассмотрение вопроса об употреблении государственного герба и национального флага впредь до разрешения его Учредительным собранием²¹.

Конфликты же вокруг двуглавых орлов, коронованных и некоронованных, продолжались. На кораблях Российского военно-морского флота имелись носовые и кормовые украшения в виде двуглавого орла. 24 апреля 1917 г. был отдан приказ по Черноморскому флоту, предписывавший снять с них короны. Однако нередко корабли военно-морского флота полностью лишались своих орлов. Так, на фотографиях, изображающих учебное судно Балтийского флота «Память Азова», отчетливо видны лишь следы старого украшения²².

Возник вопрос и о двуглавых орлах, изображенных на печатях всевозможных учреждений. Он решался различными местными комитетами по-своему. Так, уже 13 марта комитет делегатов Николайштадтского гарнизона постановил: «Во всех печатях гарнизона удалить с печатей гербы». Главный же морской штаб, отвечая на запросы относительно формы судовых печатей, информировал подчиненные ему учреждения 11 мая: «У орлов надлежит снять атрибуты власти: короны, державу и скипетр»²³. Но в то же время старый герб сохранялся довольно долго на печатях некоторых войсковых частей, не вызывая при этом никаких протестов со стороны комитетов. Так, в некоторых частях Румынского фронта неизменные печати использовались и в июле 1917 г. Даже в радикально настроенном Балтийском флоте в некоторых ведомствах в это время использовались печати, по-прежнему украшенные старорежимным орлом²⁴.

«Декоронация» орлов создала возможность для индивидуальных символических демонстраций разного толка. Государственный герб был изображен на различных форменных пуговицах, эмблемах и пряжках, значках и медалях. И вскоре многие студенты и чиновники, солдаты и школьники занялись уничтожением корон на своей форме. Преображенные же орлы украшались новыми символами. Так, некоторые военнослужащие стали носить новые нагрудные знаки, на них был изображен двуглавый орел без корон, украшенный красной эмалевой лентой с надписью «Армия Свободной России». Описания новых нагрудных знаков офицерской стрелковой школы, школ прапорщиков пехоты, казачьих и инженерных войск уже указывали, что на них изображался двуглавый орел «с печати Временного правительства» (приказы по военному ведомству №№ 556 и 592 от 31 августа и 5 сентября). Напротив, выпускники элитарного Морского корпуса и в условиях революции демонстративно заказали себе традиционные памятные знаки своего учебного заведения со старым гербом²⁵.

²¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 2. Л. 33–34.

²² РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 3. Л. 199а.

²³ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 29 марта; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 163.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 111. Л. 306; Ф. 353. Оп. 1. Д. 40. Л. 105.

²⁵ *Ривоиш Я.Н.* Время и вещи... С. 269; *Доценко В.Д., Бойнович А.Д., Купрюхин В.А.* Значки и жетоны Российского императорского флота, 1696–1917. СПб., 1993. С. 26–27.

Однако, несмотря на правительственные решения о сохранении преобразованного герба в общественном сознании, он часто воспринимался как символ старого режима. «Грянул бой, благодаря могучей поддержке братьев-солдат от первого натиска рухнули гнилые устои царизма и в прах разбит двуглавый хищник — вековая эмблема романовского насилия», — гласило воззвание одного из войсковых комитетов российской армии²⁶. Поверженный орел становился уже символом нового строя, он изображался на плакатах, открытках и на знаменах, созданных в это время. Так, на знамени Нарвского объединенного комитета РСДРП были изображены солдат, крестьянин и интеллигент, борющиеся с двуглавым орлом. На знамени Учебно-минного отряда был изображен на фоне восходящего солнца матрос с винтовкой в правой руке, под ногами которого лежат поверженный двуглавый орел, скипетр и держава²⁷. Падение монархии воспринималось как полное отрицание старого герба. «Пал без славы орел двуглавый», — писала М.И. Цветаева в стихотворении, датированном еще 2 апреля²⁸.

Пресса социалистов продолжала обличать «хищного орла самодержавия». «Но прошли его времена и другое знамение, другой символ выберет себе будущая Великая Российская республика. Не в образе кровожадного уродливого хищника предстанет он перед всем миром, а в образе двух родных сестер... — Земли и Воли», — писал автор популярной брошюры, изданной партией социалистов-революционеров, крупнейшей российской политической партией, представители которой входили во Временное правительство²⁹. В массовом сознании двуглавый орел также часто воспринимался как жестокий символ павшего «кровавого режима», а предприниматели учитывали запросы потребителя. Показательно название вновь появившегося художественного кинофильма, обличающего «старый режим»: «В цепких лапах двуглавого орла»³⁰. Такой культурно-политический контекст препятствовал использованию билибинского орла в качестве символа новой России.

О конфликтах вокруг двуглавых орлов косвенно свидетельствуют и некоторые приказы по военному и военно-морскому ведомствам. 15 мая Главный морской штаб отдал распоряжение Главному морскому хозяйственному управлению прекратить изготовление блях с орлами для поясных ремней. Предлагалась впредь до установления нового образца отпускать старые вороненые пряжки без всяких изображений³¹.

Неудивительно, что «старорежимные» орлы могли стать поводом для массовых волнений военнослужащих. Например, в середине июля 1917 г. в одном

²⁶ Революционное движение в военных округах (март 1917 г. — март 1918 г.). М., 1988. С. 415.

²⁷ Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников (По материалам Петрограда и действующей армии): Дис... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 113, 125; Каталог флагов и знамен Центрального Военно-морского музея. Л., 1967. С. 49.

²⁸ Цветаева М. И. Царю — на Пасху // Собр. соч. Т.1: Стихотворения. М., 1994. С. 340.

²⁹ Барыков С. И. Слова и дела Николая II. М., 1917. С. 32.

³⁰ Синь-фоно. 1917. № 11/12. С. 121.

³¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2318. Л. 6.

из полков 11-й пехотной бригады возникли серьезные беспорядки прямо во время заседания полкового суда. Они были вызваны тем, что на зеркале, стоявшем на судейском столе, сохранялся старый государственный герб со злополучной короной. Делопроизводитель суда подвергся насилию со стороны присутствующих солдат, и лишь энергичное вмешательство членов полкового комитета предотвратило дальнейшие эксцессы. Примечательно, что солдаты этой части голосовали в то время за умеренные политические партии — большевики не пользовались там влиянием³². Почти наверняка для беспорядков существовали какие-то внутренние причины, но их нельзя объяснить пропагандой крайних политических групп. В этих условиях ненавистный символ провоцировал и организовывал конфликт, казавшийся со стороны совершенно стихийным, иррациональным.

Порой двуглавые орлы не только лишались корон, но и истреблялись совершенно, отчего страдали памятники искусства и архитектуры. В Петрограде после Февраля государственный герб снимали и сбивали со зданий (в Москве власти действовали не столь решительно³³). 16 марта Особое совещание по делам искусства при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора даже приняло специальное решение: «В виду продолжающегося уничтожения орлов на фасадах домов, обратиться к милиции с указанием на то, что изображения двуглавых орлов не представляют герба Романовых». На следующий день совещание указало и на недопустимость уничтожения государственных гербов внутри бывших императорских театров. Однако в театрах беспрепятственно продолжалось символическое уничтожение гербов — они затягивались красной материей, на программках же двуглавый орел был заменен политически нейтральной лирой³⁴.

Художественное совещание при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора и Комиссия по делам искусств при Совете рабочих и солдатских депутатов выпустили даже специальное обращение к «гражданам милиционерам» с призывом бороться с разрушением государственных гербов, прилагался и особый список столичных зданий, решеток и памятников, на которых имелись государственные гербы. Авторы обращения разъясняли: «Не имея ничего общего с гербом свергнутой династии Романовых и указывая на время построения многих лучших наших сооружений, характеризуя стиль, отмечая эпоху, эти знаки являются гербами государства Российского: в них заключена часть истории искусства нашего»³⁵. Сам факт подобного обращения комиссий, представляющих оба центра двоевластия, косвенно свидетельствует о значительных масштабах борьбы с гербами после Февраля.

В Казани же в местном кремле двуглавый орел был снят со знаменитой башни Сююмбике. В данном случае борьба со «старым» гербом была следствием нарастания мусульманского и татарского национального движения.

³² Революционное движение в военных округах... С. 266.

³³ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т.5 (24). С. 198.

³⁴ ГАРФ. Ф. 6834. Оп. 1. Д. 8. Л. 9 (об.); Безгалов В. Театры в дни революции. Л., 1927. С. 39.

³⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 110. Л. 3.

Здесь судьбу герба разделил и православный крест, вместо которого впоследствии установили мусульманский полумесяц. Решение о снятии орла с башни в сентябре 1917 г. принял Всероссийский мусульманский военный комитет, не помогли даже протесты Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, которое заявило, что «орел — не династический, а государственный герб и не имеет религиозного значения, как полумесяц»³⁶.

Неверными поэтому являются утверждения некоторых современных авторов о том, что только Октябрьский переворот ознаменовал начало беспрецедентной «войны с орлами»³⁷. Большевики опирались в данном случае на массовое движение, требовавшее уничтожения старой символики (хотя далеко не все противники двуглавого орла были сторонниками большевиков). Однако, разумеется, борьба со старыми гербами после Октября усилилась и получила поддержку властей разного уровня. Так, в 1918 г. в Петрограде и Москве состоялось публичное уничтожение символов самодержавия (соответственно в мае и ноябре). В торжественной обстановке были преданы огню корона, трон и двуглавый орел³⁸.

Однако первоначально «демократических» орлов, без корон, можно было встретить и на большевистских плакатах, и даже на некоторых красных знаменах Советской республики (например, знамя 1-го Черняевского советского полка³⁹).

Порой некоторые создатели новой советской геральдики сочетали старые и новые символы. На проектах нового советского герба порой изображался двуглавый орел, увенчанный красной звездой, он сжимал в своих когтях серп и молот⁴⁰. Автор другого геральдического проекта украсил головы двуглавого орла красными звездами, а большую корону заменил красноармейской шапкой-богатыркой (буденовкой). В одной лапе орел сжимал оружие пролетариата — бульжник. Данный проект воспринимался как карикатурный уже в момент создания, однако и известный художник М. Добужинский, разработавший проект украшения здания Адмиралтейства в Петрограде к празднику 1 мая 1918 г., поместил на нем двуглавого орла с серпом и молотом. Короны на этом проекте также были заменены на красные звезды, а на теле и крыльях орла появилась надпись — РСФСР⁴¹. Очевидно, авторы и заказчики подобных

³⁶ Сидорова И. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти, 1917–1924 гг.) // Гасырлар авазы/Эхо веков. 2003. № 3 / 4. http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg;/numbers/2003_3_4/03/03_1/ Просмотрено 18 августа 2011 г.

³⁷ Лебедев В. Державный орел России. М., 1995. С. 45.

³⁸ Герб и флаг России (X–XX века) ... С. 369, 479.

³⁹ Виттбахов Г.В. Государственный герб России... С. 155.

⁴⁰ Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России... С. 143; Корнаков П.К. Краски войны // Родина. 1990. № 10. С. 26–28, 34, 50–51. Создатели герба Австрийской республики пошли по тому же пути сочетания имперской и социалистической символики: австрийский орел также сжимает серп и молот. Правда, после падения монархии в Австрии орел стал одноглавым.

⁴¹ Герб и флаг России (X–XX века) ... С. 368–370, 479.

символов полагали, что советская символика и двуглавый орел могут уживаться, орел же при этом играл роль национального символа России.

Печать с двуглавым орлом можно встретить и на многих ранних документах советского периода. Лишь 12 апреля 1918 г. В.И. Ленин запросил исполняющего обязанности народного комиссара по делам имущества республики о причинах, по которым в Москве не ведутся работы по снятию двуглавых орлов вопреки постановлению Совета народных комиссаров. Но только 3 августа 1918 г. Совет народных комиссаров воспретил употребление герба Временного правительства на печатях официальных учреждений под личную ответственность лиц, подписывающих бумаги⁴².

Однако двуглавый орел Временного правительства продолжал оставаться на купюрах, выпускавшихся советскими властями.

На первых советских государственных кредитных билетах рядом с подписью большевика Г.Л. Пятакова, управлявшего некоторое время Государственным банком, все так же размещался «билибинский» двуглавый орел, лишенный корон. Это объяснялось прежде всего техническими причинами: большевики использовали клише, изготовленное еще при Временном правительстве. Соответствующие государственные кредитные билеты с «раздетым» двуглавым орлом Временного правительства выпускались даже в начале 1921 г.⁴³ Двуглавого орла печатали и на денежных знаках местных советских правительств, он имеется, например, на банкнотах Туркестанской республики. В данном случае двуглавый орел играл, очевидно, роль национального символа русского населения края, рядом с ним помещался мусульманский полумесяц. Изображен он был и на купюрах Терской советской республики⁴⁴. Интересно, что отношение к старому гербу у большевиков, работавших на «национальных окраинах», было, по-видимому, более толерантным, чем у центральных советских властей. Возможно, в этих условиях он воспринимался не как «старорежимный», но как национальный русский символ.

Советские власти из-за финансовых и технических проблем вынуждены были использовать и старые почтовые марки. Хотя в марте 1920 г. Совет народных комиссаров постановил изъять почтовые знаки с портретами царей из обращения «за ненадобностью», но в 1921 г. был произведен дополнительный выпуск «царских марок» с двуглавым орлом. Затем они получили надпечатку в виде пятиконечной звезды с гербом РСФСР, окончательное же решение о прекращении хождения царских марок было принято лишь 15 сентября 1922 г.⁴⁵

Все же центральные советские власти лишь вынужденно терпели старый герб. Двуглавый орел довольно скоро стал символом противников боль-

⁴² *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России... С. 51; Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 167.

⁴³ *Мальшиев А.И., Таранков В.И., Смиренный И.Н.* Бумажные денежные знаки... С. 86, 103–104.

⁴⁴ Каталог бумажных денежных знаков России и стран СНГ (1769–1993). М., 1996. С. 24–25; Герб и флаг России ... С. 350, 354.

⁴⁵ *Карлинский В.* Почтовые марки РСФСР, 1917–1921 // Советский коллекционер. 1967. № 5. С. 21–28; Герб и флаг России ... С. 351, 354.

шевиков. Однако само разнообразие геральдических двуглавых орлов, использовавшихся при создании соответствующей политической символики, свидетельствовало о серьезных политических разногласиях в стане врагов коммунистов. На некоторых денежных знаках, выпускавшихся «белыми правительствами», изображались двуглавые орлы с коронами (деньги Отдельного корпуса генерала А.П. Родзянко, «Западной добровольческой армии» П.Р. Бермондта-Авалова, Уральского казачьего войска), но большинство белых правительств пошли лишь на частичную символическую реставрацию. Часто они не использовали «демократического» двуглавого орла Временного правительства, ставшего символом Февраля, но и не вернулись к дореволюционному гербу. Так, на купюрах, издававшихся на территориях, контролируемых генералом А.И. Деникиным, изображался двуглавый орел со святым Георгием, но без корон. Двуглавый орел, изображавшийся на знаменах армий адмирала А.В. Колчака, был близок к варианту, утвержденному Временным правительством. Сам Колчак, подобно некоторым другим белым адмиралам, носил погоны с орлами без корон⁴⁶. На денежных же знаках, выпускавшихся колчаковским правительством, был изображен двуглавый орел без корон, но с мечом и державой. С державой, символом монархической власти, был изображен орел на деньгах Северо-Западной армии⁴⁷.

Временное правительство Северной области в ноябре 1918 г. приняло постановление о выпуске «северных рублей», на которых был изображен орел с коронами, скипетром и державой, правда, на крупных купюрах портреты царей были заменены аллегорическим изображением женщины. Сам вид старого, дореволюционного двуглавого орла должен был, казалось, пробуждать доверие населения к новым деньгам. Однако это решение вызвало критику в местной печати: не все воспринимали символику «старого режима». Серьезные политические соображения оказались важнее возможных финансовых выгод: правительство не без оснований опасалось подобных обвинений, оно боялось, что сам вид новых купюр будет использован большевистской пропагандой, которая получит возможность обвинить своих противников в монархизме. В подобной ситуации Временному правительству Северной области пришлось спешно изготавливать резиновые штампы и перед выпуском в обращение на каждой купюре уничтожать короны и слова «имеют хождение во всей империи». Позднее появились новые копии местных «николаевок», регалии царской власти на них были уже удалены. На втором выпуске северных денег печатался уже «раздетый» орел Временного правительства⁴⁸.

Правительство большевиков, обвиняя своих противников в монархизме, вследствие экономической необходимости продолжало выпускать «романовские»

⁴⁶ *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России... С. 157; *Корнаков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 438.

⁴⁷ *Николаев Р.* Деньги Белой гвардии. СПб., 1993. С. 41, 61; Каталог бумажных денежных знаков... С. 7–11, 16–17, 20, 35–36, 37; Герб и флаг России ... С. 355.

⁴⁸ *Овсянкин Е.И.* Денежные знаки Северной России, 1918–1923 гг. Архангельск, 1999. С. 14; *Ходяков М.В.* Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России, 1917 – 1920 гг. СПб., 2009. С. 83 – 89.

кредитные билеты в Петрограде и Москве, на контролировавшихся ими предприятиях. Возможность выпуска «николаевских» кредиток, пользовавшихся большим спросом по сравнению с «керенками» и советскими денежными знаками, была важным ресурсом власти Совета народных комиссаров⁴⁹.

Судьба государственного герба постигла и российский флаг, пожалуй, отношение к нему со стороны революционеров было еще более ожесточенным.

Уже в ходе революции флаг «превращался» в красный, революционный: белая и синяя горизонтальные полосы отрывались. Само это действие являло собой отрицание старого государственного символа. В революционной столице старый флаг империи был на какое-то время отброшен.

Однако в некоторых городах в честь свержения монархии были вывешены трехцветные национальные флаги. Порой трехцветные флаги несли и демонстранты, участники «праздников свободы» в некоторых губернских и уездных городах. Исполняющий обязанности главноначальствующего городом Архангельском и водным районом Белого моря генерал-майор И.И. Федоров 2 марта докладывал в Морской генеральный штаб: «Сегодня все рабочие в порту по свистку бросили работать и, собравшись в торговом порту, мирно с двумя национальными флагами отправились по направлению в город. <...> В толпе были нижние чины и матросы...»⁵⁰.

Восприятие Февральской революции, как революции национальной, патриотической и антигерманской, должно было, казалось бы, способствовать сохранению национального символа. Временное правительство официально объявило, что флаг не является символом старого режима, старый флаг был формально сохранен в качестве государственного символа новой России⁵¹. Цвета флага использовались при создании новых символов и знаков. Так, бело-сине-красная лента «национальных русских цветов» стала составной частью нарукавного знака солдат и офицеров, бежавших из вражеского плена (формулировка приказа по военному ведомству № 607 от 25 сентября).

Довольно быстро начали предприниматься и различные попытки «революционизирования» национального флага. Так, офицер подводной лодки, возвратившийся вскоре после Февраля в Севастополь, немедленно ощутил себя в ином политическом измерении: «Проходя мимо Константиновской батареи, мы сразу же заметили, что огромные буквы надписи “БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ!” сбиты и поломаны, а само слово “Царь” замазано черной краской. Над городом вились государственные флаги, повешенные, однако, так, что нижняя красная полоса была вверху, а не внизу, как положено». О том же писал в своих воспоминаниях и бывший начальник штаба Черноморского флота, хотя как ни странно и ему причины «переворачивания» национального флага были неизвестны: «Красных флагов в Севастополе не было поднято. С самого первого

⁴⁹ Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны... С. 56–70.

⁵⁰ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.): Сб. документов. Л., 1982. С. 19.

⁵¹ Русское слово. 1917. 29 апреля.

дня революции в городе были подняты национальные флаги, но почему-то перевернутые, т.е. верхняя полоса была красной, а нижняя — белой»⁵².

Очевидно, имела место некая инициатива Севастопольского совета военных и рабочих депутатов, желавшего отдать первенство революционному красному цвету. В ответ на запрос Севастопольского совета Главный морской штаб сообщал 24 июля 1917 г.: «...Впредь до созыва Учредительного собрания никаких изменений во внешнем виде национального флага, а также в порядке пользования им быть не должно»⁵³.

Инициаторы подобного символического «переворота», по-видимому, и не подозревали, что они превращают тем самым русский флаг в сербский, это порой приводило к конфликтам между различными кораблями российского флота. Так, команда одного из судов, базировавшегося на Килию, сообщала 10 апреля 1917 г. в Центральный исполнительный комитет Севастопольского совета: «После переворота были попытки заменить русский флаг сербским, красным вверх. Считая подобное явление оскорбительным для нации и национального флага, ничего общего не имеющим со старым монархическим строем, комитет единогласно постановил не допускать подмены. 27 марта команда “Сакена”, вчера и сегодня “Кубанца” заставили нашу команду нарушить постановление комитета, причем последние угрожали насилеи. ... Никаких распоряжений о замене национального флага сербским мы не получали». Итак, команды кораблей военно-морского флота, приходящие на отдаленную базу из Севастополя, силой заставляли местные власти и русские суда торгового флота отказываться от официального государственного символа страны. Ответ ЦИК, датированный 12 апреля, гласил: «Никаких общих распоряжений о перемене флага нет. Прежний флаг остается. В Севастополе перевернут случайным местным распоряжением № 697»⁵⁴.

Однако, несмотря на все юридические акты и официальные разъяснения со стороны различных властей, массовое сознание нередко принимало национальный флаг «старорежимным». Уже 3 марта 1917 г. в Петрограде он повсеместно заменялся красным флагом. Иностранцы наблюдатели специально отмечали обилие красных флагов на улицах российской столицы и полное отсутствие флагов национальных⁵⁵. Попытки организовать в последующие месяцы патриотические манифестации под трехцветным флагом воспринимались как контрреволюционные демонстрации и порой сурово пресекались.

Центром конфликтов вокруг старого флага стал Киев, оплот русских националистов (на выборах в Украинское учредительное собрание от Киева был избран видный политический деятель В.В. Шульгин, таким образом, столицу

⁵² *Монастырев Н.А.* Гибель царского флота. СПб., 1995. С. 82; *Смирнов М.И.* Адмирал Колчак во время революции в Черноморском флоте // Февральская революция. М.; Л., 1926. С. 245. См. также: *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 205.

⁵³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2334. Л. 1.

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 5. Л. 106, 148, 198. В тексте упоминаются корабли Черноморского флота и Дунайской военной флотилии эскадренный миноносец «Капитан Сакен» и канонерская лодка «Кубанец».

⁵⁵ *Witnesses of the Russian Revolution.* P. 50.

Украины представлял русский националист⁵⁶). В дни Пасхи 1917 г. некоторые дома в городе были украшены трехцветными российскими флагами, чему городские организации не препятствовали. Влиятельная газета «Киевлянин» В.В. Шульгина, вокруг которой группировались русские националисты, вела в это время кампанию за восстановление российского трехцветного знамени, в ходе которой прошли две манифестации с участием многих учащихся, в том числе воспитанников местного кадетского корпуса. Это вывело протест левых организаций Киева, потребовавших принятия против манифестантов самых решительных мер. Совет рабочих депутатов заявил, что он не допустит национальных знамен, и угрожал даже двинуть против юных русских националистов свои «боевые дружины». Позиции Совета поддерживали и группы рабочих Киева. В некоторых резолюциях демонстрации именовались «манифестацией монархистов», «монархической манифестацией». Даже либеральная пресса утверждала, что киевская манифестация «была использована» черносотенцами. От организации последующих демонстраций такого рода «Киевлянину» пришлось отказаться⁵⁷.

Во время этого конфликта вокруг флага обеспокоенные члены Исполкома Киевского совета общественных организаций направили запрос в Министерство юстиции: «В каком положении находится вопрос о национальном флаге и имеется ли в виду в близком будущем выработка нового национального флага, соответствующего новому строю». По-видимому, ответ на этот запрос получен не был. Между тем ситуация в городе продолжала оставаться сложной. 26 апреля, накануне новой патриотической демонстрации, запланированной на 30 апреля, Исполком Киевского совета общественных организаций запрашивал уже Министерство внутренних дел, требуя «авторитетного разъяснения» от петроградских властей: «...Просим срочно разъяснить, остается ли флагом российского государства прежний флаг? Вырабатывается ли новый?». Возможно, о ситуации в Киеве думали члены Юридического совещания при Временном правительстве — как отмечалось выше, 10 апреля его члены фактически высказались за сохранение национального флага. Буквально накануне очередной киевской демонстрации в петроградской консервативной газете «Новое время» была опубликована заметка, посвященная решению Юридического совещания при Временном правительстве относительно судьбы государственной символики. В ней сообщалось, что «...белосине-красный флаг не имеет в себе никаких династических признаков или монархических эмблем. Поэтому совещание не нашло препятствий к дальнейшему пользованию им впредь до решения вопроса о русском флаге Учредительным собранием». Можно предположить, что «Новое время» желало поддержать своих киевских единомышленников, подтверждая юридическую

⁵⁶ *Москвич А.Г.* Несколько слов о выборах в Украинское Учредительное собрание // *Малая Русь*. Киев, 1918. Вып. 3. С. 47, 48, 52.

⁵⁷ *Heald E.T.* Witness to Revolution... P.64; *Шульгин В.В.* 1917–1919 / Публ. Р.Г. Краснокурова // *Лица: Биографический альманах*. Вып.5. М.; СПб., 1994. С. 144; *Киевлянин*. 1917. 23 марта, 23, 24, 30 апреля; *Русские ведомости*. 1917. 4 мая; *Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: Документы и материалы*. М., 1958. С. 448, 838.

правомерность их действий. Между тем чиновники центральных ведомств высказывались об употреблении старого государственного флага осторожнее. Министерство юстиции сообщало в ответ на запрос МВД, что «до настоящего времени по министерству юстиции не возбуждалось вопроса о выработке нового национального флага». Вряд ли такой ответ мог успокоить участников конфликта в Киеве. Наконец, 1 мая (уже после манифестации) Департамент общих дел МВД сообщал в исполком Киевского совета общественных организаций, что «...вопрос о дальнейшем употреблении трехцветного национального флага до настоящего времени еще не разрешен. По имеющимся, однако, в Департаменте сведениям, к дальнейшему пользованию флагом едва ли могут встретиться препятствия, так как означенный флаг не является эмблемой монархического строя и не содержит династических признаков»⁵⁸. Как уже отмечалось, и коалиционное Временное правительство сформулировало свою позицию относительно государственных символов более осторожно, чем Юридическое совещание. После доклада председателя совещания правительство постановило отложить рассмотрение вопроса об употреблении национального флага впредь до рассмотрения его Учредительным собранием⁵⁹.

В различных ситуациях сомнения относительно возможности употребления национального флага возникали вновь и вновь. Так, из Елабужского уезда 2 июня в Министерство внутренних дел был послан запрос относительно того, какой флаг должен быть поднят при открытии местной ярмарки. Ответ, направленный 8 июня, был сформулирован довольно осторожно и неопределенно: «Пользованию трехцветным национальным флагом препятствий не встречается»⁶⁰.

Под трехцветным флагом, однако, прошли некоторые патриотические манифестации 19 июня, организованные в честь начала наступления российской армии. Впрочем, рядом развевались и красные стяги. И к тем и к другим прикреплялся портрет А.Ф. Керенского, образ популярного «вождя революционной армии» объединял на время оба символа. Однако наличие национальных флагов у манифестантов было сразу же использовано пропагандой большевиков. Так, Г.Е. Зиновьев говорил о «шовинистических демонстрациях с трехцветным знаменем», разгуливающих по Невскому⁶¹. Можно предположить, что многие его слушатели вне зависимости от своего отношения к большевизму воспринимали старый флаг, как знак старого режима, и настороженно относились к демонстрантам, подозревая их в контрреволюционных замыслах. Газета же большевиков Кронштадта в то же время не без угрозы в адрес сторонников старой символики писала: «И веселятся, ликуют под трехцветным флагом у Мариинского дворца. Рано еще, немного рано»⁶².

⁵⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 8. Л. 34, 36–40.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 2. Л. 33–34.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 8. Л. 71, 72.

⁶¹ А.Г. Под трехцветным флагом // Голос правды. Кронштадт, 1917. 24 июня; Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 172–175.

⁶² А.Г. Под трехцветным флагом...

Вместе с тем использование старого флага вызывало протесты и у некоторых сторонников наступления. Они считали его символом контрреволюции, вне зависимости от того, откуда она исходила, «слева» или «справа». Они даже готовы были ... отдать его большевикам. Автор весьма умеренной севастопольской газеты писал: «Не входя в историческое развитие трехцветного флага, он должен быть уничтожен как хранитель отживших традиций, а на смену ему пусть развернется по всей Руси великой один лишь цвет, цвет красный. Символ свободы и память об идейных борцах за счастье народа. Пусть трусы-“большевики” оставят у себя трехцветный флаг, который будет служить им дополнением к их туманной, не вполне честной и провокаторской программе»⁶³.

При этом формально трехцветный флаг продолжал официально считаться государственным и после прихода большевиков к власти, вплоть до 8 апреля 1918 г., хотя в действительности и не употреблялся в качестве такового⁶⁴.

В отличие от иных дореволюционных государственных символов, императорский гимн «Боже, царя храни!» отрицался совершенно, его связь с монархией была совершенно очевидна. До революции гимн был неизменной частью многих официальных церемоний, некоторое время его продолжали исполнять по заведенному порядку. В войсках гарнизона Симферополя, например, было даже приказано петь «Боже, царя храни!» после зачитания манифеста об отречении Николая II⁶⁵.

Отказ же от исполнения гимна в установленное время нередко был первым знаком присоединения к революции. Одна из рот учебного минного отряда в Кронштадте вечером 1 марта отказалась петь государственный гимн после молитвы, и это событие дало толчок для протестного движения в данной части, которое затем переросло в восстание. Матросы опасались репрессий за свою демонстрацию: появились слухи о вооружающихся офицерах. В этой обстановке любого возгласа было достаточно, чтобы вывести роты из казармы. По некоторым данным, петь гимн отказался матрос 9-й роты М. Шагин, бывший обычно запевалой. Участник восстания в Кронштадте вспоминал: «...В минном отряде на молитве моряки пропели “Отче наш” и отказались петь “Боже, царя храни!”, — так начинались революционные события в Кронштадте. Так сказать, с богом, но против царя»⁶⁶. Правда, некоторые большевики-мемуаристы пытались представить действия матросов даже более радикальными: они якобы не пели и молитву. Эта версия нашла отражение и в работах некоторых советских историков⁶⁷. Однако, по-видимому, тем самым они просто пытались задним числом представить действия матросов не только антимонархическими, но и

⁶³ Крачкович П. Двойная победа // Крымский вестник. Севастополь, 1917. 25 июня.

⁶⁴ Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1959. Т. 2. С. 188.

⁶⁵ Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь, 1927. С. 62.

⁶⁶ Баранов С. По своим следам: Воспоминания старого балтийца-большевика // Рукописно-документальный фонд ЦВММ, № 35763. Л.11; Жданов И.М. 1917 год в Кронштадте // РГА ВМФ. Ф. Р. 402, Оп. 2. Д.143. Л. 37.

⁶⁷ Колбин И.Н. Кронштадт организуется, готовится к бою // Октябрьский шквал (Моряки Балтийского флота в 1917 году). Л., 1927. С. 27; Найда С. Ф. Борьба моряков русского флота за победу социалистической революции // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 52.

антиклерикальными. В своих воспоминаниях матросы-большевики всячески подчеркивали и роль совещания «руководящих работников большевистской организации крепости», на котором якобы было решено начать восстание матросов и солдат Кронштадта вечером 28 февраля. Эта версия событий нашла отражение и в исторических исследованиях⁶⁸. При этом явно недооценивались инициативы отдельных беспартийных моряков, стихийный характер движения, в самоорганизации которого играли важную роль нарушение уставного ритуала и отрицание монархической символики.

Во многих же частях и после революции офицеры пунктуально требовали соблюдать устав: они приказывали своим подчиненным петь старый гимн «Боже, царя храни!» во всех положенных случаях и после отречения императора. Это, разумеется, приводило к острым конфликтам. Для их предотвращения командующий 12-й армией даже вынужден был отдать приказ, категорически воспрещающий исполнение старого гимна (он был отпечатан в виде специальной листовки, которая 9 марта расклеивалась в Риге)⁶⁹. Предпринимались попытки создания нового гимна на старый мотив («Боже, народ храни!» и др.), однако новые тексты не пользовались популярностью.

Свой фронт борьбы против царского гимна открыли и некоторые деятели искусства. Композитор А.К. Глазунов утверждал: «Прежний гимн — не является, по-моему, образцом национального творчества, русского в нем мало». В условиях революции старые патриотические аргументы приобрели новую силу. Вопрос о чуждости гимна русской традиции поднимался и ранее, он активно обсуждался до революции на страницах легальной прессы⁷⁰.

Старый гимн порой звучал во время некоторых патриотических манифестаций. Так, утром 12 апреля воспитанники 2-го Петроградского кадетского корпуса хотели идти с антибольшевистскими лозунгами к дворцу Кшесинской, где помещались руководящие органы партии большевиков. В одной из рот при этом запели «Боже, царя храни!». Вскоре, однако, исполнение старого гимна стало знаком полуполициальных антиреволюционных демонстраций. Так, один из современников описывал настроения части морских офицеров в Севастополе летом 1917 г.: «Оппозиция революции выражалась у молодежи лишь в пении “Боже, царя храни!” во время попоек, в каком-нибудь отдаленном доме в ночное время»⁷¹. Время от времени в печати появлялись сообщения о пении старорежимного гимна некими «контрреволюционерами». Так, подвыпившие офицеры Чеченского полка Кавказской туземной дивизии потребовали, чтобы трубачи сыграли «Боже, царя храни!», те отказались, в результате чего возник скандал, в новом номере московской эсеровской газеты появилось сообще-

⁶⁸ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 41.

⁶⁹ Русский инвалид. 1917. 11 марта; Рабочая газета. 1917. 10 марта; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия... С. 132; Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. P. 225.

⁷⁰ РГИА. Ф. 794. Оп. 1. Д. 35. Л. 2; Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. С. 396.

⁷¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 74. Д. 13. Л. 111–111об.; Михайловский Г.Н. Записки... Кн. 1. С. 482. О демонстративном исполнении «Боже, царя храни» см. также: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия... С. 132.

ние о том, что поздно вечером 1 августа по центральной улице Киева проехал черный автомобиль, наполненный гвардейскими офицерами, которые выкинули трехцветное знамя, пели «Боже, царя храни!» и кричали: «Да здравствует император Михаил Александрович!»⁷². Можно предположить, что, по крайней мере в некоторых случаях, эти публикации не отражали реальные факты. Политическим противникам с целью их дискредитации намеренно приписывалось использование табуированных символов «ненавистного прошлого». Так, в большевистском «Рабочем пути» в сентябре сообщалось, что в день прибытия Керенского в Ставку, в Могилев, представители командного состава якобы пели «Боже, царя храни!». Солдаты 6-го артиллерийского тяжелого дивизиона, арестованные за беспорядки в Твери, утверждали в письме от 9 октября: «...Вообще, требование всего офицерского состава “дай Царя и Боже Царя храни”»⁷³.

Однако известно, что в квартирах генералов, служивших в Ставке, летом старый государственный гимн действительно демонстративно исполнялся при открытых окнах, об этом писал в своих воспоминаниях генерал П.А. Половцов и его свидетельство заслуживает доверия⁷⁴. Это само по себе порождало слухи (в целом необоснованные) о монархических симпатиях генерала Л.Г. Корнилова и его окружения.

Буквально в течение нескольких дней после свержения монархии старый государственный гимн превратился в песню протеста, его исполнители явно бросали вызов новому революционному режиму.

Показательно, однако, что во время Гражданской войны основные центры противостояния красным не рисковали использовать старый гимн в качестве своего символа. На территориях, контролировавшихся Колчаком, в этом качестве использовался церковный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе», тем самым подчеркивался политический курс «непредрешенчества», которого придерживались белые правительства. Однако на некоторых полковых праздниках колчаковцев порой демонстративно исполнялся старый императорский гимн⁷⁵.

2. Военные знамена и военно-морской флаг

Революция оказала свое влияние и на военные знамена, хотя военнослужащие, как правило, продолжали использовать их в качестве важных символов. В Феврале солдаты участвовали порой в восстаниях под старыми знаменами своих частей. Так, в Кронштадте командир 2-го крепостного артиллерийского

⁷² Половцов П.А. Дни затмения... С. 71; Труд. М., 1917. 11 августа; РГИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 286. Л. 224.

⁷³ Рабочий путь. 1917. 17 сентября; Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 319.

⁷⁴ Половцов П.А. Дни затмения... С. 191.

⁷⁵ Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 310.

полка со знаменем в руках и под звуки «Марсельезы», исполняемой оркестром этой части, вывел своих солдат из ворот казармы и примкнул к повстанцам⁷⁶.

Но вскоре полковые знамена стали нередко восприниматься как символ «старого режима». В первую очередь это касалось дружин ополчения, на знаменах которых имелся лозунг «За веру, царя и отечество». 11 марта командующий флотом Черного моря, вице-адмирал А.В. Колчак, направил в Главный морской штаб запрос: «Начальниками дружин возбужден вопрос о надписях на ополченческих знаменах и значках. Прошу указать, как поступать со словом “За царя”»⁷⁷. Но к тому времени во многих дружинах ополчения вопрос о знаменах был уже фактически решен. Ненавистный призыв «за царя» нередко зашивался красной материей, а уже во время парада в Москве 4 марта на знамя ополченческой бригады были пришиты красные полосы. В надписи же «За веру, царя и отечество» слово «царя» было вырезано, вместо него зияла дыра⁷⁸. В других случаях надписи переделывались в соответствии с требованиями момента: «За веру, свободу и отечество», «За веру народ и отечество»⁷⁹.

Но и солдаты других полков отказывались целовать знамя после присяги, объясняя это тем, что «...на знаменах имеются вензеля государей — наших исконных кровопийцев». Иногда во время принятия присяги Временному правительству в связи со старыми знаменами возникали серьезные конфликты, знамена убирали, порой вензеля закрывали красными платками, к знаменам прикрепляли красные банты. 19 марта солдаты 127 пехотного Путивльского полка перед принятием присяги потребовали снять вензель Николая II со знамени полка. Командир полка отказался, тогда солдаты не приняли присягу. Во время этого эпизода помощник командира полка назвал «знамя свободы», поднятое солдатами, тряпкой и приказал убрать его. Это, надо полагать, лишь обострило конфликт. Солдаты продолжали отказываться присягать под знаменем со старым вензелем и отправили соответствующую телеграмму военному министру. 21 марта в 128-м пехотном Старооскольском полку также должны были принимать присягу, но солдаты потребовали удаления полкового Георгиевского знамени с вензелями Николая II. Командир пытался объяснить, что знамя от ветхости имеет лишь древко и слабые остатки плата, но это не помогло. Хотя и сами солдаты не смогли обнаружить вензеля, они все равно продолжали требовать удаления знамени. Командир и в данном случае отказался им подчиниться, в результате чего возникло столкновение, в ходе которого были ранены два офицера и один солдат⁸⁰.

⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-402. Д. 117. Л. 43.

⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2314. Л. 8.

⁷⁸ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия... С. 52.

⁷⁹ Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 348.

⁸⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. Т. 1: 27 февраля — 6 мая 1917 года. М., 1957. С. 242; Революционное движение в военных округах... С. 38; Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 640–641, 644; Оськин Д.П. Записки прапорщика. М., 1931. С. 109–111. См. также: Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 351; Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. P. 244. Упоминается и школьное гимназическое знамя с вырезанным двуглавым орлом. Левицкая Е. Страничка из дневника // Пролетарская революция. 1923. № 13. С. 257.

Наконец 4 апреля последовал специальный приказ по военному ведомству № 182, гласивший: «Частям войск, имеющим знамена и штандарты с вензелем отрешенного императора Николая II (т.е. получившим таковые за период времени с 1895 по 1917 год), доставить означенные знамена и штандарты (без церемонии, установленной для отвоза знамени) в Петроград, в Технический комитет Главного интендантского управления для выполнения работы по снятию означенных вензелей и по замене пришедших в ветхость знамен новыми». Но на практике на местах вопрос решался по-разному, при этом часто императорские короны и вензеля попросту зашивались красной материей⁸¹.

Однако авторитет старого знамени во многих войсковых частях сохранялся, на политические манифестации некоторые даже весьма радикализированные полки шли со своими полковыми знаменами: это должно было показать, что вся часть поддерживает соответствующие лозунги. Порой старые знамена пытались использовать и противники Временного правительства. Например, 4-го июля, в разгар политического кризиса, подпрапорщик 3-й роты запасного батальона Гвардейского Московского полка вынес знамя и встал с ним во главе батальона. Затем он вывел свою часть под знаменем на улицу для участия в антиправительственной демонстрации⁸².

На знаменитом совещании военного министра А.Ф. Керенского с представителями армейского командования 16 июля генерал А.И. Деникин, командовавший тогда Западным фронтом, выступил с пылкой речью, в которой фактически обвинил самого министра и других деятелей революции в развале армии. Свое эффектное выступление генерал закончил так: «Ведите русскую жизнь к правде и свету — под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! — стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед. Но вы — вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними. ...Если в вас есть совесть!»⁸³.

В данном случае Деникин с уважением упоминает «знамя свободы», надо полагать, речь идет о красном флаге. Иными словами, предполагается сосуществование старых и новых символов, что в целом соответствовало и отношению Временного правительства к государственной символике. Но Деникин выступает за то, чтобы лишь старые боевые знамена, преобразованные после революции, были символом российской армии. Однако вполне ли искренним был генерал? В своем кругу представители высшего командования постоянно противопоставляли боевые знамена и ненавистные «красные тряпки». Споры шли лишь о том, в какой степени и в какой ситуации символы революции могут быть тактически использованы для укрепления военной дисциплины

⁸¹ Приказ по военному ведомству № 182 (отдельное изд.); *Корнаков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 346, 352–354.

⁸² *Большевизация Петроградского гарнизона: Сб. материалов и документов.* Л., 1932. С. 153, 155, 183.

⁸³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии (Февраль — сентябрь 1917). М., 1991. С. 440.

как пропагандистский материал. Об этом неразрешимом конфликте старых и новых символов сам Деникин пишет, воссоздавая «типичные» слова офицера того времени, высказываемые в обществе других офицеров: «Ну да, я чту полковое знамя и ненавижу их красные тряпки»⁸⁴. Порой же слова о «красных тряпках» произносились и публично. В этом контексте даже осторожная речь в защиту старых знамен воспринималась многими сторонниками Февраля как явно контрреволюционная.

В некоторых радикально настроенных полках продолжали, впрочем, довольно долго относиться с большим уважением к своим старым полковым знаменам. Так, даже 27 января 1918 г. комитеты 8-го Гренадерского полка постановили преобразовать его в Военно-революционный полк московских гренадер, в который зачислялись лишь солдаты-добровольцы. Резолюция гласила: «...Для увековечения памяти создания Военно-революционного полка московских гренадер сняться группой записавшихся со старым полковым и новым революционным знаменами в вооруженном виде...»⁸⁵. Так, старый символ использовался при создании новой революционной армии.

Пожалуй, матросы Российского военно-морского флота, несмотря на свою революционность и решительность в отрицании прочих символов «старого мира», были более верны своему Андреевскому флагу, который издавна был знаком тяжелой и почетной морской службы и в качестве такового нередко изображался на матросских татуировках⁸⁶. Сложно было отрицать такой символ, ставший буквально частью жизни моряков. И хотя сигналом присоединения к революции и во флоте был боевой флаг красного цвета, поднятый на мачтах кораблей, все же на корме судов продолжал развиваться традиционный военно-морской Андреевский флаг (точно так же вели себя в 1905 г. моряки броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и некоторых других кораблей, восстававших во время Первой российской революции)⁸⁷.

Уже утром 28 февраля моряки крейсера «Аврора», стоявшего в Петрограде, подняли на стеньге грот-мачты красный флаг. В Гельсингфорсе, на главной базе Балтийского флота, первым кораблем, поднявшим красный флаг, был линейный корабль «Император Павел I» (флаг появился на стеньге фок-мачты линкора 3 марта)⁸⁸. По-видимому, и в этом, и в других случаях использовался сигнальный красный флаг с двумя концами. Запись во флагманском историческом журнале гласит: «В начале восьмого часа вечера... линейный корабль “Павел I” поднял боевой флаг, развернул башни на стоящий рядом с ним “Ан-

⁸⁴ Там же. С. 349.

⁸⁵ Войсковые комитеты действующей армии (Март 1917 г. — март 1918 г.). М., 1982. С. 514.

⁸⁶ Горденев М.Ю. Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии русского императорского флота. М., 1992. С. 77.

⁸⁷ Во время Севастопольского восстания 1905 г. восставшие корабли поднимали красный флаг на стеньгах, а колеблющиеся команды меняли его несколько раз. В городе сторонники и противники восстания выступали, соответственно, под красными и Андреевскими флагами. Так, консервативно настроенные моряки агитировали за Андреевский флаг, который, «сам Христос нам заповедовал». Дробот В. Севастопольское восстание 1905 г. // Пролетарская революция. 1923. № 10 (22). С. 62–66.

⁸⁸ Миланов В.Я., Семенович Н.Н. Флаги отечественного флота, 1667–1996. М., 1996. С. 127–129, 143; Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 224.

дрей Первозванный”, после чего на “Андрее Первозванном” был также поднят боевой флаг. <...> Вслед за ними подняла боевой флаг и стоящая рядом с ними “Слава”. Следуя движению 2-ой бригады линейных кораблей, подняли боевые флаги “Севастополь” и “Полтава”. На “Петропавловске” команда, собравшись на баке, настаивала на подъеме боевого флага из солидарности к 2-ой бригаде кораблей. Начальник бригады не разрешил поднять боевой флаг и сам с офицерами уговаривал команду успокоиться». С наступлением темноты на кораблях были подняты красные фонари ⁸⁹.

Подъем красного флага на сигнальных фалах (к рее мачты) мог означать: «Веду артиллерийский огонь». В международном своде сигналов этот флаг «В» (Bravo) именовался «пороховым флагом»: его следовало всегда держать на судне, которое грузит или выгружает порох, либо другие взрывчатые вещества. В Российском военно-морском флоте красный флаг («Н») имел целый ряд значений: «Гружу или везу порох»; «Стреляю в цель из орудий или минами»; «Взорвать мину»; «Позволяется начать стрельбу». Иногда этот флаг расшифровывался и так: «Стреляю в цель», «Упражняюсь с минами»⁹⁰. Но поднятый вопреки всем правилам на стеньге фок-мачты, где во время боя поднимался государственный или военно-морской флаг, красный флаг мог означать только понятный всем морякам призыв к восстанию.

Однако на корме все военные суда базы продолжали поднимать Андреевский флаг. Красные боевые флаги на мачтах кораблей, стоявших в главной базе Балтийского флота, были важным и ярким символом переворота. Эта картина была запечатлена сразу же несколькими фотографиями, находившимися в городе. Уже 4 марта «революционный командующий» флотом вице-адмирал А.С. Максимов приказал спустить боевые флаги, что должно было стать знаком прекращения восстания и подтверждением власти нового командования. Однако команда линейного корабля «Андрей Первозванный» отказалась выполнить этот приказ до тех пор, пока не будут удовлетворены все ее требования и все же красные флаги были спущены, но лишь по призыву революционных организаций в ночь на 5 марта⁹¹.

И в последующие месяцы красный флаг не раз поднимался на мачтах военных кораблей. В разных ситуациях это имело разное значение, часто он вновь был важным символом протестного движения команд.

Однако матросы использовали и Андреевский флаг как средство политической мобилизации во время восстаний против монархии. Сохранились фотографии, изображающие митинги команд 4 марта на льду, перед кораблями, базировавшимися на Гельсингфорс. Над толпой видны и военно-морские, и

⁸⁹ Зингер М.Е. 1917 год в Балтийском флоте: Опыт систематического исследования революционных событий // РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 111–112.

⁹⁰ Миланов В.Я., Семенович Н.Н. Флаги отечественного флота... С. 127–129, 143; Международный свод сигналов. Пг., 1914. Табл.Х; Шлюпочная сигнальная книжка для переговоров со шлюпками, паровыми катерами и миноносками. СПб., 1911. С. XII; Свод военно-морских сигналов. СПб., 1911 С. 20. (ЦВММ. Фонд хранения знамен, флагов, обмундирования и нумизматики, №№ В-10778, В-9822).

⁹¹ Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 73; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март-октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 24, 33; ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, №№ 05368, 22603/1–3.

красные флаги. Во время демонстраций, приветствовавших Февральскую революцию, матросы разных баз флота (Гельсингфорс, Ревель) также несли, одновременно, и красные, и Андреевские флаги. На некоторых же фотографиях, изображающих данные манифестации, видны почти исключительно военно-морские флаги. И в Петрограде Гвардейский экипаж выходил на манифестации под традиционным военно-морским флагом, рядом с ним несли красный транспарант с надписью: «Да здравствует мир между народами»⁹². Это свидетельствует о схожести символического сознания матросов различных соединений флота.

На военных кораблях, находившихся вдали от основных баз, матросы также приветствовали революцию под красным и традиционным старым Андреевским флагом. Так, 4 марта в вахтенном журнале линейного корабля «Цесаревич» появилась запись: «Команда с музыкой спустилась на лед, продолжая кричать “ура”. Вскоре появилась команда с “Адмирала Макарова” во главе с командиром. Появились два флага — Андреевский и красный»⁹³.

Показательно, что Андреевский флаг изображался и на новых революционных символах — красных знаменах, заказанных политическими организациями матросов и отдельными военно-морскими частями. Так, даже на знамени кронштадтского Учебно-минного отряда, которое было создано вскоре после Февраля, были изображены два Андреевских флага, древки которых перекрещивались под адмиралтейским якорем, перевитым канатом, а сверху находилась надпись «УЧЕБ. МИННЫЙ ОТРЯД СВОБОДА», под рисунком — «РАВЕНСТВО И БРАТСТВО»⁹⁴. Показательно, что такой символ, включающий традиционный флаг Российского военно-морского флота, был избран частью, первой в Кронштадте поднявшей восстание.

При этом порой и морские офицеры консервативных взглядов, и радикально настроенные революционеры воспринимали соединение Андреевского и красного флагов как недопустимую эклектику, как оскорбление священного символа. Профессиональный революционер большевик В.Н. Залезский, считавший военно-морской флаг «старорежимным», так описывал в своих мемуарах первую революционную манифестацию в Гельсингфорсе: «Странное впечатление производил Андреевский флаг, который также несли рядом с красным знаменем». Но и морской офицер, придерживавшийся противоположных политических взглядов, в равной степени был шокирован: «Через несколько дней с разрешения начальства самими кораблями была организована манифестация, причем команды в полном порядке, по форме одетые, с Андреевским флагами во главе каждого корабля, но, к сожалению, и с красными тряпками (раз революция была “узаконена”, нельзя было не допустить и эмблемы ее — красного флага) также продефилировали под звуки нашего оркестра по всем главным

⁹² ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, №№ 4429, 05429, 22603/1–3, Б–373-Р; Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 36, 39; *Корнаков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 379.

⁹³ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 20. Л. 72.

⁹⁴ Каталог флагов и знамен Центрального Военно-морского музея. Л., 1967. С. 49.

улицам города»⁹⁵. Однако ни кадровые морские офицеры, ни профессиональные революционеры не спешили высказывать своих взглядов. Они были вынуждены учитывать позицию рядовых моряков, которые в то время считали, что Андреевский и красный флаги могут развеяться рядом.

Показательно, что соседствовали красные и Андреевские флаги на различных морских базах, порой удаленных друг от друга. Это свидетельствует о распространенности определенного типа символического сознания у революционных моряков, об авторитете в морской среде Андреевского флага.

Некоторые соединения и корабли и во время революции продолжали торжественно праздновать годовщины поднятия Андреевского флага (Амурская военная флотилия)⁹⁶ — наверняка матросы также считали эти дни своим праздником.

Красные и Андреевские флаги развевались рядом и во время торжественных церемоний. Так, 2 апреля судну «Двина» было торжественно возвращено историческое имя «Память Азова», отнятое в свое время у корабля, команда которого подняла восстание в 1906 г. На ревельский пирс, к которому была пришвартована «Двина», явилось множество делегаций рабочих коллективов, морских экипажей и воинских частей, они несли специально подготовленные флаги, прославлявшие революционную историю корабля. Так, на красном знамени Авиационного отделения имелась надпись: «Водрузилось красное знамя свободы, поднятое вами, погибшие товарищи Азовцы». Но многие участники церемонии подходили к кораблю с Андреевскими флагами, к некоторым из них были прикреплены черные и красные ленты и банты. На корме корабля уже красовалась возвращенное название «Память Азова», а массивный императорский орел, украшавший корабль, был заранее демонтирован. Важнейшей частью церемонии стал подъем огромного знаменитого Георгиевского Андреевского флага (в центре Андреевского флага изображался святой Георгий), этого почетного отличия корабль был также лишен за восстание 1906 г. На корме поднимались поочередно Андреевский, красный и, наконец, Андреевский Георгиевский флаги. В момент поднятия Георгиевского флага на мачтах были подняты красные стеньговые флаги. На кормовой мачте был поднят красный флаг с лозунгом партии социалистов-революционеров: «В борьбе обрешь ты право свое». Надписи же на красном флаге, водруженном на носовой мачте, гласили: «В единении сила», «Земля и воля». Хотя в некоторых советских исторических работах и утверждалось, что организаторами этого праздника выступили большевики, но наличие эсеровских лозунгов на флагах свидетельствует о том, что представители именно этой партии были организаторами церемонии. (Социалисты-революционеры всячески стремились выделить роль своей партии в организации восстания на крейсере «Память Азова» в 1906 г., в Ревеле в 1917 г. ими была выпущена соответствующая брошюра.) В то же время на мачтах других военных судов поднимались Андреевские флаги. За-

⁹⁵ Залезский В. Н. В борьбе за Балтфлот: Революционное движение в Балтийском флоте. М.; Л., 1925. С. 18; Темирев С. Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 75–76.

⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2314. Л. 188.

тем оркестр заиграл похоронный марш, одновременно был поднят красный флаг со словами революционного похоронного марша: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». В день праздника на бескозырках матросов уже красовались ленточки с возвращенным названием корабля «Память Азова», которые были выданы им еще накануне⁹⁷.

Однако на фотографиях, изображающих празднование Первого мая на военно-морских базах, Андреевских флагов уже почти не видно. В Петрограде Гвардейский экипаж, впрочем, вышел под Андреевским флагом, но, как правило, лишь красные флаги использовались в этот день моряками для манифестаций. Так, например, на первомайском транспаранте Морского инженерного училища были изображены матрос и рабочий, сжимающие красное знамя. Надпись на нем гласила: «В единении сила»⁹⁸.

Все же Андреевский флаг продолжал оставаться признанным символом военно-морского флота. Его использовали в политических целях даже крайне радикально настроенные матросы. Когда Временное правительство решило сместить первого «революционного» командующего вице-адмирала А.С. Максимова, которого считали склонным идти на чрезмерные уступки революционным организациям, то моряки линейного корабля «Петропавловск» отказались признать этот приказ и даже подняли утром 3 июня на линкоре адмиральский флаг Максимова. Таким образом, на Балтийском флоте некоторое время было поднято два флага командующих флотом, что стало символом кризиса власти. Глава Временного правительства князь Г.Е. Львов и военный и морской министр А.Ф. Керенский категорически требовали спустить флаг, «незаконно поднятый» на «Петропавловске». Вскоре конфликт был урегулирован и Максимов покинул Гельсингфорс. Но команда «Петропавловска» преподнесла ему на прощанье подарок-символ — небольшой шелковый Андреевский флаг командующего флотом с надписью «На память ад. Максиму от команды “Петропавловск”»⁹⁹. Матросы одного из наиболее революционизированных кораблей считали традиционный флаг военно-морского флота лучшим подарком «революционному адмиралу».

За временное сохранение старого флага в военно-морском флоте вполне определенно высказался даже радикальный Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт), созданный 28–30 апреля. Уже на заседании 1 мая им было принято следующее решение: «Признавая, что русский военный флаг должен быть изменен с тем, чтобы завоеванная свобода нашла в нем символическое выражение, Центральный комитет считает, что изменение флага может быть проведено лишь общефлотским съездом, а потому впредь до тех

⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р–92. Оп. 22. Д. 16. Л. 6; Ф. Р–402. Д. 119. Л. 68об.; ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, № 034455, 026641; *Шабалин И.А.* Восстание и казнь моряков с «Памяти Азова». Ревель, 1917; *Калашиников А.* 2-е апреля 1917 г. на «Памяти Азова» // Красный балтиец. 1920. № 6. С. 47; *Петров М.А.* 1) Моряки Ревельской базы в борьбе за свержение самодержавия и победу Октябрьской революции // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С.150; 2) Большевиизация южных баз Балтийского флота в 1917 году. Л., 1981. С. 50–51.

⁹⁸ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, № Б–4812-Р.

⁹⁹ *Миланов В.Я., Семенович Н.Н.* Флаги отечественного флота... С. 148; ЦВММ. Фонд хранения знамен, флагов, обмундирования и нумизматики, № 22617; *Зингер М.Е.* 1917 год в Балтийском флоте... Л.398.

пор, пока съезд не разрешит этого вопроса, Андреевский флаг в действующем флоте ввиду военного времени должен быть признан нашим военным флагом. Центральный комитет Балтийского флота приглашает все корабли и организации высказаться об изменении флага для того, чтобы весь собранный материал был представлен на общefлотский съезд»¹⁰⁰. Можно с уверенностью предположить, что данная резолюция была своеобразной реакцией на требования какой-то части матросов, желавших отказаться от старой символики. Скорее всего речь шла о призывах радикально настроенного Кронштадта.

Там моряки выступали против Андреевского флага как символа «старого режима». При этом кронштадтцы ориентировались на революционную традицию: во время восстаний моряков в 1905 г. и часть революционеров, и многие противники революции рассматривали красный и Андреевский флаги как противостоящие друг другу символы; во время восстания в Севастополе на некоторых кораблях спускались военно-морские флаги и поднимались флаги красные. А моряки-монархисты с Андреевскими флагами в руках обличали бунтовщиков с «красными тряпками» и напоминали, что российский военно-морской флаг является одновременно и христианским символом¹⁰¹.

С первых дней революции красный флаг был поднят на всех судах, базировавшихся на Кронштадт, что отличало их от других судов Российского Военно-морского флота. В апреле судовой комитет учебного судна «Николаев», на котором сильным влиянием пользовались социалисты-революционеры, обратился с просьбой разрешить поднять Андреевский флаг в дни праздника Пасхи. Очевидно, флаг с крестом святого Андрея действительно воспринимался моряками и в данном случае как религиозный символ. Возможно, впрочем, что эта инициатива была инспирирована командованием, желавшим возвращения Андреевского флага. Комитет корабля сообщал, что на общем собрании 1 апреля было выражено пожелание, чтобы «в день Святой Пасхи на корабле был поднят кормовой Андреевский флаг, а на всех стеньгах — красные революционные флаги. На будущее время в будние дни, кроме кормового Андреевского флага поднимать один красный революционный флаг только на грот-мачте». Как, видим, данная резолюция предлагала своеобразный компромисс: если Андреевский флаг вновь становился главным символом военных кораблей, базирующихся на Кронштадт, то красный флаг все же сохранялся. Но и подобная резолюция вызвала возмущение команд других кораблей, находившихся на этой базе. Представители учебного судна «Освободитель» заявили: «Под Андреевским флагом нас расстреливали, мы протестуем и считаем недопустимым поднимать вопрос о подъеме сего флага». Член же комитета линейного корабля «Заря свободы» предъявил и команде учебного судна «Николаев», и командованию базы настоящий ультиматум: «Откроем огонь из орудий по всякому кораблю, осмелившемуся поднять Андреевский флаг, и по штабному судну “Зарница” в первую голову». В свою очередь команда учебного судна «Оке-

¹⁰⁰ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота (1917–1918). М.; Л., 1963. С. 38.

¹⁰¹ Егоров И.Н. (Орлов К.Н.) Жизнь рабочего-революционера (От 1905 г. до 1917 г.). Л., 1925. С. 8.

ан» выразила протест против свирепой позиции линкора «Заря свободы», хотя она и не поддержала предложение поднять Андреевский флаг. Конфликт был урегулирован лишь после того, как штаб начальника морских частей Кронштадта объявил, что все суда должны по-прежнему поднимать красные флаги. Таким образом, командование базы санкционировало подъем кормового красного флага. По случаю же праздника Пасхи было решено поднять на мачтах и стеньговые флаги красного цвета. Летом все суда, уходившие в плаванье из Кронштадта, все же поднимали Андреевский флаг, но не раньше, как по выходе из гавани на рейд¹⁰².

Суда, стоявшие в Кронштадте, сохранили красные флаги и в последующие месяцы, хотя, по некоторым данным, А.Ф. Керенский, посетивший крепость 28 марта, специально на одном из митингов просил моряков базы вновь поднять Андреевские флаги¹⁰³. Но и призыв популярнейшего в то время политика не изменил позиции кронштадтцев.

Однако после июльского кризиса Временное правительство ультимативно потребовало от моряков Кронштадта соблюдения приказов и уставов, в том числе поднятия Андреевского флага. Было даже объявлено, что всякое судно, идущее под красным флагом, будет обстреляно. И уже 13 июля под Андреевским флагом вышел из Кронштадта катер, отвозивший в Петроград Ф.Ф. Раскольника и других лидеров кронштадтских большевиков (правительство отдало приказ об их аресте, и они решили сами сдать властям). Сам Раскольников хотел первоначально идти под красным флагом, однако П.Н. Ламанов, начальник морских частей Кронштадта, опасавшийся правительственных репрессий, смог его переубедить и над катером был поднят старый военно-морской флаг. В тот же день под председательством А.Н. Ламанова, брата начальника морских частей базы и председателя Исполкома Кронштадтского совета, состоялось заседание представителей флотских комитетов и делегатов всех морских частей, на котором было решено обсудить этот правительственный ультиматум на собраниях команд, которые должны были дать свой ответ до 10 часов утра 14 июля. Утром этого дня, вопреки давней флотской традиции, никакие флаги не были подняты над кораблями Кронштадтской базы — дискуссия в командах еще не завершилась. Большинство поступающих в Совет резолюций судов и частей, однако, содержало согласие на подъем Андреевского флага. И в 11 часов утра, к некоторому удивлению представителей правительства, над кораблями был поднят Андреевский флаг. В тех условиях это был символ признания власти Временного правительства¹⁰⁴.

¹⁰² Е. Кронштадт в первые месяцы революции // Красный флот. 1922. № 5–7. Стб. 160; Ламанов П.Н. 1) В Кронштадте после июльских дней // Красная летопись. 1927. № 3 (24). С. 23–26; 2) В бурные дни // Октябрьский шквал (Моряки Балтийского флота в 1917 году). Л., 1927. С. 93.

¹⁰³ Точный Н. Кронштадтцы и Временное правительство // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 319.

¹⁰⁴ Ламанов П.Н. 1) Ищут Ленина на линкоре «Заря свободы» // Ленин и Красный флот. Л., 1924. С. 57; 2) В Кронштадте после июльских дней. С. 23, 27–28; 3) В бурные дни. С. 89–90, 93–94; Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М. ;Л., 1966. С. 176.

Но через некоторое время начали предприниматься различные попытки «революционизировать» Андреевский флаг. В сентябре многие корабли Балтийского флота по собственной инициативе, не дожидаясь одобрения флотских организаций, подняли флаг с красной полосой. Осведомленные современники отмечали, что матросы использовали контр-адмиральские Андреевские флаги, имевшие красную полосу внизу. Командующий Балтийским флотом, А.В. Развозов, записал в свой дневник 9 сентября: «Флаги (контр-адмиральский кверху ногами вместо кормового) все еще висят». В тот же день и офицер штаба флота И.И. Ренгартен отмечал в своем дневнике: «Около 19 ч. пришли в Гельсингфорс. Почти на всех судах подняты на стеньгах красные флаги и, сверх того, вместо кормовых — контр-адмиральские вверх ногами. Потому что красная полоса». Контр-адмиральский флаг согласно Морскому уставу следовало поднимать на бизань-мачте, а на двухмачтовых кораблях — на фок-мачте, но никак не на корме корабля. В этот же день Развозов посетил Центральный комитет Балтийского флота. Адмирал убеждал депутатов, что рисунок Андреевского флага давно уже получил международное признание, и вопрос о нем является не национальным, а международным. В итоге Центробалт принял решение о спуске флагов с красной полосой и замене их Андреевскими флагами. Однако еще 11 сентября на некоторых кораблях они висели, так как для некоторых морских офицеров они стали одним из символов развала флота¹⁰⁵.

Вопрос о флагах обострился осенью 1917 г. и на Черноморском флоте. В знак протеста против действий Временного правительства, пытавшегося распустить общероссийский Центрофлот, Центральный комитет Черноморского флота призвал поднять 15 сентября красные флаги и сигнал «Да здравствует Российская революция!». Однако некоторые корабли отказались спускать красные флаги и по завершении этой акции, а 20 сентября один из миноносцев возвратился в Севастополь из Одессы под красным флагом. Этот пример оказался заразительным. Судовой комитет линейного корабля «Свободная Россия», получив от сигнальщиков известие о прибывшем корабле, постановил поднять красный флаг на грот-мачте и призвать к этому другие суда. Красный флаг развевался рядом с Андреевским флагом. Правда, во время похода командир приказывал спустить красный флаг, но усилиями судового комитета его поднимали вновь. Исполнительный комитет Совета военных и рабочих депутатов Севастополя также постановил поднять на один день 21 сентября, красные флаги на всех судах «в честь Российской Демократической Федеративной Республики». В тот же день на заседании Исполкома обсуждались заявления председателей ряда судовых комитетов о том, что красные флаги должны быть подняты впредь до Учредительного собрания. Исполнительный комитет, впрочем, отклонил это предложение¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Морской устав (Книга X Свода морских постановлений, изд. 1907 г., по продолж. 1907 г.). СПб., 1910. С. 239–240; [Ренгартен И.И.] Балтийский флот накануне Октября (Из дневника И.И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 4 (35). С. 25, 27; Балтийские моряки в подготовке и проведении... С. 212; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. С. 193, 203–204.

¹⁰⁶ Платонов А.П. Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. Симферополь, 1932. С. 62; Королев В.И. Черноморская трагедия (Черноморский флот в политическом водовороте 1917 — 1918 гг.). Симферополь, 1994. С. 13; РФА ВМФ. Ф. Р–183. Оп. 1. Д. 32. Л. 4. Д. 43. Л.46.

Однако на Черном море осенью 1917 года главную угрозу Андреевскому флагу представляли не красные флаги, а символы украинского национального движения.

Первые конфликты такого рода возникли еще летом. 23 июня в Николаеве был завершен ремонт линейного корабля «Воля». Однако переход в Севастополь, на главную базу флота, все откладывался: команда, состоявшая в значительной степени из матросов украинцев, требовала поднятия национального украинского флага, а командующий флотом ей в этом отказывал¹⁰⁷. Моряки «Воли» упорно держали украинский флаг, а командующий не санкционировал выход корабля из Николаева. В конце концов был поднят Андреевский флаг, и 4 июля линкор прибыл в Севастополь. Впрочем, во время этого перехода «Воля» представляла собой весьма живописную картину: каждая боевая часть подняла флаги, свидетельствующие о политической ориентации моряков — красные, украинские, черные анархистские. Очевидец так описывал гигантский линейный корабль, покидающий Николаев: «Когда линкор уходил, на мачте вился Андреевский флаг, но на орудийных башнях торчали всевозможные флаги, отражающие взгляды и настроения всевозможных группировок, которых было много на борту столь большого корабля»¹⁰⁸.

Ситуация вокруг флагов на Черном море вновь обострилась в октябре, когда Украинский войсковой комитет в Севастополе обратился к Центрофлоту и Центральному комитету Черноморского флота с просьбой оповестить все военные суда на Черном море о поднятии с церемонией на один день, 12 октября, украинского национального флага. Таким образом предполагалось отпраздновать «украинизацию» на Балтике крейсера «Светлана», а также принятие Центральной Радой в Киеве правительственной декларации (очевидно, речь идет о декларации Генерального секретариата Рады от 29 сентября). Решение Центрального комитета Черноморского флота гласило: «...Идя навстречу проявлению всякого национального чувства, приветствуя украинский комитет, [Центральный комитет] просит всех товарищей моряков Черноморского флота присоединиться к желанию Черноморского украинского комитета. Флаги надлежит поднять на стеньге»¹⁰⁹. Очевидно предполагалось, что Андреевский флаг и в этот день будет поднят на корме. Показательно, что ЦК Черноморского флота фактически отдавал приказ по флоту, игнорируя его командование, высшие морские власти и даже правительство, к компетенции которого относились, казалось бы, подобные вопросы. Само по себе это свидетельствовало о серьезном кризисе власти.

Данный приказ был выполнен: 12 октября все суда Черноморского флота подняли на стеньгах украинские национальные флаги. Но этот праздник солидарности

¹⁰⁷ Можно предположить, что речь шла об украинском национальном флаге: проект особого военноморского флага Украины был утвержден лишь в 1918 году. *Гломозда К., Павлуевський О.* Українська національна символіка: Походження, традиції, доля. Київ, 1989. С. 6, 23.

¹⁰⁸ *Жуков В.К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1932. С. 77; *Монастырев Н.А.* Гибель царского флота. С. 83.

¹⁰⁹ РГА ВМФ. Ф.Р–21. Оп. 1. Д. 4. Л. 385, 386, 427.

с национальным движением Украины привел к серьезным инцидентам. Команда миноносца «Завидный» подняла украинский флаг и на гафеле вместо российского военно-морского флага, выразив при этом пожелание, «чтобы украинский флаг остался навсегда вместо Андреевского». На некоторых же других кораблях матросы-украинцы отказались спустить национальный флаг с мачт, желая постоянно держать его «до Учредительного собрания». Это движение, по-видимому, пользовалось поддержкой украинских политических организаций (конфликт разгорался на фоне перевыборов Севастопольского совета, которые проходили с 10 по 14 октября), но флотские выборные органы решительно протестовали против сохранения украинских флагов на военных судах. В этой атмосфере шел процесс «украинизации» некоторых кораблей флота. При этом многие матросы иной национальности списывались с кораблей, что фактически выводило суда из строя. Атмосфера накалялась, к тому же другие корабли поднимали в это время красные флаги взамен Андреевского. Центральный комитет Черноморского флота призвал матросов к спокойствию и передал решение вопроса на усмотрение судовых комитетов. Затем 13 октября была создана особая согласительная комиссия из представителей ЦК флота, Украинского войскового комитета и Генерального войскового комитета. Ей было поручено рассмотреть вопрос о флагах, оставив их пока там, где они уже подняты. После напряженной дискуссии комиссия решила лишь судьбу стеньговых флагов: «...Предоставить право поднятия стеньговых флагов, украинских, или, может, каких-либо других, судовым комитетам вместе с командой»¹¹⁰.

И стеньговые флаги поднимались в соответствии с политическими пристрастиями команд. «На мачтах кораблей развевалась пестрая коллекция всевозможных флагов. Одни все еще стояли под Андреевскими флагами, другие — под красными, третьи — под “желто-блакитными бандерами” самостийной Украины, четвертые под черными знаменами анархистов», — вспоминал офицер Черноморского флота. На больших же судах обилие политических символов отражало всю широту политического спектра, который подчас был столь разнообразен, что число всевозможных флагов превышало количество мачт. Однако вопрос о миноносце «Завидный» продолжал оставаться неурегулированным. Центрофлот категорически настаивал на снятии украинских кормовых флагов: «Впредь до решения этого вопроса Учредительным собранием никакие другие флаги, кроме Андреевского, не могут быть поднимаемы». Обращаясь к морякам «Завидного», Центрофлот призывал: «...Всякое самочинное выступление отдельных судов, идущих вразрез с волей всего флота, отражается на боеспособности флота, что является в тяжелую минуту, переживаемую родиной, преступлением перед страной и революцией». Но украинские матросы решили стоять до конца и игнорировали все распоряжения: «Пока миноносец плавает, и пока жива команда миноносца, они украинский флаг не спустят». Все это прямым образом сказывалось на боевой готовности судна. Командир корабля отказался служить под украинским флагом, 15 чле-

¹¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р–21. Оп. 1. Д. 4. Л. 384, 427; Ф. Р–183. Оп. 1. Д. 38. Л. 31–31об.; *Платонов А.П.* Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. С. 66; *Хесин С.С.* Октябрьская революция и флот. С. 393, 422–423.

нов экипажа списались с корабля по той же причине. Наконец и командующий флотом не разрешал кораблю под украинским флагом покидать базу¹¹¹.

С командой «Завидного» выражали свою солидарность и многие матросы-украинцы других кораблей. Так, украинцы, служившие на миноносце «Гаджи-бей», обращались к морякам флота: «Мы готовы идти за вами на благо возрождающейся отчизны нашей... Пусть развевается флаг вольной Украины! Черноморцы-россияне! Мы обращаемся к вам в надежде найти сочувствие в нашем естественном стремлении к национальному самосознанию»¹¹².

Конфликт вокруг украинских флагов пробудил соответствующие претензии и других политических сил, которые также ставили вопрос о придании нового статуса своей символике. Андреевский флаг становился фактором политического раскола Черноморского флота. Красный же флаг противопоставлялся новым национальным символам и, казалось бы, мог объединить все революционные течения. Уже 15 октября Центральный комитет Черноморского флота обратился к общероссийскому Центрофлоту: «Ввиду возникновения вопроса о замене в Черноморском флоте Андреевского флага красным революционным флагом просим срочно сообщить мнение Центрофлота по данному вопросу»¹¹³. Показателен сам тон данного запроса: главная выборная организация черноморских моряков была, похоже, готова к такой замене и не очень интересовалась позицией командования флота, приказами Морского министерства и распоряжениями Временного правительства. Лишь позиция выборной организации моряков признавалась легитимной. В этом ярко проявлялся кризис власти в стране.

Но в данном случае конфликтовавшие по другим вопросам Центрофлот, в котором преобладали умеренные социалисты, и Морское министерство выступили как союзники. Морской министр контр-адмирал Д.Н. Вердеревский 16 октября направил в Киев Центральной Раде телеграмму: «Подъем на судах Черноморского флота иного флага, кроме русского, есть недопустимый акт сепаратизма, так как Черноморский флот есть флот Российской республики, содержащийся на средства Государственного казначейства. Считаю Вашей нравственной обязанностью разъяснить это увлекающимся командам Черноморского флота». Министра поддержал Центрофлот, который заявил, что вопрос о флаге правомочно решать только Всероссийское Учредительное собрание¹¹⁴. Показательно, впрочем, что о Временном правительстве Центрофлот не упоминал.

Однако другие организации противопоставляли украинскому флагу не Андреевский, а красный флаг. Буквально накануне нового переворота, 23 октября, Севастопольский совет, относившийся, по сравнению с ЦК Черноморского

¹¹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 4. Л. 428–429; Д. 5. Л. 81, 87. В дальнейшем «Завидный» признал власть Совета народных комиссаров и участвовал на стороне большевиков в боях за Одессу. Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота (1917–1927 гг.). М., 1981. С. 180.

¹¹² Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 78; Королев В.И. Черноморская трагедия... С. 14..

¹¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 4. Л. 388.

¹¹⁴ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 423; РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 32. Л. 18–19 об.

флота, более нетерпимо к украинским флагам, в присутствии представителей украинских организаций вновь рассмотрел этот вопрос. Его решение гласило: «Считая, что одним поднятием флага Украина еще не добьется своей полной автономии, и что дальнейшее оставление флага на судах флота способствует разжиганию национальной розни и наносят удар тому единению революционной демократии, которое так необходимо в столь ответственный и серьезный момент, когда всякое замешательство и раскол в рядах демократии служит показателем ее слабости, вызывает чувство радости у контрреволюционных элементов, желающих воспользоваться междоусобицей для того, чтобы нанести удар революции. Только спланиваясь под красным флагом революции, в полном единении революционной демократии всех национальностей, направленном для расширения и углубления революции, можно достичь полного самоопределения народностей. Исполнительный комитет, стоя на страже единения революционной демократии, считает, что украинский национальный флаг на судах флота должен быть спущен»¹¹⁵.

Показательно, что позиции партии большевиков на Черноморском флоте были еще сравнительно слабы, на выборах во Всероссийское Учредительное собрание большевики получили 10 771 голос из 52 629, а социалисты-революционеры — 22 251, другие социалисты (включая украинский социалистов) — 12 895¹¹⁶. Довольно умеренный в политическом отношении Совет накануне Октября считал, что только красный флаг может стать символом объединения военно-морских сил в масштабах всей страны. По-видимому, это отражало и позицию части моряков флота. Так, 25 октября команда эскадренного миноносца «Фидониси» приняла решение поднять красный флаг. Но это никак не было связано с событиями в Петрограде — матросы подняли его как символ интернационализма, объединяющий флот, противопоставляя его всем национальным символам¹¹⁷. Возможно, что в это время красный флаг на корме подняли и некоторые другие корабли Черноморского флота. Очевидно, моряки противопоставляли его всем национальным флагам — Андреевскому и украинскому. Однако с демаршем «Фидониси» не могли согласиться в то время и некоторые сторонники красного флага. Резолюция судового комитета, команды и офицеров эскадренного миноносца «Гневный», принятая 27 октября, гласила: «Приветствовать команду и комитет эскадренного миноносца “Фидониси” за выраженный ими в резолюции истинно революционный дух команды, но видя в сепаратном выступлении команды “Фидониси”, идущем в разрез с постановлением ЦК Черноморского флота и Совета воинских и рабочих депутатов, печальный факт неподчинения этим Советам, которым мы вручаем всю полноту власти, не следовать примеру миноносца “Фидониси” и других судов, поднявших на гафеле красный флаг. Оставить на месте Андреевский флаг впредь до распоряжения ЦК Черноморского флота и Совета военных

¹¹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 4. Л. 384, 385; Д. 5. Л. 87; Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 161; *Хесин С.С.* Октябрьская революция и флот. С. 422–423.

¹¹⁶ *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 366.

¹¹⁷ *Дрезен А.* Флот в октябре-декабре 1917 г. // Красный флот. 1927. № 20. С. 14.

и рабочих депутатов и тем самым выразить полную готовность подчиниться и следовать указаниям этих демократических органов власти»¹¹⁸. Как видим, именно позиция местных Советов удерживала в то время часть моряков Черноморского флота от поднятия красного флага.

Но корабли более «большевизированного» Балтийского флота (впоследствии на выборах в Учредительное собрание за большевиков проголосовало более половины моряков) шли на штурм власти в Октябре под Андреевским флагом. Правда, известный лидер балтийских моряков П.Е. Дыбенко впоследствии вспоминал, что миноносцы, направленные 25 октября из Гельсингфорса в Петроград, шли под красным флагом с лозунгом «Вся власть Советам»¹¹⁹. Однако известно, что и крейсер «Аврора», и другие корабли Балтийского флота, поддержавшие большевиков в октябре, все еще несли Андреевский флаг. Так, на фотографиях можно видеть стоящие на Неве упомянутые Дыбенко эскадренные миноносцы «Самсон» и «Забияка», с поднятыми на корме Андреевскими флагами. На мачте же «Самсона» виден увеличенный красный флаг Центрального комитета Балтийского флота со скрещенными якорями и буквами «ЦКБФ» — Центральный комитет Балтийского флота¹²⁰. Можно предположить, что в своих мемуарах, изданных уже в советское время, Дыбенко задним числом стремился представить символику балтийских моряков, противостоящих Временному правительству, более революционной, к моменту написания его воспоминаний Андреевский флаг считался уже «старорежимным».

Но 3 ноября Кронштадтский военно-морской комитет приказал всем кораблям Кронштадтского рейда поднять «святое знамя Интернационала — боевые красные флаги на стенах и кормовой» в честь отрядов моряков, возвращающихся из Петрограда после боев с силами Керенского¹²¹. Однако сам такой приказ свидетельствовал о том, что красный флаг был поднят лишь временно, подчеркивался особый характер церемонии торжественной «революционной» встречи. В обычное же время Андреевский флаг сохранялся даже в Кронштадте.

Не удивительно, что весть о победе большевиков в Петрограде некоторые корабли Черноморского флота встретили спуском Андреевских и поднятием красных флагов¹²². Так, решение о подъеме красного флага на корме корабля принял судовой комитет крейсера «Алмаз». Командир этого корабля выступил в защиту старого славного символа флота, однако председатель судового комитета заявил, что Андреевский флаг покрыт не только славой, но и «позором Цусимского разгрома». Интересно, что в данном случае противниками

¹¹⁸ Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 31 октября.

¹¹⁹ Дыбенко П.Е. 1) Мятешники (Из воспоминаний о революции). М., 1923. С. 82; 2) Из недр царского флота к Великому Октябрю: Из воспоминаний о революции. М., 1928. С. 168.

¹²⁰ ЦВММ, фонд фотографий и негативов, №№ 4670, НВ-03811/1-3; Колбин И. Балтийский флот в 1917 году. Л., 1933. С. 31.

¹²¹ Балтийские моряки в подготовке и проведении... С. 324–325. — Красный флаг подняли 27 октября и некоторые корабли, стоявшие на рейде Севастополя. См.: Найдя С. Борьба революционных моряков русского флота... С. 128.

¹²² Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 75; Сапронов С. Севастополь в 1917 году // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 495.

старого военно-морского символа была использована «патриотическая» аргументация. На корабельном митинге большинство команды поддержало мнение комитета, после чего Андреевский флаг был заменен красным¹²³.

Октябрь не остановил «борьбу флагов» на Черноморском флоте. Центральный комитет флота 26 октября совместно с представителями судовых комитетов постановил: «Принимая во внимание чрезвычайную серьезность событий, переживаемых в настоящее время революцией, когда необходимо напрягать все силы и употреблять все усилия к укреплению взятой Советами власти, для чего требуется полное объединение всех, а не губительное разъединение масс, какое вызывает поднятие на судах красных флагов». Резолюция Центрального комитета флота осуждала действия команд «Завидного» и «Фидониси», а также учебного судна «Березань», заменивших Андреевский флаг либо украинским, либо красным. ЦК Черноморского флота поручалось «разработать в срочном порядке проект замены Андреевского флага красным флагом, который будет обсужден на общем Черноморском съезде, имеющим быть 5-го ноября, до этого времени предложить всем судам Черноморского флота держать на гафеле один только Андреевский флаг»¹²⁴.

Однако в середине ноября политическая борьба за Черноморский флот вновь обострилась, и это также проявилось в «войне флагов».

В Севастополе 12 ноября состоялся парад и молебен в честь провозглашения Украинской Народной Республики. В этот день суда флота с подъема и до спуска флага вновь на стенах держали украинские флаги, а также подняли сигнал «Слава Украинской Народной Республике». К 14 ноября украинский флаг подняли также линейный корабль «Свободная Россия» и миноносец «Звонкий». Некоторые корабли транспортной флотилии, базировавшейся на Одессу, поднимали то украинские, то красные флаги. Подъем 12 ноября украинского флага на крейсере «Память Меркурия», сопровождавшийся спуском Георгиевского Андреевского флага, важнейшего символа российского флота, который многие годы носили корабли с подобным названием в память о подвиге брига «Меркурий» в 1829 г., был важной символической победой Центральной Рады. При этом команда игнорировала все обращения выборных организаций Черноморского флота, призывавших воздержаться от замены флагов. Представители Рады заявили, что раз уж украинский флаг был поднят, то о его спуске речи быть не может, а некоторые украинские матросы заявляли, что «Андреевский флаг был угнетателем всех наций». Однако это вызвало протесты многих моряков. Русские матросы крейсера «Память Меркурия» в знак протеста сошли на берег, несмотря на уговоры властей и общественных организаций, и этот корабль также в значительной мере потерял свою боеспособность. В тот же день вопрос о флагах вновь обсуждался на заседании Севастопольского совета. Анархист матрос А.В. Мокроусов, который затем возглавил один из наиболее известных партизанских отрядов черноморцев, предложил: «Идет революция, если мы и будем убивать под красным флагом, то только буржу-

¹²³ Коновалов В.Г. Подвиг «Алмаза». Одесса, 1989. С. 58.

¹²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 46. Л. 66.

азию. Предлагаю сжечь все флаги, а из пепла поднимется черное знамя анархизма». Представители Великоорусского веча, массового движения, созданного русскими моряками в противовес украинским организациям, предложили во имя единения всех наций и флота снять все флаги. Депутаты же большевики, естественно, отстаивали красный флаг: «Об украинизации флота говорить не приходится, так как после победы Советской власти все будут объединены под красным флагом и лозунгом “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”»¹²⁵.

Моряки, покинувшие крейсер «Память Меркурия», 14 ноября приняли специальное обращение к командующему флотом Черного моря. Оно гласило: «Ввиду того, что на крейсере “Память Меркурия” 12-го сего ноября в 8 часов поднят украинский флаг и спущен навсегда кормовой Андреевский Георгиевский, мы, великороссы и другие нации, не сочувствующие этому насильственному подъему, протестуя, покидаем с болью в сердце боевой крейсер, и просим вас, как флотоводца, разрешить нам поднять на одном из новостроящихся крейсеров покрытый в прошлых и настоящих войнах боевой славой Андреевский Георгиевский флаг и укомплектовать такой нами ВЕЛИКОРОССАМИ и сочувствующими этому возрождению»¹²⁶. Как видим, многие русские моряки продолжали сохранять верность старому символу флоту, однако свои чувства они выражали на языке, который многими матросами в 1917 году воспринимался уже как архаичный.

Вопрос о флагах оказался в центре внимания I Общечерноморского флотского съезда. На этом съезде оглашались резолюции многих кораблей и частей флота. Некоторые команды выступали за смену старого флага, однако они выступали против украинизации и полагали, что вопрос о новом флаге может быть решен только Учредительным собранием. При этом часто звучало требование, чтобы Андреевский флаг был временно сохранен в качестве общefлотского символа (эскадренный миноносец «Пронзительный», гидрокрейсер «Румыния», артиллерийская школа флота и блокшив №7). Команда же линейного корабля «Борец за свободу» (бывший «Князь Потемкин-Таврический») выступил за сохранение до Учредительного собрания Андреевского флага, но, вместе с тем, держать поднятым на грот-мачте «красный-революционный»¹²⁷.

Но некоторые команды в своих резолюциях довольно резко осуждали Андреевский флаг. Так, большая часть личного состава подводной бригады именовала его «символом деспотизма и царизма», который «не соответствует республиканскому строю». Резолюция линейного корабля «Три святителя» гласила: «Что же касается кормового флага, то таковой должен быть сменен и выработан общий, который не имел бы ничего общего со старым режимом». При этом моряки данного корабля еще 3 ноября предлагали свой вариант флага, сочетавший традиционную и революционную символику, и пытались

¹²⁵ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 82; Коновалов В.Г. Подвиг «Алмаза». С. 73; Королев В.И. Черноморская трагедия... С. 14, 17–18; Миланов В.Я., Семенович Н.Н. Флаги отечественного флота... С. 168–169; РГА ВМФ. Ф. Р–183. Оп.1. Д. 38. Л. 31 об.

¹²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р–183. Оп. 1. Д. 46. Л. 85.

¹²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р–183. Оп. 1. Д. 38. Л. 37–38 об.

обосновать свою позицию с помощью «исторической» справки, призывая к «воскрешению» старого «истинного» символа: русский флаг до преемников Петра I был красный и в верхнем крыже Андреевский, «но постепенно красное поле флага стали признавать революционным, и во время реорганизации остермановской комиссией флота и армии при императрице Анне Иоанновне красное поле кормового флага было совершенно уничтожено и вырисовался тот белый адмирал с синим крестом, который мы называем Андреевским флагом». Команда заявляла: «Одно мнение всего флота о кормовом флаге, который, по нашему мнению, именно должен быть красный и в нижнем крыже иметь Андреевский». Но, возможно, матросы линкора рассматривали и этот вариант как компромиссный и временный: «Что же касается чисто красного военно-морского знамени, то такое может быть поднято только тогда, когда все и каждый сознают, что человеческой бойни не должно быть. Долой белого адмирала, да здравствует революционный флаг, показывающий стремление к Интернационалу»¹²⁸.

Возможно, многие моряки полагали, что наднациональный красный флаг поможет сохранить единство флота, от них звучали предложения, чтобы «украинский и Андреевский флаги заменить знаменем труда». 14 ноября была, например, оглашена резолюция команды Черноморского флотского полужипажа, постановившего «как Андреевский, так и украинский флаги спустить и поднять один всенациональный революционный красный флаг без надписи». К этой резолюции присоединились команды подводной бригады, транспортной флотилии. Общее собрание моряков Одесского порта, судов транспортной флотилии и судов, стоящих на рейде, постановило: «Стремясь по пути объединения демократии всего мира под красным флагом (символ революции), мы тем более не желаем разделения в настоящий критический момент Русской революции двух родственных народностей, много лет боровшихся и страдавших под произволом царизма и рука об руку свергнувших его»¹²⁹.

Но некоторые команды продолжали оставаться убежденными сторонниками украинизации. Отдельные же корабли полагали, что украинский и красный флаги могут, по крайней мере, временно, сосуществовать. Команда сетевого заградителя «Чорох» предлагала: «...На крейсере “Память Меркурия” оставить кормовой украинский флаг, на остальных судах спустить Андреевский флаг и взамен его поднять трудовой красный флаг, впредь до Учредительного собрания»¹³⁰.

На съезде Черноморского флота прозвучало предложение считаться как со свершившимся фактом с поднятием украинских флагов на «Завидном» и «Памяти Меркурия», однако большинство делегатов отвергло его. Согласно постановлению съезда, всем судам Черноморского флота следовало держать Андреевский флаг вплоть до выработки нового флага. За окончательный вариант данного постановления проголосовали 44 депутата, 4 голосовали против,

¹²⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 38. Л. 35–36 об.

¹²⁹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917 – 1920 гг.). Киев, 1963. С. 35; РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 38. Л. 31–32 об., 38–39 об.

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 38. Л. 38.

8 — воздержались¹³¹. Но фактически некоторые корабли игнорировали это решение и продолжали поднимать украинские флаги.

Однако Андреевский флаг юридически продолжал оставаться официальным флагом всего Российского Военно-морского флота вплоть до Всероссийского съезда Военного флота. Вопрос о новом военно-морском флаге был включен в повестку съезда Военного флота (его планировал созвать еще до Октября общероссийский Центрофлот, в котором доминировали умеренные социалисты)¹³². Однако съезд был созван лишь после прихода большевиков к власти, 18 ноября он принял постановление: «... На всех судах Всероссийского военного флота вместо Андреевского флага поднять флаг Интернационала в знак того, что весь Российский военный флот как один человек встал на защиту народовластия в лице Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Но, возможно, многие делегаты не воспринимали и это решение как окончательное. Прозвучал вопрос: на какое время поднимается красный флаг? Ответ П.Е. Дыбенко, ставшего народным комиссаром по морским делам, гласил: «Красный флаг поднимается на время заседания съезда, а в дальнейшем Андреевский флаг будет заменен республиканским»¹³³.

Возможно, данное решение съезда было своеобразной реакцией на украинизацию части Черноморского флота. Один из делегатов съезда прямо заявил уже 19 ноября: «В Черноморском флоте есть раскол. Вчера мы послали туда красный флаг, а там еще висит флаг Рады». Красный флаг не стал символом объединения флота, но, по-видимому, решение съезда все же приостановило процесс украинизации военных кораблей на Черном море. Капитан 1-го ранга М.В. Иванов, занявший при большевиках должность управляющего Морским министерством, оправдывая свои действия перед лицом высших офицеров Балтийского флота, утверждал: «Если бы меня не было, не удалось бы отстоять Андреевского флага: только благодаря моим настояниям было принято решение только временно заменить все флаги красными... это — шаг политический, ибо иначе часть русского флота уже стояла бы под украинским флагом»¹³⁴.

Во исполнение постановления съезда Верховная морская коллегия 19 ноября в 00 часов 10 минут отдала приказание всем центральным комитетам поднимать вместо старого Андреевского кормового флага — красный флаг¹³⁵. Однако лишь 20 ноября корабли Балтийского флота подняли красный флаг вместо Андреевского. Капитан 1-го ранга И.И. Ренгартен, служивший в штабе флота, записал в этот день в своем дневнике: «Подойдя к набережной, увидел на рейде много кораблей под красным флагом... еще вчера на этих кораблях развевался Андреевский флаг, что свидетельствовало о принадлежности их к России. Итак, — первое впечатление дня: красные кормовые флаги»¹³⁶.

¹³¹ Там же. Л. 40–41об.

¹³² Лукашевич С. П. Центрофлот и корниловщина // РГА ВМФ. Ф. Р–29. Оп. 1. Д. 155. Л. 6.

¹³³ Военно-Морской революционный комитет. Л., 1975. С. 180.

¹³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р–315. Оп. 1. Д. 13. Л. 7; [Ренгартен И.И.] Октябрьская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена) // Красный архив. 1927. Т. 6 (25) С. 72.

¹³⁵ Вахрамеев И.И. Во имя революции (Воспоминания). М., 1957. С. 62–63.

¹³⁶ [Ренгартен И.И.] Октябрьская революция в Балтийском флоте... С. 65.

Некоторые морские офицеры пытались воспрепятствовать подъему красного флага. 29 ноября Центральный комитет Балтийского флота рассматривал дело мичмана А.Н. Матусевича, вахтенного начальника крейсера «Диана», который отказывался поднять красный флаг. Офицер объяснял, что «красный флаг он чтит как святыню, но Андреевский флаг ему дорог как военному человеку»¹³⁷. Впрочем, некоторые корабли какое-то время поднимали и Андреевский, и красный флаги. Возможно, морские офицеры полагали, что таким образом они все же смогут сохранить дорогой для них символ. Бывший матрос Балтийского флота вспоминал: «Командир зачитал телеграмму поднять красный флаг под Андреевским, а мичман Крылов говорит, что красный флаг — это символ революции и должен быть сверху. Я дал команду поднять красный флаг сверх Андреевского. Через неделю получили распоряжение спустить Андреевский флаг»¹³⁸.

Командующий Балтийским флотом адмирал Развозов пытался отстоять старый флаг, однако команда линейного корабля «Республика» заявила, что «гражданин Развозов», предлагающий заменить красный флаг Андреевским, тем самым «плюет в лицо демократии»¹³⁹. О попытке восстановления Андреевского флага на Балтийском флоте по-своему вспоминал и Э. Иогансон, бывший председателем судового комитета крейсера «Баян»: «На расширенном заседании Центробалта с представителями от судов выступил генерал (адмирал. — Б.К.) Развозов и предложил в походе вместо красного флага поднять старый флаг, царский, будто иначе в море нас примут иностранцы за неизвестные суда и могут потопить. За ним уже выступил Раскольников, назвал его генералом Навозовым, который предлагает спустить красный флаг и т.д.»¹⁴⁰.

Конфликт вокруг подъема красного флага возник и в Архангельске. Центральный комитет Флотилии Северного Ледовитого океана провел в Архангельском флотском полуэкипаже специальный митинг, посвященный предстоящей 19 ноября замене флага. Можно предположить, что местные активисты-моряки опасались реакции какой-то части матросов и офицеров. Отчасти эти опасения оправдались. Мичман М. Лавинский, флаг-офицер 1-го отряда тральщиков, составил и разослал воззвание-протест против снятия Андреевского флага. Центральный комитет флотилии осудил поступок офицера, издав специальное постановление, критиковавшее его воззвание¹⁴¹. Красный флаг был поднят на судах флотилии 2 декабря, после того как Центральный комитет флотилии решил взять управление соединением в собственные руки¹⁴².

¹³⁷ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота... С. 292. Офицер был переведен с корабля в распоряжение Центробалта, его производство в следующий чин задерживалось на год.

¹³⁸ *Лохвицкий Ф.* Воспоминание // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд, № В-14715. Л.3.

¹³⁹ *Mawdsley E.* The Russian Revolution and the Baltic Fleet (War and Politics, February 1917 — April 1918). London; Basingstoke, 1978. P. 139.

¹⁴⁰ *Иогансон Э.* Самое короткое воспоминание... // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд, № В-7763/2.

¹⁴¹ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере.. С. 82.

¹⁴² *Шангин И.* Моряки Флотилии Северного Ледовитого океана в борьбе за социалистическую революцию // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 220–221.

По-видимому, и упомянутые решения не были еще окончательными, и Андреевский кормовой флаг продолжали поднимать и на кораблях Балтийского флота. Наконец, Военный отдел Центробалта обратился ко всем судам флота с призывом «вместе с подъемом флага и до спуска, 5 декабря, поднять на стенах с музыкой красные флаги, в честь перехода управления всеми Морскими силами Балтийского моря в ведение Вами избранного демократического органа, Центробалта». И в этот день в 9 часов утра на кораблях Балтийского флота были торжественно подняты кормовые красные флаги¹⁴³. Эта церемония сопровождала процесс передачи власти на флотах: в декабре все управление флотами было передано Центральным комитетам флотов, соответствующий приказ по морскому ведомству был отдан 5 декабря. Функции же командующих флотами переходили к военно-оперативным отделам центральных комитетов. И в данном приказе, и в приказе по Балтийскому флоту от 5 декабря указывалось, что военно-оперативный отдел флота «держит флаг командующего флотом с буквами Р.Р. (Российская республика)». И после подъема красных флагов на флоте, который символизировал поддержку командами Центробалта, на штабном судне «Кречет» был спущен флаг бывшего командующего флотом и поднят флаг военно-оперативного отдела Центрального комитета Балтийского флота. Флаг, поднятый 5 декабря, не совсем соответствовал упомянутому приказу. Он воспроизводил рисунок флага командующего флотом образца 1901 года: белый гюйс с Андреевским флагом в крыже. В нижних углах были нашиты две пары перекрещенных букв, в левом — «С» и «Ф», в правом — «Р» и «Р», что означало «Свободный флот Российской Республики»¹⁴⁴. Как видим, даже новые флаги некоторых революционных органов власти Балтийского флота создавались на основе адмиральских Андреевских флагов. Революционные моряки этого флота пытались, таким образом, опираться на авторитет старой военно-морской символики и в тот момент, когда старый символ флота заменялся красным флагом. Однако вряд ли это было возможно в то время на Черноморском флоте, где нарастало движение против Андреевского флага. По-видимому, первоначально данный приказ был принят на Балтике и лишь затем распространен на другие флоты: соответствующий приказ по морскому ведомству датирован 6 декабря¹⁴⁵.

Для некоторых морских офицеров именно подъем красного флага был последней каплей, переполнившей чашу их терпения. Лишь после этого они решили покинуть флот. «... Все корабли заменили священный Андреевский флаг на красную тряпку — “символ III Интернационала”... Я покинул лодку накануне того дня, когда на ней должны были поднять красный флаг», — вспоминал офицер-подводник, служивший на Черном море¹⁴⁶. Однако многие корабли

¹⁴³ Копии большевистских резолюций, постановлений // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд, В-11833/1. Л. 90; *Миланов В.Я., Семенович Н.Н.* Флаги отечественного флота... С. 155.

¹⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 396; Ф. 479. Оп. 1. Д. 1329. Л. 67; *Миланов В.Я., Семенович Н.Н.* Флаги отечественного флота... С. 155; Каталог флагов и знамен... С. 67. — Очевидно, данный флаг был переделан из флага наместника на Дальнем Востоке.

¹⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 396.

¹⁴⁶ *Монастырев Н.А.* Гибель царского флота. С. 87.

Черноморского флота на дальних базах продолжали еще нести старый флаг. Так, прибытие во второй половине декабря на рейд Батуми миноносца «Фидониси», шедшего под красным флагом, было воспринято местными морскими офицерами как опасный символ изменения режима. До этого момента корабли батумского отряда поднимали Андреевский флаг¹⁴⁷.

Показательно, что морские офицеры, готовы были скорее смириться с ликвидацией монархии и свержением Временного правительства, чем подчиниться решениям о замене главного символа военно-морского флота. В бывшем Морском корпусе шла борьба между кадетами и матросами корпусной команды за сохранение старого символа. Один выпускник корпуса впоследствии вспоминал: «Пал Андреевский флаг, и на нашем славном “Наварине” “товарищи” подняли красную тряпку. Из-за этого шла борьба: мы, кадеты, каждый день ухитрялись срывать красный флаг и поднимать Андреевский. Дневальные учредили между собой дежурство для охраны “революционной эмблемы”, но и это не помогло... Флаг был всегда сорван»¹⁴⁸.

И в последующие месяцы подъем красного флага на военных кораблях был знаком победы большевиков и их союзников. В это время борьба на Черноморском флоте шла, в основном, между красным и украинским флагами, что было символом раскола между бывшими союзниками в борьбе с властью Временного правительства. Центральная Рада провозгласила день 23 декабря «Днем самоопределения Черноморского флота». Линейный корабль «Воля» в этой ситуации вновь поднял украинский флаг, и до 200 русских моряков покинули и этот корабль. Украинизированный уже крейсер «Память Меркурия», получив известие о поднятии украинского флага на дредноуте, одном из самых мощных кораблей Черноморского флота, украсился флагами расцветивания. Тогда 24 декабря Центральный комитет Черноморского флота и специально созданные представители судовых комитетов постановили спустить украинские и поднять красные флаги на всех кораблях флота¹⁴⁹. Данное постановление, разумеется, далеко не всеми было выполнено.

Впрочем, моряки некоторых кораблей Черноморского флота, похоже, стремились избегать конфликтов, продолжая одновременно поднимать и украинские, и красные флаги. Обострение борьбы на Украине вынуждало всех делать определенный политический выбор, это отражалось и на отношении к символам. Различные флаги несли крупные корабли, стоявшие на рейде Одессы в январе 1918 г. На броненосцах «Синоп» и «Ростислав» развевались красный и Андреевский флаги, а на украинизированном крейсере «Память Меркурия», естественно, — украинский желто-голубой флаг. Соответственно, команда «Синопа» поддерживала Одесский совет, моряки крейсера — Центральную Раду, а экипаж «Ростислава» раскололся: полови-

¹⁴⁷ Федоровский В. М. Батумский отряд судов в 1917 году // Военная быль. 1964. № 69. С. 24.

¹⁴⁸ Тарсаидзе А. Г. Морской корпус за четверть века, 1901–1925. Нью-Йорк, 1944. С. 27.

¹⁴⁹ Миланов В. Я., Семенович Н. Н. Флаги отечественного флота, ... С. 169; Коновалов В. Г. Подвиг «Алмаза». С. 96.

на команды выступала за Совет, а половина желала быть нейтральной. Когда 14 января в Одессе начались бои между силами Совета и украинскими гайдамаками, то команды броненосцев потребовали, чтобы крейсер спустил украинский флаг, угрожая ему обстрелом. После долгих уговоров большинство команды крейсера «Память Меркурия» высказались за спуск украинского и подъем красного флага, хотя в боях за город моряки этого корабля участия и не принимали. В сводках политической части Черноморского флота появилось лаконичное сообщение: «На собрании команды большинством голов постановлено спустить украинский, а поднять красный флаг». В той же сводке была опубликована и более пространная резолюция судового состава эскадренного миноносца «Звонкий», также заменившего желто-голубой флаг красным: «Мы... глубоко возмущены Киевской Центральной Радой... для того, чтобы среди наших товарищей не было недоверия к нам, так как нам приходится вести боевые операции там, где, по слухам, есть украинские буржуазные войска, мы немедленно спускаем украинский флаг и поднимаем на гафеле красный флаг революции»¹⁵⁰.

На некоторое время красный флаг утвердился и на Черном море. Его поднимали и на некоторых кораблях военных союзников России. II съезд Черноморского флота 19 февраля обратился к экипажам румынских судов: «Приветствовать моряков как русских, так и румынских, идущих на румынских кораблях для борьбы с румынской олигархией и тем приобщающих себя к числу героев-революционеров, идущих не под знаменем захвата и насилия, а под красным знаменем ИНТЕРНАЦИОНАЛА»¹⁵¹.

Однако после подписания Брестского мира германские войска все ближе стали подходить к главной базе Черноморского флота. Они, отстаивая интересы союзной им Центральной Рады, требовали поднять на кораблях, стоявших в Севастополе, украинские флаги. Этот вопрос обсуждался на заседании представителей судов 8 (21) апреля 1918 г. Представитель линейного корабля «Воля» в этой ситуации заявил: «Никакого другого флага, кроме красного, не поднимать, и если другие суда поднимут флаг украинский, то “Воля” поднимет флаг анархический, так как она считает, что поднять украинский флаг — значит погубить Украину, всю Россию». Представители Центральной Рады на совещании возражали, они утверждали, что только подъем украинских флагов может предотвратить захват кораблей Германией. Но в сложившихся условиях и они не рисковали прямо атаковать красный флаг: «Красный флаг как флаг государства не существует. Это — флаг Интернационала. Если он будет принят как флаг России, то и Украина его признает». Большинство представителей кораблей, однако, высказалось за сохранение красного флага: «Революционный Черноморский флот был авангардом революции, им и будет, и зная

¹⁵⁰ Ачканов Г. 1) Очерки Февральской и Октябрьской революции в Одессе (Развитие революционного движения в Одессе в 1917–1918 гг. и роль большевиков). Одесса, 1927. С. 32, 35; 2) От Февраля к Октябрю // Октябрь на Одешине: Сб. статей и воспоминаний к 10-летию Октября. Одесса, 1927. С. 27, 30; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине... С. 35; Коновалов В.Г. Подвиг «Алмаза». С. 146; РГА ВМФ. Ф. Р–183. Оп. 1. Д. 18. Л. 141.

¹⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р–183. Оп. 1. Д. 38. Л. 76 об.

революции никогда не спустит, ибо это знамя всех угнетенных и моряки его не продадут»¹⁵².

Но по мере приближения к Севастополю германских войск некоторые корабли изменили свою позицию. 12 (25) апреля митинги команд линейного корабля «Воля», крейсера «Память Меркурия» и подводных лодок высказались за подъем украинских флагов. 16 (29) апреля аналогичное решение приняло и делегатское собрание, которое также предложило адмиралу М.П. Саблину занять пост командующего флотом. В 6 часов вечера дредноуты и часть миноносцев подняли украинские флаги, но большая часть минной бригады продолжала держать красные флаги, а эскадренный миноносец «Керчь» поднял сигнал: «Позор и продажа флота». Под красными флагами эти корабли покинули бухту Севастополя и ушли в Новороссийск. Между тем адмирал Саблин сообщал украинским властям: «Братья Киевской Центральной Рады. Сего числа Севастопольская крепость и флот, находящийся в Севастополе, подняли украинский флаг». Однако уже 17 (30) апреля выяснилось, что германское командование занимает все более жесткую позицию, и подъем украинского флага не помешает захвату кораблей флота немецкими силами. На некоторых судах украинские флаги немедленно были спущены, вместо них вновь были подняты красные флаги. В этой ситуации адмирал Саблин приказал спустить и украинские, и красные флаги. В качестве «нейтрального» в этой ситуации был поднят старый Андреевский флаг. Под этим флагом Саблин увел часть кораблей, еще оставшихся в Севастополе, в Новороссийск. Там прошли своеобразные выборы командующего флотом. Большинство голосов получил Саблин, который выдвинул ряд условий, при которых он соглашался занять этот пост. В качестве важнейшего условия назывался подъем Андреевского флага. В своем первом приказе по флоту Саблин требовал: «Пусть знают все, что Андреевский флаг есть символ нераздельности нашей родины, и обязанность каждого русского гражданина, к какой бы он национальности, религии и партии не принадлежал, защищать его так, как он защищает честь и достоинство Российской федеративной республики». Приказ мог быть истолкован и как проявление некоторой лояльности к властям РСФСР. Однако «борьба флагов» не прекращалась и в Новороссийске, где многие транспортные корабли продолжали держать красный флаг¹⁵³.

Борьба по вопросу о дальнейшей судьбе флота проявлялась и в конфликте символов. Часть флота вернулась из Новороссийска в Севастополь, другая была затоплена. Перед затоплением с кораблей наряду с легкими орудиями и радиотелеграфным оборудованием были сняты и эвакуированы Андреевские флаги¹⁵⁴. Можно предположить, что и моряки, находившиеся под влиянием большевиков, продолжали с уважением относиться к старому символу флота.

Отказываясь под давлением украинского национального движения от Андреевского флага в конце 1917 г., большевики и их союзники уступали своим

¹⁵² Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917 — 1918 гг. С. 192–193, 195, 197.

¹⁵³ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917 — 1918 гг. С. 211, 217–19, 223, 231; Королев В.И. Черноморская трагедия... С. 33.

¹⁵⁴ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине... 1963. С. 137, 163.

политическим противникам важный и популярный в морской среде символ. Даже команды некоторых судов Балтийского флота ставили вопрос о подъеме Андреевского флага в день Пасхи 1918 года¹⁵⁵.

И в последующий период моряки, вступавшие в конфликт с большевиками, поднимали подчас традиционный флаг. Андреевский флаг несли и корабли белых. Соответственно, корабли, оставлявшие красный флот и переходившие на сторону политических противников большевиков, нередко спускали красный флаг и поднимали флаг Андреевский. Это проделал, например, тральщик «Китобой», после того как в Балтийское море вошла английская эскадра¹⁵⁶.

Однако и некоторые враги большевиков в годы Гражданской войны не поднимали Андреевский флаг, считая его слишком связанным со «старым режимом». Корабли Волжской флотилии Народной армии Комитета членов Учредительного собрания первоначально использовали черно-желтый Георгиевский флаг (георгиевская лента была символом Народной армии, военнослужащие которой носили ее и на своих головных уборах). Лишь в августе 1918 года на судах флотилии были подняты Андреевские флаги¹⁵⁷.

3. Царские портреты и памятники «старого режима»

В дни революции портреты царей и членов императорской фамилии намеренно «оскорблялись» (манifestанты порой носили их перевернутыми), снимались, уничтожались. Революционная толпа, ворвавшаяся в здание Морского кадетского корпуса, первым делом приступила к уничтожению ненавистного изображения. «Солдаты, женщины и матросы штыками пробивали портрет императора и выкалывали глаза», — вспоминал бывший гардемарин¹⁵⁸.

На одном из первых заседаний судового комитета линейного корабля «Андрей Первозванный», председателем которого стал капитан 2-го ранга И.И. Лодыженский, было решено «снять портреты бывшей царской фамилии». Матросы эскадренного миноносца «Новик» вечером 5 марта также потребовали снять царские портреты, висевшие в кают-компании. При этом, как отмечает мемуарист, они следовали примеру других судов соединения: на них портреты

¹⁵⁵ Знамя труда. Пг., 1917. 15(28) марта.

¹⁵⁶ *Миланов В.* Андреевский флаг // Морской сборник. 1992. № 5–6 (1746–1747). С. 66–65; *Кадесников Н.З.* Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России (1917–1922 гг.). СПб., 1992. С. 43.

¹⁵⁷ *Лейтенант М.* Война на Волге // «С берегов Америки»: Юбилейный исторический сборник Общества русских морских офицеров в Америке, 1923–1938. Нью-Йорк, 1939. С. 291; *Кадесников Н.З.* Краткий очерк Белой Борьбы... С. 60.

¹⁵⁸ *Тарсаидзе А.Г.* Морской корпус за четверть века... С. 22.; *Рейли Д. Дж.* Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995. С. 69.

уже были сняты и частично уничтожены¹⁵⁹. При ликвидации царских портретов гибли и дешевые репродукции, и картины, представлявшие немалую художественную ценность. В Кишиневе, например, во время революции был уничтожен редкий портрет Екатерины II, это даже вызвало слабый протест со стороны Одесского совета солдатских и офицерских депутатов¹⁶⁰.

Уничтожение и порча царских портретов были демонстративным нарушением закона, повторявшим опыт 1905 г. (слухи о действительных и вымышленных фактах «оскорбления» изображений императора тогда часто становились поводом для погромов со стороны черной сотни). Для многих современников уничтожение царского портрета являлось серьезным переживанием: и в начале XX века некоторые крестьяне продолжали еще почитать их наравне с иконами, считалось порой недопустимым находиться в шапке в том помещении, где висел портрет, ругаться и курить «в присутствии» портрета и т.п.¹⁶¹

Уже в дни восстания в Петрограде председатель Государственной Думы М.В. Родзянко приказал убрать портрет царя из Екатерининского зала Таврического дворца — «чтобы его не испакостили». Военные чины, сопровождавшие А.И. Гучкова в его поездке на фронт, спешно вывинчивали портреты царской четы со стен салон-вагона военного министра. В самом же здании военного министра старые царские портреты продолжали висеть — они были убраны, когда министром стал А.Ф. Керенский. Но и после этого были сохранены портреты Петра I и Екатерины II, однако при этом они были украшены красными лентами¹⁶².

После Февраля торжественное уничтожение всевозможных изображений императорской семьи стало символом победы нового строя. Даже в отдаленных селах Русского Севера портреты членов царской семьи выбрасывались из изб на улицы¹⁶³. Однако и в провинции, и в действующей армии военное и гражданское начальство первоначально нередко пыталось запрещать снимать портреты. Борьба вокруг символов и здесь становилась катализатором конфликта, провоцировала борьбу за власть. Иногда именно снятие царского портрета становилось первой победой солдат-активистов в их противостоянии с офицерами¹⁶⁴.

¹⁵⁹ Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. С. 104; Граф Г.К. На «Новике» (Балтийский флот в войну и революцию). 2-е изд. СПб., 1997. С. 264.

¹⁶⁰ Революционное движение в военных округах... С. 84.

¹⁶¹ Это обстоятельство пытался использовать знаменитый адвокат и политический деятель В.А. Маклаков, защищавший еврея М. Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве. Учитывая крестьянский состав присяжных, он требовал от них судить по совести: «... Здесь суд, здесь присяга не осудит невиновного, здесь крест Спасителя, здесь портрет Государя». — Дело Бейлиса. М., 1995. С. 344. — Судебные дела об оскорблении императорской фамилии рассматривались даже после падения династии. В суде Феодосии такое дело слушалось еще 5 марта! Бунесин М.Ф. Революция и Гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь, 1927. С. 26.

¹⁶² Половцов П.А. Дни затмения. С. 33, 44, 71.

¹⁶³ Киселев А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и Гражданской войны. Мурманск, 1977. С. 26.

¹⁶⁴ Правда. 1917. 10 марта; Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 313; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. С. 145, 295.

Депутаты Государственной Думы, в марте посетившие Северный фронт, отмечали в своем отчете частые причины недовольства солдат, которые «затем заявляли, что не выносят портретов; солдаты приходят и видят, что портрет императора на стене; это их возмущает. В некоторых местах мы получили точные сведения, что грозят расстрелом, если вынесут портрет. Эта бестактность создала ужасную атмосферу. В некоторых местах нас просили принять меры, чтобы портрет убрали, потому что часть волнуется, и могут быть убийства». Подобная ситуация складывалась и в некоторых тыловых гарнизонах. Так, уполномоченные гарнизона Гжатска 8 марта сообщали в Московский совет солдатских депутатов, что в 292-м полку даже после манифестаций в честь установления нового строя по-прежнему висит царский портрет¹⁶⁵.

При нападении на одно из лесничеств в марте крестьяне также уничтожили портрет императора¹⁶⁶. Маловероятно, что в данном случае именно царский портрет стал причиной их действий, так как одновременно нападением подвергались и другие лесничества. Вернее было бы предположить, что крестьяне таким образом «политизировали» свои действия, и тем самым оправдывали разгром лесничества, придавая своему преступлению характер антимоноархического протеста.

Иногда официальные решения о снятии портретов принимали местные и центральные органы власти, порой при этом проводилась замена одних символов на другие. Например, тарновский волостной комитет народной власти постановил: «Все портреты бывших государей заменить народными писателями, вставив в освободившиеся багеты и рамы». Наконец, Министерство народного просвещения распорядилось удалить из всех школьных помещений портреты бывшего царя и наследника¹⁶⁷.

Из провинции доносились призывы полностью заменить российские денежные купюры и почтовые марки, ибо изображенные на них портреты монархов вызывали на местах «колебания». Технически это сделать быстро было невозможно, однако выпускались новые купюры, лишенные изображений монархов, а на почтовых марках с портретами царей появлялись и надпечатки с надписью «Свобода. Равенство. Братство»¹⁶⁸.

По-своему боролись с изображениями царя крестьяне. Еще до Февраля они порой выкалывали глаза на портретах царской семьи, многие за это привлекались к уголовной ответственности. После революции это явление получило более широкое распространение. Немецкий военнопленный, находившийся в России, писал домой в апреле 1917 г.: «Переворот мало ощущается, разве только тем, что выкалывают глаза лубочным изображениям царской семьи, на которые вчера молились» (его письмо было перехвачено российской

¹⁶⁵ Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 45, 47, 48; Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 622.

¹⁶⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 678.

¹⁶⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 142. Л. 143; Русское слово. 1917. 12 марта.

¹⁶⁸ Обзор положения в России за три месяца (По данным отдела сношения с провинцией Временного комитета Государственной Думы) // Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 35; *Мальшиев А.И., Таранков В.И., Смирный И.Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. С. 78–79.

военной цензурой)¹⁶⁹. Можно предположить, что крестьяне, недовольные гибелью родных на фронте, реквизициями и мобилизациями, пытались «решать» политические и бытовые проблемы с помощью деревенской магии. После же переворота этот процесс стал безопасным и, соответственно, массовым.

Борьба с монархическими символами распространялась и на памятники царям, деятелям старого режима. В дни революции они использовались как трибуны ораторов и украшались красными лентами и флагами. Так, во время «праздника свободы» на Красной площади в Москве древко красного стяга было вложено в бронзовую руку князя Пожарского, а на полотнище выделялась надпись: «Утро свободы сияет светлым днем». Красными стягами был украшен и памятник А.С. Пушкину, у подножия которого на отдельном плакате были написаны стихи Пушкина: «Товарищ, верь...»¹⁷⁰.

Затем памятники стали уничтожаться, эти процессы были начаты уже вскоре после свержения монархии. Появлялись и призывы изменить некоторые памятники, «перекодировать» их значение. Так, некий читатель «Известий» Севастопольского совета направил в редакцию следующее письмо: «Нам теперь не нужно, чтобы на часовне, находящейся на Корабельной стороне, была надпись “В память 300-летнего царствования дома Романовых”, а ее нужно заменить следующей надписью: “В память избавления Великой России от 305-летнего ига династии Романовых 2-го марта 1917 года в 3 часа 15 минут дня»¹⁷¹.

Особый резонанс получило уничтожение памятника П.А. Столыпину в Киеве. Киевляне шутили, что во время революции в городе погиб лишь один человек — медный. В дни революции монумент также был «захвачен» демонстрантами: на голове статуи укрепили красный флаг, а шею обернули красным галстуком (с легкой руки Ф.И. Родичева виселицу давно уже называли «стольпинским галстуком»). Затем уже 15 марта Исполнительный комитет объединенных общественных организаций Киева постановил снести памятник. Статуя была поднята на блоках и цепях, так она и провисела во время киевского «праздника свободы» 16 марта. Очевидно, это подразумевало своеобразную посмертную символическую казнь государственного деятеля. Демонтаж памятника был завершен 18 марта¹⁷².

Памятники царям были сняты в Екатеринославе, Нахичевани и Екатеринбурге, был поврежден памятник Александру I в Таганроге. В Канске на месте памятника Александру II предполагалось возвести памятник борцам за свободу. Попытки ликвидировать «старорежимные» памятники были предприняты в Саратове и Одессе. В волостных центрах уничтожали многочис-

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 301–301 об., 306, 465–466 об. и др.; ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Д. 98. Л. 41.

¹⁷⁰ *Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 212.

¹⁷¹ Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 21 июня.

¹⁷² *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 76; Русское слово. 1917. 7, 16, 17 марта; *Авдеев Н.* Революция 1917 года (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. 1: Январь-апрель. С. 106.

ленные статуи «царя-освободителя» Александра II, установленные ранее в знак благодарности крестьянскими обществами. Так, крестьяне села Житкур (неподалеку от Царицына) с пением «Марсельезы» снесли памятник Александру II, постамент памятника было решено использовать как трибуну для ораторов¹⁷³.

В некоторых случаях местные власти действовали под давлением различных радикально настроенных групп. Так, в Феодосии постоянно возникали эксцессы вокруг памятника Александру III. Особенно острый характер они приобрели, когда на берег сошли матросы одного из крейсеров Черноморского флота. Исполнительный комитет тогда постановил немедленно демонтировать фигуры с памятника¹⁷⁴. Порой же и решение о снятии памятников приводило к новым конфликтам. Например, в Екатеринославе Исполнительный комитет постановил снять памятник Екатерине II (статую предполагалось передать в местный музей), однако население города и солдаты местного гарнизона потребовали, чтобы памятник был немедленно направлен в Брянский завод на переплавку, а полученный металл использовать для производства снарядов. В прессе сообщалось, что это требование было исполнено¹⁷⁵.

К борьбе с памятниками империи приступили и российские войска, дислоцированные в Финляндии. Уже в начале марта Гельсингфорсский совет депутатов армии, флота и рабочих перепечатал в своей газете призыв Петроградского совета беречь памятники прошлого. Очевидно, эта проблема была актуальна и для Гельсингфорса. Но к этой теме пришлось вернуться вновь. В начале апреля с обелиска на Базарной площади толпа, в которой преобладали русские солдаты и матросы, сбила короны с императорского двуглавого орла. Исполнительный комитет Гельсингфорсского совета осудил лиц, которые «подстрекают уничтожить памятники, принадлежащие Финляндии». Подстрекателей надлежало доставлять в Исполнительный комитет. Совет даже обратился со специальным воззванием, в котором подчеркивалось, что памятники «являются собственностью чужого народа, теперь автономного, и не уничтожать их, а, наоборот, охранять обязан каждый сознательно понимающий свободу российский гражданин». Совет при этом вновь ссылался на авторитет революционной столицы: «Уж на что революционный Петроград, завоевавший России свободы в дни революции, и теперь бережно охраняет все памятники Петрограда». Было решено отпечатать 5 тысяч экземпляров листовок с текстом данного воззвания, что само по себе свидетельствовало о важности вопроса. Начальнику Секции охраны народной свободы, отвечавшему в Совете за обеспечение безопасности, предлагалось откомандировать взвод для охраны памятников в городе¹⁷⁶.

¹⁷³ Русское слово. М., 1917. 29 марта, 6, 12, 18, 21, 28 апреля; 20 мая; Вперед. М., 1917. 17 марта; Правда. 1917. 23 марта.

¹⁷⁴ День. Пг., 1917. 29 июня.

¹⁷⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 16 апреля.

¹⁷⁶ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорсский совет депутатов... С. 64–65; Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 11 марта, 8 апреля.

В одних случаях решение об уничтожении принимали органы власти, в других — имели место стихийные действия толпы. В Нахичевани 26 марта процесс ликвидации памятника Екатерине II был инициирован толпой солдат, которые решили, что на месте «закабалительницы крестьян» должна быть воздвигнута «статуя свободы». Предлагалось перелить старый памятник на снаряды. В нескольких случаях инициативу проявляли солдаты проходивших маршевых рот, которые часто выступали распространителями революционной политической моды. Так, в селе Медведь Новгородской губернии в апреле они разрушили памятник Николаю I, солдат особенно возмутила надпись на постаменте «Нашему высокому попечителю», на месте свергнутой статуи императора был водружен красный флаг. В сентябре маршевой ротой был разрушен памятник Александру II в местечке Смиловичи Минской губернии¹⁷⁷.

Однако некоторые портреты и статуи сохранялись удивительно долго. Портреты членов царской фамилии, висевшие в помещениях Тифлисского кадетского корпуса, раздражали делегатов краевого съезда Кавказской армии, находившихся в этом здании, и 25 апреля съезд специально обсуждал данный вопрос. Лишь в августе фракция эсеров потребовала удаления бюста Екатерины II из зала Московской городской думы¹⁷⁸. В некоторых же правительственных ведомствах портреты императоров продолжали висеть. Так, американского журналиста Джона Рида поразили изображения монархов, сохраненные в Министерстве иностранных дел. Он даже отметил, возможно, ошибочно, портрет Николая «Последнего»¹⁷⁹.

В печати также звучали призывы видных деятелей русской культуры, которые требовали продолжить борьбу с «идолами самодержавия». Много шума наделали соответствующие призывы писателя А.В. Амфитеатрова, который борьбу за сохранение ценных в художественном отношении памятников приравнивал к попыткам восстановления монархии и требовал немедленно убрать знаменитый памятник Николаю I в Петрограде. Против охраны памятников выступил и писатель Ф.К. Сологуб¹⁸⁰.

Стремление уничтожить «памятники царизма» нашло отражение и в массовом политическом сознании. Г.Е. Зиновьев цитировал вопросы «группы солдат, рабочих и мелкого достатка граждан», направленных в редакцию большевистской газеты: «Будет ли громоздкий и неуклюжий памятник Александру III (на Знаменской площади) перелит в “статую Свободы”, изображающую революционного солдата и рабочего, а по бокам выпуклые барельефы (сцены) из революционного движения (памятник по конкурсу)?». Отвечая на вопрос, лидер большевиков использовал и эту «иконоборческую» инициативу для по-

¹⁷⁷ Единство. Пг., 1917. 13 апреля; Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. 655–656; РГИА. Ф. 797. Оп. 93. Д. 255. Л. 240.

¹⁷⁸ Сеф С.Е. Революция 1917 года в Закавказье (Документы, материалы). Тифлис, 1927. С. 100; Вперед. М., 1917. 7 августа.

¹⁷⁹ Houghton Library, Harvard University, bMS Am 1091, № 1333.

¹⁸⁰ Латшин В.В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 74–82. См. также призыв уничтожить памятник Александру III: Всемирная новь. 1917. № 22. С. 12.

литической мобилизации своей аудитории, побуждая ее к «прямым действиям» и конфронтации со Временным правительством: «Это произойдет лишь в том случае, если рабочие и солдаты сами это сделают. Ни в чем нельзя надеяться на правительство Гучкова и Милюкова», — отвечал он авторам письма, направленного в «Правду»¹⁸¹. Призыв Зиновьева типичен для большевистской пропаганды, которая использовала любое общественное недовольство для атаки на власть правительства.

Кое-где даже встал вопрос об уничтожении могильных знаков. 18 марта Исполнительный комитет Гельсингфорского совета обратился к коменданту Свеаборгской крепости с просьбой снести памятник на Лагерном острове на могиле военнослужащих, погибших при подавлении революционного восстания 1906 года¹⁸².

Но варварское отношение к памятникам вызвало протесты, которые направлялись и во Временное правительство, и в Петроградский совет. «... В разных местностях России население начинает посягать на памятники, имеющие историческое и художественное значение», — сообщал некий корреспондент В.Д. Набокову, управляющему делами Временного правительства. По-видимому, это письмо было переадресовано в Особое совещание по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством императорского двора. Члены совещания составили текст обращения к гражданам России, призывающего беречь памятники прошлого. Предполагалось издать это обращение от имени Временного правительства и «Исполнительной комиссии» Петроградского совета, однако совместное воззвание выпущено не было. А.М. Горький, игравший немалую роль в организации Особого совещания, 7 марта выступил на заседании Исполнительного комитета Петроградского совета, который затем принял специальное обращение «Об охране художественных ценностей». Оно гласило: «Граждане, старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу. Граждане, берегите это наследство, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания, это — воплощение духовной силы вашей и предков ваших». Текст этого обращения несколько отличался от первоначальной редакции, он был сокращен. На этот документ ссылались затем провинциальные интеллигенты и местные Советы, пытавшиеся защищать памятники, он перепечатывался в изданиях Советов. Затем при активном участии Горького была создана специальная комиссия, пытавшаяся защитить те памятники, которые имели художественную ценность. Неудивительно, что к Горькому направлялись из провинции обращения лиц и организаций, стремившихся сохранить памятники искусства. 18 марта митинг московских художников призвал принять меры по охране памятников, затем и комиссар Временного правительства в Москве Н.М. Кишкин потребовал удаления с памятников плакатов. В защиту памятников активно выступил также художник А.Н. Бенуа,

¹⁸¹ Правда. 1917. 12 апреля.

¹⁸² Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 24 марта.

ссылавшийся на печальный опыт Французской революции, которая уничтожила немало художественных памятников. Сложилась ситуация, когда в защиту «старорежимных» памятников выступила газета интернационалистов социал-демократов «Новая жизнь» (в ней сотрудничали Горький и Бенуа), а некоторые шовинистические издания, подобно «Русской воле», в которой писал А.В. Амфитеатров, требовали их уничтожения¹⁸³.

Для понимания этого противостояния необходимо учитывать политический и культурный контексты эпохи. Весной 1917 г. популярность газеты и ее авторов определялась «революционностью» издания. Интернационалистам «Новой жизни» не нужно было доказывать свой политический радикализм. Но поддерживаемая банками «Русская воля» пыталась в первые месяцы революции стать центром политической консолидации несоциалистических патриотических сил, вокруг газеты создавались «республиканские» союзы и организации. Но политический авторитет в то время можно было приобрести, лишь утверждая свою «революционную» репутацию. «Русская воля» не могла предлагать радикальные политические лозунги по вопросам войны и мира, аграрному и национальному. Политическая радикальность издания в такой ситуации обозначалась посредством шумной атаки на «идолы самодержавия». Следует признать, что коммунистические функционеры, принимавшие впоследствии решения об уничтожении многих памятников, имели среди своих предшественников некоторых сторонников продолжения войны, которые использовали борьбу со «старорежимными» памятниками в целях политической мобилизации. Появились и другие центры защиты памятников. Так, не позже июня в Петрограде был создан Союз охранения памятников монархам от глумления¹⁸⁴.

С другой стороны, и некоторые крестьянские общества высказались за сохранение памятников, выстроенных на их собственные деньги (в селах существовало громадное число дешевых памятников «царю-освободителю» Александру II). Возможно, известную роль тут сыграла бережливость практичных сельских жителей, которым было жаль потраченных обществами средств, но в некоторых случаях это, очевидно, отражало и монархические настроения части крестьян, прежде всего пожилых. По свидетельствам современников, некоторые статуи деда последнего императора пережили даже годы Гражданской войны¹⁸⁵. В крестьянских избах Сибири во время Граж-

¹⁸³ ГАРФ. Ф. 6834. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Д. 8. Л. 1–2 об.; Петроградский совет в 1917 г.: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. Т.1. СПб., 1993. С. 177–179, 180–182; Рампа и жизнь 1917. № 13. С. 5; Русское слово. 1917. 28 апреля; [Бенуа А.Н.] Александр Бенуа размышляет... (Статьи, письма, высказывания). М., 1968. С. 55–70; Революционное движение в военных округах... С. 84; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов... С. 64. И Горький, и Бенуа совершенно искренне выступали в защиту памятников. Однако, возможно, эта полемика как-то связана и с межгрупповыми конфликтами в среде художественной интеллигенции. В окружении Горького в это время горячо обсуждался вопрос о создании на месте Министерства императорского двора Министерства искусств. Предполагалось, что пост министра займет Бенуа.

¹⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 1162. Л. 43.

¹⁸⁵ Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991. С. 65.

данской войны тоже можно было встретить портреты Николая II, Александра III, и Александра II¹⁸⁶.

Новый импульс борьба с «памятниками царизма» приобрела после прихода к власти большевиков, на этой стадии она получила и полную государственную поддержку. 12 апреля 1918 г. по инициативе А.В. Луначарского был принят «Декрет о памятниках республики», который форсировал этот процесс, текст декрета написал В.И. Ленин. Последний 1 мая 1918 г. сам инициировал уничтожение в Кремле памятника великому князю Сергею Александровичу и лично принял активное участие в свержении статуи дяди последнего царя, убитого террористами-эсерами¹⁸⁷.

Принимая соответствующие юридические акты, правительство большевиков опиралось на массовое движение по уничтожению монархических памятников, начавшееся сразу же после Февраля в различных городах по инициативе разных групп почти одновременно и независимо друг от друга.

4. Награды и форма одежды

В ходе революции сразу же возник вопрос о всевозможных наградах. Быстро менялись правила и обычаи их ношения. Генерал В.Г. Глазов так описал свое посещение Военного совета в здании Военного министерства 9 марта: «Встретил Ставровского, и он мне сказал, что ордена надо снять, что я исполнил в уборной»¹⁸⁸.

Но в то время, когда старые генералы опасливо скрывали свои награды, бравые солдаты, украшенные боевыми орденами и медалями, символизировали порой революцию. Подобные изображения печатались на почтовых открытках того времени. Многие же увидели возможность получить в условиях революции давно желанные награды. Соответственно, на власти оказывалось давление с требованием значительно расширить практику присвоения орденов и медалей. Так, командир 42-го пехотного Якутского полка требовал награждения всех чинов своей части орденами и медалями на особой ленте за бой, состоявшийся 25 июня 1917 г.¹⁸⁹ Само предложение такого рода представляло собой явный отход от дореволюционных принципов награждения и могло появиться только в новых условиях. Весь личный состав Корниловского ударного полка 16 августа был награжден Георгиевскими крестами за бои на Юго-Западном фронте¹⁹⁰.

¹⁸⁶ Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 248.

¹⁸⁷ Декреты Советской власти. Т. III. С. 95–96, 219; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.50. С. 101; Мальков Д.П. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 172.

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 24. Л. 121.

¹⁸⁹ Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота, 1855–1918. М., 1988. С. 206.

¹⁹⁰ Пашков П. Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917–1922 годов. Париж, 1961. С. 4.

Особое значение вопрос о наградах приобрел и ввиду того, что они часто имели монархическую символику. Сам вид «царских орденов» в революционной обстановке вызывал порой раздражение, и еще до выхода официальных распоряжений правила ношения наград фактически нарушались. Солдаты и матросы переворачивали медали, чтобы скрыть изображения бывшего императора, а иногда и попросту спиливали их¹⁹¹. Некоторые генералы и офицеры также избегали носить монархические ордена. Так, генерал-майор Ф.А. Риттих, исполнявший должность начальника Пажеского корпуса, после отречения императора снял все свои ордена, оставив лишь французский орден Почетного легиона, — ведь он имел красную ленту, что соответствовало новым политическим условиям¹⁹².

Временное правительство пыталось сохранить в целом дореволюционную наградную систему, ликвидируя лишь некоторые ордена, устраняя монархические эмблемы и проведя необходимые реформы в деле награждения. Уже 16 марта правительство постановило приостановить награждение орденами и знаками отличия, за исключением тех, которые выдавались «за боевые против неприятеля отличия» (в основу постановления лег проект Юридического совещания при Временном правительстве от 10 марта)¹⁹³. Однако бюрократическая система работала со скрипом, и еще 18 октября 1917 г., за неделю до свержения Временного правительства, управляющий медальной частью Монетного двора запрашивал свое начальство, следует ли ему выполнять наряды на изготовление медалей «За беспорочную службу в тюремной страже» и «За беспорочную службу в полиции». В последнем случае он предлагал заменить слова «в полиции» на «в милиции»¹⁹⁴.

Престиж старых наград в среде гражданских чинов падал. Так, многие железнодорожные служащие, удостоенные в 1915–1916 гг. медали «За усердие», отказывались получать эту награду, требовали вернуть деньги, уже уплаченные ими за медаль. Некоторые награды были переименованы: золотые медали стали называться «медалями первого разряда», а серебряные — «медалями второго разряда». В комиссии генерала А.А. Поливанова, обсуждавшей вопросы проведения преобразований в вооруженных силах, был поднят вопрос о награждении офицеров солдатскими Георгиевскими крестами по инициативе солдат. В условиях революции газетные публикации часто воспринимались как юридические акты, и уже в мае некоторые команды судов Черноморского флота обратились с ходатайствами о награждении своих командиров солдатскими орденами. Тем самым предвосхищались решения Временного правительства: 24 июня 1917 г. в устав Георгиевского ордена было введено положение о награждении офицеров армии солдатским крестом «За подвиги личной храбрости и доблести», а 25 июля это положение было распространено и на военно-морской флот (задержка, возможно, была связана с Июльским кризисом).

¹⁹¹ Русская армия (1917–1920): Обмундирование. Знаки различия. Награды и нагрудные знаки / Сост. О.В.Харитонов, В.В.Горшков. СПб., 1991. С. 43.

¹⁹² Единственный живой паж // Московские новости. 1999. № 23. 22–28 июня.

¹⁹³ ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6 об.

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 1045. Л. 69 об.

Награждение производилось по приговору солдат части (и, соответственно, матросов корабля), делу давался ход лишь в том случае, если за награждение высказывалось не менее 2/3 военнослужащих части. При этом на орденскую ленточку должна была прикрепляться металлическая веточка по цвету креста. В своем приказе А.Ф. Керенский обосновывал необходимость данной реформы тем, что во время наступления войск Юго-Западного фронта от солдат начали поступать ходатайства о награждении офицеров солдатскими крестами. Это, утверждал приказ, свидетельствовало «о полном единении между офицером и солдатом». Вводилось также награждение солдат и матросов офицерской наградой, знаком ордена Георгия 4-й степени «За подвиги, предусмотренные статутом ордена святого Георгия и совершенные при исполнении обязанностей соответствующих начальников». После такого награждения солдаты и матросы производились в офицерский чин. В этих случаях на ленте знака укреплялась металлическая лавровая ветвь белого металла (соответствующий рисунок прилагался к приказу № 532 по военному ведомству от 19 августа)¹⁹⁵.

На практике изготовление и, соответственно, награждение орденами нового типа встречало технические затруднения. Капитул российских орденов 2 сентября обратился к администрации Монетного двора с просьбой начать изготовление соответствующих металлических лавровых ветвей, однако руководитель Медальной части Монетного двора сообщил своему начальнику, что заказ не может быть принят к исполнению, ибо ювелирные работы не составляют специальности Медальной части¹⁹⁶.

Юридические акты Временного правительства, реформирующие и «демократизирующие» наградную систему, должны были способствовать улучшению отношений между солдатами и офицерами. Однако подчиненные в такой ситуации получали возможность влиять на награждение своих командиров. Порой же солдаты, поддерживая представления своих начальников к боевым орденам, приводили и аргументы политического свойства. Так, бывшие солдаты 51-го пехотного Литовского полка в обращении к военному министру аттестовали своего командира следующим образом: «...За доброе и сердечное отношение к нам, солдатам, за ту правду, которую он высказывал в глаза высшему начальству, он за все те подвиги храбрости не получил ни одной награды, теперь же, когда цепи царизма сброшены и когда у нас в свободной молодой России царит правда и справедливость, просим вас, господин министр, не оставить нашего заявления и наградить нашего товарища-командира тем Белым крестом, которого он по справедливости достоин не за один, а за целый ряд боев»¹⁹⁷.

5 августа правительство приняло решение об изменении внешнего вида некоторых орденских знаков: так менялось изображение государственного герба на

¹⁹⁵ *Спаский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. С. 125; *Кузнецов А., Чепурнов Н.* Наградная медаль. Т. 1: 1701–1917. М., 1995. С. 10–16; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1401. Л. 7; РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 802; РГА ВМФ. Ф. Р–29. Оп. 1. Д. 160. Л. 15; Ф. Р–397. Оп. 3. д. 7. Л. 67 об.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 1045. Л. 65–65 об.

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1164. Л. 344.

орденах, он лишился монархической символики¹⁹⁸. Но, по-видимому, не всегда точные инструкции достигали исполнителей. Так, еще в середине октября 1917 г. управляющий Медальной частью Монетного двора запрашивал свое начальство, следует ли ему выполнять наряд на изготовление знаков святой Анны, на которых имелся крест, увенчанный короной¹⁹⁹.

Был заменен и рисунок Георгиевских медалей: вместо портрета Николая II на них помещалось изображение Георгия Победоносца, поражающего копьем дракона. 10 августа правительство утвердило проект медалей (кроме Георгиевских), на которых изображения бывшего императора заменялись изображением нового герба (точнее, изображением государственной печати Временного правительства), однако подобные медали, по-видимому, не были отчеканены. В то же время производство различных орденов и медалей начинают и частные мастерские. Можно с уверенностью предположить, что не все подобные награды имели официальный статус, но, возможно, порой и лица, получившие награды, стремились изменить их вид в соответствии со своими политическими воззрениями²⁰⁰. Это свидетельствует об ослаблении правительственного контроля над наградной системой, в этом также проявлялся кризис власти.

Изготовление медалей нового образца встречалось и с немалыми трудностями экономического характера. Так, после революции значительно возросли расценки и, соответственно, стоимость работ на Монетном дворе. В результате Капитул российских орденов не смог удовлетворить требования Генерального штаба²⁰¹.

Еще в августе 1917 г. Министерство юстиции Временного правительства подготовило проект «Об отмене гражданских чинов, орденов и других знаков отличия». В сентябре данный документ был готов к подписанию и даже уже был отпечатан типографским способом. Награждение за служебные и внеслужебные заслуги орденами и медалями, равно как и их ношение, отменялось. Однако данное постановление не должно было распространяться на военные ордена и медали, на награды, пожалованные за военные заслуги и за храбрость. Права же и преимущества гражданских служащих должны были определяться лишь занимаемой ими должностью (при этом деление на классы, а также исчисление старшинства по времени назначения на должность данного класса сохранялись). Однако данный проект так и не был утвержден Временным правительством²⁰².

Вместе с тем Временное правительство подтверждало высокий статус боевых орденов, награждая ими и за революционные заслуги. Георгиевским

¹⁹⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отд. 1-й. 1917. № 206. Ст. 1301; Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. Т.1. С. 10–16.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 1045. Л. 69 об.

²⁰⁰ Русская армия (1917–1920)... С. 43–44; Наградные медали России второй половины XIX – начала XX вв.: Каталог / Автор-составитель Д.И.Петерс. М., 1989. С. 6; Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. Т. 1. С. 10–16.

²⁰¹ РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 1045. Л. 55, 58, 73.

²⁰² Шенелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 216; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д.1401. Л. 2. 13 об.

крестом был награжден унтер-офицер Т.И. Кирпичников, возглавивший восстание Волынского полка в дни Февральской революции, орден ему вручил сам командующий Петроградским военным округом генерал Л.Г. Корнилов (это вызвало возмущение многих офицеров, однако в сложившихся условиях немногие рисковали выражать свои чувства открыто). Когда же А.Ф. Керенский посетил 17 мая Севастополь, то он возложил Георгиевский крест на могилу лейтенанта Шмидта²⁰³. Символическое посмертное награждение, хотя и лишенное правильного юридического оформления, приравнивало участие в революционном восстании к военному подвигу.

В некоторых случаях войсковые и флотские комитеты активно вмешивались в процесс награждения, это также было ярким проявлением ситуации двоевластия. 29 марта соединенное заседание судовых комитетов дивизиона минных заградителей Черноморского флота высказалось за предоставление комитетам права ходатайствовать о награждении и производстве. Иногда же Советы и лишали наград: 12 апреля Центральный Исполнительный комитет Севастопольского совета направил предписание председателю судового комитета эскадренного миноносца «Счастливый»: «Предлагается секретно, без оглашения, предложить кондуктору Митрофанову снять Георгиевскую медаль, полученную им за усмирение команды в 1905 г. на крейсере “Память Азова”»²⁰⁴. Показательно, что такое решение подтверждало высокий статус награды в глазах членов комитета, которые, впрочем, считали себя вправе отнимать ее у лиц, боровшихся с революцией, не запрашивая при этом военные и гражданские власти. Как видим, некоторые Советы и комитеты стремились оказывать воздействие на процесс награждения, что символизировало их стремление выступать в качестве органов власти.

Эта тенденция отразилась и на законодательстве Временного правительства. Положение о корабельных комитетах, подписанное А.Ф. Керенским 22 мая (приказ по флоту и морскому ведомству № 215), предоставляло выборным флотским организациям право подтверждать представления командования к награждению: «Инициатива представления достойных наград и производства в высшие звания в равной мере принадлежит как комитетам, так и начальникам». Специальное примечание оговаривало: «Представление не может быть направлено без предварительного соглашения между комитетом и начальником». Положение о комитетах предварительно рассматривалось в специальной комиссии под председательством члена Государственной Думы Н.В. Савича. Комиссия одобрила большинством голосов новую процедуру награждения, несмотря на возражения некоторых высших морских офицеров²⁰⁵.

Соответственно, приказы по отдельным соединениям и частям требовали, чтобы впредь представления к крестам и медалям подписывались и командиром,

²⁰³ Платонов А.П. 1) Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. С. 35–36; 2) Черноморский флот в революции 1917 года и адмирал Колчак. Л., 1925. С. 79.

²⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. Р–181. Оп. 1. Д. 39. Л. 31; Д. 43. Л.45.

²⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. Р–27. Оп. 1. Д. 26. Л. 8 об.; Д.14. Л. 12, 68.

и представителем соответствующего комитета. Подпись последнего должна была подтверждаться печатью комитета (приказ по дивизии подводных лодок Балтийского моря от 28 июня). Материалы о награждении Георгиевскими крестами направлялись и в Центральный комитет Балтийского флота. Любопытно, что мемуарист-большевик рассматривал данный вопрос в числе второстепенных, которые якобы намеренно направлялись командованием флота в адрес Центробалта, дабы отвлечь его от обсуждения «важных политических вопросов»²⁰⁶. Но для многих современников вопрос о наградах был необычайно важен, и участие комитетов в процессе награждения подтверждало их властный статус.

При этом линия на демократизацию наградной системы, отражавшая позицию части Временного правительства, ряда Советов и комитетов, столкнулась с иным движением: многие активисты выборных организаций требовали полной ликвидации традиционной системы наград. И вскоре после Февраля начинается массовое движение за отказ от орденов и медалей. В разное время и в разных ситуациях оно приобретало совершенно различный смысл.

Во многих случаях это было связано с отрицанием монархической символики. Некоторые православные священники сдавали на нужды обороны наперсные кресты, раздававшиеся в свое время в честь коронации царя. На всевозможных собраниях аплодисментами встречались предложения жертвовать деньги и все медали с изображением Николая II на нужды революции. В адрес Временного правительства направлялись списки солдат, сдавших свои медали «с изображением бывшего царя Николая». Наградные медали и кресты стали сдавать также на нужды политических партий и в патриотические фонды. Так, уже 6 марта собрание депутатов от флота, армии и рабочих Свеаборгского порта «единодушно и с энтузиазмом» приняло предложение матроса линейного корабля «Слава» о том, «чтобы отдать новому правительству через Исполнительный комитет (Гельсингфорского совета. — *Б.К.*) все знаки отличия, имеющие ценность». На следующий день, 7 марта, общее собрание команды и офицеров минного заградителя «Нарова» приняло соответствующее постановление. Затем 8 марта и комитет линейного корабля «Петропавловск» также постановил организовать сбор пожертвований командой и офицерами всех орденов и медалей «на нужды обновленной России». Матросы и офицеры тральщика № 2 и штаба 1-го отряда дивизии траления сдали 150 орденов и медалей. А 8 марта и тогдашний комендант Свеаборгской крепости генерал-лейтенант В.Г. Пашенко заявил прямо на заседании Совета, что он сдает все свои ордена и знаки отличия на нужды страны²⁰⁷.

Движение за сдачу наград в Балтийском флоте, начатое в Гельсингфорсе, приобретало все больший размах. Если сначала газета Гельсингфорского совета печатала особые публикации о каждой команде и воинской части, сдававшей ордена и медали, то начиная с 22 марта в этом издании публиковались

²⁰⁶ РГА ВМФ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 71. Л. 92 об.; *Ховрин Н.А.* Балтийцы идут на штурм. М., 1987. С. 87.

²⁰⁷ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 207; Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 9, 11, 12 марта; ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 81. Л. 30; РГА ВМФ. Ф. Р. 402. Оп. 2. Д. 309. Л. 34.

лишь общие большие сводные таблицы, набранные к тому же мелким шрифтом; сдача наград переставала быть сенсацией, она превращалась в массовое движение. Только по данным первой опубликованной таблицы, было сдано 95 офицерских орденов, 2 золотых Георгиевских креста, 177 серебряных Георгиевских крестов, 18 больших серебряных медалей, 2 средние серебряные медали и 1405 малых серебряных медалей. На некоторых кораблях в сдаче наград активно участвовали матросы, что отличало их от офицеров. Так, на эскадренном миноносце «Новик» было сдано 22 серебряных Георгиевских креста, 3 большие серебряные медали и 130 малых серебряных медалей, однако здесь не упоминаются офицерские награды, можно предположить, что отношение разных групп моряков к кампании по сдаче орденов и медалей существенно отличалось. Но, например, на минном заградителе «Амур» было собрано 12 офицерских орденов, 10 серебряных Георгиевских крестов, 2 средние серебряные медали и 159 малых серебряных медалей²⁰⁸. В данном случае офицеры и матросы действовали солидарно.

Награды, сдававшиеся командами отдельных кораблей, составляли немалую ценность. Так, депутат линейного корабля «Республика» (бывший «Император Павел»), которому было поручено доставить серебряные медали и Георгиевские кресты в Исполком Гельсингфорсского совета, вспоминал: «Сначала шагал бодро, но вскоре устал: металлическая шкатулка с наградами весила больше двух пудов»²⁰⁹.

О размахе патриотического движения по сдаче наград косвенно свидетельствует распоряжение начальника Главного штаба, воспроизведенное в приказе по Петроградскому военному округу от 23 апреля. В нем указывалось, что к военному министру «в значительном числе» поступают знаки военных отличий, сделанные из благородных металлов. Военный министр отдал распоряжение заменять знаки, изготовленные из золота, таковыми же знаками из простого желтого металла. Прием жертвуемых знаков следовало сосредоточить в штабах дивизий, для эвакуированных и отставных — в управлениях уездных воинских начальников. Пожертвованные знаки отличий и списки жертвователей должны были отправляться в Капитул орденов. Вопрос о замене серебряных знаков отличия оставался открытым²¹⁰.

Сам факт издания такого приказа свидетельствовал о том, что к середине апреля 1917 г. движение за сдачу орденов и медалей вышло за пределы Балтийского флота и требовалось регулировать его на уровне вооруженных сил в целом. Впрочем, подобный приказ, который должен был доводиться до всех военнослужащих, мог спровоцировать новые волны этого движения. Однако движение по сдаче наград приобретало такие масштабы, что точно выполнять апрельское распоряжение Главного штаба было невозможно. Последовал специальный приказ Верховного главнокомандующего от

²⁰⁸ Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 22 марта.

²⁰⁹ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм... С. 64.

²¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 935. Оп.1. Д. 2188. Л. 318–319.

16 июля: «Согласно разрешения комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора, в Капитуле орденов открыт прием пожертвованных орденами, Георгиевскими крестами и медалями на пользу обороны, без замены их дубликатами, и без определения стоимости каждого отдельного предмета»²¹¹. Но далеко не все пожертвованные награды поступили в Капитул орденов.

Огромное количество наград, поступивших в Гельсингфорский совет со всего Балтийского флота, долгое время, по-видимому, там и хранилось. Однако вопрос о них был вновь поднят на заседании Исполнительного комитета Совета 12 сентября 1917 г., обсуждался вопрос о финансировании секции Совета по распространению идей народовластия, которая занималась агитационно-пропагандистской деятельностью, в том числе издавала немало брошюр. В этой связи был поднят вопрос о продаже крестов, медалей, орденов, золотых и серебряных вещей, пожертвованных в пользу комитета. Двум членам Исполкома было поручено разработать проект продажи пожертвованных и снести с Центральным комитетом Балтийского флота по этому вопросу. Для определения же ценности пожертвованных вещей создавалась комиссия с приглашением экспертов²¹².

На Черноморский флот движение по сдаче орденов и медалей пришло позже. И там проводились различные сборы, например в пользу лиц, «пострадавших в борьбе за свободу Родины» и их семейств, однако первоначально обычно сдавались лишь деньги. Но начиная с 7 июля и в газете Севастопольского совета начали публиковаться списки пожертвованных крестов, медалей и других предметов «в пользу государства». Но, если судить по этим спискам, и в это время движение за сдачу наград черноморцами не получило того размаха, которое оно имело на Балтийском флоте²¹³.

Движение за сдачу наград не ограничивалось только флотом. Порой складывается впечатление, что и в некоторых сухопутных частях чуть ли не все солдаты, обладатели орденов и медалей, отказывались от них. Так, 2 мая собрание 12-го понтонного батальона приняло решение послать «на алтарь свободы» 11 серебряных крестов, 42 серебряные медали «За храбрость», 140 серебряных медалей «За усердие» и 24 бронзовые медали²¹⁴.

Награды сдавались и в особые фонды, созданные для решения определенных задач. Так, литературный отдел Матросского клуба Гельсингфорса организовал сбор средств на издание агитационной литературы на немецком языке, которая должна была распространяться на фронте среди солдат германской армии. В отчете сообщалось, что кроме денежных сборов в фонд поступило 3 серебряные и 5 бронзовых медалей²¹⁵.

²¹¹ РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 3211.

²¹² РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Ф. 126, 208 об.

²¹³ Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 21 июня; 7, 8, 9, 15 июля.

²¹⁴ Революционное движение в России в апреле 1917 г. ... С. 549–550.

²¹⁵ Моряк. Гельсингфорс, 1917. № 1. С. 2.

Процесс сдачи ценных наград на нужды государства и политических организаций имел порой антимонархическую и патриотическую направленность: старые «эмблемы царизма» должны были послужить общему делу. Затем этот процесс был централизован — на Монетный двор поступали из действующей армии десятки тысяч медалей: в соответствии с распоряжениями правительства изображения царя на них должен был заменить образ святого Георгия²¹⁶.

В некоторых же случаях при отказе от боевых орденов и медалей выдвигались и антимилитаристские мотивы. Моряки Балтийского флота отвергли французские ордена, присланные союзным правительством для награждения особо отличившихся матросов. Они заявили: «Французское правительство желает поднять в нас животные инстинкты дикарей». Соответствующая резолюция матросов была напечатана в большевистской газете. Но в некоторых армейских частях солдаты гордились новыми французскими наградами. Так, по свидетельству генерала В.Г. Болдырева, в 76-й и 183-й дивизиях Северного фронта 25 октября 1917 г. имели место новые церемонии награждения, сопровождавшиеся парадами и торжественными обедами. Солдаты с восторгом приветствовали французских гостей²¹⁷. Нельзя не отметить, что военнослужащие самого «большевизированного» фронта российской армии в торжественной обстановке получали награды «империалистического» правительства в тот самый день, когда большевики и их союзники свергли Временное правительство в Петрограде.

Но порой за движением по сдаче наград стояло стремление полностью ликвидировать ордена и медали, всю наградную систему как старорежимную. Собрание офицеров и матросов 1-го дивизиона тральщиков Балтийского моря еще до 12 марта приняла резолюцию: «...Желая сгладить совершенно память о бывшем старом, терзавшем нас строе, в настоящее время свергнутом и растоптанном общими усилиями сплотившихся народных масс, желают не только не иметь, но даже и видеть остатков показателей свергнутого монархизма. Поэтому все имеемые ордена, кресты и медали, ввиду их ценности жертвуем на благо новой свободной России...». Текст резолюции свидетельствует о том, что ее составляли рядовые моряки. Очевидно, они навязали подобное решение и офицерам своего корабля²¹⁸.

Можно предположить, что движение за полный отказ от «старорежимной» наградной системы возникла под влиянием различных пропагандистских текстов революционного подполья: радикальная политическая традиция считала все ордена и медали атрибутом самодержавия. В 1917 г. эта позиция нашла отражение в различных публикациях. Так, например, листовка, изданная газетой «Великие дни» (Рязанская губерния), с презрением отзывалась о боевых наградах: «Одураченных солдат называют “христолюбивым воинством”, и за храбрость платят им ленточками и разными побрякушками, завоеванную же

²¹⁶ Русское слово. 1917. 21 марта; Русский инвалид. 1917. 24 апреля.

²¹⁷ Волна. Гельсингфорс, 1917. 25 мая; [Болдырев В.Г.] Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный архив. 1927. Т.4 (23). С. 272–273.

²¹⁸ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 12 марта.

землю берут себе»; «Солдату вместо всяких дешевых висюлек следовало бы заплатить хорошую пенсию на всю жизнь»²¹⁹.

В этих условиях и в офицерской среде появились слухи о полной ликвидации системы орденов. В ответ на тревожные запросы с мест Морской главный штаб сообщал 11 мая: «О ношении орденов распоряжений нет, но практически носят или только ордена с мечами, или ленточки по английскому образцу»²²⁰. Подобная практика ношения наград свидетельствовала об изменении отношения к орденам. Можно предположить, что ношение орденов могло спровоцировать уличный конфликт.

Весной 1917 г. Центральный комитет Балтийского флота, похоже, еще не высказался в принципе против традиционной системы награждений. В протоколе заседания № 12 содержится следующее постановление: «... просит все местные флотские комитеты прислать свои мнения по вопросу о награждении чинов флота Георгиевскими крестами и медалями»²²¹. Однако движение за полную отмену старой наградной системы, начавшееся на некоторых кораблях, получало со временем и поддержку влиятельных выборных организаций. Съезд моряков Балтийского флота 11 июня принял следующую резолюцию в которой заявлял, что «... наилучшей наградой для каждого воина должно служить чувство исполненного долга перед Родиной и принципиально считает ненужными награды Георгиевскими крестами, медалями и другими знаками отличия. Съезд считает, что все это должно отойти в область предания, но все боевые отличия, совершенные частями, кораблями и отдельными лицами, должны быть занесены на страницы истории, и имена героев записаны на мемориальной доске в Морском министерстве»²²².

Итак, уже в июне 1917 г. выборные представители одного из важнейших соединений российских вооруженных сил выступали за полную отмену старой наградной системы, которая воспринималась ими как символ «старого строя». Они отражали определенное настроение многих своих избирателей. Можно с уверенностью предположить, что носители подобного сознания воспринимали объединения и съезды Георгиевских кавалеров как знаки «старого режима» и символы наступления контрреволюции, а политические заявления этой организации лишь укрепляли их в этом мнении. Изменение отношения к союзу Георгиевских кавалеров особенно ярко проявилось на Черноморском флоте. Первоначально объявления местного отделения союза печатались в газете Севастопольского совета, по-видимому, он считался дружественной организацией. Однако в августе и в особенности после выступления генерала Л.Г. Корнилова союз стал восприниматься как один из главных

²¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 14. Л.70.

²²⁰ РГА ВМФ. Ф.417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 163. Призывы изменить правила ношения орденов во время войны раздавались и до революции. Командир крейсера «Аскольд», находившегося в Великобритании, призывал последовать примеру союзных держав: «Все союзники и наши войска во Франции переняли от англичан правило во время войны не носить орденов, а вместо них иметь только узкие полоски орденских лент». РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 10 об. Письмо в Главный морской штаб от 10 февраля 1917 г.

²²¹ Моряк. Гельсингфорс, 1917. № 1. С. 2.

²²² РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 406. Л.180.

отрядов контрреволюции. Бывший потемкинец эсер Марченко даже заявил 31 августа на заседании Севастопольского совета: «Все Георгиевские кавалеры — контрреволюционеры». Матросы эскадренного миноносца «Керчь» в своей резолюции от 7 сентября требовали «разгона Георгиевских кавалеров и разоружения их, так как главный союз кавалеров остался на стороне Корнилова», а команда миноносца «Дерзкий» призывала «немедленно упразднить союз заблудших георгиевских кавалеров»²²³. Резолюций такого рода в это время принималось немало.

При подобном негативном отношении к орденам возложение Керенским Георгиевского креста на могилу лейтенанта Шмидта в Севастополе воспринималось частью моряков как кощунство, как оскорбление памяти борцов за свободу: «...Тайно посещает могилу и вместо венка возлагает царские кресты, которые выдавались палачам Шмидта в 1905 году». В мемуарах же участников событий действия Керенского описывались также и как недостойное подражание традициям «старого режима»: «...По примеру царей, он возложил Георгиевский крест на могилу лейтенанта Шмидта»²²⁴. Если людей консервативных убеждений оскорбляло посмертное награждение революционера боевой наградой, то носителей революционной традиции, примыкавших к разным политическим партиям, коробило присвоение «старорежимной» награды герою восстания. В отношении к этому эпизоду проявилось отрицание тактики политического компромисса, предлагавшейся Керенским. Сочетание старой и новой символических систем, предлагавшееся им, воспринималось как недопустимая эклектика людьми разных политических взглядов.

По-видимому, движение за отказ от наград на флоте усилилось осенью, особенно сильно это проявлялось на Балтике. Матросы тех соединений, которые еще недавно гордились своими наградами, стали отказываться от орденов и медалей. Хорошо информированный капитан 1-го ранга И.И. Ренгартен 13 октября сделал запись в своем дневнике: «На миноносцах минной дивизии, где после операции была просьба увеличить общее число представлений к наградам, теперь идет движение в пользу отказа от наград»²²⁵.

Между тем награждения боевыми орденами и медалями продолжались и после прихода большевиков к власти. Так, 3 ноября, приказом по Балтийскому флоту № 335 за мужество и храбрость, проявленные в боях за остров Моон с 1 по 6 октября, двое офицеров Ревельского батальона смерти были награждены орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»²²⁶.

Требования матросов о ликвидации «старорежимной» наградной системы первоначально лишь отчасти были выполнены большевиками. Так, 10 ноября 1917 г. был принят декрет Всероссийского Центрального Исполнительного

²²³ Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 16 июня; Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 2, 20 сентября; РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 46. Л. 57.

²²⁴ Платонов А.П. Черноморский флот в революции 1917 года... С. 79; Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 50.

²²⁵ [Ренгартен И.И.] Октябрьская революция в Балтийском флоте... С. 36.

²²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 22. Д. 1. Л. 346.

комитета и Совета народных комиссаров «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», упразднявший все существовавшие ордена и медали. Однако, как ни странно, награждения производились и в последующие дни. Так, 22 ноября вышел приказ по морскому ведомству, подписанный Ф.Ф. Раскольниковым (Ильиным), комиссаром Морского генерального штаба, которым утверждалось пожалование орденами группы морских офицеров. Только 28 ноября Морская коллегия постановила впредь до выработки новых положений о прохождении службы офицерских и воинских чинов флота и морского ведомства всякие производства и награды временно приостановить²²⁷. Лишь затем отмена орденов и медалей была распространена и на армию (очевидно, что для моряков вопрос о наградах представлял более острую политическую проблему, поэтому в морском ведомстве он решался ранее). Военно-революционный комитет при Ставке Верховного главнокомандующего 30 ноября принял «Положение о демократизации армии». Один из пунктов этого документа гласил: «Офицерские и классные чины, звания и ордена упраздняются и впредь выдача орденов не разрешается, ношение орденов отменяется, кроме Георгиевских крестов и медалей, которые носить разрешается»²²⁸.

Однако некоторые местные органы власти интерпретировали данный документ по-своему. Так, военный отдел Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии 4 декабря направил директиву всем Советам, комитетам, штабам, учреждениям и управлениям. На основании постановления Военно-революционного комитета Ставки он доводил до сведения всех воинских чинов и войск Финляндии, что с этого числа упраздняются все наплечные и другие знаки отличия и ордена²²⁹. Как видим, в данном случае никаких исключений не делалось и для Георгиевских крестов и медалей. Возможно, это объясняется тем, что матросы Балтийского флота и ранее выступали за полное отрицание старой наградной системы. Наконец, Народный комиссариат имуществ республики принял постановление, опубликованное 9 января 1918, которым упразднялся Капитул орденов, существовавший до революции при Министерстве императорского двора²³⁰.

Очевидно, среди большевиков и их союзников первоначально не существовало единого мнения в отношении традиционной системы наград, партийная пресса не была инициатором соответствующей кампании. Можно предположить, что некоторые сторонники Октября считали возможным частично использовать некоторые ордена и медали и при новом строе. Однако окончательный выбор все же был сделан в пользу отрицания старой системы наград. Движение за полную ликвидацию орденов и медалей, инициированное неизвестными активистами Балтийского флота, увенчалось успехом.

Ордена старой России получили новую жизнь на территориях, контролируемых белыми. Хотя часть генералов полагала, что за подвиги в Гражданс-

²²⁷ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 337.

²²⁸ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 128. Л. 2.

²²⁹ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 127. Л. 119.

²³⁰ Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР. М., 1974. С. 4.

кой войне неэтично награждать боевыми орденами, на практике имели место награждения даже Георгиевскими орденами и медалями. А командование Северо-Западной армии награждало старыми российскими наградами английских и американских офицеров²³¹. Старые награды, в том числе и Георгиевские кресты, использовало и военное министерство Грузинской республики²³².

Революция сразу же повлияла на внешний вид солдат и моряков. Так, матросы принимавшие участие в революционном движении в Гельсингфорсе и Кронштадте, либо меняли ленточки на своих бескозырках, либо вовсе снимали их²³³. Тем самым они, по-видимому, хотели избежать возможных преследований за свои действия в случае поражения революции.

После переворота облик военнослужащих поменялся, они получили значительно больше возможностей для изменения своей внешности. Так, приказ № 31 командующего флотом Балтийского моря от 14 марта гласил: «Впредь до выработки устава внутренней службы разрешаю офицерам, матросам и солдатам вверенной мне флотилии брить усы и носить волосы по своему усмотрению»²³⁴. Однако с уверенностью можно предположить, что этот приказ уже фиксировал новую послереволюционную реальность, а в других соединениях солдаты и матросы стали менять свои прически, не дожидаясь никаких приказов.

Революция сразу же отразилась и на форменном платье. Придворные лакеи, прислуживавшие теперь членам Временного правительства в Зимнем дворце, были лишены блестящих ливрей и облачались в серые куртки без гербовых пуговиц. Капельдинеры Мариинского театра также сняли свои ливреи и выходили на работу в простых пиджаках с белыми повязками на левом рукаве²³⁵.

Студенты Горного института постановили снять со своих форменных тужурок металлические наплечные знаки и отправить их «на нужды обороны»²³⁶. Изменился и облик служащих государственных учреждений, и уж совсем не походили на петербургских чиновников служащие новых министерств, созданных после Февраля. Корреспондент одной иностранной газеты, проходивший по Невскому проспекту в пять часов дня, не мог первоначально объяснить одновременное появление на улице большого числа небрежно одетых молодых людей с портфелями. Лишь через некоторое время он сообразил, что это «новые чиновники», возвращающиеся домой со службы. Однако все же серьезный конфликт разгорелся, когда известный социал-демократ Н.Д. Соколов, назначенный сенатором, отказался надеть мундир с «эмблемами рабства» — речь шла о форменных пуговицах с имперской символикой — и явился в Сенат в обыч-

²³¹ *Можейко И.* Награды. М., 1998. С. 312–316; *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России, 1918–1920 гг. СПб., 1999. С. 307, 328–329.

²³² *Квинтадзе Г.И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии. Paris, 1985. С. 46.

²³³ *Бахметев Е.* Октябрь в Феврале (Кронштадтские впечатления) // Красный балтиец. 1920. № 6. С. 38.

²³⁴ РГА ВМФ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 63.

²³⁵ *Бубнов А.Д.* В Царской ставке. СПб., 1995. С. 154; *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября... С. 197.

²³⁶ Речь. 1917. 27 апреля.

ном штатском костюме. Внешний вид нового сенатора вызвал резкие протесты со стороны его коллег, демарш Соколова оживленно обсуждался в чиновном мире столицы²³⁷. Да и сами члены Временного правительства совершенно не соответствовали традиционным представлениям о руководителях государства. «...Одеты они были более чем небрежно и походили скорей на рабочих, чем на интеллигентных людей», — вспоминал адмирал, хорошо знавший образ жизни и манеры поведения представителей высшей власти дореволюционной России. Сходной была и реакция британского военного атташе полковника А. Нокса, когда во время официального приема он случайно взглянул на обувь новых министров: «Какая необычная коллекция ботинок!»²³⁸.

Но особенно разительными были изменения в военной форме одежды. Приказом по Балтийскому флоту от 14 марта указывалось, что при увольнении в город военнослужащие могут выходить в форме по своему желанию. В то же время этот документ взывал к самосознанию революционных матросов и солдат: «Чистота и опрятность одежды составляют личную гражданскую обязанность каждого человека»²³⁹.

Обладатели всех видов военной формы должны были задуматься об ее революционном преобразовании. Британский посол докладывал в Лондон уже 3 марта, что «...солдаты срывают императорские эмблемы». А итальянский посол при Румынском королевском дворе 13 марта сообщал своему правительству о распоряжениях, полученных русскими войсками Румынского фронта: «Здесь получен приказ снять с мундиров царские знаки отличия, короны и прочее»²⁴⁰.

С начала Февральской революции особое значение приобрел вопрос о погонах, прежде всего об офицерских знаках различия. Погоны были давним и привычным символом власти. Для офицеров погоны являлись важнейшим элементом формы, знаком принадлежности к элитарной корпорации. Почетный характер золотых погон порой по-своему расшифровывали рядовые солдаты и матросы, которые воспринимали их не только как знак различия звания и определенного рода оружия, а как знак принадлежности к привилегированному сословию, к высшей касте. От них отличали «березовых офицеров», носивших серебряные погоны. Бывший моряк вспоминал: «На “Азии” (учебном корабле. — Б.К.) служил в чине поручика с березовыми погонами и с красным просветом Ребров... по специальности минный офицер-торпедист. Офицеры дворянского сословия носили золотые погоны с черным просветом и получали зарплату в несколько раз больше простого смертного, поручика, выходца из простого народа. <...> Для получения дворянского звания необходимо прослужить в царском военно-морском флоте 25 лет безупречной службы в чине офицера, тогда только присваивают дворянское сословие с ношением золотых погон...». Матросы, например, не считали офицеров «по Адмиралтейству»

²³⁷ Witnesses of the Russian Revolution. P.101; *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции (Репринт). М., 1991. Т.1–2. С. 70–71, 125.

²³⁸ *Бубнов А.Д.* В царской Ставке. С. 153; *Клох А. И. F.* With the Russian Army. London, 1921. Vol. 2. P.585.

²³⁹ РГА ВМФ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 63.

²⁴⁰ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 5(24). С. 111.

«настоящими» офицерами и противопоставляли их морским офицерам-«желтопогонникам», которые носили золотые наплечные знаки различия²⁴¹.

Соответственно, во время различных бунтов и восстаний погоны становились объектом атаки повстанцев. Так, например, на броненосце «Потемкин» в 1905 г. матросы срывали с морских офицеров их золотые погоны, «Обеспогонивали» восставшие и жандармов на берегу. Но что означали эти действия? По крайней мере, в некоторых случаях участники событий расшифровывали их как разжалование своих противников, как нежелание признавать их статус командира²⁴².

В 1917 г. «обеспогонивание» порой имело такой же смысл. В начале марта в Шлиссельбурге толпа сорвала погоны и кокарду с полицейского исправника, возражавшего против освобождения уголовных из тюрьмы: тем самым его лишали власти и звания²⁴³. Можно предположить, что данный полицейский мог бы некоторое время сохранить свой чин и свои погоны, если бы не был «разжалован» толпой, возмущенной его «старорежимными» действиями.

Когда в дни Февральской революции в Таврический дворец привели бывшего военного министра, генерала от кавалерии В.А. Сухомлинова, то разъяренные солдаты, считавшие его изменником, чуть не учинили самосуд. Генерала не без труда спас А.Ф. Керенский. Однако с Сухомлинова сорвали погоны, хотя позднее он утверждал, что сам их снял по требованию толпы. В этом случае толпа действовала согласно своеобразному патриотическому коду поведения: генерал считался преступником и предателем, поэтому он и лишился знаков почетного отличия. Снятие погон становилось знаком позорного увольнения с военной службы. Методом самосуда в данном случае была осуществлена символическая казнь. В некоторых слухах «обеспогонивание» Сухомлинова приобретало дополнительную символическую нагрузку: погоны с него якобы сорвал некий «делегат» Преображенского полка, первого полка российской армии. «Обеспогонивали» и некоторых других офицеров, арестованных в дни Февраля. Солдат-фронтовик писал: «В других полках ... без всякого суда арестовывали некоторых офицеров и срывали с них погоны»²⁴⁴. Можно предположить, что и в данном случае солдаты лишали недостойных, по их мнению, арестантов почетного знака различия и власти.

В Ревеле во время манифестации в честь революции группа штатских, по всей видимости рабочих, атаковала капитана 1-го ранга П.В. Гельмерсена и сорвала с него погоны. Матросы вступились за своего командира и силой доставили виновников происшествия на корабль. Штатские должны были принести извинения и собственноручно пришить знаки различия на форму офицера в

²⁴¹ *Воропаев*. Начало военно-морской службы на Балтийском флоте // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд, В-18992. Л. 10; *Жуков В.К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 18–19.

²⁴² *Егоров И.Н. (Орлов К.Н.)* Жизнь рабочего-революционера... С–10.

²⁴³ *Симанович В.* Из Шлиссельбургской крепости на волю // На волю! Падение самодержавия. Освобождение из царских тюрем и каторги: Сб. воспоминаний к 10-летию Февральской революции. Л., 1927. С. 11.

²⁴⁴ [*Сухомлинов В.А.*] Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 291; Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 8 апреля; Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С. 149, 158; *Философов Д.В.* Дневник // Звезда. 1992. № 1. С. 200.

присутствии всей команды. Совет рабочих и воинских депутатов Ревеля также вынес специальное постановление, осуждавшее виновников конфликта. Нам точно неизвестны мотивы действий лиц, напавших на офицера, однако очевидно, что и для данной группы матросов, и для депутатов Совета погоны в это время продолжали оставаться почетным знаком различия²⁴⁵.

Наплечные знаки различия первоначально вовсе не противоречили символическому осмыслению свершившегося переворота. Показательно, что на многих красных знаменах, созданных вскоре после Февраля, встречаются фигуры солдат, символизирующих революционную армию. Они изображаются в погонах, а порой цвет погон и петлиц позволяет даже определить конкретный полк²⁴⁶.

Некоторые гражданские и военные чины даже в этой кризисной ситуации пунктуально соблюдали установленную форму одежды. Когда видный деятель конституционно-демократической партии Ф.И. Родичев, назначенный министром по делам Финляндии, прибыл в Гельсингфорс, то его на перроне встретили чиновники, генералы и адмиралы в подобающей форме, многие в треуголках и со шпагами²⁴⁷.

Однако от военнослужащих, имевших на погонах царские вензеля, нередко требовали их удаления: символы старого режима оскорбляли противников монархии. Уже в дни восстания некоторые флигель-адъютанты императорской свиты, солдаты и казаки личной охраны Николая II избавлялись от царских вензелей на своих погонах и украшали себя красными бантами. То же происходило и в других городах: 2 марта в Севастополе комендант крепости контр-адмирал М.М. Веселкин вынужден был по требованию агрессивно настроенной толпы снять вензеля ненавистного «Николашки» со своих свитских погон. Но и в пределах одного и того же города отношение к обладателям погон с вензелями и поведение последних могло быть различным. Некий депутат Городской думы Севастополя 5 марта фактически обвинил начальника штаба Черноморского флота контр-адмирала С.С. Погуляева: «А не находите ли вы своевременным снять ваши желтые аксельбанты как принадлежность к царской свите и заменить ваши погоны с белой короной на другие? Вам известно, что корона пала, и она может только вызывать раздражение у матросов?». Адмирал и в этой непростой обстановке счел возможным ответить: «Я сниму их только тогда, когда законная власть мне прикажет»²⁴⁸.

Требование удаления вензелей также подтверждало сохранение почетного статуса самих погон в глазах части сторонников революции. Отставной генерал В.Г. Глазов записал в своем дневнике 3 марта: «Говорят, что на улицах полный порядок, но солдаты с публикой уничтожают все, где имеется шифр И[мператора]

²⁴⁵ *Панцержанский Э.С.* От Февраля к Октябрю // Север. 1987. № 7. С. 77–78; *Fedotoff White D.* Survival through War and Revolution in Russia. Philadelphia; London, 1939. P. 111; РГА ВМФ. Ф. Р-402. Д. 119. Л. 15 об.

²⁴⁶ *Корнаков П.К.* Опыт привлечения вексиллологических источников для решения геральдических проблем // Труды Государственного исторического музея. М., 1986. Вып. 61. С. 134–144.

²⁴⁷ *Родичев Ф.И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, Ма, 1983. С. 107.

²⁴⁸ *Половцов П.А.* Дни затмения. С. 26, 28, 30; Иностранцы дипломаты о революции 1917 года. С. 111; *Верховский А.И.* 1) Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг., 1918. С. 68; 2) На трудном перевале. С. 175; *Жуков В.К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 20–21.

Николая»²⁴⁹. Впрочем, порой офицеры явно преувеличивали опасность и действовали с опережением, избавляясь от опасных символов «старого режима»: командующий железнодорожным полком в Ставке генерал С.А. Цабель явился на построение без вензелей, хотя нижние чины его части в то время еще их сохранили. П.Н. Врангель даже утверждал впоследствии, что он постоянно ходил пешком по улицам Петрограда в своей генеральской форме с вензелями наследника и за все время не имел ни одного столкновения, не без презрения отзывался он об опасных генералах и офицерах. Однако борьба с вензелями все же имела место, что отражалось на дисциплине в армии. В такой обстановке 8 марта Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев разрешил снять вензеля и аксельбанты. А 22 марта приказом военного ведомства 12-й Гренадерский Астраханский императора Александра III полк был переименован в 12-й Гренадерский Астраханский, вензельная шифровка на погонах заменялась литерой «А». Наконец, 4 апреля военный и морской министр А.И. Гучков отдал приказ № 181 по военному ведомству об удалении накладных вензелей Николая II с погон шефских частей и подразделений. В тот же день был отдан и приказ № 182 — об удалении вензелей бывшего императора с эфесов вновь производимого холодного оружия. В некоторых частях эти преобразования вызывали конфликты: офицеры, а порой и солдаты, не хотели отказываться от привычной традиционной формы своих полков²⁵⁰.

Особенно болезненно воспринимали изменение своих погон учащиеся ряда военных учебных заведений, хотя именно они из-за своей формы становились порой объектом атак революционной толпы. Питомец элитарного Пажеского корпуса, отказавшийся снять вензель с погон, был даже сброшен в канал и утонул. Его соученик вспоминал: «Через неделю нам всем было велено снять с эполет золотую царскую монограмму “Н II”. Я как можно дольше уклонялся от выполнения этого распоряжения и не из какой-то особой верности Государю, а по эстетическим соображениям. Возможно, стоит добавить, что многие из мальчиков настолько отождествляли себя с монархией, что расставание с эполетами казалось им чуть ли не предательством»²⁵¹.

Погоны создавали возможность для небольших политических демонстраций самого разного толка: их обладатели «украшали» знаки принадлежности к вооруженным силам России, демонстрируя свои взгляды. Воспитанники Псковского кадетского корпуса демонстрировали верность монархии, продевая белые платки под погоны²⁵². Некоторые же солдаты и даже офицеры украинского происхождения украшали свои знаки различия желто-голубыми лентами. И это происходило не только на территории малороссийских губерний.

²⁴⁹ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 24. Л. 118.

²⁵⁰ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. С. 146; *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России (ноябрь 1916 г. — апрель 1917 г.) // Русская летопись. 1922. Кн.3. С. 93–94; [*Врангель П.Н.*] Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969. С. 24; *Русская армия (1917–1920)...* С. 26–28; *Gourko V.* War and Revolution in Russia, 1914–1917. New York, 1919. P.327.

²⁵¹ *Граббе П.* Окна на Неву: Мои юные годы в России. СПб., 1995. С. 144.

²⁵² *Михайлов А.* Шляхетный корпус // Родина. 1997. № 6. С. 58.

Начальник сухопутных войск, подчиненных командующему флотом Балтийского моря, инспектировавший артиллерийские позиции Свеаборгской крепости 5 и 7 августа, был поражен видом капитана, имевшего на левом плече ленточку украинских национальных цветов. В своем приказе он специально отмечал этот случай как совершенно недопустимый²⁵³. В то же время многие военнослужащие «революционизировали» свои погоны — прикалывали к ним красные банты, обшивали красной материей (первое время многие офицеры с большим или меньшим успехом пытались бороться с этой революционной модой, распространявшейся среди их подчиненных). Даже чины московского жандармского дивизиона, приспособившись к революционной действительности, обвязали вокруг своих погон огромные красные банты²⁵⁴. Некий же представитель революционного Кронштадта даже явился в штаб Балтийского флота, одетый в офицерскую тужурку с нашитыми на рукавах (сбоку, а не на плечах) адмиральскими золотыми погонами. Тем самым подчеркивался его высокий и, вместе с тем, протестный, революционный статус. Экзотический костюм инсургента дополняли треуголка и офицерская сабля²⁵⁵.

Появлялись и новые образцы погон и других знаков различия, в которых использовалась революционная символика. Военнослужащие создававшихся в 1917 году ударных частей носили на рукаве черно-красный шеврон. В приказе Верховного главнокомандующего генерала А.А. Брусилова эта символика объяснялась так: «Красный ... символ борьбы за свободу... черный ... указание на нежелание жить, если погибнет Россия». Черно-красная тесьма нашивалась на белые погоны 1-го женского батальона. Погоны таких же цветов стали знаком различия солдат и офицеров Корниловского ударного отряда, а затем сочетание черного и красного цветов стало символом корниловцев в годы Гражданской войны²⁵⁶. Революционная символика повлияла на форму элитных частей российской армии, а затем и на форму Белого движения.

Но то же цветовое сочетание использовалось и иными политическими силами. Еще 9 апреля на заседании Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта обсуждался вопрос о создании «национальной Красной гвардии», подчиненной исключительно Исполнительному комитету Совета. Предполагалось, что военнослужащие этого сводного отряда будут иметь форму своих частей с погонами красного цвета, на которые наносился бы черным трафарет «К. Г.». Впрочем, предложение о введении особых новых погон было после прений отвергнуто²⁵⁷. Однако сам факт того, что в Гельсингфорсе, ставшем вскоре одним из центров «погонной революции», на заседании Совета был поставлен вопрос о введении новых погон, весьма показателен: эти знаки различия не считались в то время явным символом монархии. Интересно также,

²⁵³ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 44. Л. 91об.

²⁵⁴ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции; *Спросе В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 186.

²⁵⁵ Темирев С.Н. Воспоминания морского офицера. С. 71.

²⁵⁶ Корнаков П. Краски войны. С. 26–27, С. 50–51; Русская армия (1917–1920)... С. 32.

²⁵⁷ Революционное движение в России в апреле 1917 г.... С. 194.

что инициаторы предложения считали Совет вправе ввести новые наплечные знаки различия. Показательно, что они, подобно создателям ударных частей, использовали красный и черный цвета.

Через некоторое время погоны вообще, а офицерские погоны в особенности, стали восприниматься многими как символ старого режима, подлежащий немедленному уничтожению. Погоны не соответствовали символическому осмыслению переворота, борьбу с ними стимулировал и эгалитарный дух «Приказа № 1», отменившего отдавание чести вне службы. Но и без данного приказа солдаты и матросы переставали порой приветствовать старших по званию — именно так, по их мнению, и следовало вести себя в условиях революции. Например, в Севастополе уже 2 марта многие военнослужащие не отдавали честь, однако после проведения парада в честь революции (см. главу I) там вновь на некоторое время вернулись к приветствию старших по званию²⁵⁸. Вопрос об обязательном приветствии был необычайно важен и для солдат, и для офицеров, и также провоцировал многочисленные конфликты. Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов настаивал на отмене отдания чести²⁵⁹. Отмену отдания чести солдаты Петроградского гарнизона считали важным завоеванием революции. В своих резолюциях они требовали распространения этого положения на всю армию. Во многих частях русской армии и флота бывшие нижние чины повели свою борьбу с погонами и приветствиями старших по званию. Солдаты рассуждали: «Честь отдается погону, установленному царем: царя-батюшки нет — не надо и погон, а тогда не надо и отдания чести». Другие же «ссылались» на пример других стран. «Ведь ни в одном конституционном государстве честь не отдается...», — с уверенностью писал 10 марта некий солдат в Петроградский совет. Комитет 15-го Сибирского стрелкового полка 15 марта постановил: «Устранить отдавание чести, вставание во фронт и команду “смирно” как на службе, так и вне службы. Команда “смирно” отдается только как предварительная во время занятий... принудительное отдавание чести ограничивает свободу взаимных отношений между офицерами и солдатами, а потому и недопустимо». Под давлением солдат некоторые Советы, подобно Витебскому, рассматривали требования офицеров об отдавании чести как наступление на права солдат²⁶⁰.

Некоторые радикальные интеллигенты считали борьбу солдат против отдавания чести вполне оправданной. Так, инженер П.А. Пальчинский, игравший большую роль в событиях Февральской революции, с уверенностью предположил, что его собеседник, известный химик генерал В.Н. Ипатьев, имевший репутацию прогрессивного человека, сочувственно отнесется к отмене традиционного военного приветствия. Пальчинский был весьма удивлен, услышав отрицательный ответ²⁶¹. Для многих же офицеров традиционное приветствие было

²⁵⁸ *Верховский А.И.* 1) Россия на Голгофе... С. 67–68; 2) На трудном перевале. С. 170.

²⁵⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 215; 238.

²⁶⁰ [Болдырев В.Г.] Из дневника генерала В.Г. Болдырева. С. 257; Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С. 34; Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 612, 635.

²⁶¹ *Ipatieff V.N.* The Life of a Chemist. Stanford; London, 1946. P. 247, 249.

символом военного порядка, и они требовали точного соблюдения устава, даже порой угрожая солдатам оружием. Так, 5 марта в гарнизоне г. Гжатска произошел инцидент: солдат не отдал чести прапорщику, оскорбленный офицер стрелял, ранил солдата и еще двух штатских, после чего сам был убит патрулем. Порой же офицеры-службисты не довольствовались и отдаванием чести: солдат 35-пехотного запасного полка ефрейтор Романенко был наказан арестом за то, что отдал офицеру честь, но не стал при этом во фронт²⁶².

Временное правительство первого состава не желало полностью отказаться от традиционного воинского приветствия, однако в сложившихся условиях не решалось и открыто выступить в его защиту. Первоначально предполагалось объявить по морскому ведомству, что в городе вне строя и службы отдавание чести не обязательно, но во время исполнения служебных обязанностей следовало отдавать честь старшим по званию. Руководители морского ведомства, по-видимому, пытались использовать аналогичное соглашение, уже достигнутое командованием Ревельской базы и представителями команд и частей базы. Об этом проекте уже было сообщено и в штаб Черноморского флота²⁶³. Однако и морской министр, и адмиралы понимали, что на некоторых базах Балтийского флота такой приказ имеет мало шансов быть выполненным. В то же время многие представители армейского командования категорически требовали сохранения традиционного ритуала приветствия, считая его основой воинской дисциплины. Генерал-лейтенант А.С. Лукомский писал военному и морскому министру: «Отдание чести совершенно отменить недопустимо, ибо этим будет внесен полный раскол между офицерской и солдатской средой и будет постоянной причиной для возникновения на этой почве целого ряда крупных недоразумений. <...> Считаю относительно отдания чести установить лишь взаимное приветствие, отменив отдавание чести, становясь во фронт»²⁶⁴. Поэтому приказ министра А.И. Гучкова по морскому ведомству № 5 от 5 марта фактически оставлял этот вопрос открытым. Он гласил: «Вопросы об отдавании чести, ввиду их сложности, будут разъяснены дополнительно приказом»²⁶⁵.

Но в некоторых соединениях командование под давлением революционных организаций отменяло отдавание чести. Так, 6 марта Исполнительный комитет Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта постановил: «Временно, впредь до издания Временным правительством соответствующего закона, отдавание чести воинскими чинами господам офицерам — вне строя и службы отменяется». На следующий день вице-адмирал А.С. Максимов, командующий флотом Балтийского моря, опубликовал приказ № 6. В приказе было включено постановление Исполкома с резолюцией командующего «К исполнению»²⁶⁶.

²⁶² Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 622; Солдатские письма 1917 года. С. 20–21.

²⁶³ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 95.

²⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 96.

²⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 12 об.

²⁶⁶ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 9 марта; РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1328. Л. 92.

Однако приказ Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексева № 8 от 15 марта требовал обязательного отдания чести, отменяя, впрочем, становление во фронт в районе действующей армии. Приказ подчеркивал, что «обязательное для всех взаимное отдание чести служит символом единения между всеми чинами Российской армии». Правительство создало специальные комиссии, предназначенные для рассмотрения проектов преобразований в армии и на флоте. Был создан проект документа, который уже в марте был опубликован в прессе как «Декларация прав солдата». Один из пунктов «декларации» гласил: «Всякое отдание чести, как отдельными лицами, так и командами в строю и вне строя, отменяется»²⁶⁷. Командование протестовало против «декларации», военный и морской министр А.И. Гучков отказывался ее подписать, но в условиях революции и любая газетная публикация могла восприниматься как официальный документ и как призыв к немедленным действиям. Солдаты отказывались отдавать честь, ссылаясь на публикации прессы.

Вопрос об отдании чести стал поводом для серьезных конфликтов и в Черноморском флоте, который в это время стоял на оборонческих позициях и, в целом, контролировался еще командованием. Приказ Алексева от 15 марта был объявлен 30 марта приказом по флоту, но встретил серьезные возражения со стороны комитетов. Командование Черноморским флотом направило специальный запрос в Ставку Верховного главнокомандующего. Ответ генерала А.И. Деникина, начальника штаба Верховного главнокомандующего, направленный 6 апреля, гласил: «Вопрос об отдании чести может быть разрешен только приказом военного министра. Такого приказа не было, и потому отдание чести является обязательным для всех военнослужащих». Командование флота направило этот ответ в Севастопольский совет²⁶⁸. Однако это не положило конец спорам вокруг приказа. Уже 11 апреля судовые комитеты сразу нескольких кораблей Черноморского флота выразили свое отрицательное отношение к отданию чести. Комитет линейного корабля «Екатерина Великая» сообщал в Севастопольский совет, что приказ Алексева «не принят» на корабле, чтение приказа было встречено командой «бурным протестом». А комитет эскадренного миноносца «Лейтенант Шестаков» отмечал «неудобство и стеснение как для матросов и солдат, так и для офицеров, происходящее от отдания чести» и рекомендовал окончательно отказаться от приветствия, а также разрешить офицерам носить вне службы штатское платье. Комитет же транспорта «Кронштадт» настаивал на скорейшем созыве общего собрания судовых и войсковых комитетов Севастополя для обсуждения этого вопроса²⁶⁹. Как, видим, вопрос об отдании чести был связан с вопросом о форме и о ношении штатской одежды. Сам вид погон провоцировал появление проблемы приветствия.

²⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 43. Л. 5; Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 16 марта.

²⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 43. Л. 57-57 об.

²⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 43. Л. 87, 99, 106 об.

Вскоре вокруг погон возникло множество новых конфликтов, особенно остро они протекали в военном флоте. Первоначально и многие моряки вовсе не воспринимали наплечные знаки различия как нечто чуждое новому строю. Погоны, например, носили моряки во время погребения жертв революции в Петрограде (никакие «старорежимные» символы во время этой революционной церемонии, безусловно, были недопустимы). В погонах запечатлены и матросы, депутаты Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов²⁷⁰. Очевидно, знаки различия были тогда вполне совместимы с их положением активистов революционного времени.

Но уже в это время часть моряков воспринимала погоны как ненавистные царские эмблемы. Подобное отношение к знакам отличия проявилось прежде всего в Кронштадте. И здесь в дни переворота гражданская казнь предшествовала казни реальной: матросы сорвали погоны с ненавистного им адмирала Р.Н. Вирена (по другим данным Вирен сам отстегнул погоны по требованию восставших кронштадтцев). Это, по свидетельству очевидцев, стало сигналом к его убийству²⁷¹.

В Кронштадте восставшие сразу же начали арестовывать всех офицеров (часть из них была освобождена затем своими командами и частями). При арестах офицеров заставляли снимать погоны. Матрос учебно-минного отряда так описывал сцену задержания полковника Броуна (ранее он был неизвестен автору, в квартиру офицера повстанцы попали случайно): «Вам эти погоны придется снять», — сказали мы полковнику. Это был новый и совершенно неожиданный удар, вызвавший в нем чувство борьбы между гордостью и страхом. — «Я ношу их сорок лет, прошу оставить.» — Но мы его не просили, а требовали, и это он быстро понял. Он в ту же секунду порывисто снял мундир, попросил у нас ножик, быстро срезал погоны с мундира, подошел к вешалке, срезал погоны и с шинели, забросил их на полку вешалки, а сам торопливо одел мундир и шинель без погонов»²⁷².

Лишение знаков различия становилось в Кронштадте и символом присоединения к восставшим, именно так стали отличать «своих» офицеров, поддержавших революцию, от офицеров «вражеских». «От офицеров, присоединившихся к нам, потребовали, чтобы они разоружились и сняли погоны, они с радостью исполнили требование революционеров», — вспоминал участник движения. Корреспондент «Правды» писал: «Немногие офицеры, выпущенные на свободу, были лишены оружия и погон». Иначе, разумеется, оценивали ситуацию сами офицеры. Капитан 2-го ранга В.В. Руднев 8 марта сообщал в Главный морской штаб: «Офицерам свободным нельзя ходить в погонах, которые срываются, очевидно, худшими элементами из экипажа». На 20 марта такая ситуация сохранялась, из Морского Генерального штаба сообщали в Ставку верховного главнокомандующего о ситуации в Кронштадте: «Офи-

²⁷⁰ Архив кино-, фото-, фонодокументов Санкт-Петербурга, Г-14600. Д.19776.

²⁷¹ РГА ВМФ. Ф. Р-404. Оп. 2. Д. 143. Л. 4; Правда. 1917. 15 апреля; *Колбин И.Н.* 1) Кронштадт от Февраля до корниловских дней // Красная летопись. 1927. № 2(23). С.136; 2) Кронштадт организуется, готовится к бою. С. 27.

²⁷² *Баранов С.* По своим следам..., Л. 20–21.

церы еще ходят без погон и престиж их менее, чем в остальных частях флота»²⁷³. Офицеры, служившие на базе, не имели никаких знаков различия, и современник мог отличить младших по званию чинов лишь по их молодости и «простоте обращения»²⁷⁴. В Кронштадте все офицеры также обезоруживались, у них отбирали не только огнестрельное оружие, но и кортики, палаши, шашки, полагававшиеся им при ношении некоторых видов формы. Кронштадтский матрос-большевик вспоминал: «И на флоте, и в гарнизоне с первых же дней Февральской революции была осуществлена выборность командного состава сверху донизу. Ношение погон было запрещено»²⁷⁵. Другой мемуарист не так категоричен: «Бросалось в глаза, что почти все матросы и солдаты были без погон. Многие из них демонстративно не приветствовали начальство, а последнее делало вид, что не замечает этого». Некий офицер, прибывший в Кронштадт, сразу же ощутил себя чужаком: «...Почувствовал сразу, что все взгляды солдат и матросов обращены на мои погоны»²⁷⁶. По-видимому, в армейских частях данное решение действительно не проводилось последовательно: на современных фотографиях можно увидеть порой кронштадтских солдат в погонах. В погонах изображены на фотографиях даже некоторые члены Президиума Исполкома Кронштадтского совета. Однако моряки крепости, похоже, все сняли наплечные знаки различия, а некоторые уже в первые месяцы революции снимали и кокарды со своих головных уборов.²⁷⁷

Исследователям не удалось обнаружить никакого специального решения относительно погон, принятого местными революционными организациями и органами власти, никакая политическая партия не вела соответствующей агитации. Стихийные действия матросов и солдат во время восстания положили начало новым местным традициям ношения формы одежды.

Восставшие матросы заставили и гардемарин Морского инженерного училища императора Николая I, расположенного в Кронштадте, снять свои погоны. Ворвавшиеся в училище моряки требовали и удалить ленточки с именем ненавистного императора: «В погонах на улицу не выходить! Николая с фуражек содрать!»²⁷⁸. Реальную обстановку в Кронштадте вынуждены были учитывать и представители командования. Начальник Морского инженерного училища императора Николая I уже 7 марта отдал специальный приказ. Он предлагал «всем господам офицерам и гардемаринам впредь до наступления

²⁷³ Правда. 1917. 11 марта; 15 апреля; *Авдеев Н.* Революция 1917 года (Хроника событий). М.: Пг., 1923. Т. 1: Январь-апрель. С. 65; Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 623; РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 120, 131 об.

²⁷⁴ *Гордиенко И.* В Кронштадте в 1917 г. (Из первого периода Февральской революции) // Пролетарская революция. 1926. № 1(16). С. 53.

²⁷⁵ *Кондаков Д.* В революционном Кронштадте // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 291–292.

²⁷⁶ *Ховрин Н.А.* Балтийцы идут на штурм. С. 56; *Самойлов В.* На вольном острове Котлин // Русская воля. 1917. 13 апр.

²⁷⁷ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, № 036152; 32852/1; альбом № 44262. Л. 2 об. №№ 24, 32.

²⁷⁸ *Бахметев Е.* Октябрь в Феврале (Кронштадтские впечатления) // Красный балтиец. 1920. № 6. С. 40.

более спокойного времени в Кронштадтской крепости и до особого распоряжения не носить погон, а господам гардемаринам сверх того предлагаю снять и ленточки с фуражек». Можно предположить, что ленточки с монархическим названием училища особенно раздражали революционную толпу. Гардемаринам следовало также выходить в город без палашей. Но наступало время отпусков и пасхальных каникул, и начальник училища отдал новый приказ, касающийся формы одежды отпускников, покидающих крепость и остров. За пределами Кронштадта им следовало иметь погоны, но без вензелей Николая I. На ленточках они также должны были иметь надпись «Морское инженерное училище», но без слов «императора Николая I». Однако в самом Кронштадте гардемарины должны были ходить в бушлатах без погон²⁷⁹.

Вопрос о погонах стал предметом специального рассмотрения Кронштадтского совета военных депутатов уже 17 марта, когда поступило заявление о разрешении военному инженерному училищу надеть погоны без вензеля «Н». Совет постановил дать подобное разрешение. Затем поступило предложение о разрешении носить погоны и офицерам Кронштадта. Однако председатель Совета, молодой армейский офицер меньшевик И.А. Красовский, «от имени всего офицерства» просил «не надевать на них погоны». Он заявил, что «офицеры с радостью наденут погоны тогда, когда их выработает новая революционная армия». Это заявление было встречено аплодисментами депутатов²⁸⁰. Можно предположить, что Красовский пытался предотвратить опасный конфликт: вряд ли бы многие кронштадтские матросы в то время примирились бы с восстановлением офицерских погон. Самому Красовскому этот демарш не помог: уже 20 марта он был смещен со своего поста под давлением радикально настроенных депутатов²⁸¹.

Морские офицеры Кронштадта также меняли свою форму одежды, покидая базу. Британский военный атташе полковник Нокс сообщал 31 марта (13 апреля): «Офицерам в Кронштадте не разрешается носить знаки различия. Морской офицер из крепости, прибывший сюда вчера, утверждает, что он надел свои погоны в поезде». Даже комендант Кронштадта сообщал командующему Петроградским военным округом, что он надевает погоны, только входя в штаб округа»²⁸².

Вопрос о погонах затрагивали и представители действующей армии, посещавшие Кронштадт. Порой они критиковали революционные порядки, сложившиеся в крепости. Делегат 6-й армии заявил: «По воспитанию военному снятие погон является [наказанием] хуже штрафа». Обращаясь к депутатам

²⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 1285. Приношу благодарность И.Н. Наймушину, сообщившему мне эти сведения.

²⁸⁰ Кронштадтский совет в 1917 году: Протоколы и постановления. Л., 1976. С. 118 – 120 (корректурa) // Бумаги О.Н. Знаменского. Отдел истории революций и общественных движений Санкт-Петербургского института истории РАН (далее: Бумаги О.Н. Знаменского).

²⁸¹ Новейшим исследованием по истории революции в Кронштадте является диссертация П.Н. Гордеева: *Гордеев П.Н.* Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

²⁸² Public Record Office, Foreign Office, Collection 371. Vol. 2996. № 76703. P. 119; *Половцов П.А.* Дни затмения... С. 85.

Кронштадтского совета, он просил: «Наденьте на них солдатские погоны, не разделяйте от высокого звания солдата». Позицию же Совета выразил большевик А.М. Любович: «Мы знаем, что погоны выражают иерархический принцип, мы же считаем нормальным лишь технические подразделения. Вопрос этот к тому же не так уж спешен. Мы принялись сначала за организационную жизнь, за устройство полного порядка, а на досуге рассудим и о погонах»²⁸³. Любович точно выразил мотивы противников погон: они отрицали иерархический принцип, наиболее явным символом которого в вооруженных силах были погоны.

Как видим, после Февраля появилась особая, «кронштадтская» форма, отличная от формы всех других гарнизонов. При этом следует иметь в виду, что влияние наиболее радикальных политических партий в Кронштадте в начале марта не было значительным. Утверждали даже, что слово «большевик» там первоначально было «запрещено» произносить. Делегацию же большевиков Выборгской стороны, прибывшую в крепость, там первоначально ждала весьма прохладная встреча²⁸⁴. Между отрицанием старой формы и политическими партийными пристрастиями существовала, наверное, некая связь, но она не была прямой. Приверженность ряда активистов революции радикальной символике становилась важным ресурсом политической мобилизации крайне левых партий, но требовалось время и усилия для использования этого ресурса.

Так, среди моряков Ревельской базы преобладали оборонческие настроения, отношения между матросами и офицерами складывались там первоначально значительно лучше, чем в Гельсингфорсе и тем более в Кронштадте. Однако вопрос о форме довольно рано возник и там. Уже 11 марта адмиралы В.К. Пилкин и Д.Н. Вердеревский, старшие морские начальники в Ревеле, направили специальное послание морскому министру: «Ввиду обострения вопроса об эмблемах и формах, имеющих отношение к прежней династии, настоятельно необходимо внесение правительством изменений. Срочный вопрос — цвет кокард, которые большинством закрашиваются красной краской. Для устранения возникающих по этому поводу столкновений отдаем до разъяснения соответствующий приказ, но на очереди короны, погоны, ордена. В ожидании распоряжений действуем по усмотрению». Действительно, в тот же день после консультаций с местным флотским комитетом командование Ревельской базы отдало приказ № 3: «Закрасить в красный цвет центральную часть кокарды». Моряки, желавшие изменить цвета кокарды, указывали, что «черный и желтый — цвет свергнутого строя»²⁸⁵. Как видим, командование самой благополучной, относительно дисциплинированной морской базы Балтийского флота было вынуждено идти навстречу стихийному движению матросов и, действуя вопреки всем юридическим актам, менять форму. Показательно и упоминание

²⁸³ Кронштадтский совет в 1917 году: Протоколы и постановления. С. 46: Бумаги О.Н.Знаменского.

²⁸⁴ Гордиенко И. В Кронштадте в 1917 г.... С. 44. — Показательно, что в поздней версии своих воспоминаний мемуарист не упоминал о подобном отношении к большевикам в Кронштадте. См.: Гордиенко И.М. Из боевого прошлого (1914–1918 гг.). М., 1957. С. 71. Задним числом радикализм кронштадтцев большевизировался.

²⁸⁵ Зингер М.Е. 1917 год в Балтийском флоте... Л. 233.

о погонах и орденах — эти неизбежные конфликты, по мнению адмиралов, лишь откладывались, но не разрешались.

На главной базе Балтийского флота, в Гельсингфорсе, по крайней мере, на некоторых кораблях, у офицеров также изымали не только огнестрельное, но и холодное оружие²⁸⁶. Но первоначально вопрос о погонах здесь не стоял так остро, как в Кронштадте. На фотографиях, изображающих похороны жертв революции в столице Финляндии, можно видеть и матросов, и офицеров в погонах²⁸⁷. Вряд ли бы и здесь на такой торжественной церемонии революционеры потерпели бы «старорежимные» символы, очевидно, они не считались таковыми. Но вскоре и в Гельсингфорсе и Свеаборге не только матросы, но и солдаты стали снимать свои погоны. Командующий флотом вице-адмирал А.С. Максимов отмечал в послании главнокомандующему Северным фронтом стихийный характер этого движения: «Снятие погон началось в сухопутных и морских частях помимо комитетов и общего собрания депутатов и без приказа»²⁸⁸.

Механизм распространения «антипогонной» эпидемии на Балтийском флоте сложно реконструировать. Но можно предположить, что антиофицерская риторика, содержащаяся в пропаганде различных социалистических партий, этому способствовала. Культ героев, «борцов за свободу», павших во время Первой российской революции, включал и обличения их противников, «палачей-офицеров»: «Трусливое офицерство, ярые вдохновители гнета, карьеристы, мечтающие только о чинах и мишуре». Именно такое представление об офицерах могли получить читатели брошюры, изданной военной организацией партии социалистов-революционеров в Ревеле в 1917 г.²⁸⁹ И в этом, и в других случаях тактическая позиция партии эсеров, проводившей сравнительно умеренную политику, нередко противоречила ее пропаганде, ее политике памяти, ее коммеморативным акциям. Подобное же отношение к офицерам могло вызвать прямые действия, направленные против «офицерской мишуры».

Большинство офицеров стремилось сохранить погоны, привычные и почетные знаки различия, однако определенная часть командного состава выступала за решительный отказ от старой формы. Депутаты Государственной Думы, посетившие Балтийский флот, сообщали, что офицеры «усиленно просят изменить их форму, сделав ее мало отличающейся от формы матросов. Они указывают на то, что форма сильно мешает матросу смотреть на офицера как на старшего товарища»²⁹⁰. Очевидно, речь шла лишь о какой-то части офицеров. Но некоторые представители командного состава флота по собственной иници-

²⁸⁶ Д.А. День 4 марта на крейсере // Военная быль. 1958. № 32. С. 6–7. — На линейном корабле «Петропавловск» после долгих переговоров адмирал А.И. Непенин разрешил офицерам отдать оружие старшему офицеру с тем, что оно будет храниться у адмирала. *Зингер М.Е.* 1917 год в Балтийском флоте:... Л. 113.

²⁸⁷ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, №№ 05357, 05359, 015573/2, 015572.

²⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1254. Л. 41.

²⁸⁹ *Шабалин И.А.* Восстание и казнь моряков с «Памяти Азова». Ревель, 1917. С. 7.

²⁹⁰ *Зингер М.Е.* 1917 год в Балтийском флоте:... Л. 233.

циативе снимали погоны. Уже в начале апреля морской офицер, входивший в состав делегации Балтийского флота, которая посетила Юго-Западный фронт, не носил погон. П.Е. Дыбенко вспоминает реакцию фронтовиков, офицеров Заамурской бригады: «Неужели у вас все без погон? Нет, себя мы разжаловать не дадим»²⁹¹.

Особенно остро конфликт протекал во второй бригаде линейных кораблей Балтийского флота, где шла усиленная агитация за снятие с офицеров и кондукторов погон, а с унтер-офицеров нашивок как ярких отличий «старого режима». Когда командующему флотом донесли об этом, он объявил, что немедленно снесется с правительством по вопросу об изменении формы всего личного состава флота, при этом гарантировал, что новая форма будет без погон. Однако ситуация обострялась, ждать правительственного решения было уже нельзя. Однажды унтер-офицеры флагманского корабля эскадры сняли свои нашивки, команда волновалась и требовала, чтобы офицеры и кондуктора также немедленно сняли свои погоны. В этой ситуации даже консервативно настроенный командир 2-й бригады линейных кораблей, капитан 1-го ранга Г.О. Гадд, должен был как-то реагировать. Первоначально он созвал членов судовых комитетов и попытался разъяснить им ситуацию. Члены комитетов согласились с тем, что для проведения реформы правительством необходимо какое-то время. Но и комитеты не контролировали стихийные волнения матросов, офицерам угрожало новое избиение. Тогда Гадд приказал поднять сигнал: «Ввиду предстоящего изменения формы, предлагаю офицерам и кондукторам бригады снять погоны, а унтер-офицерам — нашивки». Когда же все корабли ответили на сигнал, то и командир снял свои погоны. О своих чувствах он вспоминал так: «За мной наблюдали. Но, кажется, ни один мускул не дрогнул на моем лице, хотя меня и душили слезы...»²⁹².

Некоторые мемуаристы утверждали, что примерно в то же время борьба с погонами началась и на Черноморском флоте. «13-го апреля матросы перестали отдавать офицерам честь, и стали срывать с них погоны. Центральный военный исполнительный комитет совместно с командующим поспешил издать приказ о снятии погон», — вспоминал матрос линейного корабля «Императрица Екатерина Великая» («Свободная Россия») ²⁹³. Пока не удалось обнаружить источники, подтверждающие свидетельство мемуариста, возможно, его подвела память. Однако, бесспорно, что и среди личного состава главной базы Черноморского флота нарастали «антипогонные» настроения.

В Гельсингфорсе же состоялось бурное обсуждение вопроса о погонах на специальном собрании морских и сухопутных офицеров. Некоторые высшие офицеры неожиданно оказались яркими противниками старой формы. Морские офицеры вспоминали, что старый генерал-лейтенант К.А. Алексеевский, командовавший Свеаборгской крепостной артиллерией, а с 10 апреля исполнявший также и должность коменданта крепости, сорвал с себя погоны и бросил их

²⁹¹ Дыбенко П.Е. 1) Мятежники... С. 35; 2) Из недр царского флота к Великому Октябрю... С. 71.

²⁹² Граф Г.К. На «Новике» (Балтийский флот в войну и революцию). 2-е изд. СПб., 1997. С. 277–278.

²⁹³ Платонов А.П. Черноморский флот в революции 1917 года... С. 51.

на пол со словами: «Довольно... я не могу больше носить царских погон: они давят мне плечи... Если вы думаете, что они для меня что-нибудь значат, то жестоко ошибаетесь...». Можно предположить, что на часть пехотных и артиллерийских офицеров выступление их начальника произвело известное впечатление. Полковник же корпуса гидрографов А.Е. Ножин даже топтал «позорные эмблемы» прошлого. Он якобы кричал: «Эта проклятая эмблема царской власти жжет меня... Я всегда стыдился этой ливреи и краснел за нее, встречая товарищей — борцов за свободу...». Возможно, авторы подобных заявлений стремились обратить на себя внимание представителей Гельсингфорского совета, присутствовавших на заседании. И Ножин, и Алексеевский сами были депутатами Совета. Ножин заведовал в Исполкоме Совета делами печати и редактировал некоторые первые номера «Известий», а генерал Алексеевский даже порой председательствовал на заседаниях Совета²⁹⁴. Многие возмущенные офицеры решительно протестовали против подобных заявлений, в ответ Ножин якобы угрожал им расправой. Делегаты, посланные данным собранием, обратились к командующему Балтийским флотом, который уже знал о случаях насилия по отношению к офицерам. Он также снял свои погоны и заявил, что издает приказ об их уничтожении. После этого и собрание офицеров, во избежание новых эксцессов, приняло резолюцию — немедленно снять погоны и надеть нарукавные нашивки²⁹⁵.

Упомянутый приказ по Балтийскому флоту начали передавать 15 апреля в 16.00. Максимов сообщал в Морской Генеральный штаб, помощнику морского министра и в штаб Северного фронта: «Ввиду настойчиво выраженного стремления подчиненных мне команд флота снять внешние отличия формы, напоминающей старый строй, мною отдан следующий приказ: 15 апреля 1917 года, № 125. Ввиду того, что форма воинских чинов напоминает по наружности старый режим (!), предлагаю во всех подчиненных мне воинских частях теперь же снять погоны и заменить их нарукавным отличием, образец которых будет объявлен дополнительно». В телеграмме главнокомандующему армиями Северного фронта и флота Балтийского моря, которому Максимов был подчинен с 4 апреля, указывалось, что инициатива снятия погон исходила от «команд флота и армии»²⁹⁶.

Флаг-капитан по оперативной части флота капитан 2-го ранга И.И. Ренгартен записал 15 апреля в своем дневнике: «По телефону из Гельсингфорса новость: офицеры снимают погоны. Меня это задело мало, но ломаю себе голову: зачем это унижение. Зачем оно нужно. Я с ужасом думаю о последствиях»²⁹⁷.

²⁹⁴ Можно предположить, что известную роль тут сыграли и противоречия между разными группами морских офицеров. Ранее Ножин выступал за единообразие формы одежды всех морских офицеров, по его мнению, гидрографы в их среде были своеобразной «черной костью».

²⁹⁵ *Граф Г.К.* На «Новике»... С. 315–316; *Панцержанский Э.С.* От Февраля к Октябрю. С. 77–78, 82–84; *Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта.* 1917. 12, 19 марта. По некоторым данным известную роль сыграло решение Республиканского союза офицеров в Гельсингфорсе. *Зингер М.Е.* 1917 год в Балтийском флоте:... л.235.

²⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 44; Ф. 479. Оп. 2. Д. 1050. Л. 671–671 об.; Д. 1254. Л. 7–7 об., 9; Ф. 716. Оп. 2. Д. 122. Л. 294.

²⁹⁷ *Зингер М.Е.* 1917 год в Балтийском флоте:... Л. 234–235.

Эти опасения оправдались сразу же. В Гельсингфорсе объявление приказа повлекло новые эксцессы. Сторонники «обеспогонивания» офицеров стали считать свои действия чуть ли не «уставными» и с возросшим энтузиазмом приступили к решению этой задачи прямо на центральных улицах столицы Финляндии. И.И. Ренгартен затем записал в свой дневник: «Командующий флотом и комендант крепости издали приказы, и это было приведено в исполнение... Но и при этом сделали уличный беспорядок: улицы Гельсингфорса полны груд матросских и солдатских погон — они снимают их с себя и друг с друга и бросают на мостовую. Со встречных офицеров, еще не знавших о приказе, тоже снимали погоны — вообще, это было явное желание унижить... живущий здесь отставной генерал пришел в свою комнату (он носит штатское) и увидел: с кителя содраны погоны, пуговицы и Георгиевский крест, и все это брошено на пол... Явное желание оскорбить»²⁹⁸.

Иначе описывает снятие погон матрос-большевик Н.А. Ховрин. В своих воспоминаниях он упоминает некое заседание Гельсингфорского совета: «Как-то на трибуну поднялся унтер-офицер и начал говорить о взаимоотношениях матросов и солдат с командирами. Он правильно доказывал, что натянутые отношения, переходившие порой в прямую вражду, складывались годами. Но корень всех зол он видел в знаках различия. По его мнению, стоит только спорить их — и взаимоотношения улучшатся.

— Так снимем же товарищи знаки различия! — воскликнул унтер-офицер и тут же сорвал нашивки со своей формы.

Его жест был встречен аплодисментами. В зале многие начали «с мясом» отдирать свои лычки. К вечеру сотни матросов, вооружившись ножницами, вышли на улицы срезать погоны у офицеров. Командный состав кораблей отнесся к этому делу довольно спокойно, но приезжие офицеры сопротивлялись.

Конечно, такие «мероприятия» не способствовали улучшению отношений между рядовыми и командирами»²⁹⁹.

В раннем же варианте своих воспоминаний Ховрин несколько иначе описывает ситуацию: «Наши офицеры уже смирились, и если кого из них останавливали, то они не сопротивлялись. Но приезжающие офицеры, попадавшие в такое положение, чувствовали себя очень плохо»³⁰⁰.

Возможно, мемуарист задним числом смешивает воедино несколько событий, происходивших в различные дни. Однако его воспоминания передают тот дух ожесточения, который сопровождал борьбу с погонами.

Итак, главная база Балтийского флота стала местом новой антиофицерской акции, которая вовсе не способствовала укреплению авторитета командного состава. Следует отметить, что влияние большевиков в Гельсингфорсе в это время не было еще значительным, распространение партийной прессы встречало противодействие, ходили слухи о планах погрома редакции газеты «Волна», а на

²⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 200. Л. 22. Приношу благодарность Е.Ю. Дубровской, сообщившей мне данные сведения.

²⁹⁹ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1987. С. 65.

³⁰⁰ Ховрин Н.А. В 1917 году во флоте (Воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. № 5 (20). С. 60.

некоторых кораблях, ставших затем «большевистскими», сторонников Ленина в то время угрожали выбросить за борт. Утверждали даже, что матросы линейного корабля «Петропавловск» подумывали об артиллерийском обстреле линкора «Республика», имевшего репутацию «большевистского». Некоторые же молодые большевики-матросы совершенно серьезно задавали на партийных собраниях вопрос о том, является ли Ленин германским шпионом³⁰¹. Можно предположить, что антипогонное движение охватило широкие массы матросов и солдат, большей частью беспартийных, которые в то время голосовали за меньшевистские и эсеровские оборонческие резолюции.

15 апреля в 20.40 контр-адмирал В.К. Пилкин, начальник 1-й бригады крейсеров Балтийского моря, базировавшейся на Ревель, направил в штаб флота послание: «Прошу указать время, с которого новая форма офицеров заменяет старую. Необходимо знать для одновременного исполнения всеми офицерами. И также, какие должны быть наружные знаки отличия». Ему отвечал начальник штаба флота контр-адмирал Д.Н. Вердеревский: «Наружные нарукавные знаки отличия вырабатываются, и по выработке будут сообщены. Приказ комфлота номер 125 в Гельсингфорсе уже исполнен». Возможно, в это время сам Максимов, получивший сведения о новых эксцессах, пытался притормозить распространение своего приказа, указав предельный срок исполнения приказа. В 22.30 последовало новое указание командующего флотом: «Приказ номер 125 принять к исполнению 18 апреля [в] 24 часа, к которому времени будет прислано описание нарукавных отличий»³⁰². Но к этому времени процесс «обеспогонивания» был уже необратим.

Приказ командующего бурно обсуждался на флоте, некоторые офицеры согласились снять свои почетные и привычные знаки различия лишь после настойчивых уговоров старших по званию, стремившихся предотвратить новые конфликты. Без погон морские офицеры чувствовали себя неловко — они напоминали друг другу курьеров Морского министерства, которые не имели никаких знаков различия на своих кителях³⁰³. К тому же многие офицеры считали приказ незаконным: Максимов явно превысил свои полномочия, вопрос об изменении формы одежды относился к компетенции министра и Временного правительства. Собрание инженеров-строителей крепости имени Петра Великого обратилось 16 апреля к командованию с телеграммой следующего содержания: «Получен приказ о снятии погон, отданный комфлотом без ссылки на приказ Временного правительства. Понимая значение дисциплины, мы подчинились этому приказу, но просим подтвердить таковой, а до введения и постройки новой формы разрешить носить штатское платье. Ответ ждем немедленно»³⁰⁴. Исполнительный комитет Союза морских офицеров Ревеля также принял специальную резолюцию: «16 апреля на улицах происходили безобразные сцены срывания погон с офицеров, солдат и матросов их това-

³⁰¹ Залежский В.Н. В борьбе за Балтфлот... С. 51–52; Королев Г. Прошлые дни // Ленин и Красный флот. Л., 1924. С. 42.

³⁰² РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д.1254. Л. 4–5 об.

³⁰³ Темирев С.Н. Воспоминания морского офицера. С. 80.

³⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 49.

рищами». Исполком Союза соглашался с самой необходимостью изменения формы, отмечал, что этот вопрос давно поднимался «начальством и отдельными офицерами», но решительно протестовал против способов осуществления этой меры. В результате офицеры оказались вовсе без формы, а многие матросы воспринимали отмену погон как полное уничтожение «служебного старшинства» на флоте³⁰⁵.

Приказ Максимова обсуждался в и войсковых комитетах. Совет воинских депутатов Моонзундской позиции 16 апреля принял следующее постановление: «...Предложить немедленно привести в исполнение этот приказ, а металлические пуговицы и погоны собрать для военных нужд»³⁰⁶. Как видим, Совет использовал приказ и для того, чтобы отказаться от «старорежимных» пуговиц, одновременно проводилась и патриотическая акция.

Однако распространение приказа на флоте было связано и с новыми серьезными эксцессами. На военно-морских базах и на кораблях матросы часто узнавали о нем раньше, чем офицеры. В этой ситуации любой носитель погон мог восприниматься как контрреволюционер. Погоны силой срезали даже с моряков, прибывавших в города и на базы с судов, на которые приказ еще не поступил из-за ледохода. В Ревеле любой офицер мог оказаться объектом неожиданной атаки нижних чинов, срывающих погоны прямо на улицах. При этом пострадали и те офицеры армии, к которым этот приказ вообще не имел отношения. Утверждалось даже, что один сухопутный полковник, отказавшийся снять погоны и оказавший сопротивление, был убит³⁰⁷.

Об остроте конфликта в Ревеле свидетельствует телеграмма начальника Минной дивизии капитана 1-го ранга А.В. Развозова от 16 апреля: «Приказом комфлота сняты погоны у воинских чинов, подведомственных ему частей, а потому все прибывающие в Ревель должны быть без погон. Прошу во избежание недоразумений извещать об этом всех офицеров, выезжающих из Петрограда». Председатель же Союза морских офицеров Ревеля капитан 1-го ранга Б.П. Дудоров, даже прямо просил дать соответствующие распоряжения коменданту Балтийского вокзала в Петрограде, чтобы последний предупреждал всех едущих в Ревель воинских чинов о снятии погон во избежание эксцессов³⁰⁸. Можно с уверенностью предположить, что посылке этих телеграмм предшествовали какие-то острые конфликты, имевшие место на ревельском железнодорожном вокзале.

Борьба с погонами и кокардами в Ревеле продолжалась несколько дней. Местный Совет флотских депутатов 19 апреля осудил насильственное срывание погон. В той же резолюции указывалось на необходимость сохранения старых кокард, окрашенных в красный цвет, они считались «достойными украшения фуражки свободного воина». Однако, по-видимому, акции по обеспокоиванию продолжались (очевидно, жертвами нападений вновь стали армейские

³⁰⁵ Зингер М.Е. 1917 год в Балтийском флоте... С. 236–237.

³⁰⁶ Копии большевистских резолюций, постановлений. С. 47.

³⁰⁷ Панцержанский Э.С. От Февраля к Октябрю. С. 84.

³⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 48, 61.

офицеры, к которым приказ не относился) и 21 апреля Советом была принята новая резолюция: «Продолжающие срывать погоны будут рассматриваться как противники свободы»³⁰⁹.

В Ревеле влияние большевиков в это время было еще более слабым по сравнению с Гельсингфорсом. Однако, как видим, борьба с погонами приобрела здесь особенно свирепый характер. Очевидно, что политическая радикализация проявлялась не только в переходе на позиции наиболее левых социалистических партий. Конфликты вокруг символов позволяли придать этому процессу иное оформление.

Свидетелем событий на этой базе стал британский морской офицер командор Ф.А. Кроми, командовавший соединением английских подводных лодок, базировавшихся в Ревеле. Он сообщал в Лондон, что приказ Максимова о снятии погон был получен поздно в субботу 15-го. Кроми упоминал о «неприятных» сценах на улицах, когда с русских офицеров, не знавших о существовании приказа, срезали «священные» для них погоны. «Опрометчивый и поспешный» приказ Максимова не прибавил, по мнению английского моряка, командующему популярности в офицерской среде. Однако Кроми высказал предположение, что адмирал пытался таким образом предотвратить некий заговор среди матросов: на 1-е мая (18-го апреля старого стиля) якобы тайно планировалась массовая акция по обеспогониванию офицеров³¹⁰. Очевидно, британский офицер пересказывал слухи, которые передавали его российские коллеги. Возможно, за этими слухами и стояли какие-то факты, — в некоторых городах России прилюдное лишение офицеров погон стало элементом праздника 1 мая. Во всяком случае можно предположить, что слухи такого рода влияли на решение адмирала Максимова.

«Обеспогонивание» происходило не только на военно-морских базах и в портовых городах Балтики. Утром 16 апреля на платформе пограничной железнодорожной станции Белоостров трое матросов, вооруженных ножом, срезали погоны с прапорщика флота. Публика, по преимуществу финская, с ужасом наблюдала за их действиями, а русский рабочий, машинист Морского госпиталя, пытавшийся протестовать, был даже подвергнут «личным оскорблениям»³¹¹.

Генерал Н.В. Рuzский, главнокомандующий армиями Северного фронта, которому командующий Балтийским флотом был в это время подчинен, направил в Ставку Верховного главнокомандующего протест против действий своего подчиненного: «Полагаю, что всякое изменение формы одежды должно быть актом, исходящим от правительства, и не может быть установлено частными распоряжениями. Прошу соответствующего выяснения этого вопроса сношением с Временным правительством». В столице же руководители мор-

³⁰⁹ *Зингер М.Е.* 1917 год в Балтийском флоте... С. 238.

³¹⁰ Cambridge University Library, Manuscript Room, Templewood Papers, File II: 2: Documents on British Relations with Russia, 1917–1918: F.N.A.Cromie's Letters, March 27th to July 11th, 1917 // Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol. 7. Fasc. 3. P. 368–369.

³¹¹ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 26 апреля.

ского ведомства с ужасом и раздражением наблюдали за развитием «погонной революции» на Балтийском флоте. Сохранилось несколько вариантов ответа на телеграмму Максимова. 16 апреля командующего флотом извещали, что «вопрос о замене (в ранней редакции — «снятии». — *Б.К.*) наплечных отличий иными по образцу иностранных республиканских флотов уже ранее предreshен был Временным правительством. В Гламоре (Главном морском штабе. — *Б.К.*) уже разработан проект новых нарукавных отличий, который будет введен в ближайшие дни, о чем поставлю Вас в известность». В одном из вариантов ответа содержится фраза «Так, считая вопрос общим для всех флотов, прошу остановить». Однако эта фраза была зачеркнута и в окончательный текст ответа адмиралу Максимова она не вошла. Очевидно, и в Главном морском штабе поняли необратимость происходящего³¹².

К этому времени Максимов был вынужден сделать новый шаг. 16 апреля в 18.50 он сообщал в Генеральный морской штаб: «О разработке проекта Гламором новых нарукавных отличий мне не было известно. Вынужден был обстановкой принять решительные меры, отменить старую форму и выработать новые отличия. Считаю, что нужно их, быть может, с малыми поправками принять, так как по этой схеме Балтийский флот уже отличия надел». Резолюция одного из руководителей морского ведомства на послании Максимова гласила: «Ответить: Приказ минмора об отличиях на рукавах вместо погон вышел»³¹³.

Упомянутый Максимовым приказ по Балтийскому флоту, датированный 16 апреля (№ 126), гласил: «Впредь до выработки общей для всего флота формы одежды предлагаю: 1. Офицерам иметь нарукавные отличия по прилагаемому чертежу. 2. Кокарды временно закрасить в красный цвет до тех пор, пока не будут выработаны фуражки нового образца с новыми эмблемами. 3. Шарф отменить. 4. Пуговицы с орлами, по мере возможности, заменить пуговицами с якорем. 5. На оружии уничтожить вензеля». К приказу прилагалась таблица нарукавных знаков различия, ими стали галуны, количество и ширина которых соответствовали званию офицерских чинов флота и морского ведомства. Так, например, мичманы и поручики имели один средний галун с завитком и один узкий без завитка. У адмиралов, генералов и высших чиновников морского ведомства — один средний галун с завитком и два широких без завитка, а звание обозначалось пятиконечными звездами, прикреплявшимися выше галунов. Соответственно, у контр-адмирала — одна звезда, у вице-адмирала — две, у адмирала — три³¹⁴.

В тот же день, 16 апреля, военный и морской министр А.И. Гучков тоже отдал, наконец, приказ за № 125, согласно которому все виды погон в военноморском флоте изымались из употребления «в соответствии с формой одежды, установленной во флотах всех свободных стран». Политическая уступка, ставшая следствием массового движения, представлялась как насущная республиканская реформа. В то же время те матросы, которые инициировали борьбу

³¹² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 33, 47 об.; Ф. 479. Оп. 2. Д. 1254. Л. 10; Ф. 716. Оп. 1. Д. 279. Л. 4.

³¹³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 50–51 об., 63.

³¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 51–52, 57 об.; Ф. 479. Оп. 2. Д. 1254. Л. 16–17.

с погонами, могли ощущать себя победителями и образцовыми гражданами. Офицеры же, пытавшиеся погону защищать, могли восприниматься, в лучшем случае, как политически неграмотные обыватели, которые не понимают принципы организации «флотов свободных стран». В некоторые соединения этот документ поступил 17-го, указывалось на необходимость спешного его выполнения: «Приказ привести в исполнение, по возможности сегодня», — гласила телеграмма, полученная штабом начальника речных сил на Дунае³¹⁵. Косвенно это свидетельствовало о той напряженности, которая царила в штабах накануне праздника 1 мая. По-видимому, решение об издании приказа было принято внезапно, под давлением событий на Балтийском флоте. Спешка сказалась и на тексте приказа. «...Приказ был разработан в 20 минут, тем и объясняется его непродуманность», — утверждал офицер, служивший в центральном аппарате морского ведомства³¹⁶.

Текст приказа Гучкова был близок к тексту приказа Максимова № 126: «Впредь до окончательной выработки... в установленном порядке» новой формы, вводилась замена погон галунами, отмена шарфов, уничтожение вензелей на оружии, закрашивание середины кокарды в красный цвет (затем интендантскому ведомству было дано распоряжение о производстве соответствующих кокард). Возможно, выход приказов был согласован, либо они основывались на каком-то общем источнике. Но весьма вероятно, что составители приказа по морскому ведомству просто использовали приказ по Балтийскому флоту. Впрочем, сами руководители министерства разъясняли, отвечая на запросы, что приказ по флоту и морскому ведомству «совпал с приказом адмирала Максимова». Новые знаки различия в обоих приказах также большей частью совпадали, существовали лишь небольшие расхождения, касающиеся ширины галунов у некоторых чинов. В приказе Гучкова, например, нашивки мичмана описывались так: один широкий галун с завитком и один узкий — без завитка³¹⁷.

Адмирал А.С. Максимов вскоре распорядился внести соответствующие дополнения и изменения, согласовывая свои приказы с приказом по морскому ведомству, т.е. меняя указания относительно количества и ширины галунов (приказ по Балтийскому флоту от 27 апреля).

В приказе Гучкова по военному ведомству от 17 апреля (№ 225) содержалось разрешение на время войны генералам не носить лампасов на шароварах и цветной подкладки (отворотов) на пальто (генерал в шинели с красной шелковой подкладкой был одним из символов «старого режима»). В качестве причины называлась дороговизна и недостаток цветных приборных сукон на рынке. Но показательно, что подобный приказ появился в то же время, когда менялась морская форма. Можно предположить, что таким образом высшим военным чинам предоставлялась возможность несколько демократизировать свой «старорежимный» облик, раздражавший революционных активистов.

³¹⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 18 апреля; РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 3. Л. 223–225.

³¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р–27. Оп. 1. Д. 14. Л. 101 об.

³¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 179–180; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 49.

Приказом морского министра № 150 от 21 апреля во флоте вводилась и «капитанка» — новая офицерская фуражка «американского» типа с плоским и прямым козырьком, а овальная офицерская металлическая кокарда старого образца заменялась шитой широкой кокардой с якорем и звездой. Разрешалось, впрочем, донашивать фуражки старого образца со старыми кокардами, в этом случае черный цвет внутреннего щитка кокарды заменялся красным. Судя по фотографиям того времени, младшие морские офицеры с большей охотой обзаводились новыми фуражками и кокардами. При этом старшие по возрасту и по званию моряки продолжали носить головные уборы старого образца³¹⁸. Возможно, они попросту стремились избежать лишних расходов. Показательно, что адмиралы облачились в новую форму, очевидно статус не позволял им поступать иначе.

Сложилась ситуация, когда командование Балтийского флота под угрозой разрастающегося давления масс продиктовало, фактически навязало правительству введение новой формы для всего личного состава морского ведомства. Генерал А.И. Деникин приводит приказ адмирала Максимова о снятии погон как пример самостоятельного решения командующими «принципиальных военно-государственных вопросов»³¹⁹. Показательно, что вождь Белого движения совершенно игнорировал характер и размах массового и стихийного движения за снятие погон, он не упоминал о той опасности, которой подвергались в то время многие офицеры. Новая морская форма была введена революционным путем, хотя и без руководства со стороны революционных политических партий.

В других флотах Балтийский флот порой рассматривался в это время как очаг анархии и разложения, знаком чего был отказ балтийцев от традиционных символов и ритуалов, подобные обвинения в их адрес выдвинул и командующий Черноморским флотом адмирал А.В. Колчак. Матросы-балтийцы пытались возражать, утверждая, что они являются сторонниками дисциплины, но дисциплины нового типа. Команда балтийского крейсера «Россия» 9 мая приняла обращение к морякам-черноморцам. Оно гласило: «Адмирал Колчак видел лишь людей тыла, он видел в отмене отдания чести, титулования и снятия погон упадок дисциплины и потерю боевой способности. Разве почести, погоны и титулование есть боеспособность?»³²⁰.

Первоначально предусматривались и нарукавные знаки различия для матросов. Уже вечером 17 апреля чины морского ведомства ознакомили членов

³¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 54–56, 228–232 об.; Альбом II одежды Русского флота (1856–1945 гг.) к рукописи «Историческое описание формы одежды Отечественного флота за 250 лет». С.Ф. Юрьев // ЦВММ. Фонд хранения знамен, флагов, обмундирования и нумизматики, №40825/2. Рис. 82–84; Ежегодник морского сборника. 1917. № 5. С. 3–5; Доценко В.Д. Русский морской мундир, 1696–1917. СПб., 1994. С. 142–147; Русская армия (1917–1920)... С. 28–30; Тронь А.А. Морская форма русской смуты // Цитадель. 1998. № 1(6). С. 64–67.

³¹⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты... С. 157.

³²⁰ Копии большевистских резолюций, постановлений // Рукописно-документальный фонд ЦВММ, В-11833/1. Л. 34–35. — Следует отметить, что примерно в это время команда данного крейсера инициировала движение за повышение жалования матросам. Команда «России» требовала от властей немедленного выполнения своих требований, угрожая в противном случае использовать оружие.

комиссии под председательством члена Государственной Думы Н.В. Савича, созданной для рассмотрения преобразований на флоте, с соответствующим проектом и получили ее одобрение (показательно, что никаких возражений не выдвинули и радикально настроенные матросы, представлявшие в этой комиссии рядовых моряков Кронштадта и Гельсингфорса). Матросов военного флота должен был отличать и красный якорь на левом рукаве — члены комиссии предложили сделать этот знак обязательным для всех моряков, включая офицеров и кондукторов³²¹. Специальная комиссия не позже 20 апреля разработала соответствующий проект приказа по Морскому министерству (любопытно, что по этому проекту флотские унтер-офицеры должны были бы иметь на левом рукаве красную пятиконечную звезду диаметром один дюйм)³²².

Приказ этот, однако, так и не был опубликован, ибо он не получил одобрения со стороны выборных организаций Балтийского флота. Руководители морского ведомства настойчиво требовали от штаба флота поддержки проекта матросской формы: «Ввиду желательности скорейшего введения нарукавных отличий матросов в Черноморском, Беломорском и Сибирском флотах, прошу содействовать ускорению ответа...». Командование же Балтийского флота ждало решения выборных флотских организаций, но 10 мая Центробалт решительно выступил против любых знаков различия для матросов: «...Общая форма для всех матросов должна быть одинакова, без всяких нашивок и нарукавных знаков». Эту резолюцию штаб Балтийского флота без каких-либо комментариев препроводил в Морское министерство³²³. Адмиралы не могли решить вопрос о форме без одобрения влиятельной организации самого мощного флота, а тем более вопреки ей. Данный эпизод наглядно иллюстрирует ситуацию двоевластия, установившуюся в военно-морском флоте. В итоге военных моряков должен был отличать лишь красный вышитый якорь на левом рукаве (приказ по морскому ведомству № 142 от 21 апреля). Приказ о ношении красного якоря был дисциплинированно воспроизведен в приказах по соединениям военно-морского флота³²⁴. Но и его носили далеко не все, на фотографиях тех лет нам не удалось обнаружить ни одного матроса в такой форме.

Флотских унтер-офицеров теперь можно было узнать только по боцманским дудкам, которые они должны были надевать при заступлении в почетный караул (по крайней мере этого требовали от них издававшиеся приказы)³²⁵.

Информация о приказе Гучкова № 125 уже поступила в войска, но его полный текст первоначально не был еще известен. Это создавало почву для разных его интерпретаций и неизбежно приводило к новым конфликтам. Ходи-

³²¹ РГА ВМФ. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 14. 21.–22 об.

³²² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 80, 81, 95, 121.

³²³ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота (1917–1918). М.; Л., 1963. С. 47; РГА ВМФ. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

³²⁴ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 203; Ф. 507. Оп. 1. Д. 70. Л. 42 об.; Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.–22 об.

³²⁵ РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 1. Д. 2190. Л. 42 об. Приказ по Гвардейскому экипажу от 27 сентября.

ли слухи, что снять погоны должны не только моряки, а все военнослужащие. Капитан 1-го ранга А.Д. Бубнов, флаг-капитан Морского штаба Верховного главнокомандующего, в телеграмме от 18 апреля просил «как можно скорее и шире» распространить текст в печати: «Приказ получил широкое распространение и на почве распространения, если оно не получит широкой огласки в печати, могут возникнуть серьезные недоразумения»³²⁶. Само такое послание свидетельствовало о масштабах и сложности проблемы.

Между тем «погонная революция», казалось, готова была охватить и столицу страны. В Петроградский совет поступила информация о том, что в городе какие-то неизвестные люди срывают погоны с офицеров. Этот факт был осужден Советом: в обращении Исполнительного комитета утверждалось, что обеспогонивание осуществляют некие делегаты, прибывшие из Кронштадта. По другим сведениям, сама атмосфера слухов, в которой проходила подготовка изменения формы, способствовала эксцессам такого рода. Исполнительный комитет Петроградского совета сообщал частям гарнизона, что он считает совершенно недопустимым срывать погоны с офицеров и солдат, и просил разъяснить это всем воинским чинам. Текст обращения Совета включался в полковые приказы³²⁷.

Очевидно, что командиры частей столичного гарнизона считали его актуальным и важным. Показательно, что в данном документе упоминаются и солдаты — вероятно, кто-то стремился к ликвидации погон и в армии.

Возможно, для слухов о полной отмене погон имелись некоторые основания. В проекте телеграммы Главного морского штаба от 17 апреля указывалось: «Касаясь до чинов военного ведомства, то о таковых приказа Временного правительства не было и не имеется предложения, но должны у всех оставаться погоны защитного цвета»³²⁸. Можно предположить, что рассматривался вопрос и об отмене золотых и серебряных офицерских погон в армии, но окончательное решение все же принято не было.

О конфликтах вокруг армейских погон на улицах столицы сообщал и приказ командующего войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова от 17 апреля за № 168. Он гласил: «...Никаких распоряжений относительно изменения формы одежды сухопутных войск, ношения погон и установления других знаков об обозначении чинов я ни от Временного правительства, ни от военного министра не получал. Лица, позволяющие себе срывать или срезывать погоны офицеров и солдат, подлежат задержанию как провокаторы, вызывающие рознь в армии»³²⁹. По-видимому, и командующий округом, и Петроградский совет опасались, что во время празднования 1 мая (18 апреля старого стиля) погоны послужат либо причиной, либо поводом для

³²⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 67.

³²⁷ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, секций, заседаний Исполнительного комитета Бюро Исполнительного комитета и фракций (27 февраля — 25 октября 1917 года). СПб., 1995. Т. 2: 1 апреля — 5 мая 1917 года. С. 219, 222, 234; РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 1. Д. 2193. Л. 278 об.

³²⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 49.

³²⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 18 апреля; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 53.

новых конфликтов. Однако уже после праздника, 29 апреля (старого стиля) по Петроградскому военному округу был отдан приказ, разрешающий в частях округа с 1 мая ношение защитных погон³³⁰. Возможно, защитные погоны воспринимались в данной ситуации как некий компромисс, они не выглядели так вызывающе, как золотые и серебряные знаки различия.

Но обеспокоивание, по-видимому, имело место в день праздника, об этом сообщал своему начальству американский военно-морской атташе. По его наблюдениям, 1 мая (18 апреля старого стиля) российские офицеры вообще предпочитали не показываться на улицах³³¹. На фотографических же снимках, изображающих шествие Гвардейского экипажа, и матросы, и офицеры запечатлены без погон. В провинции также имели место эксцессы. На многие корабли приказ о снятии погон поступил лишь днем 18 апреля, например в вахтенном журнале тральщика № 2, который находился в Архангельске, соответствующая запись была сделана в 11.30 этого дня. Директива начальника штаба Черноморского флота от 17 апреля требовала «приказ привести в исполнение по возможности сегодня». Но порой такой возможности не представлялось. Офицер Черноморского флота так вспоминал о приказе Гучкова: «Этот приказ пришел в Николаев накануне 1 мая, дня, который новое правительство объявило чуть ли не национальным праздником. У большинства офицеров фактически не было времени, чтобы изменить форму. Матросы и чернь нападали на офицеров, срывая у них погоны, всячески оскорбляя и унижая при этом. Все это происходило публично, среди бела дня, поскольку все уже знали, что любое поношение офицерского достоинства остается безнаказанным». В Севастополе в этот день также от офицеров на улицах требовали снятия погон³³².

Беспокойство тех адмиралов и офицеров, которые опасались конфликтов вокруг погон в дни праздника, оправдалось. С другой стороны, обстановка принятия приказов и распространения их сама по себе могла способствовать возникновению конфликтов. Все же представляется, что действия адмирала Максимова и министра Гучкова были вынужденными, но оправданными, в противном случае флот ждал бы потрясения, вопрос о погонах спровоцировал бы иные конфликты в военно-морском флоте, которые пока удавалось отложить.

В день праздника в войсках распространялся приказ уже по военному ведомству № 2980, отданный Гучковым 17 апреля. В нем военнослужащим российской армии сообщалось об изменении формы во флоте. Специально оговаривалось, что «эти изменения не относятся до чинов сухопутной армии и военно-сухопутного ведомства, в форме коих погоны служат не только отличительным признаком отдельных войсковых учреждений и огромной армии, особенно в боевой обстановке, но являются и видимым почетным знаком высокого звания воина, офицера и солдата, почему и существует во всех сухопутных армиях республиканских стран».

³³⁰ РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 1. Д. 2188. Л. 336 об.

³³¹ National Archives (Washington), RG 45, WA 6, Box 716. folder 4. P. 3.

³³² *Монастырев Н.А.* Гибель царского флота. С. 83; *Королев В.И.* Черноморская трагедия... С. 8; РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 3. Л. 223; Ф. 870. Оп. 6. Д. 574. Л. 61 об.

ОБРАЗЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИМВОЛИКА



Обложка журнала. На обложке изображен солдат в форме лейб-гвардии Волынского полка. Запасной батальон полка восстал 27 февраля 1917 года. Полк имел репутацию «первого революционного»



Памятник Александру III в дни революции. Монумент на Знаменской площади, украшенный красным флагом, стал одним из символов революции в Петрограде. Другим знаком перемен стал студент с повязкой Гражданской милиции. Почтовая открытка. 1917



Одним из символов Февральской революции стало изображение Таврического дворца с неестественно большим красным флагом. Почтовая открытка. 1917



Детский рисунок. На рисунке изображены события февраля 1917 г. в Москве. 1917



Один из проектов нового государственного герба. 1917



Петропавловская крепость, бывшая «русская Бастилия», изображается как символ «новой жизни»: над ней водружен красный флаг, над крепостью встает «солнце свободы». По воле художника солнце встает на севере. Почтовая открытка. 1917

«ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ» ДВУГЛАВОГО ОРЛА



Открытка: «Свободная Россия свободной армии». Для художника двуглавый орел, освещенный «солнцем свободы», продолжает оставаться национальным символом России. Однако короны заменены старинными шлемами, а держава и скипетр – мечом и свитком с надписью «Просвещение». Свободную армию символизирует воин с красным стягом



Кредитный билет Центрального
Исполнительного комитета Советов
Сибири. Август 1918



Новая

Российская Государственная печать.

(натуральная величина)

7-го апрѣля 1917 года въ гербовое при департаментѣ герольдіи правительствующаго сената отдѣленіе переданъ на хранение рисунокъ новой государственной печати.

Новая Российская Государственная печать.
Почтовая открытка. 1917

ДУГЛАВЫЙ ОРЛ КАК СИМВОЛ «СТАРОГО РЕЖИМА»



«Свобода» венчает лавровым венком русского солдата, уничтожающего двуглавого орла. Последнего не спасает даже отсутствие корон. Почтовая открытка. 1917



Новое знамя войсковой части. Женщина в национальном костюме, символизирующая «Освобожденную Россию», уничтожает двуглавого орла, который в данном случае олицетворяет «старый режим». 1917

СТАРЫЕ И НОВЫЕ СИМВОЛЫ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ



*Февральская революция в Петрограде.
Сожжение царских эмблем у Аничкова дворца. Фотография. 1917*



*«Праздник свободы» в провинции. Служащие Всероссийского земского союза
в местечке Волжин, Виленской губернии, приветствуют 5 марта зарю новой
жизни. Искры. 1917. № 12 (26 марта). С. 91. Национальный флаг и красные
флаги мирно соседствуют. Фотография. 1917*

КУЛЬТ «БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ»



Манифестация делегатов Всероссийского съезда офицерских депутатов на Марсовом поле 14 мая 1917 г. Искры. 1917. № 20 (28 мая). С. 159. Фотография 1917



Перезахоронение останков лейтенанта П.П. Шмидта и его товарищей. Гробы на борту крейсера «Принцесса Мария». 1917

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИМВОЛИКА И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.
КРОНШТАДТ. 1917



*Отпевание матросов, погибших во время
Февральской революции
в Кронштадтском соборе. В собор внесены
красные флаги. Фотография. 1917*



*Могила матросов, погибших во время
Февральской революции. Кронштадт.
Революционные и религиозные символы
соседствуют. Фотография. 1917*



Прием медалей и орденов в Петроградском Совете. Фотография. 1917



Матросы линейного корабля «Петропаловск» на демонстрации. Большинство моряков одеты опрятно, однако единообразие формы отсутствует. Многие сняли кокарды с бескозырок. Фотография. Гельсингфорс. Лето 1917

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИМВОЛЫ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.
ПАСХА 1917 ГОДА.



*Обложка пасхального номера
иллюстрированного журнала. 1917*



Пасхальные почтовые открытки. 1917



*Фрагменты картины А.И. Вахрамеева.
«Жгут орлов» (1917)*



*Картина И.В. Владимирова
(1918?)*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАСНОГО ФЛАГА
ВЕСНОЙ 1917



«Заем свободы». Плакат Б.М. Кустодиева.
1917



Обложка журнала. 1917.
Солдаты революционизируют все элементы
своей формы: кокарды и пряжки выкрашены
в красный цвет или обернуты красной
материей



«Заем свободы». Открытка А.И. Кравченко.
1917



«Заем свободы». Открытка
П. Кузнецова. 1917

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИМВОЛЫ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ



Почтовая открытка (1917). Открытка «Нам не надо золотого кумира, ненавистен нам царский чертог!». Преуспевающий булочник, бывший поставщик императорского двора, символизирует политический оппортунизм эпохи. Под красным флагом и с пением «Рабочей Марсельезы» он топчет свою собственную вывеску



Открытка: «Отречемся от твердого знака, прочь, долой букву ять навсегда!» Гимназист с красным флагом, изменивший слова «Рабочей Марсельезы», символизирует борьбу со «старым правописанием». Реформа правописания проводилась Временным правительством и вызвала большую полемику в обществе. Впоследствии «старые» буквы превратились в политический символ



Афиша кинофильма. 1917

РЕВОЛЮЦИЯ И МОРСКАЯ ФОРМА



Командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А.С. Максимов. Адмирал не имеет знаков различия своего ранга, его китель украшен орденом и красным бантом. Фотография. Апрель 1917



Группа русских морских офицеров во главе с адмиралом А.В. Колчаком в Нью-Йорке. Фотография. 1917.

РЕВОЛЮЦИЯ И ФОРМА ОДЕЖДЫ



Торжественные похороны казаков, погибших в Июльские дни. Петроград, 15 июля 1917 г., фотография. За спиной А.Ф. Керенского стоит его морской адъютант, который не рискнул одеть летнюю форму даже во время такой церемонии. Военнослужащие, находящиеся в нескольких шагах от военного министра, не заботятся о соблюдении формы одежды



Московское государственное совещание (август 1917 г.). Фотография. Морской адъютант А.Ф. Керенского в новой летней форме

РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОДА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ



*Рис. Ре-ми (Н.В.Ремизова).
Новый сатирикон. № 37. 1917*



*Б.М. Кустодиев. «Матрос и милая».
Линогравюра. 1926*



*В.Б. Станкевич. Подпоручик, комиссар
Временного правительства при
главнокомандующем войсками Северного
фронта. Фотография (1917)*



*А.Н. Пепеляев. Полковник. В мае 1918 г.
поднял антибольшевистское восстание
в Томске. С августа 1918 г. командующий
Средне-Сибирским корпусом.
Фотография (1918)*

КРАСНЫЙ ФЛАГ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ



Знамя Союза социалистов народной армии вручается почетному караулу для передачи 443 Соснинскому полку, 20 мая 1917 г. Фотография. В церемонии участвовал главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал П.А. Половцов, который выступил с торжественной речью



Обложка журнала «Нива», посвященного Июньскому наступлению

Появление приказа было обусловлено борьбой с погонями в армии, которая, по-видимому, усилилась после появления приказа по флоту: «Между тем уже наблюдаются случаи не только самоуправного упразднения погон, но даже и насильственного срывания их с офицеров. Предупреждаю, что я не допущу в армии подобных самоуправств и насилия и подвергну повинных в подобных деяниях строжайшей ответственности. Приказываю всем офицерам и солдатам сухопутной армии и военно-сухопутного ведомства строго и точно соблюдать всю существующую и не отмененную форму одежды»³³³. Можно с уверенностью утверждать, что появление такого приказа было связано с очень серьезными опасениями в генеральской среде. Конфликты вокруг погон в армии представлялись вполне реальной перспективой.

Погоны должны были сохранять и военнослужащие ряда частей морского ведомства, носившие армейскую форму. Телеграмма Главного морского штаба от 19 апреля гласила: «Приказ о форме одежды распространяется лишь на морскую форму. Тем же, кто ходит в одежде сухопутного образца, и в районе армии, надлежит носить защитную форму наравне с сухопутными»³³⁴.

Форму морских офицеров называли затем «керенской формой», в честь нового военного и морского министра, занявшего эти должности в начале мая, хотя она и была введена еще при Гучкове. Отношение к ней было неоднозначным — некоторые морские офицеры в знак протеста даже пытались уйти в отставку, в адрес командования флота поступали критические письма от возмущенных ветеранов. Гардемарины Морского корпуса, давно мечтавшие о золотых погонах, восприняли информацию о приказе как грустную весть³³⁵. Офицеров же пугали и немалые непредвиденные затраты: по подсчетам одного корабельного ревизора, каждому офицеру требовалось не менее 120 рублей на переделку всех полагающихся комплектов обмундирования. А контр-адмирал Н.Н. Коломейцов, возглавлявший специальную комиссию по пересмотру формы обмундирования офицерских чинов флота, считал даже нужным предоставить для этой цели каждому офицеру единовременную ссуду 200 рублей. Офицеры, опасаясь новых расходов, просили воспретить до конца войны введение новых форм. 7 июня последовал циркуляр Главного морского штаба, разъясняющий, что «никаких изменений в форме одежды, вызывающих расходы, до окончания войны делаться не будет»³³⁶.

Но многим нововведения нравились. Молодые офицеры быстро обзавелись новыми фуражками и шитыми кокардами британского образца. Утверждали даже, что командир эскадренного миноносца «Новик» заявил своим офицерам: «Революция свершила по крайней мере одну благую вещь для нас: мы больше не должны носить погоня, подобно этим проклятым армейским офицерам»³³⁷.

³³³ Вестник Временного правительства. 1917. 18 апреля; РГА ВМФ. Ф. Р–181. Оп. 1. Д. 5. Л. 225.

³³⁴ РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 3. Л. 195.

³³⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 140–141; *Тарсаидзе А.Г.* Морской корпус за четверть века, 1901–1925. Нью-Йорк, 1944. С. 22.

³³⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 142, 144, 177, 210.

³³⁷ *Fedotoff White D.* Survival Through War... P. 165.

Сказалось и традиционное англофильство военных моряков: нарукавные галуны были знаками различия во флоте Великобритании. Некоторые адмиралы и до революции предлагали провести соответствующие изменения в российской морской форме. Правда, офицеры порой были недовольны тем, что размер и количество галунов отличается от «классического» британского образца: русские капитаны 1-го ранга, например, получали форму, подобную английским капитанам 2-го ранга. Некоторые офицеры рекомендовали точнее копировать форму Великобритании. Капитан 2-го ранга В.И. Руднев писал: «Что проще, взять английскую систему, она международная и совершенно определенная. <...> А главное, не мудрствуя лукаво, взять все от англичан, право у них форма мудрая». Однако новые преобразования знаков различия были невозможны. «Никаких иных изменений и дополнений в форме одежды в настоящее время делать нельзя, так как никакие изменения неосуществимы и кроме пагубного раздражения ничего не вызовут», — справедливо отмечал 24 мая один из членов комиссии по пересмотру формы обмундирования офицерских чинов флота в письме, адресованном ее председателю³³⁸.

Некоторые матросы восприняли отмену погон безразлично, а то и с иронией: изменение формы, по их мнению, подменяло настоящие преобразования во флоте и в стране. Но для большинства рядовых моряков ликвидация погон стала важной символической победой нового строя. Герой незатейливого стихотворения, написанного гельсингфорским матросом-активистом, восклицает:

*Носил и я погон прекрасный,
Но он мне страшно надоел,
В погоне признак был опасный,
Погон крушенье потерпел³³⁹.*

И на других флотах снятие погон не было простым изменением формы — его воспринимали как знак наступления нового времени. Матрос судна «Печенга», которое ремонтировалось в далеком Гонконге, вспоминал: «Все матросы с радостью сорвали свои погоны и побросали их кто за борт, кто в топку котлов»³⁴⁰.

Приказы А.И. Гучкова оформляли процессы, уже развивавшиеся в ходе «погонной революции», они подводили черту под важными символическими конфликтами этого этапа. Но они же провоцировали и новые столкновения, создавали новые проблемы. Отмена погон во флоте вновь резко обострила вопрос об отдании чести. Морское командование вынуждено было вновь пойти на уступки, игнорируя, фактически, приказы Верховного главнокомандующего. Помощник морского министра контр-адмирал М.А. Кедров 18 апреля разослал «для исполнения и распоряжения» телеграмму: «На берегу вне строя отдавание чести отменяется. Военнослужащие при встрече могут взаимно приветствовать друг друга, прикладывая руку к головному убору. Это взаимное приветствие, будучи необязательным, зависит исключительно от доброй воли

³³⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 75–078, 127, 129, 149.

³³⁹ Андриг Э.А. Новые политические песни и стихотворения свободной России. Пг., 1917. С. 12.

³⁴⁰ ЦВММ. Рукописно-документальный фонд, № В-7762. Л. 29.

и такта встречающихся». А 20 апреля и вице-адмирал А.В. Колчак, командующий флотом Черного моря, распространил отмену отдания чести вне строя также и на чинов военно-сухопутного ведомства в относительно «благополучном» (с точки зрения командования) Севастополе³⁴¹.

Матросы также воспринимали отмену погон как сигнал к углублению символического переворота и активно приступили к новой фазе революционного «формотворчества». Контр-адмирал О.О. Рихтер, член комиссии по выработке новой формы одежды для офицерских чинов флота и морского ведомства, писал в Главный морской штаб: «В Гельсингфорсе на флоте начинают поговаривать, что в новой офицерской форме слишком много золота... Желательно офицерскую форму упростить». В сложившейся обстановке многие офицеры и не спешили обзаводиться новой формой: «В Гельсингфорсе мало кто нашёл себе галуны». Даже адмирал А.С. Максимов не исполнял свой собственный приказ и носил форму без галунов: «Только шейный Владимир служит некоторым указанием на его принадлежность к офицерскому сословию». Действительно, на официальной парадной фотографии, сделанной в 1917 г., Максимов, гордившийся репутацией «революционного адмирала», изображен в морском кителе без каких-либо знаков различия, но с орденом и красным бантом. Матросы главной базы Балтийского флота продолжали революционизировать свою форму. «Гельсингфорс мало кого слушает, а потому возможно, что они сами создадут себе форму», — писал Рихтер. Команды, например, вовсе снимали кокарды, а некоторые прикрепляли вместо них якорьки белого металла, что делало их еще более похожими на матросов гражданского флота³⁴².

Революционная мода развивалась, завоевывала флоты. Если в армии одним из символов революционизирования стала фигура дезертира в новой гимнастерке без погон и в фуражке с офицерской кокардой, то завоеванием революции на флоте стали широченные клешни. Форменки же моряки носили нередко с засученными рукавами и без тельняшек, современники событий вспоминали «декольтированных» матросов. Именно такой образ революционного моряка, «красы и гордости революции», запечатлен на картинах Б.М. Кустодиева и И.А. Владимирова. «Матрос с голой грудью и челкой бабочкой» стал одним из символов новой жизни и для писательницы Тэффи³⁴³. Морской же офицер вспоминал: «Когда появились деньги, то матросы, прежде всего, начали франтить. Появились высокие лакированные сапоги, или даже просто резиновые, с голенищами, что — зеркало; короткий бушлат в талию, с пуговицами на кавалерийский манер; фланелевая рубаша в обтяжку и на выпуск; фуражка набекрень, а летом — даже соломенная шляпа... Особое внимание уделялось волосам, стричь которые считалось положительно неприличным. Шик был в наибольшем “коке” и лихо закрученных усах»³⁴⁴.

³⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2290. Л. 7; Ф. 715. Оп. 1. Д. 3. Л. 223–225; РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 1529.

³⁴² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 131–131 об.; Моряк. Гельсингфорс, 1917. № 1. С. 11.

³⁴³ Нитраур Э. «Жизнь смеется и плачет»: О судьбе и творчестве Тэффи // Тэффи. Ностальгия: Рассказы; Воспоминания. Л., 1989. С. 7.

³⁴⁴ Граф Г.К. На «Новике»... С. 367.

Можно было бы предположить, что весьма консервативно настроенный мемуарист-офицер намеренно сгустил краски, изображая лихих «братишек», однако и некоторые балтийские матросы в своих воспоминаниях оставили колоритные портреты сослуживцев, пытавшихся вечерами на городских танцах поразить воображение финских и эстонских девушек: «Ходил в черных лакированных туфлях с наутюженными брюками широкого клеша как у старого петуха, с косматыми ногами, заметал по улице пыль как метлой»³⁴⁵.

Но поисками новой формы были озабочены не только моряки-балтийцы. Приказ командующего Черноморским флотом от 11 августа отражал складывающуюся и там ситуацию: «Команды, съезжающие на берег и отправляющиеся из береговых частей, ходят в самых разнообразных формах, часто в крайне распушенном и даже грязном виде. <...> В частности, смешение форменного платья со штатским совершенно недопустимо и запрещено приказом военного министра». Приказ был перепечатан в газете Севастопольского совета, однако публикация появилась со значительным опозданием — лишь 30 сентября. Можно предположить, что члены различных комитетов по-разному относились к приказу, но немалая часть матросов-черноморцев его одобряла. 3 сентября в прессе появилась резолюция моряков крейсера «Прут». Они осуждали переодевание «не то штатским, не то военным» и призывали других матросов одеваться согласно правилам — «ведь красивее нашей военной формы нет» (подтверждение этому они видели в том, что многие штатские заимствовали элементы морской формы). Моряков крейсера раздражала также «светская» мода на хлысты и особенно манера «братвы» нанизывать «чуть ли не десятки» перстней и колец на пальцы³⁴⁶.

Вид военных моряков шокировал не только командование и отдельные команды, но и активистов выборных морских организаций. Центробалт требовал, чтобы матросы не носили на бескозырках ленточки с названиями чужих кораблей, обращение было оглашено приказами по соединениям Балтийского флота³⁴⁷. Можно предположить, что матросы либо не желали быть опознанными во время увольнений (особенно самовольных), либо хотели разделить славу команд судов, известных своей боевой или революционной историей. Известный пример подавал и сам большевик П.Е. Дыбенко, матрос транспорта «Ща», ставший председателем Центрального комитета Балтийского флота. Он носил бескозырку с лентой, на которой красовалась надпись «Петропавлоск» (!) — этот головной убор хранится в Центральном военно-морском музее³⁴⁸. Ошибка в написании свидетельствовала о том, что лента была приготовлена кустарным способом. Однако мода на ленточки с популярными названиями сохранялась и в последующие годы. Так, И.Д. Сладков, большевистский комиссар Петроградского военного порта, носил на бескозырке Георгиевскую ленточку с надписью «Олег», хотя сам никогда не служил на

³⁴⁵ Воронаев. Военно-морская служба на линейном корабле «Гангут» // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд. В-18992. Л. 12.

³⁴⁶ РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 3338; Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 3, 30 сентября.

³⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 131.

³⁴⁸ ЦВММ. Фонд хранения знамен, флагов, обмундирования и нумизматики, № 36576.

этом крейсере³⁴⁹. Матросы активисты пытались таким образом укрепить свой авторитет. Порой смена ленточек использовалась в пропагандистских целях. Так, матросы «большевистского» крейсера «Алмаз», которые вели агитацию среди солдат украинских частей гарнизона Одессы, в целях маскировки надевали ленточки «украинизированного» крейсера «Память Меркурия»³⁵⁰. В некоторых случаях матросы заменяли черные ленточки красными³⁵¹. По-видимому, особенно интенсивно это происходило на кораблях, получивших в 1917 г. новые революционные названия. В фондах Центрального Военно-морского музея сохранились красные ленточки с названиями крейсера «Рюрик» и эскадренного миноносца «Свобода»³⁵².

Центрофлот 4 сентября принял колоритную резолюцию, опубликованную затем в приказе по морскому ведомству (в приказе по Балтийскому флоту ошибочно указывалось, что данное обращение исходило от Центробалта): «За последнее время на улицах и других публичных местах наблюдается среди чинов флота полнейший маскарад с произвольным ношением формы, нередкоходящей до фантастических одеяний, в которых иногда трудно определить, матрос ли это, полштатский или полусолдат». Центрофлот призывал «положить предел в дальнейшем маскараде» и требовал придерживаться приказов морского министра³⁵³.

Подобные призывы не могли остановить победоносного шествия революционной моды. Сатирическое стихотворение, написанное неким матросом, позволяет сделать предположения относительно возможной реакции моряков на данный призыв:

*Ну, свобода. Ну, порядки.
Шаг шагнешь — уж гвалт.
Почитайте, что за шутку
Пишет Центробалт.
Постановлено, чтоб больше
Форм не искажать,
И «фантастических нарядов»
Нам не одевать.
Офицеров приодели
На английский лад.
Просто душками все стали,
Ну, — чистейший клад.*

³⁴⁹ Там же, рукописно-документальный фонд. В-5988. Л. 1.

³⁵⁰ Коновалов В. Г. Подвиг «Алмаза». С. 58. — В Центральном Военно-морском музее хранится самодельная лента с надписью «Память Меркурия», которая весьма отличается от форменных ленточек с названием этого корабля. ЦВММ, фонд хранения знамен, флагов, обмундирования и нумизматики, № 14694. Возможно, она использовалась в указанных целях.

³⁵¹ Бахметев Е. Октябрь в Феврале (Кронштадтские впечатления) // Красный балтиец. 1920. № 6. С. 41.

³⁵² ЦВММ, фонд хранения знамен, флагов, обмундирования и нумизматики, №№ 38177, 30921.

³⁵³ Юрьев С. Ф. Историческое описание формы одежды Отечественного флота за 250 лет (1695–1945). Часть III: Материалы, приложения. С. 487 // ЦВММ, фонд хранения знамен, флагов, обмундирования и нумизматики, № 40824/3; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 22. Д. 1. Л. 357.

*А вот нас-то позабыли.
«Им, мол, не в парад».
Поневоле тут придется
Делать маскарад.
Что же мы-то, каторжане?
Иль «свобода» — сон?
Чай свободные граждане...
Так держи фасон.
И на зло я Центробалту,
Черт с ним — наплевать,
В форме мной изобретенной
Буду щеголять.
Пусть посмотрят, удивятся,
Что социалист
Носит галстук сверх бушлата
И кавказский хлыст.
На ногах гетры одеты,
Крен на каблуках,
А кокарду заменяет
Якорь на цепях.
А для большего эффекта,
Чтобы штатским быть,
Вместо ленточки с фуражкой
Котелок носить³⁵⁴.*

Моряки-активисты, впрочем, и сами не подавали в этом отношении должного примера. Так, в дни Октября П.Е. Дыбенко, председатель Центробалта, отказался от морской формы и ходил в серой куртке, носил мягкую широкополую шляпу. На фотографии же, запечатлевшей делегатов II съезда моряков Балтийского флота (он проходил с 15 сентября по 5 октября 1917 г.) можно видеть моряков в самых различных одеяниях: некоторые явились на заседание в рабочей одежде, другие использовали детали гражданского туалета, в том числе меховые шапки³⁵⁵.

Но и некоторые молодые морские офицеры использовали различные элементы старой и новой форм во всевозможных сочетаниях, а также занимались подчас индивидуальным «формотворчеством» — что никак не способствовало установлению дисциплины³⁵⁶. Бывали и случаи, когда офицеры одевались на-

³⁵⁴ Амурский С. Протест // Моряк. Гельсингфорс, 1917. № 16. С. 382.

³⁵⁵ Октябрьская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И.Ренгартена). С. 49; Дыбенко П.Е. Мятежники... С. 71.

³⁵⁶ В циркуляре № 97 от 25 мая Главный морской штаб сообщал о возможности некоторых отступлений от установленной формы одежды, однако при этом обращал «особое внимание молодых офицеров, что отступления эти сделаны в целях удешевления экипировки офицеров. Это обстоятельство не должно служить поводом к заведению себе разноцветных одежд, если есть возможность завести форменную». РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 234. — Факт появления такого приказа свидетельствовал о том, что нарушение формы одежды молодыми офицерами было явлением нередким.

рочито небрежно, даже неряшливо, стремясь, демонстративно нарушая форму одежды, завоевать авторитет у революционных матросов³⁵⁷. Данная тактика выживания в условиях революции вела порой и к тому, что отдельные офицеры переодевались затем в одежду рядовых матросов.

Наконец, реформа морской формы создавала известное противостояние между флотом и армией. Матросы ощущали свое революционное превосходство и свысока поглядывали на сухопутные войска. П.Е. Дыбенко так писал впоследствии о казаках, противостоявших матросским отрядам в октябре 1917 г.: «Для них еще офицер в погонах — грозная власть, заставляющая покорно выполнять свою волю»³⁵⁸. Отмена погон во флоте часто воспринималась как сигнал к снятию золотых и серебряных офицерских погон в армии, а иногда и как призыв к полной отмене наплечных знаков различия.

Косвенным свидетельством этого служат упомянутые выше документы, прежде всего приказ Гучкова № 2980 от 17 апреля. Показательно, что в тот же день специальное обращение принял и Петроградский совет. Оно было адресовано всем войсковым частям столичного военного округа и включалось в полковые приказы: «Приказ военного и морского министра о снятии погон, изменения знаков отличия воинских чинов касается только флота. Исполнительный комитет считает совершенно недопустимым срывать погоны офицеров и солдат. Просим разъяснить всем воинским чинам»³⁵⁹. Можно предположить, что если Совет счел нужным принять подобное обращение, то попытки распространения борьбы с погонами на армию приняли большой размах. Однако эти приказы и обращения не всегда помогали: демонстративное срывание погон с офицеров армии имело место и во время столкновений, сопровождавших Апрельский кризис. Возможно, эти стычки стали причиной появления 21 апреля приказа № 141 по морскому ведомству, по которому всем чинам флота и морского ведомства, находящимся в Петрограде, вне службы разрешалось ношение штатского платья³⁶⁰.

Конфликты вокруг знаков различия имели место и в других гарнизонах. Особенно остро вопрос о форме одежды стоял в морских частях, сражающихся на сухопутном фронте, в армейских частях, подчиненных командующим флотами, а также в тех частях армии, которые часто соприкасались с моряками. Неясно было, распространяются ли приказы командующего Балтийским флотом и морского министра на военнослужащих этих частей. К тому же постоянное общение с матросами само по себе могло провоцировать новые конфликты.

И все же после подобных приказов и призывов отдельные армейские части, подчиненные флотскому командованию, возвращались к установленной форме одежды. Собрание 3-го Прибалтийского конного полка 23 апреля рассматривало вопрос, обозначенный в повестке дня как «О ранее нами снятых погонах». К этой проблеме было решено вернуться ввиду того, что «в городе Петрограде

³⁵⁷ Исаков И.С. Таллин, Балтика — 1917. Таллин, 1989. С. 38.

³⁵⁸ Дыбенко П.Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю... С. 183.

³⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 64–64 об.

³⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 202.

и других пунктах ходят с погонами». После горячих прений было решено вновь пристегнуть погоны защитного цвета, однако те военнослужащие, которые приобрели уже белые полковые погоны, могли носить и эти знаки различия³⁶¹. Можно предположить, что полевые погоны защитного цвета и в этом, и в других случаях воспринимались как своеобразный компромисс, приемлемый и для сторонников дисциплины, и для противников «старорежимных» символов.

В некоторых частях возвращению к погонам предшествовали своеобразные референдумы, проведенные в отдельных подразделениях. Так, на заседании полкового комитета Стрелкового полка Офицерской стрелковой школы, который был подчинен командующему флотом Балтийского моря, 6 июня были зачитаны письменные заявления рот и команд по вопросу о погонах. Не все подразделения прислали свои решения, однако большинство все же высказалось за погоны. Соответственно, большинство членов комитета одобрило следующую резолюцию: «Так как Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов и приказом Военного министра Керенского утверждено ношение погон в армии, то, подчиняясь этим распоряжениям и не желая выделяться от всей армии, полковой комитет признал должным — погоны надеть, но чтобы они отличали форму нашего полка, т.е. были с кадром, или малиновые. Сообщить об этом постановлении в Исполнительный комитет острова Оланд с предложением надеть погоны и другим сухопутным частям гарнизона»³⁶². Но последовали ли другие части этому призыву? Выполнили ли стрелки постановление своего комитета? Во всяком случае многие сухопутные войска, подчиненные командующему флотом Балтийского моря, продолжали ходить без погон.

Обстановка все же стабилизировалась, армейские погоны уже можно было спокойно носить не только в удаленных гарнизонах, но и в Гельсингфорсе: на фотографиях, сделанных не ранее середины апреля, изображены армейские офицеры, члены Президиума Гельсингфорсского совета, с наплечными знаками различия. В то же время на фотографиях, изображающих улицы финской столицы летом, можно увидеть солдат без погон³⁶³. Очевидно, в разных частях исход борьбы с погонами был различным.

В некоторых случаях антипогонные настроения сохранялись, но, казалось бы, они не приводили к немедленному снятию знаков различия. Комитет 2-го Выборгского крепостного полка 21 апреля постановил: «Нашивки, погоны, кокарды, шпоры и т.п. уничтожить, но от снятия их теперь же воздержаться, ожидая распоряжения по сему вопросу Совета рабочих и солдатских депутатов». Показательно, что комитет ждал именно решения Совета, а не правительственного распоряжения или приказа командования, что наглядно иллюстрирует сложившуюся в вооруженных силах ситуацию двоевластия. Однако и данная, относительно умеренная резолюция совершенно не отражала реальной ситуации в гарнизоне Выборга.

³⁶¹ Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции в городе Або. 1917. 27 апреля.

³⁶² РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 126. Л. 74.

³⁶³ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, № 032322.

Командир 42-го Отдельного армейского корпуса генерал В.А. Орановский секретно докладывал начальнику штаба Северного фронта: «Другой боевой вопрос — вопрос погон; многие солдаты и даже офицеры совершенно самовольно сняли погоны, и нет власти, которая могла бы этот беспорядок устранить. Приказ военного министра по этому поводу не имеет никакого значения, на него просто не обращают никакого внимания. Целый 2-й пехотный Выборгский полк ходит без погон, заставив своего командира и своих офицеров также снять погоны. Я даже не убежден, что в один прекрасный день с меня не будут насильственным образом сняты погоны. Я лишен возможности поехать в Гельсингфорс для личного свидания с генерал-губернатором и адмиралом Максимовым, потому что на вокзале установлено дежурство матросов, собственноручно снимающих со всех прибывающих офицеров погоны, а подвергнуться мне личным оскорблениям совершенно невозможно». Некоторые же молодые офицеры, активисты революционных организаций, сами охотно снимали погоны, используя этот жест для своей революционной политической карьеры. Порой командиры частей пытались поставить вопрос о соблюдении установленной формы одежды, но не всегда они были поддержаны комитетами. Комитет 511-го Сычевского полка, дислоцированного в Свеаборгской крепости, постановил: «Вопрос о погонах оставить открытым»³⁶⁴. На практике это могло означать, что полк отказывается от знаков различия, на фотографиях, изображающих празднование 1-го мая в Гельсингфорсе, видны солдаты без погон³⁶⁵.

Иногда снятие наплечных знаков различия в армейских войсковых частях оформлялось приказами — высшие власти должны были как-то задним числом согласовать это с законодательством. Начальник штаба флота Черного моря вечером 18 апреля телеграфировал командующему адмиралу А.В. Колчаку: «Получив приказ по флоту о снятии погон, комендант крепости генерал Рерберг, несмотря на мое приказание офицерам армии сохранить погоны защитного цвета, отдал приказ о снятии погон гарнизоном крепости. Так как некоторые части уже получили этот приказ и сняли погоны, то, считаясь с этим фактом, приказал распространить приказ о замене погон нашивками на гарнизон, впредь до соответствующего разъяснения правительства. Нахожу необходимым приказ министра о сохранении погон в армии с разъяснением причин»³⁶⁶. Автор этой телеграммы, похоже, понимал невозможность сохранения погон в войсках гарнизона и вводил там нарукавные нашивки, чтобы сохранить саму систему знаков различия. Показательно, что и до возникновения этой новой кризисной ситуации он не пытался сохранять золотые и серебряные погоны.

Комитеты некоторых сухопутных частей и соединений, набранных из моряков, а также частей, находившихся в оперативном подчинении у морского командования, сами обращались с просьбой о замене погон нашивками. Соответствующие

³⁶⁴ Революционное движение в России в апреле 1917 г. ... С. 513, 519–520; *Миллер В.И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974. С. 251.

³⁶⁵ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, № 4541.

³⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 88, 233.

рапорты и просьбы поступили от Центрального армейского комитета Ревельского совета рабочих и воинских депутатов, от комитета 1-го Морского артиллерийского дивизиона. В этом им официально было отказано, в 1917 г. даже разрабатывались и вводились новые погоны с шифрами данных частей³⁶⁷. Но ждали ли солдаты данных частей приказов о снятии погон? Подчинялись ли они требованиям сохранять погоны?

Многие сухопутные части отказывались вновь надевать погоны, снятые ими «по ошибке», несмотря на соответствующие приказы и разъяснения. И части, подчинявшиеся командованию флота Балтийского моря, имели для этого некоторые формальные основания: приказ Максимова от 15 апреля относился и к ним. Сам адмирал признавал. «Приказ был отдан и для сухопутных войск», — официально сообщал он главнокомандующему Северным фронтом 28 мая³⁶⁸. После издания приказов военного и морского министра встал вопрос об интерпретации приказа по Балтийскому флоту в части, касающейся сухопутных войск. Комитет артиллерии сухопутного фронта Морской крепости императора Петра Великого 26 апреля потребовал от Максимова, чтобы он прямо указал, что приказ о снятии погон «не относится к чинам артиллерии сухопутного фронта». В сложившихся условиях командующий флотом вряд ли мог пойти на подобный шаг, он просто боялся реакции комитетов и масс, рассматривавших снятие погон как важное завоевание революции. Неудивительно, что ответ штаба флота на этот запрос сформулирован необычайно осторожно: «Приказом военного министра от 17 апреля вопрос о ношении погон воинскими чинами армии исчерпан, но на применении приказа не настаиваю, если к выполнению приказа встречаются по местным условиям серьезные затруднения»³⁶⁹. Фактически такая позиция санкционировала любые действия (и бездействие). Очевидно, сам адмирал Максимов не без оснований боялся реакции радикально настроенных частей и войсковых организаций, дислоцированных в Финляндии, и не спешил отменять свои распоряжения.

Однако военный и морской министр А.И. Гучков, одобрив снятие погон моряками, совершенно определенно сохранял их для всех видов сухопутных войск (хотя, по-видимому, в это время существовали проекты отмены золотых и серебряных погон с сохранением наплечных знаков различия защитного цвета). Циркуляр Главного морского штаба № 51 от 19 апреля прямо указывал, что приказ министра № 125 касается лишь матросов, а морские части сухопутного фронта должны носить старую форму³⁷⁰.

«Приказ о введении положений об основных правах военнослужащих», подписанный уже новым военным и морским министром А.Ф. Керенским 11 мая, несмотря на решительные возражения командования, разрешал военным ношение гражданского платья вне службы, но требовал установления единооб-

³⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 122–123, 133, 188–189; Д. 2318. Л. 8–9.

³⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1254. Л. 43.

³⁶⁹ Там же. Л. 24, 27.

³⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 233; РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 1567.

разия формы одежды. Этот документ, более известный как «Декларация прав солдата», указывал: «Смешанная форма ни в каком случае не допускается» (на деле, это требование нарушали и некоторые сторонники Временного правительства). Однако этот же документ, вопреки требованиям генералов, отменял «обязательное отдание чести»³⁷¹.

И для солдат, и для офицеров это был важнейший символический переворот: «Наши начальники напитались духом Николая II и сейчас дышат этим духом. Когда был издан приказ, что нет отдания чести — все офицеры повесили нос...», — писали солдаты 107-го пехотного полка³⁷². В атмосфере же того времени отмена отдания чести могла восприниматься как новый прямой призыв к борьбе со всеми знаками различия.

Хотя «Декларация» делала ритуал отдания чести необязательным, это вовсе не ликвидировало почву для соответствующих символических конфликтов, вопрос стоял об интерпретации данного приказа. Порой матросы и солдаты трактовали его и как отмену всех других воинских ритуалов. Так, 5-го июня в Севастопольском флотском полуэкипаже дежурный офицер при разводе караула отдал приказ «смирно». Молодые матросы, выполняя уставную команду, взяли винтовки «на караул», но многие старослужащие моряки данную команду не исполнили, ссылаясь... на приказ Керенского об отмене отдания чести. Недовольный командир, носивший к тому же немецкую фамилию, выразил свои чувства весьма откровенно и резко, после чего был арестован матросами. Вскоре возник слух о том, что офицер «настойчиво и грубо» требовал отдания ему чести — сторонник соблюдения уставной дисциплины фактически обвинялся в том, что он нарушал приказы военного и морского министра. Именно так, искаженно, описала ситуацию специальная комиссия, присланная затем в Севастополь Временным правительством для изучения конфликта. В качестве одной из его причин называлось «требование офицера Губера об отдании чести, которое показалось команде попыткой нарушить их право» (так затем описывали данный конфликт и некоторые советские историки). Этот слух будоражил солдат и матросов, которые видели в действиях строгого офицера явный знак восстановления «старого режима». На состоявшемся вскоре стихийном митинге было постановлено арестовать нескольких непопулярных офицеров, у которых при аресте было найдено подозрительно много оружия, что еще более накалило обстановку. Затем митинги приняли решения об обезоруживании всех офицеров и об отстранении от должности командующего Черноморским флотом адмирала А.В. Колчака и его начальника штаба. Сам адмирал докладывал в Ставку, что движение началось без санкции Исполнительного

³⁷¹ Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 237–239. См. призыв генерала В.И. Ромейко-Гурко на совещании главнокомандующих фронтами, Временного правительства и руководства Исполкома Совета 4 мая: «Коснусь вопроса об отдании чести. Можете назвать его приветствием, но оно должно быть обязательным». *Деникин А.И.* Очерки русской смуты... С. 310.

³⁷² *Смольянинов М.М.* Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск, 1981. С. 43.

комитета, однако комитеты тоже испытывали давление со стороны митингующих. Утром 6 июня и делегатское собрание постановило отобрать у офицеров оружие, которое следовало передать полковым и судовым комитетам (требование обезоруживания офицеров звучало в Севастополе уже 5 марта). Речь шла об изъятии и огнестрельного, и холодного оружия, которое было почетным символом власти офицеров. Офицеры же, прибывавшие в Севастополь, должны были сдавать свое оружие в городской Центральный исполнительный комитет. Последовала знаменитая речь адмирала Колчака перед командой флагманского корабля, после которой он сделал эффектный жест: бросил свою Георгиевскую саблю в море (16 июня Союз офицеров армии и флота постановил преподнести адмиралу новый Георгиевский кортик). Менее известен другой, более трагичный эпизод: один молодой офицер отказался сдать свое оружие и застрелился. Позже Временное правительство отстранило Колчака от командования флотом³⁷³.

Командование Черноморским флотом искало причину этого протестного движения черноморцев в пропаганде радикально настроенных делегатов Балтийского флота, прибывших в Севастополь незадолго до событий. Со своей стороны, их роль всячески подчеркивали и большевики-мемуаристы, П.Е. Дыбенко в раннем варианте своих воспоминаний даже утверждал, что якобы именно матросы-балтийцы, прибывшие в Севастополь, сами лично обезоружили Колчака: «Шпагу с него сорвали, за борт бросили»³⁷⁴. Некоторые советские историки выделяли также инициативы севастопольских большевиков, хотя на деле они в это время были еще очень слабы. Соответственно, в исторической литературе порой даже и не сообщалось о конфликте вокруг «отдания чести»³⁷⁵.

И политические противники большевиков в 1917 г., и мемуаристы-коммунисты, и советские историки преувеличивали организационное воздействие большевиков в Севастополе и в Черноморском флоте в целом. Они явно недооценивали стихийный характер движения личного состава частей, продолжавших, в целом, придерживаться оборонческих взглядов. Солдаты и матросы в это время голосовали за политические резолюции умеренных социалистов, но тех ставили в тупик спонтанные действия их избирателей, они никак не соответствовали тактике меньшевиков и эсеров. Известную растерянность, охватившую севастопольских социалистов-оборонцев перед лицом неожиданно

³⁷³ *Платонов А.П.* 1) Черноморский флот в революции 1917 года... С. 88–90; 2) Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. С. 42–45; *Жуков В.К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 17, 56; *Хесин С.С.* Октябрьская революция и флот. С. 182; РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 242, 244, 254; Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 28 июня.

³⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 248; *Дыбенко П.Е.* Мятельники... С. 51. — В позднем варианте своих воспоминаний Дыбенко утверждал что выбросили оружие Колчака моряки-черноморцы, действовавшие, впрочем, под влиянием балтийцев. *Дыбенко П.Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю... С. 94. — Оба варианта весьма далеки от действительности, но, возможно, они отражали то чувство превосходства по отношению к другим флотам, которое охватило в 1917 г. Балтийский флот, считавший себя «наиболее революционным».

³⁷⁵ *Попов П.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 172–174.

го массового стихийного движения, отражала статья одного из них: «Ведь мы фактически стояли под знаменем (!) “Единства”, ведь мы не пустили Ленина, и вдруг, на одном митинге, неожиданно, потеряли сами себя, и единство обратилось в диктатуру... митинга!»³⁷⁶.

И в Севастополе отношение к символам и ритуалам стало сигналом для массового движения, преимущественно стихийного, существенно изменившего расстановку сил на Черноморском флоте в пользу комитетов, хотя последние это движение не ожидали.

Итак, даже отмена отдания чести вовсе не уничтожила почву для конфликтов на основе воинских ритуалов приветствия. К тому же и многие войсковые части, и военные корабли считали положения «Декларации» явно недостаточными. Команда минного заградителя «Лена» 19 мая приняла резолюцию следующего содержания: «Опять везде и всюду мы слышим: “Отдание чести”, “начальство” и т.п. Мы, свободные воины-граждане, знаем, кому отдавать честь, приветствуя его, и кого не приветствовать. ... Требуем отмены отдания воинских “почестей” и “церемоний”, как то: вызова караула наверх, “захождение” и т.п.». Команда требовала также изменения и либерализации правил ношения штатской одежды военнослужащими: «Требуем изменения параграфа 7 о праве разрешения пользоваться штатским платьем. Разрешение это должно исходить не от главнокомандующего армиями и командующего флотом, а от военных комитетов»³⁷⁷.

Между тем командующий Балтийским флотом вынужден был выполнять указания морского министра, однако сам не спешил отдавать определенные приказы, ибо они могли повлечь новые конфликты в подчиненных ему частях. Адмирал А.С. Максимов пытался в мае восстановить погоны в армейских частях флота осторожно, действуя методом убеждения. Сам он 28 мая сообщал командованию Северным фронтом: «Через несколько дней (после издания приказа 15 апреля. — Б.К.) я лично разъяснял морским командам и сухопутным начальникам, что флоты всего мира не носят погон, а, наоборот, сухопутные войска, как и наша миллионная армия, все носят погоны. Надеюсь, что сухопутные части постепенно оденут погоны, в чем мне оказывает содействие местный Исполнительный комитет». Ранее в прессе была опубликована телеграмма командующего Балтийским флотом: «Приказ о снятии погон относится только к флоту. Флоты всего мира имеют форму без погон, между тем как армии всего мира имеют погоны. Армейские части в Гельсингфорсе сняли погоны еще до выхода приказа. Надеюсь, что теперь они постепенно оденут погоны». Обращение адмирала, фактически цитировавшее приказ Гучкова от 17 апреля, было напечатано в газете Совета Ревеля с комментарием редакции: «...Публикуется с целью скорейшего установления

³⁷⁶ Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 10 июня. — В начале мая появились слухи о приезде в Крым В.И. Ленина. На полуострове это вызвало волну протестов. В Севастополе 4 мая делегатское собрание высказалось против приезда лидера большевиков, соответствующие директивы были посланы на места. Этот эпизод свидетельствует о слабости в то время позиций большевиков в Крыму и на Черноморском флоте.

³⁷⁷ Копии большевистских резолюций, постановлений. Л. 40–41.

единообразной формы одежды воинских чинов». Можно поэтому предположить, что для войск данного гарнизона эта проблема была весьма актуальна³⁷⁸. Однако приказы министра и командующего флота исполнялись далеко не всегда, в Гельсингфорсе и во второй половине июня многие солдаты не носили погон. На фотографиях, запечатлевших демонстрацию 18 июня, можно увидеть немало военнослужащих без наплечных знаков различия. На фотографиях того времени видно, что погоны не носили и некоторые военнослужащие, члены Исполнительного комитета Гельсингфорсского совета³⁷⁹. Таким образом, отказ от погон поддерживали своим авторитетом и видные представители комитетов.

Преобразование морской формы оказало некоторое воздействие на форму сухопутную. 23 мая генерал А.А. Брусилев, только что занявший пост Верховного главнокомандующего, утвердил «План формирования революционных батальонов волонтеров тыла». Для личного состава батальонов предусматривалась особая форма и особые знаки различия: «Обмундирование общеармейское, но без погон. <...> Офицеры, поступившие волонтерами, сохраняют свою форму, но исключительно защитного цвета, без погон. Начальники имеют вокруг обоих обшлагов рукава красно-черную тесьму, по образцу морских чинов. Отделенный — 1 тесьму, взводный командир — 2, ротный командир — 3, батальонный командир — 4. Помощники начальствующих лиц — столько же полос, но без завитков». Данный план отчасти предвосхищал принцип знаков различия по должности, введенный затем в Красной Армии. Можно предположить, что ориентация на морскую форму была вызвана тем, что добровольцев предполагалось набирать в значительной степени из моряков Черноморского флота (эти надежды не оправдались). Матросам же в той ситуации было бы крайне сложно вновь надеть погоны — это сразу же вызвало бы обвинения в контрреволюционности. Однако приказ Верховного главнокомандующего от 13 июня все же вводил погоны и для чинов данных батальонов: «Обмундирование общеармейское, с черным трафаретом на погонах защитного цвета, в виде черепа и двух скрещенных костей, как эмблемы бессмертия». Но судя по фотографиям, одни добровольцы носили погоны, а другие игнорировали наплечные знаки различия, подобно многим другим частям армии. Всех же волонтеров внешне объединяли нарукавные черно-красные нашивки³⁸⁰.

Вопрос о наплечных знаках различия морских офицеров имел продолжение. Балтийский флот выступил инициатором отмены погон у морских офицеров. Но свои планы реформы знаков различия существовали и у командования Черноморским флотом, они были разработаны соответствующей комиссией.

³⁷⁸ Известия Ревельского совета рабочих и воинских депутатов. 1917. 25 мая; РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1254. Л. 43.

³⁷⁹ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, альбом № 036157/1–3; 042872/2.

³⁸⁰ *Кибовский А.* Революцией призванные (Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла) // Цейхгауз. 1998. №8(2). С. 30–36; Разложение армии в 1917 году. С. 64–69; *Хесин С.С.* Октябрьская революция и флот. С. 225. — Возможно, данные знаки отличия свидетельствовали и еще об одном радикальном аспекте данного проекта — выборности командного состава: «В революционных батальонах не должно быть слова офицер и солдат, а есть начальник и волонтер, так как начальником может быть избран каждый волонтер». *Деникин А.И.* Очерки русской смуты... С. 391.

Наступало время перехода на летнюю форму одежды, и Главный морской штаб уже 22 апреля санкционировал инициативу командующего Черноморским флотом адмирала А.В. Колчака, предлагавшего ввести на белой форме «малые черные наплечники... наподобие английского флота». Колчак счел, по-видимому, нужным заручиться поддержкой Исполнительного комитета Севастопольского совета, который на заседании 29 апреля заслушал «Доклад о погонах на офицерские майские кителя». Слово «погоны» не испугало руководителей Совета, резолюция Исполкома гласила: «Вынести [вопрос] на офицерское делегатское собрание». Однако командование флота, по-видимому, все же проявляло некоторые колебания. Вечером 30 апреля в части флота был передан приказ: «Первого мая, в ноль часов одеть летнюю форму одежды. Отличия офицерских чинов на белых кителях будут объявлены через несколько дней». По-видимому, несколько дней морские офицеры Черноморского флота не носили никаких знаков различия на летней форме. Наконец, 3 мая Колчак издал новый приказ по флоту: «Ввиду невозможности нашить золотые галуны на рукавах белых офицерских кителей, морской министр, считая необходимым внешние отличия чинов, предоставил мне установить для Черноморского флота знаки отличия при летней форме одежды в соответствии со знаками на белых кителях всех республиканских флотов. Устанавливаю наплечные знаки для летней одежды, имеющие форму черной пластинки с нашитыми на них золотыми галунами. Причем число галунов то же, что и при нарукавных нашивках, согласно приказу по флоту и морскому ведомству от 16 апреля 1917 г. Наплечные знаки служат только для различия чинов и не имеют значения прежних погон»³⁸¹.

Интересны аргументы, которые Колчак использовал для разных аудиторий. Убеждая адмиралов, в внутриведомственной переписке он апеллировал к авторитету английского флота в морской среде, а в своем приказе, адресованном широкой аудитории, он приводил иные доводы: технические аспекты, традицию «республиканских флотов» (к которым британский флот явно не принадлежал). Наконец, подчеркивалось, что новые знаки различия не являются погонями. Все это косвенно свидетельствовало о распространенности и силе антипогонных настроений среди матросов.

Командование Черноморского флота явно продолжала беспокоить возможная реакция матросов на эту форму. Оно, очевидно, боялось обвинений в возрождении старого режима. Однако, похоже, на Черноморском флоте новые наплечные знаки никаких эксцессов не вызвали. Элегантная летняя форма, предложенная Колчаком, становилась популярной и у офицеров других флотов. Ее носил, например, адъютант А.Ф. Керенского лейтенант Л.Е. Кованько (но во время некоторых манифестаций в Петрограде летом 1917 года он надевал темный китель с нарукавными знаками различия — см. иллюстрации). Форму с наплечными знаками одобрила и специальная комиссия по выработке новой формы одежды для чинов флота. Первоначально 10 мая она высказалась за сохранение

³⁸¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 89, 135–138, 155, 226–227; Ф. 715. Оп. 1. Д. 3. Л. 182; Ф. Р–181. Оп. 1. Д. 15. Л. 117.

белого кителя с нарукавными знаками различия, но уже на следующий день была принята иная рекомендация: «Ввиду непрактичности нарукавных нашивок перенести их на наплечные знаки при той же системе». При этом предполагалось действовать «согласно образцу, принятому в Черноморском флоте». Некоторые же члены комиссии предлагали ввести наплечные знаки и на пальто, и на синие кителя³⁸².

Морское ведомство удовлетворило пожелание командования Каспийской флотилией и 8 августа разрешило ввести данную форму на этом соединении. Существовал проект приказа, распространяющий наплечники на весь военноморской флот (он датирован 1 июля), но он, по-видимому, так и не был подписан, во всяком случае не был официально опубликован³⁸³. Можно предположить, что руководство министерства опасалось реакции моряков Балтийского флота, инициировавших борьбу с наплечными знаками различия. Еще 24 мая начальнику штаба флота был направлен «доверительный» запрос. В нем сообщалось о решении комиссии, адресата просили ответить, «представляется ли желательным опубликовать эту форму одежды в приказе по морскому ведомству». Начальник штаба флота, отвечая 26 мая на данный запрос, докладывал, что вопрос о переходе на летнюю форму одежды, на Балтике «решился явочным порядком»: точно исполняется приказ от 16 апреля, белые кителя украшаются нарукавными галунами. «Во всяком случае, установление каких-либо наплечных знаков того или иного образца признается нежелательным и несоответствующим общим настроениям», — сухо сообщал он³⁸⁴. Можно предположить, что начальник штаба предвидел возможную реакцию матросов. Фактически же некоторые офицеры-балтийцы не носили на белых кителях никаких знаков различия даже в присутствии военного и морского министра А.Ф. Керенского³⁸⁵. Надо полагать, любой наплечный знак на форме морского офицера на Балтике (но до какого-то времени, не на Черном море!) воспринимался как старорежимный. Таким образом, офицеры различных флотов стали носить различную летнюю форму. Само по себе это свидетельствует и о неодинаковом уровне радикализации, и о разных типах символического сознания моряков различных флотов на данном этапе.

Это могло влиять на отношение к проводимым пропагандистским кампаниям. Балтийский флот посетила делегация Черноморского флота, которая вела патриотическую и милитаристскую агитацию. Наиболее ярким оратором среди делегатов был моряк из студентов Ф.И. Баткин³⁸⁶. Матрос-балтиец в своих воспоминаниях так описывал выступления Баткина перед балтийскими моряками: «Когда он выступал, за ним стояли офицеры в погонах в знак того, что на Черном море матросы с офицерами действуют рука об

³⁸² РГА ВМФ. Ф. Р. 402. Оп. 1. Д. 3. Л. 1а, 4, 6. Д. 4. Л. 7, 13–15, 18.

³⁸³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 235–240.

³⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. д. 2304. Л. 180; Ф. 479. Оп. 2. Д. 1254. Л. 39, 41.

³⁸⁵ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. № 05417. А.Ф. Керенский на крейсере «Рюрик».

³⁸⁶ РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 1664.

руку»³⁸⁷. Мемуариста явно подвела память: офицеры не могли быть в погонах, ибо делегация черноморцев выехала из Севастополя 27 апреля, т.е. уже после выхода приказов об отмене погон на флоте³⁸⁸. Офицеры-черноморцы наверняка были в белых кителях с наплечниками, вести же и в таком виде милитаристскую пропаганду на Балтийском флоте в это время было крайне неразумно. Но показательно, что они запомнились мемуаристу как старорежимные погоны.

По-видимому, моряки-балтийцы чувствовали себя более «революционными» по сравнению с Черноморским флотом, где все остается по старому, где офицеры ходят в погонах, носят кортики и т.п. Эти аргументы использовали в своей пропаганде агитаторы-балтийцы, направлявшиеся в порты Черного моря. Они же, одетые по последней «моде» Балтийского флота, самим своим «революционным» видом бросали открытый вызов власти щеголевато одетых офицеров-черноморцев. Начальник штаба Черноморского флота вспоминал: «В начале июня в Севастополь прибыло несколько матросов Балтийского флота с “мандатами” от Центрального комитета Балтийского флота. Вид у них был разбойничий — с лохматыми волосами, фуражками набекрень, — все они почему-то носили темные очки. Было ясно, что это большевистские агенты»³⁸⁹. В действительности не все делегаты-балтийцы были большевиками, но показательно, что партийная принадлежность «определялась» в то время на основе подобных внешних признаков.

Вопрос о форме одежды вновь возник при обсуждении проблемы кондукторов флота, которая появилась в повестке дня комиссии Н.В. Савича 27–30 апреля. Кондуктора российского флота комплектовались из сверхсрочников, их общая численность в 1917 г. составляла 5 815 человек. Отношения между ними и матросами срочной службы часто были весьма напряженными. Рядовые моряки именовали сверхсрочников «шкурами», их часто обвиняли, нередко не без оснований, в выполнении полицейских функций, хотя среди кондукторов было немало и квалифицированных технических специалистов различных флотских профессий. Неудивительно, что после Февраля многие матросы требовали ликвидации института кондукторов. В начале апреля Гельсингфорский совет принял решение о ликвидации должностей и званий кондукторов и сверхсрочников³⁹⁰.

Руководители комиссии полагали, что проблема формы одежды не важна: «Вопрос о форме — пустой, и о таких пустяках я говорить не хочу и не буду», — заявил сам Савич. Те же взгляды высказывал и член комиссии адмирал Каннин: «Какая форма? Да не все ли это равно. И кому это глаза колет? Только легкомысленным людям». Однако другие участники дискуссии придерживались иной точки зрения: о форме говорили чуть ли не все выступавшие, было очевидно, что для них этот вопрос необычайно важен. В комиссии яркими

³⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 2. Д.143. Л. 49.

³⁸⁸ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 213.

³⁸⁹ Смирнов М.И. Адмирал Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 249–250.

³⁹⁰ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 28–29, 182–183.

противниками института кондукторов были матросы, представлявшие рядовых моряков Кронштадта и Гельсингфорса. В их выступлениях звучит желание спешно упразднить эту должность, немедленно переодев при этом бывших кондукторов в одежду простых матросов. «Нет никакой беды в том, чтобы кондукторам надеть фланелевые рубахи», — заявил один из них. Некоторые матросы признавали профессионализм кондукторов, но и те настаивали на смене формы: «Правда, мы знаем, что они приносят пользу, но не все ли равно, если они будут во фланеленках». Кронштадтский матрос даже указывал кондукторам на пример офицеров, при этом вопрос о ликвидации погон он интерпретировал по-своему: «Что касается снятия кителя, то я не понимаю, отчего они так презирают галанку (так матросы называли холщовый рабочий костюм. — Б.К.), которую так недавно носили. Офицеры и те подчинились снятию погон, найдя их лишними побрякушками»³⁹¹.

Однако некоторые офицеры, входившие в комиссию, возражали матросам, защищая кителя кондукторов: «Переменив платье, вы дадите повод насмешкам». О том же, разумеется, говорили в комиссии и представители кондукторов: «Здесь говорилось, что если Родина-мать вам скажет: одень форму эскимоса и служи во имя долга и любви к ней, вы пойдете и будете служить... Не все так отнесутся к перемене формы как должно, но найдутся такие, которые будут смеяться, может быть и не зло, но все-таки будут, и будет обидно»; «Положение... после упразднения этого института и переодевания их, будет очень тяжелым». Похоже, некоторые были готовы смириться со всем, кроме смены формы: «Если и нужно упразднить кондукторов, то во всяком случае переодевать их не следует», — заявил один кронштадтский кондуктор³⁹².

Показательно, что приверженцы различных точек зрения использовали политические аргументы и политические обвинения. Матросы обвиняли кондукторов в отсутствии патриотизма: «Истинный сын родины, в каком бы наряде он ни был, готов защищать родину. Но он говорит еще: мачеха Россия дала фланелевку, потом китель, принятый с радостью, а мать Россия отнимает обратно»; «Все говорят, все для победы, но говорят: оденьте в рогожку, я служить не буду». Со своей стороны кондуктора высказывали подозрения, что за этим вопросом может скрываться тайная подрывная деятельность провокаторов и «последователей Ленина»³⁹³.

Комиссия в конце концов высказалась за скорейшее упразднение института кондукторов. Вопрос же об обмундировании решался так: «Упраздненным кондукторам предоставляется право донашивать старую форму, нашив на рукаве установленные... штаты». Возможно, на мнение членов комиссии повлияла информация чинов морского ведомства о предполагаемых затратах на переодевание бывших кондукторов в матросскую форму: она должна была обойтись казне в 150 тысяч рублей. Большого практического значения

³⁹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 14. Л. 36, 43, 45–46, 47 об.

³⁹² РГА ВМФ. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 14. Л. 37, 39, 43, 44.

³⁹³ РГА ВМФ. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 14. Л. 44, 47 об.

вся эта дискуссия не имела: еще до ее завершения Керенский издал приказ № 254 об упразднении звания кондукторов³⁹⁴. Однако, похоже, многие бывшие кондуктора действительно донашивали свою старую форму, лишенную знаков различия. Но, по крайней мере, в некоторых случаях они делали это вопреки приказам. Отношение Главного морского хозяйственного управления от 10 августа гласило: «Кондукторам флота, переименованным в старшие специалисты, обмундирование выдать, как матросам, призванным из запаса»³⁹⁵.

Члены комиссии, столь пылко обсуждавшие возможную форму бывших кондукторов, спорили, конечно, не только о форме одежды. За этим спором стояло совершенно иное понимание целей и задач революции. Один матрос сформулировал свой подход вполне откровенно: «Проект... на самом деле выделяет особый класс старших специалистов. <...> Зачем нам, социал-демократической России, делать это?». И оппоненты этого кронштадтского моряка также говорили не только о сохранении формы, но и о существовании и сохранении «классов». «Отсутствие классов является... идеалом и, как всякий идеал, достижимо только в очень далеком будущем», — резонно заявил один офицер³⁹⁶. Его оппоненты же мечтали о создании «бесклассового» сообщества военных моряков новой России.

Как видим, требование ликвидации особой формы кондукторов, также как и требования ликвидации орденов и медалей и, отчасти, борьба с погонами, были проявлением широкого и противоречивого движения за максимально полное уравнивание. Но порой сторонники эгалитарного принципа построения вооруженных сил шли еще дальше в своих требованиях.

В вооруженных силах распространяется идея полной отмены системы чинов и званий. Так, наказ выборщиков 51-й дивизии делегату, избранному на Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов 29 апреля, содержал требование: «Находим, что чины в армии должны быть уничтожены, и должны оставаться только должности». Временное правительство стремилось способствовать продвижению особо отличившихся солдат и матросов, присваивая им офицерские чины. Однако активисты революционных организаций опасались, что тем самым из их среды будут вырваны наиболее способные и энергичные люди. Запасной минный батальон в Кронштадте постановил в июне 1917 г.: «Если нужны люди для занятия должностей, набирать таковых, не награждая их званием офицера»³⁹⁷. Можно предположить, что такой курс на отрицание званий и чинов отражался и на отношении к погонам.

Случаи насильственного лишения погон в действующей армии не были, по-видимому, редкостью. В знаменитом стихотворении неизвестного автора

³⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 14. Л. 50–52. — В исследовании С.С. Хесина неточно указывается, что Керенский утвердил решение комиссии. *Хесин С.С.* Октябрьская революция и флот. С. 183.

³⁹⁵ РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 3481.

³⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 14. Л. 35 об.

³⁹⁷ Революционное движение в России в апреле 1917 г. ... С. 539–540; Волна. Гельсингфорс, 1917. 14 июня; Копии большевистских резолюций, постановлений. Л. 272.

«Молитва офицера», получившем в 1917 г. широкое распространение в списках в офицерской среде на фронте, говорится:

*...Терпенья исполнилась нашего мера:
Народ с нас погоны сорвал,
Название святое «бойца офицера»
В поганую грязь затоптал»³⁹⁸.*

Публикации стихотворения вызвали в печати полемику. Некий поручик А. Дружинин писал в редакцию журнала «Республиканец»: «А тем, кто погоны срывал, я бы не поклонился, а в молитве своей сказал: прости им Боже, не ведают, что творят»³⁹⁹. Но наверняка многие офицеры, читая «Молитву офицера», испытывали иные чувства.

Движение за отмену погон во флоте и в некоторых армейских частях использовало антимоноархическую риторику. В то же время различные варианты обеспогонивания имели исключительно антиофицерскую направленность. При этом в некоторых случаях они были направлены против всей корпорации офицеров, которую следовало полностью «уровнять» в правах с солдатами, а в других — лишь против отдельных ее представителей, которые лишались символа власти. Так, солдаты нескольких подразделений 86-го пехотного Вильманстрандского полка 15 мая отказались выходить на учения более двух раз в неделю. От одного особенно настойчивого командира роты они потребовали, как гласил рапорт командующего корпусом, «чтобы он категорически присоединился к солдатам, а не к офицерам, принадлежащим к буржуазии». Командир роты указал солдатам на незаконность их действий, солдаты же в ответ закричали, что его следует разжаловать, ибо они не желают иметь подобного начальника. Из толпы выделился рядовой, который сорвал с офицера погоны. Затем толпа разошлась и лишь после увещаний ротного комитета вернула знаки различия. Командиру корпуса солдаты заявили, что единение с офицерами возможно, если последние «откажутся от буржуазии и полностью перейдут на сторону пролетариата»⁴⁰⁰.

Нам неизвестно, насколько точно изложены события в этом рапорте, автор которого не был к тому же непосредственным свидетелем данного эпизода, но нарисованная картина выглядит весьма правдоподобной. Очевидно, что солдат, действовавший при одобрении толпы, выступал против конкретного офицера, а не против знаков различия в принципе. Толпа, считавшая себя «пролетариатом», либо желала «разжаловать» офицера, либо хотела символически присоединить его к солдатам. Здесь снятие погон означало разжалование, произведенное по инициативе снизу. Речь шла о борьбе за власть на уровне подразделения, при этом использовалась антибуржуазная риторика. Можно предположить, что если бы ротный командир не был бы столь строг, то его подчиненные и не причислили бы его к «буржуазии». Система социальной

³⁹⁸ Бурский П.Д., генерал-майор. Революция и офицеры. М., 1917. С. 11.

³⁹⁹ Цит. по: Журавлев В.А. Без веры, царя и отечества: Российская периодическая печать и армия в марте-октябре 1917 года. СПб., 1999. С. 129.

⁴⁰⁰ Революционное движение в русской армии (27 февраля — 24 октября 1917 года). М., 1968. С. 101.

классификации у солдат была достаточно гибкой. Показательно, что в данном случае погоны не были знаком принадлежности к «буржуазии», напротив, они оставались почетным символом власти, который следовало отобрать у представителя «буржуазии» и передать стороннику «пролетариата».

Схожий случай имел место в начале июня 1917 г. в 10-м Сибирском стрелковом полку. Здесь толпа стрелков «разжаловала» штабс-капитана за оскорбление солдата. Затем командир полка по требованию солдат должен был сняться с осужденного офицера погоны, солдаты же назначили его рядовым стрелком в одну из рот⁴⁰¹.

Солдаты 650-го полка, отказавшиеся подчиниться приказу о расформировании своей части, 23 мая 1917 г. арестовали группу офицеров, в том числе и командира полка, с них были сорваны погоны. Во время же волнений в 403-м полку солдаты захватили командира полка, сорвали с него фуражку, при этом раздавались крики: «Сорвите с него погоны, пырните штыком»⁴⁰².

И в данных случаях солдаты, бросавшие грубый вызов военной дисциплине и власти своих командиров, продолжали считать погоны почетным знаком различия командиров, но при этом оставляли за собой право «разжалования». В отличие от многих моряков Балтики они не воспринимали погоны как «старорежимный» символ, подлежащий устранению в принципе.

В иных же случаях все офицеры, все обладатели иной привилегированной формы воспринимались солдатами как представители враждебного класса. О таком отношении сообщал в июле 1917 г. офицер 6-го тяжелого полевого отдельного артиллерийского дивизиона, дислоцированного в Твери: «Война капитализму понимается, как призыв к немедленному уничтожению капиталистов и буржуев, — причем под этим понимаются все те, кто не в солдатской форме в узком смысле этого слова». Соответственно, некоторые унтер-офицеры, произведенные после революции в прапорщики, воспринимались солдатами как предатели своего «класса»: «Надел погоны офицерские, значит, проданся буржуазии»⁴⁰³. Погоны командного состава нередко воспринимались как ненавистный символ социального неравенства, знаки различия офицеров, а порой и погоны вольноопределяющихся могли восприниматься как знак принадлежности к «буржуазии». Если балтийские матросы, начавшие борьбу с офицерскими погонями в марте, использовали антимоноархическую риторику, то летом 1917 г. часть солдат использовала риторику антибуржуазную. И здесь идея создания бесклассового сообщества воинов новой России была следствием усиления антибуржуазной пропаганды и распространения «антибуржуйских» настроений⁴⁰⁴.

В некоторых же частях именно солдаты отказывались от своих погон. Так, в одной батарее 6-го отдельного тяжелого полевого артиллерийского дивизиона, дислоцированного в Твери, конфликт возник во время официального осмотра

⁴⁰¹ Разложение армии в 1917 году. С. 109–110.

⁴⁰² Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. ... С. 350, 362.

⁴⁰³ Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 303; *Половцов П.А.* Дни затмения... С. 88.

⁴⁰⁴ *Колоницкий Б.И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // *Анатомия революции, 1917 год в России (Массы, партия, власть)*. СПб., 1994. С. 188–202.

обмундирования (18 июля). Некий артиллерист явился на смотр без погон и заявил командованию, что солдатом он быть не желает, войну считает лишней и сам воевать ни в коем случае не станет⁴⁰⁵. В данном случае демонстративное нарушение формы одежды, как видим, трактовалось как символ антимилитаризма.

Очевидно, между разными формами отрицания погон и степенью политической радикализации войсковых частей и подразделений существовала какая-то связь. Можно предположить, что сторонники Временного правительства были более дисциплинированными, а «большевизированные» солдаты чаще отрицали погоны. Так, еще до Июньского кризиса в 176-м пехотном полку обсуждалась политическая резолюция. Несколько офицеров пытались возражать против пункта: «Признать Ленина своим идейным товарищем». В ответ, как гласит постановление следственной комиссии об участии полка в событиях 3–4 июля, раздались «...крики возмущения и негодование по поводу офицерских погон приняли необычайно резкий и грубый характер»⁴⁰⁶. Можно предположить, что сторонники большевиков в этом полку и в иных ситуациях использовали антипогонную риторику во время конфликтов со своими офицерами.

Однако некоторые войсковые части, противостоящие друг другу в дни Июльского кризиса, выглядели в этом отношении совершенно одинаково: в обоих лагерях можно было встретить обеспогоненных военнослужащих, хотя большинство политических противников продолжало носить наплечные знаки различия. Даже среди бойцов отборного правительственного отряда, который занял особняк Кшесинской, резиденцию руководства большевиков, можно было увидеть солдат без погон. И на официальной церемонии похорон казаков, погибших во время Июльских событий, рядом с Керенским также стоят некие лица в военной форме, но без погон⁴⁰⁷.

Попытки восстановления дисциплины в вооруженных силах после Июльского кризиса отразились на отношении к военной символике. Так, командование пыталось унифицировать форму, действуя уже не уговорами, а приказами. Их в июле и августе было издано немало, что косвенно свидетельствует об остроте данной проблемы.

Командующий Петроградским военным округом генерал П.А. Половцев 8 июля в приказе № 380 требовал от войск соблюдать дисциплину и форму одежды — «погоны одеть»⁴⁰⁸. В это время «мятежные» полки столичного гарнизона расформировывались, очевидно, данный приказ касался частей, поддерживавших Временное правительство. Можно предположить поэтому, что вопрос о погонах был актуален и для этих «лояльных» полков.

Капитан 1-го ранга Б.П. Дудоров (с 1 июня — первый помощник морского министра) 7 июля передавал указание А.Ф. Керенского: «В Кронштадте до

⁴⁰⁵ Протокольные страницы борьбы Керенского с большевиками (Тверь) // Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 298.

⁴⁰⁶ Большевизация Петроградского гарнизона... С. 182.

⁴⁰⁷ Архив кино-, фото-, фотодокументов Санкт-Петербурга, А9276, Г14234, Г16477, Д1863, Д19763.

⁴⁰⁸ Журавлев В.А. Без веры, царя и отечества... 1999. С. 148; Половцов П.А. Дни затмения... С. 161.

сего времени служащим там офицерам не возвращено отобранное у них в первые дни революции оружие, а офицеры и солдаты сухопутных частей войск ходят без погон. Морской министр требует, чтобы: 1) Офицерам было возвращено оружие. 2) Сухопутные офицеры и солдаты соблюдали бы форму одежды, им присвоенную, ибо замена погон нарукавными знаками, принятая во флотских частях, не распространяется на сухопутные части войск, хотя бы таковые и стояли в морских крепостях или в непосредственном соседстве с морскими командами»⁴⁰⁹.

Штаб Балтийского флота 11 июля также сообщил, что приказ от 15 апреля о снятии погон офицерами сухопутных войск, подчиненных командующему флотом, отменяется. Начальник войск, подчиненных командующему флотом Балтийского моря, генерал-лейтенант Л.Н. Пархомов 12 июля отдал приказ: «Командующий флотом сего числа отменил приказ по флоту № 125 об изменении формы одежды, поскольку он касается сухопутных войск. Ввиду сего, а также ввиду того, что вся революционная армия продолжает сохранять установленную форму одежды, предписываю в гарнизонах крепостей и позиций, мне подчиненных, восстановить существующую для всей русской армии форму одежды, сняв все незаконно и самовольно присвоенные внешние отличия и приняв должный воинский вид». А 15 июля официально был объявлен приказ № 16 нового командующего флотом Балтийского моря А.В. Развозова, получившего к этому времени чин контр-адмирала. Он иначе интерпретировал приказ Максимова, но также требовал ношения погон в сухопутных частях: «Приказ моего предшественника от 15 апреля сего года, за № 125, на чинов сухопутных войск не распространяется, которые руководствуются в отношении формы одежды приказами по военному ведомству»⁴¹⁰.

Однако этот приказ не выполнялся. Генерал-лейтенант Л.Н. Пархомов лично убедился в этом, 17 июля посетив 1-й и 2-й крепостные полки Морской крепости императора Петра Великого. В своем приказе от 25 июля он указывал: «Одеты солдаты неряшливо, многие не по форме и без погон, воинского вида нет, а некоторые, благодаря длинным и непричесанным волосам имеют совершенно неприличный вид. При этом сознания о необходимости соблюдать внешние знаки принадлежности к высокому званию солдата — защитника Родины — у большинства нет»⁴¹¹.

Пытались восстановить форму одежды и командиры некоторых частей Петроградского гарнизона. Так, командир 2-го запасного пулеметного полка обратился к личному составу полка и 21 июля это обращение рассматривалось на заседании полкового комитета. Командир требовал, «чтобы все солдаты полка носили установленную для них форму одежды, чтобы роты и команды наблюдали за этим и в первую очередь понудили солдат прикрепить кокарды к фуражкам и настегнуть погоны»⁴¹². Сама форма подобного «обращения»

⁴⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2314. Л. 247.

⁴¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1050. Л. 45; Д. 1328. Л. 216; Ф. 353. Оп. 1. Д. 40. Л. 73; Д. 44. Л. 75.

⁴¹¹ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 44. Л. 80.

⁴¹² Большевизация Петроградского гарнизона... С. 228.

командира к подчиненным свидетельствовала о своеобразном понимании воинской дисциплины в это время. Вряд ли оно привело к восстановлению уставной формы.

Наконец, восстановления дисциплины и, соответственно, соблюдения установленной формы одежды потребовал и новый Верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов в своем приказе № 691 от 24 июля. Часть приказа, в котором говорилось о «воинской вежливости» и о необходимости почтительного отношения к старшим по званию, можно было бы истолковать как весьма осторожный призыв отдавать честь. Можно с уверенностью предположить, что многих солдат-активистов разных политических взглядов этот фрагмент приказа насторожил. Приказ Корнилова гораздо более резко и определенно требовал соблюдать воинскую форму: «Необходимо добиваться, чтобы солдаты вновь приняли воинский вид, подтянулись и не допускали никаких вольностей в форме одежды. <...> Разнузданный и расхлестанный вид человека, носящего форму, будь то солдат, или офицер, позорит не только воинское звание защитника Родины, но и самый народ, сыном которого он является»⁴¹³.

Однако все эти приказы не привели к восстановлению уставной формы одежды во многих частях, прежде всего в сухопутных войсках, подчиненных командующему флотом Балтийского моря. Там они встретили открытое сопротивление, а генералов, требовавших соблюдения установленной формы одежды, солдаты обвиняли в приверженности старому строю. О распространенности подобных настроений свидетельствуют новые приказы. Приказ генерала Л.Н. Пархомова от 3 августа гласил: «До сведения моего дошло, что приказы мои о восстановлении формы одежды (№54) и об упорядочении несения караульной и внутренней службы (№58) и другие некоторыми понимаются в том смысле, будто они стремятся возратить армию к прежнему дореволюционному времени». Генерал призывал для восстановления дисциплины использовать прежде всего авторитет войсковых комитетов и требовал бороться за сознание солдат. Он также отвергал серьезное по тем временам политическое обвинение в возрождении отмененного «старорежимного» ритуала: «Что же касается отдания чести, то таковая (!) отдается ... лишь добровольно и никто не вправе требовать или уговаривать всех отдавать ее»⁴¹⁴.

Можно предположить, что на солдат, по своей воле отдававших честь старшим по званию, во многих гарнизонах смотрели косо. Военнослужащие же Корниловского полка и всевозможных ударных частей, которые подчеркнуто «лихо» приветствовали своих командиров, воспринимались как сторонники «старого режима».

Специальная комиссия, созванная начальником сухопутных войск, подчиненных командующему флотом Балтийского моря, 11 августа вновь постановила: «В городах, где разрешено ношение гражданского платья, недопустима смешанная форма одежды. Комиссия решила считать нарушение формы

⁴¹³ РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 3331.

⁴¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 44. Л. 90–90 об.

одежды офицерами и солдатами дисциплинарным проступком, подлежащим наказанию, и полагает необходимым вменить полковым и ротным комитетам в обязанность предавать нарушающих форму одежды ротным и полковым судам»⁴¹⁵. Однако и это решение не восстановило правила ношения формы.

Борьба командования за погоны, являясь частью общей программы восстановления дисциплины в вооруженных силах после Июльского кризиса, демонстрирует пределы реальной власти генералов и офицеров даже в этот период, когда многие в стране искренне верили в целебную силу «корниловского лечения» страны.

Но в это время без всяких приказов солдаты подчас снимали погоны и требовали того же от офицеров, которых именовали порой «собаками в золотых погонах», а генералов — «кровопийцами в погонах с зигзагами». В некоторых случаях «обеспогонивание» происходило при арестах неугодных офицеров солдатами, в этих случаях погоны рассматривались как признанный символ власти, которым арестант не мог обладать. Иногда же указывалось, что солдаты действуют так в знак солидарности с моряками, флот в этой ситуации выглядел «более революционным», и рассматривался солдатами как пример для подражания. Еще до большевистского переворота отказ снять погоны мог вызвать самосуд толпы, мемуаристы сообщают даже о нескольких случаях убийств на этой почве офицеров и даже воспитанника кадетского корпуса. Так, британский военный атташе отмечал, что один из полков 135-й дивизии потребовал от своего командира, чтобы он снял свои погоны в знак солидарности с Балтийским флотом. Солдаты при этом заявляли, что погоны — «знак старого режима». Полковник отказался удалить погоны и был убит⁴¹⁶.

При этом действия некоторых сторонников Временного правительства объективно поддерживали борьбу с погонами, эти представители новой власти облачались в полувоенный костюм. Известный пример в этом отношении подавал сам военный и морской министр А.Ф. Керенский, который носил френч и фуражку без каких-либо знаков различия. В этих условиях резкие слова приказов, требовавших ношения погон на военной форме, воспринимались порой как критика военного министра. Похожий, но более «демократичный» и «национальный» образ военного руководителя избрал и видный эсер Б.В. Савинков, занимавший должность управляющего военным министерством в июле — августе 1917 г. Публицист Д.В. Философов, хорошо знавший Савинкова, описал его так: «Ходит в костюме шофера защитного цвета, больших сапогах. Вид довольно прощелыжный. Керенский — тоже шофер, но из “богатого” дома. Гетры — желтой кожи. У Савинкова — черные сапоги»⁴¹⁷. Пример этот оказался заразительным — многие комиссары Временного правительства и члены всевозможных комитетов облачались во френчи без погон⁴¹⁸.

⁴¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 126. Л. 122.

⁴¹⁶ Knox A. With the Russian Army. Vol. 2. P. 623; Новое русское слово. 1954. 19 февраля; *Оглоблев Е.* Мой корпус // Кадетская переключка. 1987. № 43. С. 122.

⁴¹⁷ *Философов Д.* Дневник // Звезда. 1992. № 3. С. 153; *Половцов П.А.* Дни затмения... С. 161.

⁴¹⁸ Эту моду затем подхватили советские аппаратчики, в 20-е годы этот вид одежды именовали «вождевками», а затем — «сталинками». В коммунистическом Китае его называли «костюм Ленина». С большим основанием его можно было бы назвать «костюм Керенского».

Некоторые речи популярного и авторитетного министра Керенского также могли восприниматься как призыв к уравниванию в форме. Так, выступая 17 мая на делегатском собрании в Севастополе, он заявил: «Основное положение демократии — все равны. Для демократии не существует отличий по петличкам, а существуют только отличия категорий труда и по достоинству человека»⁴¹⁹. В этом выступлении Керенский призывал свою аудиторию прежде всего уважать офицеров, однако в атмосфере той эпохи его слова могли прочитываться и как призыв к борьбе против всех знаков различия.

На фронте, впрочем, революционный военный министр демократизировал свой образ и иногда надевал солдатскую форму с погонами рядового. Это также могло вызвать неудовольствие и у сторонников военной традиции, и у противников погон. 8 июля 1917 г., например, некто Зотов увидел фотографический портрет министра в витрине петроградского магазина, на нем Керенский был в форме рядового солдата. В негодовании Зотов назвал министра «хулиганом», за что и был арестован⁴²⁰.

Некоторые члены Временного правительства стремились не допустить появления погон в своих ведомствах. Так, меньшевик А.М. Никитин, министр внутренних дел во Временном правительстве последнего состава, считал, что форма милиции должна «отличаться как от военной формы, так и от формы бывшей полиции (отсутствие наплечных знаков, кокард, кантов и т.п.)». Предполагалось, что знаки различия милиционеров (галуны, звездочки) будут помещаться на воротнике. При этом на летней светлой форме полагались темно-синие петлицы⁴²¹. Очевидно, что и для социалиста Никитина и его сотрудников погоны были символом «старого режима». Показательно, что этот проект предвосхищал систему знаков различия, принятую позднее в советское время.

Подчас рядовые солдаты и унтер-офицеры, избранные в члены комитетов, облачались в офицерское обмундирование, но при этом снимали наплечные знаки различия — так они демонстрировали свою власть. Гражданские же депутаты нередко надевали полувоенные френчи, подобно лидеру Исполнительного комитета Кронштадтского совета инженеру-технологу А.Н. Ламанову⁴²². Некоторые же комиссары Временного правительства уже летом 1917 г. охотно использовали кожаные куртки, впрочем, их и ранее облюбовали некоторые фронтовики-офицеры. А офицер-комиссар В.Б. Станкевич, по свидетельству одного из генералов, уже в июле не носил свои погоны. На фотографии, опубликованной в одном из иллюстрированных журналов, Станкевич изображен в кожаной куртке без знаков различия⁴²³.

Выступление генерала Корнилова сопровождалось всплеском антиофицерских и антигенеральских настроений. Погоны высших чинов в этой ситуации

⁴¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.

⁴²⁰ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 16. Л. 51.

⁴²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1358. Л. 526, 534.

⁴²² Петроградская газета. 1917. 8 июня (Иллюстрированное приложение).

⁴²³ [Болдырев В.Г.] Из дневника генерала В.Г. Болдырева. С. 267; Искры. 1917. № 42. С. 331.

воспринимались как символы измены. Передовая статья газеты московских большевиков гласила: «Негодяи в генеральских погонах, распинавшиеся о родине и великой России и предавшие эту “родину“ под Ригой, нанесли новый удар рабочей и крестьянской свободе». Слух о заговорщиках в золотых погонах, намеренно сдавших Ригу врагу, использовался пропагандой радикальных социалистов. Обладатели генеральских погон обвинялись и в других преступлениях. Большевик Флеровский заявил в Кронштадтском Совете 29 августа: «Генеральские эполеты создали в армии разруху. Этому должен быть положен предел». Подобные обвинения звучали и в других Советах и комитетах. В городе Шемаха, например, солдат, председатель местного Совета солдатских и рабочих депутатов, обвинил всех генералов и вообще «носящих золотые погоны» в измене⁴²⁴. Считал ли он изменниками всех офицеров, или делал исключение для обладателей погон защитного цвета?

Стремление к уравниванию всех военнослужащих проявлялось и в требованиях полной отмены чинов. Еще 27 июня 1917 г. общее собрание учебного судна «Народовец» обратилось к Совету рабочих и солдатских депутатов Кронштадта, призывая «возбудить вопрос через Центральный комитет Балтийского флота об упразднении всех чинов флота, а платить оклад содержанием по специальностям и занимаемым должностям». 13 сентября Гельсингфорсский совет, представители ротных, полковых и судовых комитетов базы и гарнизона потребовали упразднения «всех чинов и всех привилегий в армии и флоте, отмены всех знаков отличия и пенсий, связанных с ними». Наконец, и влиятельный Центробалт, отражая решения 2-го съезда моряков флота, постановил 19 октября: «...Стремясь к скорейшему воссозданию флота на новых демократических началах, усматривая в различных чинах и орденах главный фактор разъединения в военной среде флота, постановил: производства и награды прекратить, чины и ордена упразднить. Распространить это в общегосударственном масштабе. Все вознаграждения за военный труд должны платиться за занимаемую должность, а не за чины»⁴²⁵. Подобная резолюция авторитетного комитета отражала уравнивательные настроения, охватившие значительную часть военнослужащих.

Требование «уничтожения всех сословий, чинов, орденов» содержалось и в других резолюциях, принимаемых в этот период. Они печатались в большевистских изданиях и, надо полагать, предлагались большевистскими активистами на собраниях и митингах⁴²⁶. В то же время в этих документах часто встречаются требования «полной демократизации армии», введения в армии выборного начала при назначении командиров, уравнивания солдат, офицеров и их семей в отношении пайков и пенсий⁴²⁷. Можно с уверенностью предположить,

⁴²⁴ Революционное движение в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. М., 1959. С. 504, 564; Революционное движение в русской армии... С. 413.

⁴²⁵ Голос правды. Кронштадт, 1917. 4 июля; РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 126. Л. 209 об.; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота... С. 252.

⁴²⁶ Большевизация Петроградского гарнизона... С. 274–275. Резолюция общего собрания солдат 5-го запасного пулеметного полка, принятая 8 сентября 1917 г.

⁴²⁷ Большевизация Петроградского гарнизона... С. 284, 285, 287, 289, 294 и др.

что эгалитарные требования такого рода также стимулировали борьбу с погонами. И наоборот: восприятие погон, чинов и орденов как знаков неравенства могло провоцировать борьбу за «уравнение», которая именовалась в тех условиях «демократизацией»⁴²⁸.

Антипогонные настроения продолжали проявляться и во время всевозможных антиофицерских акций. Накануне Октября на заседании комитетов и офицеров Кексгольмского полка радикально настроенный унтер-офицер угрожал офицерам: «...Не только погоны ваши полетят, но и головы». Во время же переворота обеспогонивание стало знаком пленения сторонников Временного правительства и их капитуляции. Депутат броневого автомобильного дивизиона сообщал 29 октября 1917 г.: «...При столкновении с солдатами офицеры и генералы срывали с себя погоны». «Бюллетень бюро военных комиссаров» так описывал капитуляцию юнкеров Николаевского инженерного училища: «Паника среди юнкеров. Срывают погоны и бегут». Иногда и снятие погон не помогало избежать расправы, но порой побежденные могли быстро смешаться с победителями и избежать тем самым ареста⁴²⁹.

Приход большевиков к власти нередко сопровождался расправами с носителями погон, знаки различия офицеров и юнкеров становились сувенирами и трофеями победителей и наблюдателей. В архиве американского журналиста Джона Рида, например, сохранился юнкерский погон с сорванными галунами⁴³⁰.

Однако не следует преувеличивать степень распространенности антипогонных настроений осенью 1917 г. Во многих частях российской армии сохранялись уставные знаки различия. Даже некоторые сторонники большевиков продолжали носить не только солдатские, но и офицерские погоны, хотя, по-видимому, лишь полевые погоны защитного цвета. Офицеры «большевистских» полков даже использовали авторитет своих знаков различия, отдавая приказы чужим подразделениям. Так действовали, например, офицеры упомянутого Кексгольмского полка, «сменяя» своими приказами караулы в стратегических пунктах Петрограда в октябре. Прапорщик А.Ф. Ильин-Женевский, который возглавлял отряд матросов, направленный в Москву, а затем на юг России, продолжал носить свои офицерские погоны, и это никак не мешало выполнению его обязанностей. Правда, в провинциальных городах незнакомые люди, не подозревавшие о том, что беседуют с большевистским комиссаром, предостерегали его, рекомендуя немедленно снять погоны, чтобы ... избежать ареста и расстрела⁴³¹. Само по себе это свидетельствует и о распространенности анти-

⁴²⁸ О «демократизации» и понимании «демократии» в 1917 г. см.: *Колоницкий Б.И.* Язык демократии: Проблемы «перевода» текстов эпохи революции 1917 года // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. С. 152 – 189.

⁴²⁹ *Ховрин Н.* В 1917 году во флоте... С. 69; *Дрезен А.* Петроградский гарнизон в Октябре (Материалы) // Красная летопись. 1927. № 2 (23). С. 132; Совещание полковых представителей Петроградского гарнизона // Там же. С. 223; Октябрь на фронте / Публ. И. Тоболина // Красный архив. 1927. Т. 4 (23). С. 159; Большевизация Петроградского гарнизона. С. 350.

⁴³⁰ Houghton Library, Harvard University, BMS Am 1091, № 1371.

⁴³¹ *Ильин-Женевский А.* От Февраля к захвату власти: Воспоминания о 1917 годе. Л., б.г. С. 186.

погонного движения, и о том, что среди видных большевиков не было единства по отношению к этому вопросу.

Однако красногвардейцы, прибывшие в конце 1917 г. в Харьков, были возмущены тем, что молодой офицер, командовавший их отрядом, надел свои погоны по прибытии в крупный южный город. В результате он был вынужден снять свои наплечные знаки различия. Красногвардейцы затем выяснили, что в действиях честолюбивого офицера не было никакой политической демонстрации, он лишь хотел привлечь внимание юных харьковчанок. Но показательно, что в это время командир красногвардейцев, среди которых было немало большевиков, мог еще отважиться на подобные действия⁴³².

Известный химик генерал В.Н. Ипатьев, первоначально сотрудничавший с новой властью, вспоминал, что и после Октября он некоторое время продолжал носить свои погоны. Никаких приказов об их отмене не поступало, никто не заставлял их снимать, только на улицах обладатели погон порой подвергались оскорблениям⁴³³. Стихийное антипогонное движение улицы предшествовало принятию соответствующих распоряжений новой властью.

Об отсутствии единой и четко сформулированной позиции по отношению к форме одежды в рядах большевиков свидетельствует и то обстоятельство, что в первое время новая власть по инерции использовала даже старые бюрократические формулировки. Так, по морскому ведомству еще 22 ноября издавались приказы об увольнении в отставку «с мундиром»⁴³⁴. Некоторые же сторонники нового строя считали, по-видимому, нужным использовать чины и награды для поощрения своих соратников. Так, по решению Всероссийского съезда моряков Военно-морского флота, состоявшегося в ноябре 1917 г., Ф.Ф. Раскольников и И.И. Вахрамеев были произведены в лейтенанты. Вновь произведенные офицеры благодарили делегатов: «Хотя во флоте упраздняются всякие чины и ордена, но чинами, которыми их наградила демократия в лице съезда, они будут гордиться». При этом не только мичман Раскольников, но и бывший машинный кондуктор Вахрамеев, разжалованный летом 1917 г. в машинные унтер-офицеры 1-й статьи, и ставший председателем Военно-Морского революционного комитета, вовсе не возражали против того, чтобы их именовали лейтенантами. Съезд предлагал произвести в офицерский чин и П.Е. Дыбенко, народного комиссара по морским делам, однако он отказался, заявив, что единственно возможным для себя званием он считает звание свободного гражданина Советской республики. Можно предположить, что Дыбенко прекрасно понимал, какую бурю возмущения вызовет на Балтике принятие им офицерского чина, ведь он строил свою политическую репутацию, рьяно обличая погоны, чины и ордена. Однако затем съезд произвел в контр-адмиралы капитана 1-го ранга М.В. Иванова, который согласился сотрудничать с большевиками, вошел в Военно-Морскую коллегию и занимал должность управляющего Морским министерством. Дыбенко в своих воспоминаниях не без иронии отмечал: «Это производство явилось весьма характерным для флота,

⁴³² Dune E.M. Notes of a Red Guard. Urbana; Chicago, 1993. P. 97–98.

⁴³³ Ipatieff V.N. The Life of a Chemist. P. 259.

⁴³⁴ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 376.

который со дня Февральской революции боролся против всяких чинов»⁴³⁵. Однако Дыбенко не упоминал о том, что сам он на съезде выступил инициатором производства М. Иванова в адмиральский чин, и лишь после этого был поднят вопрос о производстве в следующий чин Раскольников и Вахрамеева⁴³⁶. Постановление съезда о производстве Раскольников, Вахрамеева и М. Иванова было объявлено в приказе по морскому ведомству от 21 ноября⁴³⁷.

Вновь произведенные съездом лица, по-видимому, гордились своими чинами и в приказах они подписывались «комиссар Морского Генерального штаба лейтенант Ильин (Раскольников)», «управляющий Морским министерством контр-адмирал М. Иванов»⁴³⁸. Именно так Раскольников подписал и приказ по морскому ведомству № 33 от 28 ноября, которым С.Н. Дмитриев (Дмитриев 5-й), командующий 2-й бригадой крейсеров Балтийского моря, и А.А. Ружек, командующий отрядом заградителей Балтийского моря, производились в звание контр-адмиралов «за отличие в службе»⁴³⁹. Новая власть первоначально использовала старую систему чинов для награждения тех старших офицеров, которые соглашались с нею сотрудничать. Даже весьма радикально настроенный Военно-морской революционный комитет ходатайствовал 10 ноября перед Главным морским штабом о производстве в чин подпоручика по Адмиралтейству строевого унтер-офицера А.А. Смирнова. По морскому ведомству продолжали издаваться приказы, содержавшие списки лиц, получивших следующий чин⁴⁴⁰.

Можно предположить, что не все деятели нового строя были принципиальными противниками системы чинов. Но в последующие месяцы борьба с чинами вообще и с погонами в частности усилилась, при этом новая власть испытывала давление снизу. Так, 18 ноября общее собрание 39-го мотоциклетного отделения, дислоцированного на Волыни, приняло резолюцию: «Требуем уничтожения знаков различия между офицерами и солдатами»⁴⁴¹. Некоторые же войсковые части сами принимали соответствующие решения, не дожидаясь распоряжений центральных властей. Комитет 5-го драгунского Каргопольского полка постановил 24 ноября: «Погоны и кокарды, как офицерские, так и солдатские, снимаются сегодня же, так как армии жандармов и палачей Европы больше не существует, а есть товарищи рабочие и крестьяне, одетые в серую шинель»⁴⁴².

В различных частях и соединениях началось движение за унификацию солдатской и офицерской формы, армейские съезды принимали соответствующие решения. В связи с этим в конце ноября из Ставки была послана телеграмма, разъяс-

⁴³⁵ Дыбенко П.Е. 1) Мятежники... С. 102; 2) Из недр царского флота к Великому Октябрю... С. 197; Вахрамеев И.И. Во имя революции (Воспоминания). С. 68; РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 406. Л. 88.

⁴³⁶ РГА ВМФ. Р-29. Оп. 1. Д. 159. Л. 32.

⁴³⁷ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 345.

⁴³⁸ РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 1. Д. 2190. Л. 136, 144, 165.

⁴³⁹ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 343.

⁴⁴⁰ Военно-морской революционный комитет: Сб. документов. Л., 1975. С. 136–137.

⁴⁴¹ Революционное движение в военных округах... С. 360–361.

⁴⁴² Войсковые комитеты действующей армии... С. 437.

няющая, что «постановления съездов о форме одежды офицеров, их содержании могут быть проводимы в жизнь только по утверждению их Советом народных комиссаров, чего еще не было»⁴⁴³. Новые военные власти фактически первоначально пытались действовать так же, как и генералы и адмиралы во времена Временного правительства.

Однако центральные ведомства, контролировавшиеся большевиками, вынуждены были учитывать эгалитарные, антииерархические настроения, хотя первоначально они и пытались использовать элементы традиционной системы наград и поощрений. Приказ по морскому ведомству от 28 ноября, подписанный народным комиссаром П.Е. Дыбенко и управляющим министерством контр-адмиралом М.В. Ивановым, гласил: «Впредь до выработки новых положений о прохождении службы офицерских и воинских чинов флота и Морского ведомства всякие производства и награды временно прекратить»⁴⁴⁴.

Наконец, 30 ноября Военно-революционный комитет при Ставке разослал телеграмму с текстом «Положения о демократизации армии», в которой всем частям и учреждениям предписывалось «... впредь до разработки и утверждения положения об армии центральной властью руководствоваться перечисленными обязательными началами». Седьмым пунктом данного постановления упразднялись все офицерские и классные чины, звания и ордена. Это решение фактически делало погоны ненужными. Восьмой же пункт положения гласил: «Форма одежды для всех родов оружия устанавливается однообразная, применительно к форме одежды пехотного солдатского образца, без всяких существовавших доньше внешних отличий. Для всех родов оружия и должностей ношение погон отменяется». Лицам командного состава при исполнении служебных обязанностей предлагалось носить на рукаве повязку с соответствующей надписью. Через несколько дней, 3 декабря, был издан приказ № 11 по Петроградскому военному округу, который упразднял все военные чины и звания, сохраняя лишь наименования должностей. Отменялись и все «наружные знаки отличия», а также ордена. Указывалось, что в основе данного приказа лежало постановление Центрального Исполнительного комитета от 10 ноября. В тот же день товарищ народного комиссара по военным делам сообщал для сведения и руководства командирам соединенной русской армии о том, что отдано распоряжение о немедленной приостановке всех дел по чинопроизводству офицеров и наградным представлениям офицеров и солдат⁴⁴⁵.

Однако формулировки приказа давали возможность для различных его интерпретаций. Даже в Петрограде приказ был принят по-разному. На заседании Военного совета 7 декабря дисциплинированные, но дезориентированные старые генералы явились одетые кто во что: одни сохраняли погоны, другие

⁴⁴³ Солнцева С. А. Военная символика Февральской революции // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 70.

⁴⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 351.

⁴⁴⁵ Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена... С. 217–218; РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 128. Л. 2; Ф. 715. Оп. 1. Д. 18. Л. 212.

их сняли, наконец, прочие вообще предпочли штатское платье. Как отмечал в своем дневнике генерал В.Г. Глазов, «маскарад был полный»⁴⁴⁶.

Решающий же удар по погонам в российской армии нанес «Декрет об уравнении всех военнослужащих в правах», принятый Советом народных комиссаров 16 декабря 1917 г. Он отменял все чины и звания, связанные с ними преимущества и «наружные отличия». Затем 8 января 1918 г. приказом по флоту и морскому ведомству было объявлено «Положение о демократизации флота». Оно, в частности, гласило: «Существовавшие до сих пор названия чинов, подчеркивающие кастовые различия, упраздняются...». Отмечалось также, что «новая форма одежды, общая для всех военнослужащих моряков, должна быть выработана специальной комиссией»⁴⁴⁷.

Но с погонями боролось не только правительство большевиков. Уже 17 декабря 1917 г. приказом Войскового генерального секретаря С.В. Петлюры устанавливалась временная форма Украинской народной армии: все ее чины должны были носить походную форму российской армии, но без погон и петлиц. Возможно, данный приказ являлся реакцией на советский декрет 16 декабря — украинские социалисты желали быть не менее радикальными, чем социалисты российские, к тому же и Центральная Рада, очевидно, испытывала давление со стороны солдатских масс, отрицавших погоны. Правда, в украинской армии вводились новые должностные знаки различия в виде наруканных серебряных шевронов. Впрочем, в конце декабря руководство Центральной Рады ввело и особые погоны⁴⁴⁸.

Однако иные силы, противостоящие Совету народных комиссаров, отказывались выполнять его постановления. Штаб Главнокомандующего Румынским фронтом, например, 17 декабря разослал телеграмму следующего содержания: «Главкорум приказал подтвердить, что до опубликования Центрадой (украинской Центральной Радой. — Б.К.) положения о демократизации армии, все распоряжения о выборных начальниках и отмене внешних знаков отличия в районе фронта исполнению не подлежат». Возможно, что данный приказ имел целью приостановить и выполнение упомянутого приказа Петлюры⁴⁴⁹.

Декрет 16 декабря активизировал борьбу с погонями на территориях, контролируемых большевиками. Военный комиссар при начальнике Новохоперского гарнизона докладывал в военно-политический отдел штаба Московского военного округа 28 декабря: «Офицерские чины и знаки отличия формы уничтожены полностью»⁴⁵⁰. Однако, борьба с погонями велась весьма часто не только по приказу свыше, декрет большевиков отражал в данном случае настроения многих солдат, а иногда лишь юридически оформлял уже сложившуюся ситуацию. Антипогонное движение перекидывалась и на те территории, на которые власть Совета народных комиссаров не распространялась. Так, на территории Грузии, контролировавшейся меньшевиками, в формирующихся

⁴⁴⁶ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 24. Л. 28.

⁴⁴⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 242–243. Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918). Л., 1968. С. 70–71.

⁴⁴⁸ Дерябин А. Гражданская война в России, 1917–1922: Национальные армии. М., 1998. С. 22.

⁴⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 133. Л. 285.

⁴⁵⁰ Революционное движение в военных округах... С. 412.

грузинских войсках солдаты начали сдирать погоны со своих офицеров. Очевидцы передавали, что даже на центральных улицах Тифлиса они видели кипы отобранных погон. Показательно, что грузинские офицеры воспринимали это антипогонное движение грузинских солдат как проявление «большевизма», хотя нет никаких доказательств, что причиной их действий была какая-либо партийная агитация. Эсцессы приняли такую форму, что 3 февраля 1918 г. был отдан особый приказ по Кавказскому фронту о снятии погон впредь до установления новой формы. Лишь в конце мая был отдан новый приказ, возобновляющий ношение офицерами погон. Однако с самого начала в меньшевистской Народной гвардии (созданной на базе Красной гвардии), а затем и в грузинской армии отменялись чины, а командный состав именовался по должностям. В армии знаки различия должностей также помещались на рукавах, а в Народной гвардии их не было вовсе⁴⁵¹.

Некоторые же командиры Красного флота, пытаясь укрепить свой авторитет в новой политической ситуации, начинали даже носить форму рядовых матросов⁴⁵².

Однако во флоте различные «республиканские» знаки различия командного состава все же довольно долго не исчезали. В июле 1918 г. Пятый съезд моряков Балтийского флота принял даже специальную резолюцию, один из пунктов которой гласил: «Не носить на рукавах, а также на груди разных нашивок и знаков, кроме своей специальности (обязателен этот пункт как для лиц из командного состава, так и учащихся в разных учебных заведениях морского ведомства)». Но некоторые флотские командиры продолжали носить какие-то знаки различия, по крайней мере, это имело место и осенью 1918 г.: 30 октября общее собрание морской секции и моряков коммунистов 2-го Городского района Петрограда постановило: «Временно оставить для моряков старую форму, а командному составу предписать немедленно снять всякие отличия: нашивки с рукавов, кокарды и пуговицы с орлами, а заставить носить одинаковую форму наравне со всеми моряками Красного флота»⁴⁵³.

Многие сторонники большевиков любые попытки сохранения, либо введения каких-либо знаков различия воспринимали как первый шаг на пути восстановления ненавистных им погон, а значит, и начало возрождения «старого режима». Но если в Красной Армии уже в конце 1918 г. предпринимались попытки ввести нарукавные знаки различия командного состава (в Красном Флоте они в это время искоренялись), то погоны воспринимались как явный «старорежимный» символ. И это было характерно не только для большевиков и их сторонников.

В лагере противников Совета народных комиссаров порой также проявлялись подобные настроения. Командование Народной армии Самарского комитета членов Учредительного собрания в июле отдало специальный приказ, который гласил: «...Ношение военнослужащими... каких-либо отличий прежней военной

⁴⁵¹ *Дерябин А.* Гражданская война в России... С. 26, 36–40; *Квинтадзе Г.И.* Мои воспоминания... С. 45.

⁴⁵² *Граф Г.К.* На «Новике»... С. 418.

⁴⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р. 402. Оп. 2. Д. 406. Л. 26; Моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 – декабрь 1918). Л., 1968. С. 276.

формы, например кокарды, погон и т.д., кроме тех казачьих частей, где это допущено, — воспрещается под строгой ответственностью». Отношение к погонам становилось одним из факторов, раскалывающих фронт противников большевиков. Так, различие формы одежды закладывало возможность конфликтов между оренбургскими и уральскими казаками, которые сохраняли верность старой форме с погонями, и прочими военнослужащими. Для солдат и офицеров Народной армии знаками различия стали нашивки в виде щитка на рукаве, к нему прикреплялись галуны и звезды, обозначающие звание. На защитных рубашках, впрочем, имелись узкие погоны, одинакового вида для всех чинов и войск, с гладкими металлическими номерами частей. Военнослужащие Сибирской армии и войск Северной области также носили не погоны, а особые знаки различия. Не носили погон и солдаты Чехословацкого корпуса, представлявшего первоначально основу антибольшевистских сил на Востоке. Соответствующий приказ по корпусу был отдан еще 30 декабря 1917 г., в том же месяце, когда и Совнарком, и Центральная Рада отменили погоны. Показательно, что в декабре были отменены погоны и в 1-м Польском корпусе русской армии. Можно предположить, что командование Чехословацкого корпуса, который Временное правительство ранее пыталось противопоставлять и большевикам, и Центральной Раде, опасалось обвинений в контрреволюционности. С этого момента знаки различия военнослужащих Чехословацкого корпуса и стали помещаться на нарукавной нашивке в виде щитка. Деятели Самарского комитета членов Учредительного собрания ориентировались на «чехословацкую» форму, а консервативно настроенные русские генералы отмечали «большевистский» вид чехословацких солдат, отказавшихся от погон. Группа же морских офицеров Народной армии придумала для себя новую форму: они носили на защитных погонах черные нашивки, установленные Временным правительством для летней морской офицерской формы, напоминая царских унтер-офицеров. Форма Народной армии вызывала немало иронических комментариев со стороны старых кадровых офицеров консервативных взглядов: «Без погон, со щитком наподобие чешского на правом рукаве, почему-то с георгиевской ленточкой вместо кокарды на фуражке. Вид полутоварищеский». И напротив, социалисты-революционеры, противостоящие большевикам, в своей пропаганде атаковали своих консервативных союзников, ставших впоследствии после переворота Колчака в ноябре 1918 г. противниками. Эсеры нередко утверждали, что офицеры — реакционеры, что они восстановили погоны, что под этим видом снова готовится реакция или контрреволюция. Обвинения такого рода крайне нервировали офицеров, придерживавшихся различных политических взглядов. После поражений Народной армии антибольшевистские силы на Востоке пытались объединиться. 23 сентября 1918 г. была создана Уфимская директория, общая политическая линия которой была более консервативной, это проявлялось и в символике, и в репрезентации видных деятелей режима. «Поправение» политического курса нашло отражение и в форме одежды.

Некоторые эсеры, похоже, не возражали против возрождения погон и ввели их во вновь создаваемой полиции. 2 октября генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, главнокомандующий войсками директории, отдал следующий приказ: «Военно-

служащим носить исключительно присвоенную им во время войны походную боевую и доньше не отмененную никакою законною Всероссийскою властью форму, погоны защитного цвета с установленными отличиями чинов и с шифровкой части. <...> Нарукавные отличия отменяю»⁴⁵⁴. Приказ, впрочем, не означал полного восстановления формы одежды, отмененной большевиками: в нем, как видим, говорилось только о погонах защитного цвета, очевидно, что не все участники антибольшевистской коалиции были готовы согласиться с введением золотых и серебряных погон.

Но вопрос о погонах возникал вновь и вновь: адмирал Колчак стал носить погоны, став военным и морским министром «Директории» Временного Всероссийского правительства 4 ноября 1918 г. (возможно, это были наплечные знаки, установленные в 1917 г. для летней формы)⁴⁵⁵. Когда же Колчак стал Верховным правителем, были восстановлены погоны для моряков, появились и адмиральские погоны нового образца, соответствующий приказ был издан 6 декабря 1918 г., орлы на них отличались по форме от орлов дореволюционных адмиральских погон — они были лишены корон, скипетра и державы (отличались они и от орла на печати Временного правительства). Такие погоны носил и сам Колчак. Создавались и наплечные знаки различия для новых частей, так 25-й Екатеринбургский адмирала Колчака полк горных стрелков имел на погонах вензеля Верховного правителя и изображение двуглавого орла, соответствующий приказ появился в январе 1919 г.⁴⁵⁶

Подобные преобразования формы одежды явно отличали военнослужащих армии Колчака от их бывших союзников по антибольшевистской армии. Для пропаганды многих сибирских эсеров «погон российский» адмирала был знаком восстановления «старого режима». Войска же колчаковской армии, поднимавшие восстания против Верховного правителя под руководством партии социалистов-революционеров, нередко снимали свои погоны. Это произошло, например, в начале 1920 г. в Иркутске⁴⁵⁷.

Против погон и в особенности против золотых погон русского образца выступали власти новых государственных образований, возникших после 1917 г. на территории бывшей Российской империи. Для общественного мнения этих молодых стран золотые погоны являлись одним из символов ненавистной империи. В некоторых вновь создаваемых армиях вводились знаки различия на воротниках и шевроны на рукавах, исключением была азербайджанская армия, офицеры которой носили погоны русского образца. Некоторые же русские политические и военные деятели, пытавшиеся выступить в роли «третьей силы»,

⁴⁵⁴ Держбин А. 1) Народная армия Комуча. 1918 г. // Цейхгауз. 1994. № 1 (3). С. 34; 2) Гражданская война в России... С. 28–30; 3) Гражданская война в России, 1917–1922: Белые армии. М., 1999. С. 5–6; Сахаров К.В. Белая Сибирь... С. 7, 10, 17, 22, 26, 35, 85, 221, 228; Лейтенант М. Война на Волге. С. 291; Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе-феврале 1920 г. // Архив русской революции. Берлин, 1923. (Репринт. изд. 1991). Т. X. С. 285–286.

⁴⁵⁵ Каревский А. Униформологический портрет адмирала А.В.Колчака. http://kolchakiya.narod.ru/uniformology/Kolchak_portrait.htm Просмотрено 28 августа 2011 г.

⁴⁵⁶ Буяков А., Крицкий Н., Кузнецов Н. Адмиральские погоны А.В. Колчака // Цейхгауз. 2002. №17 (1). С. 34–35; http://kolchakiya.narod.ru/uniformology/25_Ekater_reg.htm Просмотрено 28 августа 2011 г.

⁴⁵⁷ Сахаров К.В. Белая Сибирь... С. 204.

также выступали против погон и создавали иные знаки различия. Так, на разных этапах различным было отношение к погонам в армии С.Н. Булак-Булаховича, также создававшего образ «народного генерала». Здесь также были введены знаки различия на воротнике⁴⁵⁸. Тем самым молчаливо признавалось одно из важных символических изменений, осуществленных большевиками.

Погоны рассматривались как знак «старого режима» и многими противниками красных. Иногда при этом они действовали, руководствуясь тактическими соображениями, учитывая общественное мнение на тех территориях, где они оперировали.

Член Чрезвычайной следственной комиссии, А.Н. Алексеевский, допрашивавшей адмирала Колчака в начале 1920 г., счел нужным специально коснуться вопроса о погонах: «Этот вопрос, очень пустяшный, у нас в русской действительности сделался большим вопросом». Соответственно, борьба за погоны воспринималась им как нечто иррациональное: «Конечно, вы впоследствии должны были действовать как политик: если в солдатской массе есть настроение против погон, то сделать уступку». Однако для кадровых военных этот вопрос никогда не был «пустяшным». Колчак так ответил на вопрос о его отношении к погонам: «Я лично относился положительно, мотивируя это тем, что это есть чисто русское отличие, нигде за границей не существующее. Я считал, что армия наша, когда была в погонах, дралась, когда армия повернула свой дух, когда она сняла погоны, это было связано с периодом величайшего развала и позора. Я лично считал: какие основания для того, чтобы снимать погоны?»⁴⁵⁹. И Колчак, и его единомышленники считали погоны символом той России, за которую они боролись, для них тактические уступки в этом вопросе были недопустимы. Для многих же беженцев, покидавших территории, контролировавшиеся большевиками, вид золотых погон был свидетельством удивительного перемещения в иной политический мир. Писательница Тэффи вспоминала картину, поразившую ее в 1918 г. в Киеве: «И вдруг чудная, невиданная картина, точно сон о забытой жизни, — такая невероятная, радостная и даже страшная: в дверях кондитерской стоял офицер с золотыми погонами на плечах и ел пирожное! Офицер, с по-го-на-ми на плечах!»⁴⁶⁰.

Образ белогвардейского офицера со «старорежимными» золотыми погонами играл большую роль в большевистской пропаганде эпохи Гражданской войны. Но и многие оппоненты красных рассматривали погоны как символ, враждебный революции. Для анархистов же погоны символизировали ненавистную им власть государства. Автор анархистского обращения, опубликованного в марте 1918 г., писал: «В основе властной организации — самоподчинение, или тирания; в том и другом случае власть чужда мне: она стоит надо мною и своим большинством или своею силою решает за меня. Символ ее — чиновник с помятыми погонами»⁴⁶¹.

⁴⁵⁸ Дерябин А. Гражданская война в России, 1917–1922: Национальные армии... С. 12.

⁴⁵⁹ Протоколы допроса адмирала Колчака... С. 286.

⁴⁶⁰ Тэффи. Ностальгия: Рассказы; Воспоминания. С. 329.

⁴⁶¹ Анархисты: Документы и материалы (1883–1935 гг.). М., 1999. Т. 2. (1917–1935 гг.). С. 129.

Во время же Кронштадтского мятежа образ врага с золотыми погонами использовали обе противостоящие стороны. Обращение большевистски настроенных моряков, адресованное кронштадтцам, гласило: «Почему теперь на “Петропавловске”, на корабле, имя которого вся буржуазия и золотопогонники не могли произносить без трепета, теперь на нем восседает царский генерал?». Эта тема получила развитие в обращении Г.Е. Зиновьева и М.Н. Тухачевского к красноармейцам 7-й армии: «Прибытие царских золотопогонников окончательно отрезвит кронштадтцев, и они вернутся с раскаянием под трудовое красное знамя Советской Республики». Газета же мятежных кронштадтцев предлагала убедиться, что в крепости нет ни генералов, ни ненавистных революционерам эполет. Деятели же правящего советского режима в пропаганде мятежников заняли место рядом с традиционным врагом: «Долой мародеров коммунистического строя и царских золотопогонников»⁴⁶².

Показателен и рапорт осведомителя особого отдела о поведении некоего красноармейца в феврале 1921 года. Последнему были приписаны следующие слова: «Я носил золотые погоны и боролся за них, и буду носить, и буду до тех пор бороться, пока не надену опять погоны»⁴⁶³. Весьма вероятно, что это утверждение было плодом творчества доносчика, но показательно, что, по его представлениям, именно так должен был говорить враг большевистского режима.

Погоны становятся знаком «белых». Символическая борьба с погонами проявляется и в садистских действиях, нередких в условиях гражданской войны: если пленным комиссарам белые подчас вырезали на коже звезды, то красноармейцы и красные партизаны прибывали пленным офицерам погоны к плечам гвоздями⁴⁶⁴. Слово «золотопогонник» стало в советских кругах ругательным, а хранение старых регалий могло стать причиной ареста. Лишь в 1943 г. И.В. Сталин пошел на своеобразную символическую реставрацию знаков различия и ввел погоны.

В 1917 г. можно выделить два взаимно связанных процесса. Многие военные стремились использовать элементы гражданского платья. В разных случаях это демонстративное нарушение формы одежды могло расшифровываться по-разному. В некоторых ситуациях за этим стояло желание сохранить индивидуальность, протест против нивелирующего характера военной формы. Порой же действия такого рода были и своеобразной антимилитаристской демонстрацией. Но в то же время многие штатские стремились военизировать свой костюм, это проявилось уже во время Февраля. Эта тенденция проявлялась даже в женской моде. В районе морских баз девушки облачались в матросские форменки, а в Петрограде можно было видеть дам в сапогах-ботфортах,

⁴⁶² Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы в двух книгах. М., 1999. Кн.1. С. 262, 278, 439; Известия Временного революционного комитета матросов, солдат и рабочих города Кронштадта. 1921. 16 марта.

⁴⁶³ Кронштадтская трагедия... Кн. 1. С. 108.

⁴⁶⁴ Белыми был найден труп лейтенанта Моисеева, офицера полка Андреевского флага. Лейтенантские погоны были прибиты к его плечам шестью большими гвоздями, по одному над каждой звездочкой погон. *Кадесников Н.З.* Краткий очерк Белой Борьбы... С. 43. О призывах агитаторов прибить погоны офицерам гвоздями см.: *Сахаров К.В.* Белая Сибирь... С. 59.

брюках галифе, наряженных в гимнастерки и в фуражках. Некоторые активисты заводских комитетов Кронштадта щеголяли на торжественных церемониях в матросских бескозырках, различные элементы военной формы использовали и многие красногвардейцы⁴⁶⁵.

Полувоенные френчи и кителя становились «формой» представителей «комитетского класса» вне зависимости от их политической ориентации. Сочетание гражданской одежды и военного обмундирования становилось все более распространенным в условиях возрастающего дефицита и становилось своеобразной «формой гражданской войны» и у большевиков, и у многих их противников.

5. Революция: отражение в ономастике

По-особому процесс «символизации» революции проявился и в русской ономастике. Разумеется, переименовывались учреждения, названия которых в новой ситуации звучали «старорежимно». Так, уже 15 марта Временное правительство приняло решение о переименовании Императорской Публичной библиотеки в Национальную библиотеку. Романовский комитет стал Комитетом попечения о беспризорных детях, а Императорская Академия наук — Российской Академией наук⁴⁶⁶.

Грандиозную топонимическую революцию большевиков предвворяли первые эксперименты по уничтожению монархических названий городских улиц и площадей. Уже 3 марта Городская дума Екатеринослава постановила назвать центральную городскую площадь именем председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, своего земляка⁴⁶⁷.

8 марта на заседании Петроградской городской думы было предложено устранить названия улиц, звучащих монархически, и присвоить им наименования, напоминающие «о великих днях свободы». Так, Николаевскую улицу предлагалось переименовать в улицу 27 февраля, Дворцовый мост — в Мост Свободы. Предложение о переименовании Дворцового моста в Мост Свободы нашло поддержку и в Художественном совещании при комиссаре Министерства двора, которое выступило также за проведение нового конкурса проектов украшения моста. К 8 апреля городская управа составила список переименований. «Монархические» названия должны были меняться в соответствии с общей идеологией революции: Улица Братства (Михайловская), улица Об-

⁴⁶⁵ Дыбенко П.Е. Мятеежники... С. 29, 42; ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, альбом № 44262, снимок № 57.

⁴⁶⁶ Авдеев Н. Революция 1917 года... Т. 1. С. 97; Романовский С.И. Наука под гнетом российской истории. СПб., 1999. С. 134.

⁴⁶⁷ Русский инвалид. 1917. 8 марта. На площади предполагалось установить памятник Освобождения, центральным его элементом должна была стать фигура Родзянко. Мраморное изображение Родзянко планировалось установить и в зале Городской думы Екатеринослава.

новления (Алексеевская), Набережная Свободы (Дворцовая), площадь 27 февраля (Дворцовая), Народный парк (Александровский) и др.⁴⁶⁸.

К проектам переименований относились, разумеется, по-разному. Известный публицист В.В. Водовозов, пользовавшийся немалым авторитетом в среде радикальной интеллигенции, решительно выступил против них, он призвал «не тратить времени и денег на пустяки»⁴⁶⁹. Однако в сложившихся обстоятельствах далеко не все противники переименований могли открыто обнародовать свою позицию.

Волна переименований охватила и провинцию. Воронежская городская дума 24 марта рассматривала вопрос о «памятниках династии Романовых». Было доложено предложение городской управы о переименовании Романовской улицы в Костомаровскую, в честь знаменитого историка, уроженца Воронежской губернии. Однако Городская дума высказалась в пользу иного названия — улица Свободы, предпочитая название, более соответствующее политической идеологии Февраля⁴⁷⁰. В Кременчуге Городская дума и общественный комитет постановили именовать Екатерининскую улицу проспектом Революции (интересно, что при этом повышался статус городской магистрали), Алексеевскую — улицей Шевченко, Столыпинскую — улицей Иоллоса. В Ярославле предполагалось дать имя «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской общественному парку. В городе Гуляй-Поле Ярморочная площадь была переименована в Площадь Жертв Революции. Центральные площади многих городов получили имя Площадь Свободы (Калуга, Баку и др.). Губернаторские и генерал-губернаторские резиденции, занимавшиеся во время революции различными организациями, переименовывались в Дворцы Свободы, Дома Свободы. Некоторые губернаторские дворцы, ставшие Домами Свободы, сохранили свое новое название даже на территориях, которые во время Гражданской войны контролировались белыми⁴⁷¹. В Омске же Совет рабочих и военных депутатов избрал в качестве своей резиденции бывший дворец генерал-губернатора, который был переименован в Дом республики. В некоторых случаях занятые здания, как видим, лишались «монархического» статуса «дворца». Но в других случаях он сохранялся, это поднимало статус соответствующих организаций, помещавшихся в традиционных правительственных резиденциях. Само слово «дворец» ассоциировалось с центром власти. Официальные адреса некоторых Советов звучали так: «Тверь, Дворец, бюро Совета рабочих депутатов», «Город Тифлис, дворец»⁴⁷².

⁴⁶⁸ Известия Петроградской городской думы. 1917. № 3–4. С. 156–157; № 5–6. С. 221; Русская воля. 1917. 22 марта; РГИА. Ф. 794. Оп. 1. Д. 35. Л. 8.

⁴⁶⁹ День. Пг., 1917. 11 марта.

⁴⁷⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 8. Л. 62.

⁴⁷¹ Русское слово. 1917. 30 апреля; Рабочая газета. 1917. 14 марта; Брешко-Брешковская Е. 1917-ый год // Новый журнал. 1954. Т. XXXVIII. С. 199; Махно Н. Воспоминания. М., 1992. С. 33; Протоколы допроса адмирала Колчака... С. 289.

⁴⁷² Революционное движение в России после свержения самодержавия... С. 205, 346; Сеф С. Е. Революция 1917 года в Закавказье... С. 131.

После Февральской революции сменили свои имена и некоторые населенные пункты. Имя недавно возникшего города Романов-на-Мурмане, официальная церемония закладки которого состоялось лишь 21 сентября 1916 г., выглядело в новых условиях явно монархическим. Приказом морского министра по Управлению Беломорско-Мурманским районом № 65 от 26 марта он был переименован в Мурманск⁴⁷³.

13 апреля Министерство внутренних дел высказало предположение о возвращении городу Алексеевск наименования Суражевск, по имени того селения, на месте которого возник город — старую идеологему заменяли идеологически нейтральным названием. Однако уже 10 апреля Городская дума должна была на своем первом заседании рассмотреть вопрос о переименовании города и некоторых улиц с «монархическими» названиями. Для города было выбрано имя, соответствующее идеологии Февраля, и уже к концу месяца он получил новое имя — Свободный⁴⁷⁴.

В апреле в Министерство юстиции поступила телеграмма из Томской губернии, адресованная министру «гражданину Керенскому». В ней сообщалось, что Сергиево-Михайловское волостное народное собрание единогласно постановило упразднить название волости, «данное в честь великого князя из ненавистного дома Романовых». Министру сообщалось: «...Собрание ... решило назвать волость Вашим, лучший гражданин свободной России, именем. Да будет память о Вас, неутомимом борце за свободу униженных и оскорбленных, за землю и волю, священной не только для граждан отныне Керенской волости, но и для каждого гражданина свободной Российской демократической республики. Горячее наше спасибо Вам за все сделанное. Да здравствует на многие лета, гражданин Керенский!». Вряд ли все население волости активно поддержало данное решение. Скорее оно отражало позицию группы местных активистов. Показательно, что для них имя популярного политика превращалось в символ нового строя. Интересна и реакция самого Керенского — подобное прославление его личности не вызвало протестов с его стороны, и, более того, на телеграмме имеется его краткая резолюция: «Благодарить». Официальный же ответ от имени министра, посланный 13 апреля уже Керенскому волостному собранию, гласил: «Благодарю за приветствие и оказанное мне внимание»⁴⁷⁵.

Имели место и неформальные переименования, Царское Село сохраняло еще в это время старое «монархическое» название, однако в разговорах его стали именовать Солдатским Селом⁴⁷⁶. Подобное табуирование монархической

⁴⁷³ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере... С. 357; РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 359. — Мурманские историки полагают, что переименование произошло вследствие «представления» Мурманского совета. См. об этом: *Киселев А.А., Климов Ю.Н.* Мурман в дни революции и Гражданской войны. Мурманск, 1977. С. 29.

⁴⁷⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 39. Л. 2; Амурское эхо. 1917. 12, 30 апр.

⁴⁷⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 538. Д. 177. Л. 49–51.

⁴⁷⁶ *Чеботарева В.* В Дворцовом лазарете в Царском Селе (Дневник: 14 июля 1915 — 5 января 1918) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1991. Кн. 182. С. 205.

топонимики на бытовом уровне свидетельствовало о крайней политизации общественного сознания.

Антимонархические переименования революционного времени дали повод для всевозможных шуток: «Ну возьмете вы Царьград... А дальше что? — А мы его того... в Респуббликоград переименуем»⁴⁷⁷.

Встал вопрос и о названии ряда островов. На своем заседании 9 мая Временное правительство постановило предоставить министру иностранных дел право передать вопрос о переименовании Земель императора Николая II и Острова цесаревича Алексея на предмет заключения Географического общества. Следовало выбрать имена, «более отвечающие современному положению России»⁴⁷⁸.

Переименовывались и военно-учебные заведения (соответствующий приказ был издан 22 апреля). Например, Киевское великого князя Константина Константиновича военное училище стало просто Киевским военным училищем. 24 апреля Пажеский корпус был переименован в Петроградский кадетский корпус (приказы военного министра №№ 234, 235). Эти приказы подписал еще А.И. Гучков, а новый военный министр А.Ф. Керенский отдал приказ о присвоении роте Дворцовых гренадер нового имени Георгиевской гренадерской роты (приказ № 311).

Пожалуй, особо интенсивно после Февраля происходил процесс переименования военных кораблей, очевидно, это объяснялось и большим радикализмом матросов, и изрядным количеством «монархических» названий военных судов. Революционные моряки считали невозможным для себя постоянно носить на своих бескозырках ленты с именами, напоминающими о «проклятом прошлом». Неудивительно, что с началом революции матросы начали снимать подобные ленточки и без всяких приказов.

По-видимому, первым кораблем, сменившим название, стало госпитальное судно «Император Николай II», этот пароход принадлежал ранее Русскому Восточно-Азиатскому пароходству. В справочниках указывается, что переименование состоялось уже 2 марта, однако более вероятно, что это произошло позднее. Возможно, инициатором смены названия была команда корабля, а новое имя предложили революционные организации Гельсингфорса. Очевидно, острая реакция моряков объясняется и тем, что в военный флот корабль с «монархическим» названием был зачислен буквально накануне революции: соответствующий приказ датирован 22 февраля. Исполнительный комитет Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих 7 марта обратился к командующему Балтийским флотом с просьбой о переименовании корабля. По-видимому, командующий ее поддержал. Однако к этому времени команда изменила свое мнение, возможно, новое название

⁴⁷⁷ Яичница всмятку, или Несерьезно о серьезном: Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году. М., 1992. С. 211. См. также: С. 57, 111. Ср. отношение к столице русской революции у части интеллигенции: «Немцы идут походом на Чертоград, в котором пресловутый Ленин проповедует свою вредную чепуху», — записал в своем дневнике 17 апреля учитель С.П. Каблуков. См.: ОР РНБ. Ф. 322. Оп.1. Д. 44. Л. 294.

⁴⁷⁸ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 2. Л. 37–44об.

«Товарищ» воспринималось как излишне «партийное». Главный доктор госпитального судна 20 марта направил в Исполком Совета протокол судового комитета от 16 марта, который ходатайствовал о предоставлении кораблю имени «Гражданин» взамен предложенного Исполкомом названия «Товарищ». Исполком предоставил судовому комитету право обратиться с собственным ходатайством к командованию флота, но к этому времени судьба судна была уже решена. Приказом по Морскому министерству от 15 марта корабль был зачислен в состав госпитальных судов Балтийского моря с присвоением ему нового наименования «Товарищ». Интересно, что в тексте приказа первоначально было вписано другое имя — «Врач». Переориентация на более «революционное» имя произошло, возможно, из-за опасения возможной реакции Гельсингфорсского совета, уже фактически переименовавшего судно⁴⁷⁹.

Смена названий в 1917 г. провоцировалась и более ранней «ономастической контрреволюцией»: корабли, активно участвовавшие в событиях Первой российской революции, царское правительство лишало названий, «опозоренных» мятежами: броненосец «Князь Потемкин-Таврический» стал тогда «Пантелеймоном», крейсер «Очаков» — «Кагулом», «Память Азова» — «Двиной». Приказом по Морскому министерству от 31 марта этим судам возвращались старые названия, которые воспринимались в новой ситуации как революционные. Некоторое исключение было сделано для знаменитого броненосца: титул «князь» звучал «старорежимно» и корабль стал именоваться «Потемкин-Таврический». Тем же приказом линейному кораблю с явно монархическим названием «Цесаревич» присваивалось наименование «Гражданин»⁴⁸⁰. Однако, очевидно, Морское министерство лишь следовало за более радикальной политикой командующего Балтийским флотом, испытывавшего, в свою очередь, сильное давление со стороны Гельсингфорсского совета и команд кораблей. Уже приказ адмирала А.С. Максимова от 29 марта за № 75 гласил: «Объявляю, что учебному судну “Двина” возвращается прежнее наименование “Память Азова”, а линейный корабль “Цесаревич” наименовывается “Гражданин”». Впрочем, приказ о возвращении старого названия учебному судну «Двина», входившему в состав дивизии подводных лодок, поступил еще 28 марта⁴⁸¹. Движение моряков, поддержанное комитетами и Советом, вынудило сначала командующего флотом, а затем и Морское министерство приступить к переименованию кораблей.

Однако моряки самого известного революционного броненосца были недовольны возвращением старого имени «Потемкин-Таврический». Еще 9 марта судовой комитет корабля «Пантелеймон» сообщал в Севастопольский совет, что вся команда высказалась за присвоение кораблю имени «Борец за свободу». Желание получить это имя было столь велико, что моряки просили срочно

⁴⁷⁹ Корабли и вспомогательные суда... С. 146; Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 14, 28 марта; РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 30.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 101.

⁴⁸¹ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1328. Л. 110 об.; Ф. 507. Оп. 1. Д. 71. Л. 7.

поставить вопрос о заказе новых лент с этим названием, с тем чтобы с получением распоряжения этого названия «...можно было бы немедленно их и надеть на фуражки»⁴⁸². По-видимому, матросы «Потемкина» отказались носить имя фаворита Екатерины II, оно также воспринималось как символ позорного монархического прошлого.

К этому времени и другие корабли поставили вопрос о смене названий. Уже 21 марта судовой комитет линейного корабля «Император Павел I» Балтийского флота постановил просить командира корабля и Исполнительный комитет Гельсингфорсского совета о переименовании корабля. По свидетельству мемуариста, этому обращению предшествовало общее собрание команды линкора. Вопрос о новом названии корабля вызвал долгие споры, в конце концов большинство высказалась за то, чтобы присвоить линкору название «Республика». Показательно, что с подобной просьбой комитет судна обращался не только к командованию, но и в местный Совет, который, соответственно, рассматривался как полномочный орган власти. Подобную же тактику избрал и судовой комитет линейного корабля Черноморского флота «Императрица Екатерина Великая» («Императрица Екатерина II»), который 11 апреля обратился в Севастопольский совет с просьбой о содействии в скорейшем переименовании корабля в «Свободную Россию», ввиду «... настоятельных на то требований экипажа». 16 апреля последовал новый приказ по Морскому министерству о переименовании линейных кораблей: новейший дредноут «Император Александр III», который находился еще на верфях Николаева, стал называться «Волей», броненосец «Император Николай I» — «Демократией», «Император Павел I» — «Республикой», «Императрица Екатерина II» — «Свободной Россией»⁴⁸³. Министерство пошло навстречу инициативам команд кораблей. Можно предположить, что в некоторых случаях новые названия соответствовали и партийным пристрастиям части экипажа. Так, председатель судового комитета линкора «Воля» в начале июля, обращаясь к представителям партии социалистов-революционеров, заявил, что лозунги их партии особенно близки их кораблю, т.к. он носит имя «Воля»⁴⁸⁴.

Вице-адмирал А.В. Колчак, находившийся во время издания приказа в Петрограде, в тот же день направил поздравительную телеграмму наиболее мощному в то время кораблю Черноморского флота, приказав включить свое поздравление в приказ по флоту. Его послание гласило: «Морской министр согласился на переименование линейного корабля “Императрица Екатерина” на наименование “Свободная Россия”. Морской министр приветствует и шлет пожелания лучшему кораблю Черноморского флота, принявшему ныне великое имя Свободной родины нашей, и выражает уверенность, что корабль своей служебной деятельностью оправдает высокое имя, которое он с гордостью

⁴⁸² РГА ВМФ, Ф. 181. Оп. 1. Д. 43. Л. 86.

⁴⁸³ Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 28 марта; *Ховрин Н.А.* Балтийцы идут на штурм. С. 64; РГА ВМФ, Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 184; Ф. 181. Оп. 1. Д. 43. Л. 108; *Гречанюк Н.М., Попов П.И.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957. С. 34.

⁴⁸⁴ Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 6 июля.

удержит на славу и величие свободной России. Со своей стороны шлю свой сердечный привет и поздравления своему флагманскому кораблю»⁴⁸⁵. Командующий Черноморским флотом проявил изрядную тактическую гибкость: переименования кораблей, ставшие следствием инициатив команд и комитетов, он сразу же использовал для патриотической и милитаристской пропаганды. Колчак пытался тем самым укрепить дисциплину во флоте, поднять авторитет Морского министерства и свой собственный.

В сложившихся условиях команда «Пантелеймона» чувствовала себя особенно обойденной. Она направила новое яркое послание в Севастопольский совет: «В настоящее время, когда крейсер “Кагул” и линейный корабль “Екатерина Великая” получили свое просимое (“Кагул” — “Очаков”, “Екатерина” — “Свободная Россия”), мы, пантелеймоновцы, получили совершенно нами нежеланное и непросимое — “Потемкин”. Протестуем против этого дара и заявляем, что мы не расстанемся с нашим дорогим “Пантелеймоном” до тех пор, пока высшая власть не даст нам просимого названия “Борец за свободу”, ибо “Пантелеймон” в настоящую войну имеет великие боевые заслуги и может уступить только [в] заслуге нашему брату 1905 года, но не “Потемкину”. Поэтому обращаемся в Центральный Исполнительный комитет с просьбой — довести до сведения об изложенном товарища морского министра о непризнании нами “Потемкина” и крайнем желании наименовать линейный корабль “Пантелеймон” только [в] “Борца за свободу”, что просим осуществить в возможно кратчайший срок»⁴⁸⁶.

Само появление такого документа свидетельствует об особом понимании дисциплины в период двоевластия, показательно, что моряки и в этом случае обращались в Севастопольский совет, который должен был представлять их интересы. И в этом случае Морское министерство пошло навстречу команде корабля и Совету, и уже 28 апреля 1917 г. броненосец получил название «Борец за свободу». Тем же приказом посылное судно «Император Александр I» было переименовано в «Республиканец»⁴⁸⁷.

В том же месяце транспорт Черноморского флота «Император Николай I» был переименован в «Вече». Новое имя должно было напоминать о республиканской традиции древнего Новгорода. Поменяли свои названия и два вооруженных парохода флотилии Чудского озера: в соответствии с приказом главнокомандующего армиями Северного фронта и флота Балтийского моря от 23 апреля пароход «Император» стал «Президентом», а «Цесаревич Алексей» — «Республиканцем». Возможно, в данном случае инициатива переименования исходила от командования какого-то уровня: за президентскую республику в это время левые группировки не выступали. Правда, в военном флоте вскоре появилось уже несколько «Республиканцев», и в соответствии с приказом от 22 июля корабль стал называться «Народником»⁴⁸⁸.

⁴⁸⁵ РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 1479.

⁴⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 43. Л. 144.

⁴⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 243.

⁴⁸⁸ Корабли и вспомогательные суда... С. 300–301; РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 114. Л. 15, 163.

В мае последовали новые приказы по Морскому министерству о переименованиях кораблей. Посыльное судно «Император Николай I» 5 мая стало «Авиатором». 8 мая учебное судно «Рында» было названо «Освободителем» (с переводом в класс посыльных судов), а ледокол «Царь Михаил Федорович» стал «Волынцем» (запасной батальон Гвардейского Волынского полка первым присоединился к революции). Линейный корабль «Император Александр II» 9 мая получил новое название «Заря свободы»⁴⁸⁹. Несколько минных заградителей Черноморского флота в мае были лишены монархических титулов: корабль «Цесаревич Георгий» стал просто «Георгием», «Великий князь Константин» — «Константином», «Великая княгиня Ксения» — «Ксенией», «Великий князь Алексей» — «Алексеем». Однако команды и комитеты данных минных заградителей «демократизировали» названия своих кораблей еще до официального приказа, уже в документах, относящихся к концу марта, они упоминались «без титулов»⁴⁹⁰.

И здесь, по крайней мере, в некоторых случаях, приказ оформлял решение, уже принятое местным Советом. Судовой комитет линейного корабля «Александр II» с согласия всей команды постановил присвоить судну новое название «Заря свободы». Еще 10 апреля командир корабля обратился к начальнику учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота с просьбой ходатайствовать перед высшим начальством о переименовании судна. Неизвестно, был ли направлен этот документ командованию, но начальник всех морских частей Кронштадта препроводил его в Исполнительный комитет Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов. Во время обсуждения указывалось на прецедент: переименование «Александра III» в «Волю». Наконец, 24 апреля Исполком Кронштадтского совета постановил переименовать линейный корабль «Александр II» в «Зарю свободы», поддержав, таким образом, решение команды. (Показательно, что Исполком не желал лишний раз упоминать слово «император».) И уже затем последовал приказ командования⁴⁹¹.

3 июня приказом по морскому ведомству учебному судну «Николаев» было присвоено наименование «Народоволец»⁴⁹². Интересно, что в данном случае «монархический» топоним был нетерпим для матросов, однако город, давший имя этому кораблю, продолжал сохранять свое название.

На Балтийском флоте плавучая казарма «Волхов» (№ 1), имевшая «тюремную» репутацию, была переименована в «Новорусск» (по другим данным — «Новорусский»)⁴⁹³. При этом подчеркивалось, что отныне корабль, как и всю Россию, должна ожидать новая судьба.

Команда подводной лодки «Фельдмаршал граф Шереметев» также сочла имя своего корабля «старорежимным», хотя подводная лодка и была построена

⁴⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 258, 272, 275.

⁴⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 43. Л. 45; Корабли и вспомогательные суда... С. 191–192.

⁴⁹¹ Кронштадтский совет в 1917 году: Протоколы и постановления. С. 46; Бумаги О.Н. Знаменского; РГА ВМФ. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 81. Л. 9; Д. 133. Л. 210–210 об.

⁴⁹² РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 387.

⁴⁹³ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. С. 64; Июльские дни в Петрограде // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 42.

на личные средства семьи Шереметевых. Уже в первые дни после переворота моряки направили ходатайства, требуя присвоения кораблю название «Кета». Новое имя соответствовало и названиям многих российских субмарин — «Белуга», «Пескарь», «Стерлядь», «Щука», «Макрель», «Окунь» и др. Штаб Балтийского флота переслал документ в Морское министерство, и требование подводников было удовлетворено: 4 августа подводная лодка получила новое наименование⁴⁹⁴.

16 октября в состав Балтийского флота была включена паровая шхуна «Арамаис». Она принадлежала нефтепромышленному и торговому обществу «Мазут» и была взята в военно-морской флот по военно-судовой повинности. Корабль стал именоваться военным нефтеналивным транспортом «Федерация»⁴⁹⁵. В то время требование федеративной республики содержалось лишь в программе партии социалистов-революционеров, и, возможно, подобное название отражало степень влияния эсеров на ведомства, руководившие политической работой во флоте.

Как видим, инициатива смены «монархических» названий исходила часто от команд, а затем специальное решение принимали военно-морские власти.

Однако в некоторых случаях моряки сохраняли старые названия судов: команде корабля «Ростислав», принимавшего участие в подавлении восстания моряков в 1905 году, сын лейтенанта Шмидта заявил, что судно запятнало себя контрреволюционными действиями и должно сменить свое имя. Но матросы не пришли к единому мнению, а спустя некоторое время страсти утихли сами собой⁴⁹⁶.

Старое название сохраняло и учебное судно Балтийского флота «Петр Великий». В июле Центральный комитет Балтийского флота поднял вопрос о присвоении этому кораблю имя «Республика», однако морской министр А.Ф. Керенский счел необходимым сохранить «историческое наименование»⁴⁹⁷. Возможно, на данное решение повлияло падение влияния Центробалта после Июльского кризиса. Но вернее было бы предположить, что имя создателя российского военно-морского флота считалось достойным и памяти новой России. Правда, в начале ноября 1917 г. команда корабля обратилась в Военно-Морской революционный комитет с просьбой переименовать его в «Республиканец». Эта просьба была удовлетворена комитетом, однако «Петр Великий» со старым названием пережил Гражданскую войну⁴⁹⁸. Показательно, что в составе флота было несколько кораблей с таким названием, и в 1917 г. все они сохранили свое наименование⁴⁹⁹. Можно предположить, что это имя Пет-

⁴⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1249. Л. 2, 3, 6–6 об.

⁴⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1329. Л. 20 об.

⁴⁹⁶ *Каланов Н.А.* Названия кораблей революции и Гражданской войны // Судостроение. 1987. № 12. С. 46–48; Русское слово. 1917. 16 марта, 21 апреля; Рабочая газета. 1917. 17 марта; *Граф Г.К.* На «Новике»... С. 325; РГА ВМФ. Ф. Р–661. Оп. 1. Д. 81. Л. 9, 31 (об.); Д. 133. Л. 210–210 (об.).

⁴⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1249. Л. 2, 6–6об.

⁴⁹⁸ Корабль был переименован лишь в декабре 1923 г., когда он стал Блокшивом № 1.

⁴⁹⁹ Военно-Морской революционный комитет... Л., 1975. С. 134–135. — В честь Петра I были названы госпитальное судно Черноморского флота, переименованное в 1953 г. в «Якутию», и ледокол Балтийского флота, подорвавшийся на mine осенью 1917 года. См.: Корабли и вспомогательные суда... С. 121, 153, 233.

ра I не было причиной особенно острых политических конфликтов, в то время оно было приемлемо для рядовых моряков.

Впрочем, некоторые корабли с явными «монархическими» названиями сохраняли их удивительно долго. Так, на Черном море портовое судно «Екатерина Великая» и посыльное судно «Великий князь Александр Михайлович» продолжали носить старые имена. Паровая же яхта «Царевна» Балтийского флота даже участвовала в Октябрьском перевороте, выполняя приказы Петроградского военно-революционного комитета⁵⁰⁰.

Новая идеология отражалась и на новых проектах: Исполнительный комитет линейного корабля «Андрей Первозванный» предложил собрать деньги на новейший эскадренный миноносец, который должен был получить название «Свобода». Судно должно было стать «кораблем-памятником» в честь революции. Однако Исполнительный комитет Гельсингфорсского совета 20 марта выступил против этого проекта, прозвучало предложение вынести порицание судовому комитету. Утверждалось, что данное предложение лишено практического смысла: новый корабль не сможет быть выстроен до окончания войны. Но звучали и политические аргументы. Так, Исполнительный комитет заявил, что он «не сочувствует милитаристской идее “Андрея Первозванного”, находя ее для свободного народа неуместной». Вопрос о строительстве «корабля-памятника» стал рассматриваться в контексте общей дискуссии о войне, для интернационалистов разного толка эта политическая кампания была неприемлема. Представители линейного корабля возражали, они, в частности, заявили, что их предложение уже ранее, 14 марта, было одобрено Исполнительным комитетом. Конфликт продемонстрировал неэффективность аппарата Совета. Противники инициативы «Андрея Первозванного» в Исполнительном комитете, оказавшиеся в изоляции, подали в отставку. Исполком признал желательным собранные средства препроводить в Морское министерство, а название «Свобода» дать одному из миноносцев, который будет готов к спуску уже весной текущего года. Но 24 марта вопрос об эскадренном миноносце «Свобода» вновь был поднят на заседании Исполнительного комитета. Полковник корпуса корабельных инженеров Р.А. Матросов предложил дать данное имя кораблю с корпусом абсолютно новой конструкции своего собственного изобретения, ибо данное название «не будет оправдывать своего назначения», если оно будет присвоено судну, строящемуся по уже существующим проектам. Однако Исполком оставил в силе свое первоначальное решение. Командующий флотом Балтийского моря уведомил 27 апреля Исполнительный комитет Совета депутатов армии, флота и рабочих Гельсингфорса, что он рекомендовал присвоить название «Свобода» уже строящемуся эсминцу «Владимир», который должен был вступить в состав действующего Балтийского флота летом. Однако строительство корабля затянулось. В адрес специально созданного комитета продолжали поступать деньги и ценные вещи для финансирования проекта. Так, 9 августа Центральный комитет Балтийского флота передал в комитет по сбору пожертвований

⁵⁰⁰ Корабли и вспомогательные суда... С. 99, 203, 238.

на строительство корабля «Свобода» ценности, собранные личным составом флота. Кроме денег и серебряных часов в описи указывались: медали серебряные большие — 2, медали серебряные малые — 96, медали бронзовые — 175, Георгиевские серебряные кресты — 3, ордена Святого Владимира 4-й степени — 2, орден Святого Владимира «с мечами» — 1. В эту опись, безусловно, вошла только часть пожертвований. Так, лишь команда крейсера «Аврора» сдала в данный фонд Георгиевский крест 4-й степени, 2 золотых креста Святого Владимира, 84 серебряные медали и 160 бронзовых медалей⁵⁰¹. Эскадренный миноносец «Владимир» 30 августа был переименован в «Свободу» (секретный приказ по морскому ведомству № 221), корабль начал кампанию 16 октября⁵⁰².

Не только матросы, но и морские офицеры пытались отразить в названиях своих кораблей свою память о революции. Так, большой быстроходный буксир «Молния», вошедший в состав Днепровской военной флотилии, получил новое имя «Адмирал Непенин» в честь командующего Балтийским флотом, который был убит в Гельсингфорсе во время восстания 4 марта. Биограф А.И. Непенина сообщает, что команда буксира носила на своих бескозырках ленточки с новым названием, «...пока преследования со стороны большевиков не вынудили прекратить работы по вооружению и распустить весь личный состав корабля»⁵⁰³. Он не упоминает, к сожалению, точную дату роспуска команды и заявленные мотивы действий большевиков. Неясно, впрочем, были ли они действительно большевиками: для радикальных группировок разного толка, и русских, и украинских, такое название буксира могло быть символом «старого режима», а консервативно настроенные офицеры считали порой «большевиками» всех социалистов.

Судно же, купленное русским флотом в США, получило имя «Единение» (оно сгорело по не установленным причинам 30 августа). Другие яхты, приобретенные также в Америке, получили названия «Рассвет» и «Восход»⁵⁰⁴. Идеологическая нагрузка новых названий выражена неявно, однако все эти слова можно встретить во многих политических текстах, приветствовавших после Февраля «зарю свободы».

Переименовывались и доки морского ведомства, носившие «монархические» названия. Прежде всего, по-видимому, возник вопрос о переименовании в Гельсингфорсе сухого дока имени Николая II. Главный морской штаб принял решение об изменении названия всех морских доков. Приказами по морскому ведомству менялись «монархические» имена доков в Кронштадте, Севастополе, Владивостоке⁵⁰⁵.

⁵⁰¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2297. Л. 23; Ф. 479. Оп. 1. Д. 1050. Л. 689 об.

⁵⁰² Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 28, 31 марта; РГА ВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 64. Л. 13; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2297. Л. 22, 23; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2319. Л. 7; Ф. 479. Оп. 1. Д. 1249. Л. 1; Ф. 479. Оп. 1. Д. 1329. Л. 25 об.; Ф. Р-92. Оп. 22. Д. 1. Л. 335. 382 об.

⁵⁰³ Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 231.

⁵⁰⁴ National Archives (Washington), RG 45, WA 6, Box 712, folder 5; Варнек П.А. Русский Север в Первую мировую войну // Морские записки. Нью-Йорк, 1950. Т. 8, №2. С. 25.

⁵⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 103. Л. 248, 309, 354; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2321. Л. 4.

Переименование военных кораблей внешне напоминает топонимические изменения. Однако в процессе переименования проявлялись различные политические процессы. Морское командование действовало, как правило, под жестким давлением матросов и их организаций. Порой же морские власти ставились перед свершившимися фактами, и своими приказами лишь оформляли свершившееся переименование. В то же время политически умеренные органы городского самоуправления пытались спешно повысить свой статус, представить себя субъектами революционного процесса. Символический переворот носит здесь известный компенсационный характер. Показательно, что Советы промышленных городов не особенно интересовались в это время процессом переименований, их интересы лежали в сфере непосредственной борьбы за власть и влияние. Многие крупные города, промышленные центры еще долго продолжали сохранять свои явно «монархические» имена.

Большая часть кораблей, получивших новые названия, сменили имена до лета 1917 г. Приход большевиков к власти также ознаменовался некоторыми переименованиями, они продолжали уже начатые процессы. Так, Дом инвалидов флота имени императора Павла I приказом по морскому ведомству от 13 декабря 1917 г. был переименован в Дом имени Свободного флота Российской республики⁵⁰⁶.

Новый же импульс процесс переименования военных судов получил уже в 1918 г. В феврале была переименована группа кораблей, которые еще в 1916 г. Румыния передала союзной России. В феврале 1918 г., в условиях начавшихся боевых действий с румынскими войсками Центральный комитет Черноморского флота конфисковал их и передал Автономной Верховной румынской коллегии. Русско-румынская комиссия сразу же постановила переименовать корабли: «Принимая же во внимание, что названия этих судов отражают монархический дух, шовинизм воинственный и задорный, там, в Румынии, и что эти названия находятся в противоречии с революцией, постановляет: суда нижепоименованные отныне будут носить следующие названия: “Император Траян” — “Социальная революция”. “Румыния” — “Республика Румыния”. “Король Карл” — “Иоанн Роатэ”. “Дакия” — “1907”. “Принчипесса Мария” — “Освобождение”»⁵⁰⁷.

Летом и осенью 1918 г. были переименованы суда советской Волжской флотилии. Некоторые корабли получили наименования, вполне соответствующие духу Февральской революции — «Борец за свободу». Другие же отражали идеологию новой власти — «Ваня коммунист», «Рошаль». Сразу два корабля Красного флота в 1918 г. получили название «Агитатор» (в 1919 г. еще один) и еще два — «Лейтенант Шмидт» (всего с 1918 по 1922 г. двенадцать кораблей получили такое имя!). Вдвойне символичным было переименование канонерской лодки «Учредитель», которая стала именоваться «Террорист». Складывающийся уже культ Ленина нашел отражение и в названиях военных судов: с 1919 по 1922 гг. не менее десяти кораблей были названы в его честь.

⁵⁰⁶ РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 442 а.

⁵⁰⁷ Корабли и вспомогательные суда... С. 203–205.

Большевики использовали и испытанный метод наказания кораблей переименованием. Сразу же после подавления Кронштадтского восстания 31 марта 1921 года линейные корабли Балтийского флота «Петропавловск» и «Севастополь», поддерживавшие мятежников, получили новые имена «Марат» и «Парижская коммуна»⁵⁰⁸.

Свой курс переименований проводили и белые, создавая культ героев своего движения. Линейный корабль «Воля» (до 1917 г. — «Император Александр III») в октябре 1919 г. получил название «Генерал Алексеев». Крейсер «Очаков», которому его «революционное» имя было возвращено в 1917 г., сначала вновь стали именовать «Кагулом», а в октябре 1919 г. он получил имя «Генерал Корнилов». Как видим, Белое движение отрицало переименования периода Февральской революции, но, вместе с тем, не шло и на реставрацию явно монархических дореволюционных названий.

Меняли свои названия в 1917 г. и коммерческие суда — сразу несколько пассажирских кораблей получили соответствующее духу времени имя «Свобода». Волжский пароход «Император Александр Благословенный» стал называться «Владимир Короленко». Однако новые имена, данные судовладельцами, подчас не были идеологизированными. Так, до революции почти все суда общества «На Волге» носили «царские» имена. Пароход «Государь» был переименован в «Ветер», «Самодержец» стал «Крестьянином». Общество «Кавказ и Меркурий», владевшее флотом кораблей на Волге, в апреле упразднило все прежние «царские» наименования пароходов, кораблям были даны имена городов России. Пароход «Великая княгиня Ксения», принадлежавший Товариществу Архангельско-Мурманского срочного пароходства, получил имя «Север»⁵⁰⁹. Впрочем, некоторые корабли Добровольческого флота долго сохраняли явно «монархические» названия: в 1919 г. суда «Царь» и «Царица» на Севере участвовали в эвакуации сил белых и войск интервентов⁵¹⁰.

Революция отразилась и на деловой жизни: владелец кафе, например, дал своему заведению имя «Свобода». Дельцы кинобизнеса также ориентировались на политическую конъюнктуру. Появились киностудии «Воля» и «Свобода», а новый кинотеатр получил имя «Республика». Некоторые же рудники уже весной 1917 г. получили название «Красное знамя»⁵¹¹.

Революция вторгалась в личную жизнь, что сразу же отразилось на антропонимике. Холуевы, Дураковы, Нюхаловы и Негодяевы отказывались от неприличных имен, иногда это также было связано с революцией: в «новой жизни» непристойные фамилии были нетерпимы. По понятным идеологическим причинам меняли свои фамилии Царевы и Жандармов. Некий Правдин и один однофамилец Ленина также решили изменить родовое имя, это

⁵⁰⁸ Кронштадтская трагедия 1921 года... Кн. 2. С. 13.

⁵⁰⁹ Русское слово. 1917. 21 марта; Вестник Временного правительства. 1917. 16 апреля; Амурское эхо. 1917. 28 апреля; Корабли и вспомогательные суда... С. 379, 477; Съезды, конференции и совещания в Тобольской губернии. Томск, 1992. С. 67.

⁵¹⁰ National Archives (Washington), RG 45, WA 6, Box 708. Fold. 1.

⁵¹¹ Кино-журнал. 1917. № 7/10. С. 71; № 11/16. С. 15, 122; Сине-журнал. 1917. № 17–20. С. 88; [Штерна О.] Царские пленники: Дневник Отто Штерна, 1914–1918. М., 1992. С. 44.

было следствием распространения антибольшевистских настроений. Однако именно фамилия Романов воспринимается как «неприличная» и «оскорбительная» и менялась в 1917 г. чаще, чем какая-либо иная, уступая лишь Бардаковым, Бардакам и Бардаченко. Можно предположить, что однофамильцы царя чувствовали себя весьма неуютно. Бывший великий князь Дмитрий Павлович писал 23 апреля 1917 г.: «...Одна фамилия “Романов” теперь синоним всякой грязи, пакости и недобропорядочности». Его родственник, Гавриил Константинович, сын великого князя Константина Константиновича, имел возможность лично убедиться в справедливости подобного утверждения. Уже в советское время в одном учреждении регистраторша, не зная, с кем она имеет дело, заполняла его учетную карточку. Услышав фамилию «Романов» она выразила свое искреннее сочувствие носителю столь неудобной в новых условиях фамилии, который, разумеется, предпочел не развивать далее опасную тему⁵¹².

Сложное положение многих Романовых не было секретом для современников, смена этой фамилии стала предметом незатейливых шуток. В сатирическом журнале, например, печаталось «объявление» о том, что Роман Романович Романов пожелал стать Республиканом Республикановичем Республикановым⁵¹³.

На следующем месте за Романовыми шли несчастные Распутины⁵¹⁴. Не случайно, что и два унтер-офицера Сухомлинова сменили свою фамилию (интересно, что один из них пожелал стать Суворовым). Как «старорежимная» воспринималась подчас даже фамилия Николаев. Язык революции влиял на выбор людей, менявших фамилии, часто они предпочитали именоваться Вольнскими, Воскресенскими, Гражданиновыми, Республиканскими, Обновленскими, Расцветаевыми, Демократовыми, Свободновыми. Некоторые же желали взять имена популярных политических деятелей — Львов, Керенский⁵¹⁵.

Интересно, что прошения Распутиных о смене фамилии обычно удовлетворялись, а Романовы получали отказ. Чиновники обосновывали свое решение следующим образом: «Достаточных оснований не усматривается, т.к. ни в каких родственных отношениях с бывшим царствующим домом не состоят»⁵¹⁶. Однако, по-видимому, многие носители «монархических» фамилий в 1917 г. меняли их и без обращения в органы власти (легко можно было подделать документы, купить их), к тому же существовала возможность получить необходимые документы в конкурирующем центре власти. Процедура значительно упростилась после принятия советского декрета о праве граждан менять

⁵¹² К истории последних дней царского режима (1916–1917 гг.) / Публ. П. Садиков // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 229; Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Нью-Йорк, 1955. С. 356. Прощения от Романовых о перемене фамилии см.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 16. Д. 531–540, 543, 544; Ф. 1343. Оп. 43. Д. 359. См. также: *Verner A. M. What's in a Name? Of Dog-Killers, Jews and Rasputin* // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53, № 4. P. 1046–1070.

⁵¹³ Трещач. 1917. № 2. С. 10.

⁵¹⁴ РГИА. Ф. 1412. Оп. 16. Д. 101–103, 106–112.

⁵¹⁵ *Verner A. M. Op. cit.* P. 1070.

⁵¹⁶ РГИА. Ф. 1412. Оп. 16. Д. 529. Л. 19.

фамилии и прозвища (март 1918 г.)⁵¹⁷. Им воспользовались и многие носители и «неприличных», и «царских» фамилий.

В ходе революции падает популярность имени Николай (наиболее распространенного мужского имени в дореволюционный период). Известен случай, что революционер, находившийся в ссылке, назвал свою дочь Революцией. Однако так называемые революционные имена получили относительно широкое распространение лишь позднее, на большевистском этапе революции, и особенно после 1923 г.⁵¹⁸

Влияние символического переворота на антропонику является одним из наиболее ярких проявлений вторжения политики в личную жизнь. На этот процесс влиял опыт предшествующих революций и, в частности, движение «номофилов» эпохи Французской революции XVIII в. (еще более явно это проявилось в символической революции большевиков). Однако очевидно и влияние опыта Первой мировой войны. Переименование Санкт-Петербурга, ряда улиц и массовая замена немецких фамилий, имен и отчеств на русские создавали важный прецедент подобного переворота⁵¹⁹. Националисты требовали углубления этого процесса, русификации все новых топонимов. Радикальная же интеллигенция считала эти переименования проявлением шовинизма и дурного вкуса (многие же затем именно так воспринимали и переименования революционного времени). Интернационалисты-социалисты демонстративно продолжали использовать старое имя столицы страны. Вплоть до 4 апреля 1921 г., когда Губернский комитет партии принял специальное решение, Петербургский комитет большевиков сохранял свое старое название⁵²⁰. В 1917 г. политические противники большевиков трактовали это как знак германофильства интернационалистов, и последние вынуждены были защищаться⁵²¹. С другой стороны, националистическая пропаганда создавала известные возможности и для революционеров, которые использовали потенциал ксенофобии для политической мобилизации: правящую династию презрительно именовали Голштин-Готторпской, Ангальт-Цербстской и т.п. В целом топонимические эксперименты эпохи Мировой войны немало способствовали дестабилизации системы политической символики старого режима.

В некоторых изменениях фамилий германофобия и приверженность революционным символам соединялись. 1 июня 1917 г. юнкер Е.П. Шмидт, сын лейтенанта Шмидта, героя восстания на крейсере «Очаков», подал специальное прошение во Временное правительство. Он писал: «Желая сохранить для себя и потомства славное имя моего отца и не желая, будучи совершенно русским (мои предки приехали в Россию в начале XVIII ст., получив дворянство в 1794 г.) носить чисто-немецкую фамилию, прошу Временное правительство

⁵¹⁷ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 520–521.

⁵¹⁸ Koloniński B. «Revolutionary Names»: Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and 1930s // *Revolutionary Russia*. 1993. Vol. 6. № 2. P. 210–228.

⁵¹⁹ Сходные явления наблюдались и в других воюющих странах, а в Великобритании даже правящая династия сменила свое родовое имя.

⁵²⁰ Благодарю Т.А. Абросимову за информацию о дате решения губернского комитета.

⁵²¹ Ольминский М. Смешная претензия // *Правда*. 1917. 14 апреля.

присоединить к моей фамилии приставку “Очаковский” и разрешить именоваться впредь, с нисходящим потомством “Шмидт-Очаковский”. 17 июня Временное правительство удовлетворило эту просьбу⁵²².

Процессы, начавшиеся в Феврале 1917 г., были продолжены в больших масштабах большевиками, использовавшими иные идеологические блоки, которые, впрочем, отчасти совпадали и с символами Февраля. Еще более важно то, что ономастический переворот Февраля был известным образцом для большевиков. Однако данный процесс был не самым радикальным аспектом революции символов Февраля. Так, символы и имена социалистического движения использовались здесь сравнительно редко⁵²³.

Историки Российской революции 1917 г. сравнительно мало внимания уделяли борьбе с символами «старого режима». Если о них и писали, то лишь как о колоритной черте эпохи. Примером может послужить «погонная революция», которая фактически не привлекала внимания исследователей политической истории. Между тем, как мы видим, вопрос о погонах порой был буквально вопросом о жизни и смерти. Отказ снять погоны (так же как и конфликты вокруг других символов) иногда приводил к убийствам, порой же офицеры защищали свои погоны с оружием в руках. Лишение погон и орденов могло стать причиной самоубийства⁵²⁴.

Отношение к поганам и другим символам «старого строя» было своеобразным индикатором революционизирования отдельных частей и соединений. Но часто именно конфликты вокруг этих символов были важнейшим фактором, исходной точкой такой радикализации. Тем более удивительно, что и историки революции, и историки Российского военно-морского флота необычайно мало внимания уделяли этому сюжету в своих публикациях, хотя они не могли не знать о многочисленных конфликтах, причиной которых стала борьба вокруг знаков различия.

Чем объяснить подобное молчание?

После восстановления погон в армии, а затем и в Военно-Морском флоте СССР в 1943 г. об этом эпизоде было крайне неудобно вспоминать, он никак не способствовал развитию воинской дисциплины в Вооруженных Силах СССР. Да и ранее советская историография рисовала образ «типичного» сознательного и революционного матроса, именно он стал символом большевистского Октября. Изображения же сцен стихийного бунта обеспогонивания мешали созданию такой картины. Однако вряд ли только цензура и самоцензура

⁵²² РГИА. Ф. 1343. Оп. 43. Д. 765. Л. 3; Д. 766. Л. 3–4 (об.). — Это имя он сохранил и позже. См. об этом: *Шмидт-Очаковский Е.* Лейтенант Шмидт «Красный адмирал» (Воспоминания сына). Прага, 1926.

⁵²³ Революция отразилась и на зоонимике. Генерал А.А. Маниковский, начальник Главного артиллерийского управления, назвал кошку и собаку, соответственно, Большевиком и Меньшевиком. Здесь мы встречаем ироническую реакцию на символический переворот. См.: *Клох А.* With the Russian Army. Vol. 2. P. 716.

⁵²⁴ Отставной генерал П.И. Мищенко застрелился в годы Гражданской войны, после того как во время обыска с него сняли погоны и ордена. См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты... С. 157.

исследователей мешали освещению всплеск борьбы с «символами прошлого». Западные историки, находившиеся в совершенно иных условиях, также недооценивали это измерение политической борьбы. Так, автор обстоятельного исследования, посвященного Балтийскому флоту в 1917 г., практически не упоминает о конфликтах вокруг формы одежды. Он лишь ограничился следующей фразой: «Максимов признал конец ненавистных погон в апреле, он также “демократизировал” форму своих офицеров»⁵²⁵. Как видим, в данном случае краткость привела к тому, что само событие было описано весьма неточно.

Объяснить наличие этой историографической лакуны можно общим подходом историков к изучению феномена революции. Если применительно к Февралю и ставился вопрос о соотношении стихийности и сознательности, то в последующие месяцы «массы» рисовались лишь как объект воздействия политических партий. Исследователи разных школ и разных взглядов уделяли основное внимание главным участникам борьбы за массовое сознание и, соответственно, за власть — политическим партиям. Последние же не были прямыми инициаторами и «погонной революции», и ряда других символических конфликтов, хотя в некоторых условиях партийная пропаганда могла восприниматься как призыв к борьбе с погонами, орденами, флагами, памятниками.

В известной политико-культурной ситуации политические символы, и в частности погоны, становились фактором самоорганизации и саморегуляции массового, стихийного движения, которое порой заслоняется для историков борьбой политических партий. Однако в первые месяцы после Февраля процесс восстановления и строительства партийных структур лишь начался, в некоторых районах они лишь создавались. Да и в последующие месяцы политические партии далеко не всегда контролировали массовые движения. Часто же в массовых протестных стихийных акциях, нередко сопровождавшихся насилием, участвовали те же люди, которые буквально накануне дисциплинированно голосовали за умеренных социалистов. Процесс радикализации массового политического сознания был многомерным, его нельзя описывать только как переход на позиции крайних политических партий. Порой именно отрицание существующих символов вело к конфронтации с властями.

«Погонная революция» — наряду с прочими конфликтами вокруг символов — была формой борьбы бывших нижних чинов против офицеров. А именно антиофицерские выступления стали в 1917 г. необычайно важным политическим процессом, сопоставимым по своему значению с борьбой против «буржуазии». Впрочем, в условиях того времени и антибуржуазная пропаганда могла восприниматься как призыв к борьбе с офицерами, с «офицерским классом» (именно такой термин мы встречаем в источниках того времени)⁵²⁶.

Разумеется, антиофицерскую направленность имела часто борьба за «демократизацию» армии и флота, в ходе которой выдвигались требования выборности командного состава, уравнивания жалования, пенсий и пайков всех военнослужащих, наконец, требование отмены чинов и званий. И данные требования

⁵²⁵ *Mawdsley E.* The Russian Revolution ... P. 38.

⁵²⁶ *Лукьянов Ф.* Письмо в редакцию // Прибой. Гельсингфорс, 1917. 8 декабря.

поддерживала пропаганда радикальных социалистов. Так, они содержались в резолюциях, которые печатались в большевистской прессе и, надо полагать, предлагались на собраниях и митингах большевистскими агитаторами. При этом нередко выступления против офицеров начинались стихийно, без ведома политических партий, а порой и вопреки их желанию. В этих ситуациях именно символы, старые и новые, играли большую роль в самоорганизации толпы.

Пример погон интересен и при реконструкции восприятия Белого движения современниками. Верность лидеров этого движения некоторым символам «старого режима», в том числе и тем, которые фактически, а порой и юридически отменялись вскоре после Февраля (например, погоны на флоте), приводило к тому, что к ним относились как к приверженцам монархии (что не всегда соответствовало действительности). Образ вождей Белого дела, формировавшийся с помощью символов и ритуалов, был значительно более консервативен, чем их идеология и политика.

III. СИМВОЛЫ «НОВОЙ ЖИЗНИ»

1. Символы революции в условиях революции.

Свержение царизма произошло под знаком политических символов революционного подполья. Красный флаг и революционные песни получили после Февраля новое значение. Они становились знаками новой жизни, а порой играли роль и государственных символов. Но в разных ситуациях они воспринимались, «переводились» по-разному.

Борьба за красный флаг

Февральская революция прошла под красным флагом. Московский школьник под впечатлением всего увиденного на улице нарисовал «целых 14 красных флагов». Значение своего рисунка он объяснял домашним так: «Я... сказал, что рисую революцию»¹.

Сразу же после революции встал вопрос о новых государственных символах, несмотря на то что предпринимались некоторые попытки сохранить и даже революционизировать национальный российский флаг, однако фактически (но не юридически) роль нового государственного символа играл красный флаг. Испанский посол в Петрограде в конце мая 1917 г. сообщал в Мадрид: «Нет больше национального флага, а есть только красное революционное знамя». Красные флаги были везде — их водрузили и над Академией художеств, и над дворцами великих князей, они реяли и над правительственными учреждениями, и над зданиями банков. Красные флаги укрепляли на доходных домах. «Все дома в красных флагах», — записал 3 марта в своем дневнике писатель А. Ремизов. Над Зимним дворцом также было поднято красное знамя, эта церемония сопровождалась торжественным салютом. Служащие Министерства земледелия приобрели на свои деньги огромный красный флаг с надписью «Вперед» и вручили его правительству — это знамя следовало водрузить над дворцом. Можно предположить, что инициаторы акции руководствовались оппортунистическими и карьеристскими соображениями, однако показательно, что даже чиновники центрального правительственного ведомства считали возможным использование красного флага в качестве нового главного государственного символа. Иностранцев, прибывающих в Россию, уже на границе встречала революционная символика.

¹ Воронов В. Февральская революция в детских записях // Вестник просвещения. 1927. № 3. С. 11.

«Первое, что бросается в глаза при переезде через реку Торнео, это — красные флаги на крышах пограничного финляндского города», — писал шведский социал-демократ Брантинг².

Попытки бороться с красными флагами рассматривались как серьезные провинности, по крайней мере, в революционной столице. Например, известен случай, когда несколько учащихся элитного Морского корпуса в середине апреля тайно сорвали красный флаг со здания своего училища. Виновников сразу же нашли и арестовали. Суд их оправдал, но из учебного заведения они были исключены³.

На страницах популярного журнала появляется стихотворение «Красный флаг», приветствующее сожжение полицейских архивов, олицетворявших старый строй, и утверждающее новый символ революции:

*Вьется пляска огневая
В пыльной плесени бумаг,
И Россию овеивает
Символ жизни — красный флаг⁴.*

Красный флаг был чем-то большим, чем новый государственный символ. Именно применительно к красному флагу, «знамени любви», особенно сильно проявляется сакрализация символов революции. Пропаганда социалистов разного толка создает настоящий культ «святого красного знамени свободы»⁵.

Приобщение к священному символу сравнивается с «прозрением», которое ожидает трудящихся всего мира. Так, в середине октября 1917 г. Центральный комитет Черноморского флота направил приветствие морякам-балтийцам: «В этот роковой час, когда красное знамя труда видят еще не все братья по труду во всех странах, одурманенные тиранами и хищниками — империалистами...»⁶.

Символом защиты революции стала оборона революционного флага. В дни выступления генерала Л.Г. Корнилова газета московских большевиков призвала: «Не отдадим без боя красного знамени. Это — священное знамя пролетарской революции: его можно прострелить, можно изорвать в клочья штыками, но оно не падет ниц!»⁷.

Образ красного флага был необычайно важен для политической культуры революции, он встречается в известных революционных песнях, в новых стихотворных текстах, в пропагандистских материалах, в резолюциях, принятых на различных собраниях и митингах. Несколько вновь созданных издательств, а также не менее 12 периодических изданий, появившихся после Февраля, — по-

² Ремизов А. Дневник, 1917–1921 // Минувшее. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 421; Г.П. (Полковник Г.П. Перетц). В цитадели русской революции: Записки коменданта Таврического дворца. Пг., 1917. С. 50 (репринт. изд.: СПб., 1997); Савинский А.А. Февральская революция 1917 г. (Свидетельства русского дипломата) // Международная жизнь. 1993. № 2. С. 158; Русское слово. 1917. 14 марта; РГИА. Ф. 797. Оп. 93. Д. 255, Л. 58. См. также: Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 311.

³ Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 73.

⁴ Лесная Л. Красный флаг // Новый сатирик. 1917. №11. С. 2.

⁵ См., например: Шабалин И.А. Восстание и казнь моряков с «Памяти Азова». Ревель, 1917. С. 1, 23.

⁶ Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 15 октября.

⁷ Революционное движение в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. М., 1959. С. 564.

лучили название «Красное знамя»: издания Советов, органы политических партий — социалистов-революционеров, социал-демократов разного толка⁸.

Активные участники переворота нередко сравнивали себя со знаменосцами революции. Так, например, представитель Кронштадта заявил на Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов 29 марта: «...Мы твердо держим красное знамя в своих руках»⁹.

Критика красного флага вызывала острую реакцию в среде активистов революции. Так, многие авторы в 1917 г. припомнили лидеру конституционно-демократической партии П.Н. Милокову его былые нападки на символ революции. Листовка анархистов, изданная в начале марта в Лозанне, гласила: «...либеральная буржуазия — та же самая нынешняя гучково-милюковская коалиция, — устами Милокова с высоты думской трибуны провозгласила анафему “красной тряпке” и объявила себя “верноподданной оппозицией Его Величества”. <...> Нужды нет, что десять лет тому назад господа Гучковы и Милоковы предали анафеме “красную тряпку”, — теперь надо сладко улыбаться ей». Об этом же эпизоде писал и лидер социалистов-революционеров В.М. Чернов: «Когда-то Милоков вызвал всеобщее негодование социалистов без различия фракций, обнаружив словесное неуважение к этой эмблеме социализма, которую он обозвал “красной тряпкой”...»¹⁰.

Красный флаг имел множество значений. Будучи символом революции, он мог восприниматься как «символ жизни», «символ свободы», как патриотический «символ нового строя». В то же время он мог «прочитываться» и как «символ Интернационала», символ бескомпромиссной социальной и антимилитаристской борьбы. Так, резолюция солдат 4-й роты Гвардейского Литовского резервного полка, принятая 3 сентября, гласила: «...Только за Советами и центральными их органами мы пойдем и высоко понесем то знамя, которое взяли 27 февраля с оружием в руках. Мы не опустим это красное знамя, которое напоминает нам кровь нашу, проливаемую четвертый год войны за чуждые нам интересы капитала. Чем чаще будет поднимать голову контрреволюция, тем выше мы будем поднимать красное знамя, крепче держать в своих руках оружие, и сильной будет наша единая армия рабочих, солдат и крестьян»¹¹.

Иногда же красный флаг рассматривался как грозный символ социально-го возмездия, ожидающего всех противников революции. Так, газета большевиков Гельсингфорса писала в день июньской демонстрации: «Пусть наши красные знамена, омытые священной кровью тысяч и тысяч жертв, отдавших жизнь свою за идеи революции и братства, — пусть эти знамена скажут всем, что с нами шутить нельзя, что мы не остановимся на полпути»¹².

⁸ Периодическая печать России в 1917 году: Библиографический указатель. Л., 1987. Ч. 1: А-М. С. 323–324.

⁹ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 55.

¹⁰ Анархисты: Документы и материалы (1883–1935 гг.) / Сост. В.В. Кривенький. М., 1999. Т. 2. (1917–1935 гг.). С. 14, 16; *Гусев К.В.* В.М. Чернов (Штрихи к политическому портрету). М., 1999. С. 117.

¹¹ Большевизация Петроградского гарнизона: Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. 269.

¹² Волна. Гельсингфорс, 1917. 18 июня.

Символами революции стали также красные банты, красные розетки, красные повязки, красные кокарды, красные галстуки и даже красные юбки — их носили женщины-распорядительницы во время празднования 1 мая. Красные шарфы и ярко-красные платья носили некоторые работницы во время манифестации 18 июня. Символы революции становились элементами моды, что свидетельствовало об их популярности. Красные банты появляются в Петрограде уже во время восстания, а некоторые солдаты уже в то время украшали красными ленточками свои кокарды. В столице, казалось, все — солдаты и студенты, шоферы и извозчики, седоки и владельцы экипажей — все были украшены красными бантами. Целые войсковые части выходили на «праздники свободы» с красными бантами в петлицах. Британский военный атташе сообщал в Лондон 7(20) марта, что половина солдат носит либо красные розетки, либо красные нарукавные повязки. Отдельные командиры в Петрограде попросту приказывали своим офицерам, солдатам и юнкерам при выходе на улицу прикреплять на грудь красные банты «в целях безопасности». Некий школьник так описывал дни революции: «Ни одного человека не увидишь без красной ленточки». Атмосферу распространения революционной моды передает и строка другого детского сочинения: «Все сделали себе красные бантики, и я тоже сделал»¹³.

Не позже 4 марта красные банты надевали многие матросы кораблей, базировавшихся на Гельсингфорс. Вскоре красные банты проникли и на многие отдаленные фронты. 13 марта греческий посол при Румынском королевском дворе докладывал в Афины, отмечая, впрочем, общий порядок в русских войсках Румынского фронта: «Очень большое количество солдат открыто носит красный бант на улице...». И здесь красный бант стал неперенным элементом революционной моды. Командир одного из соединений этого фронта вспоминал: «В Болграде все прогуливались с красными бантами на груди, и каждый старался перещеголять один другого размерами их»¹⁴.

Дневник генерала В.Г. Болдырева позволяет проследить, как красные банты распространялись в Пскове, где был расположен штаб Северного фронта. Как известно, 2 марта туда прибыли А.И. Гучков и В.В. Шульгин, принявшие от Николая II манифест об отречении. Их сопровождала вооруженная охрана из пяти человек, одежда которых была украшена красными бантами, Болдырев именует их «красногвардейцами». Вид столичных посланцев поначалу удивил военнотружущих псковского гарнизона, но их пример оказался заразительным, и уже 4 марта некоторые солдаты охранной роты и автомобилисты также украсили себя красными бантами, в других частях их еще не носили. Однако даже солдат лояльных подразделений беспокоили вопросы о «красной

¹³ Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 530; *Солнцева С.А.* Военная символика Февральской революции // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 70; *Воронов В.* 1) Октябрьская революция в детских записях // Вестник просвещения. 1927. № 12. С. 4; 2) Февральская революция в детских записях // Вестник просвещения. 1927. № 3. С. 10; PRO FO, 371, Vol. 2996, № 71865. P. 31.

¹⁴ Д.А. День 4 марта на крейсере (Продолжение) // Военная быль. 1958. № 33. С. 11–12; См. также: Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 119; *Фабрицкий С.С.* Из прошлого: Воспоминания флигель-адъютанта государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 154–155.

ленточке» и отдаии чести. В сложившейся ситуации генерал Болдырев заявил солдатам, что не настаивает на отмене бантов, ибо был уверен, что они сами перестанут носить их. В то же время сам он носить бант отказался, ибо бант не предусматривался правилами ношения формы одежды. На следующий же день, 5 марта, войска, вышедшие на парад в честь революции, были украшены бантами — «в глазах рябило от красных ленточек...»¹⁵.

Впрочем, нередкими были случаи, когда главной причиной, побуждавшей прикрепить к одежде красный бант, было стремление оградить себя от эксцессов на улице¹⁶. Воспоминания современников полны примерами того, как высокопоставленные чиновники и офицеры, представители высшего общества и консервативные политики, желая обеспечить себе безопасность либо руководствуясь конъюнктурными соображениями, украшали себя громадными красными бантами. Карьеристы стремились приспособиться к новой ситуации. Утверждали, что даже известный черносотенец В.М. Пуришкевич прикрепил на свой костюм красную гвоздику. В некоторых мемуарах упоминаются огромные красные банты, которыми украсили себя военный и морской министр А.И. Гучков, командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов (отдельные белые офицеры даже именовали последнего «красным генералом», «либералом и демократом») ¹⁷. Красные банты надевали даже многие лица, арестованные в дни Февраля как приверженцы «старого режима».

Генерал П.Н. Врангель вспоминал: «Первое, что поразило меня в Петербурге, это огромное количество красных бантов, украшавших почти всех. Они были видны не только на шатающихся по улицам, в расстегнутых шинелях, без оружия солдатах, студентах, курсистках, шоферах таксомоторов и извозчиках, но и на щеголеватых штатских и значительном числе офицеров. Встречались элегантные кареты собственников с кучерами, разукрашенными красными бантами и владельцами экипажей, с приколотыми к шубам красными бантами. Я лично видел немало старых, заслуженных генералов, которые не побрезговали украсить пальто модным революционным цветом. В числе прочих, я встретил одного из лиц свиты Государя, тоже украсившего себя красным бантом, вензеля были спороты с погон; я не мог не выразить ему моего недоумения увидеть его в этом виде. Он явно был смущен и пытался отшучиваться: “Что делать, я только одет по форме — это новая форма одежды”. Общей трусостью, малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестарались»¹⁸.

¹⁵ [Болдырев В.Г.] Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный архив. 1927. Т. 4 (23). С. 254, 256–258.

¹⁶ Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 99.

¹⁷ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 44; Кологривов К.Н. Арест Государыни-императрицы Александры Федоровны и августейших детей их Величеств // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 194; Ходнев Д.И. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 282; Редигер А. История моей жизни: Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 446.

¹⁸ [Врангель П.Н.] Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969. С. 24.

Первоначально, как свидетельствует и дневник В.Г. Болдырева, красные банты были по преимуществу «столичной модой», так, генералы и офицеры, приехавшие из Петрограда в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандующего, в поезде их снимали. Однако во время празднеств в честь революции в Могилеве и личный состав Ставки украсил себя красными бантами. На манифестации же в честь 1 мая даже многие офицеры и генералы Ставки Верховного главнокомандующего вышли с красными бантами в петлицах¹⁹.

Многочисленные случаи политической мимикрии той эпохи привлекали внимание сатириков и карикатуристов. Некий провинциальный поэт-меньшевик опубликовал стихотворение, в котором призывал на выборах в Учредительное собрание голосовать за свою партию и обличал маскирующегося классового врага:

*Капиталисты и фабриканты
Тоже надевали красные банты,
Но тем временем не дремали
И карманы здорово набивали*²⁰.

Инструктор провинциального отдела Московского совета рабочих депутатов сообщал 12 апреля: «Крестьяне... знают только одну организацию — это Советы рабочих и солдатских депутатов; им одним только верят, остальных они или не знают, или знают за врагов народа, только привесивших теперь красные ленты»²¹. Возможно, данный активист приписал крестьянам свое собственное понимание ситуации. Для нас же важно, что он именно так рисует портрет скрытого врага народа, мимикрирующего в новых условиях.

Образ тайного и коварного врага революции, маскирующегося с помощью красного банта, встречается также в воззваниях и резолюциях того времени. Петроградская федерация анархистов в своем обращении к рабочим и солдатам указывала, что «реакционная и капиталистическая буржуазия в начале революции замаскировалась в красный цвет...». Команда одного из эскадренных миноносцев Балтийского флота также предостерегала: «Просим прозреть товарищей, которые еще и в настоящее время ходят под дурманом наветов и повторяют те гнусные выкрики еще вчерашних наших врагов, прикрывающихся искусственно и внешне кусочком красной ленточки». Собрание гарнизона Або-Оландской позиции, состоявшееся 2 июля, обличало «осколки старого бюрократического механизма», «прикрытые красным бантом»²².

О политической мимикрии говорили и политики разного уровня. Делегат краевого съезда Кавказской армии предостерегал от тайных врагов

¹⁹ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России (Ноябрь 1916 г. — апрель 1917 г.) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 104; Бубнов А.Д. В царской Ставке. СПб., 1995. С. 146; Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции. С. 69; Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии (Февраль — сентябрь 1917). М., 1991. Примечание А.Г. Кавтарадзе. С. 502.

²⁰ Воин-гражданин: Орган армейского комитета VI армии. Болград, 1917. 29 октября.

²¹ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 593.

²² Анархисты... Т. 2. С. 55; Прибой. Гельсингфорс, 1917. 6 августа; Копии большевистских резолюций, постановлений // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд, В-11833/1. Л. 320.

революции, «одевших теперь красный цвет». В.И. Ленин, выступая 22 мая на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, также заявил: «Эти революции обучают помещиков и капиталистов, они обучают их, что на родом надо править обманом, лестью; надо присоединиться, прицепить к пиджакам красный значок и, хотя бы это были мундиры, говорить: “Мы революционная демократия, пожалуйста, только подождите и мы все для вас сделаем”». Газеты же большевиков обличали «черносотенные листки, прикрывающиеся красными ленточками»²³.

Однако в некоторых случаях красные банты и значки становились действительно «новой формой» по решению новых властей. Собрание депутатов от флота, армии и рабочих Свеаборгского порта 6 марта единогласно постановило: «...Носить в петлице красный цвет, как эмблему свободы и единения. Подробности ношения этой эмблемы передать на рассмотрение Исполнительного комитета». Уже 9 марта Исполнительный комитет Совета одобрил розетки трех видов — общий, для депутатов Совета, для членов Исполнительного комитета²⁴. Представители «комитетского класса», появившегося после Февраля, создавали свои новые знаки различия, символы революционной власти. На современных фотографиях члены Исполнительного комитета Гельсингфорсского совета изображены с особыми значками и розетками. Однако некоторые социалисты с неодобрением отнеслись к введению «комитетских» красных знаков различия, это противоречило их эгалитарному сознанию. «Помню, что ношение отличительных знаков членами Совета сильно нас тогда возмутило. В этом нам чувствовалось что-то чуждое революции, нарожение какого-то нового чиновничества», — вспоминал агитатор-большевик, прибывший в Гельсингфорс из Петрограда²⁵.

На некоторых кораблях Балтийского флота красные эмблемы вскоре стали восприниматься как почетные знаки нового строя — их носили и матросы, и офицеры. 7 марта жены двух офицеров эскадренного миноносца «Инженер-механик Зверев» послали команде этого корабля красные эмблемы собственной работы, по числу членов команды. Сопроводительное письмо гласило: «Посылаем Вам всем, дорогим “зверевцам”, наш небольшой подарок в знак великих событий и того доверия и любви, которые были проявлены Вами к нашим мужьям. От души желаем всем Вам счастья в новой жизни нашей дорогой освобожденной родины» (можно предположить, что команда корабля заступилась за своих командиров в дни революции, когда нередкими были случаи убийств офицеров). Матросы отвечали: «Эмблемы и символы свободы носим с гордостью и благодарностью за Ваш труд»²⁶. Отметим, что экипаж данного

²³ *Сейф С. Е.* Революция 1917 года в Закавказье (Документы, материалы). Тифлис, 1927. С. 103; *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 32. С. 179; Голос правды. Кронштадт, 1917. 16 марта.

²⁴ Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 9, 16 марта; РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 309. Л. 34; Ф. 2063. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²⁵ *Ильин-Женевский А.Ф.* От Февраля к захвату власти: Воспоминания о 1917 году. Л., б.г. С. 25; ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, № 036157/1-3.

²⁶ Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 16 марта.

корабля был настроен крайне оборончески, он даже отказался взять на борт делегацию Кронштадтского совета, известного своим радикализмом, что стало предметом специального разбирательства Центробалта. Но, тем не менее, команда, офицеры и члены их семей внесли свой особый вклад в распространение революционной моды.

В то же время в отдаленных гарнизонах и соединениях, на фронте офицеры некоторое время пытались помешать солдатам надевать красные банты и розетки, а порой и собственноручно снимали их. Некоторые фронтовые офицеры и генералы пытались бороться с «самовольным» распространением революционной моды, изменявшей форму одежды. Своими приказами они запрещали «ношение каких-либо неустановленных законом и не объявленных в приказе по части знаков и украшений»²⁷.

Первоначально в некоторых частях и подразделениях солдаты выполняли данные приказы и убирали красные флаги и банты. В Очакове, например, комендант крепости генерал В.И. Чекменев запретил воинским частям выходить на улицу с красными флагами²⁸. Различие символического осмысления переворота провоцировало острые конфликты. В других же частях дело заканчивалось отстранением и даже избиением офицеров, боровшихся с красными бантами²⁹.

Так, 14 марта солдаты 14-го Сибирского полка (Юго-Западный фронт) арестовали командира полка за его политически сомнительную речь при приведении полка к присяге и за запрещение солдатам прикреплять к шинелям красные розетки. Арестованный офицер под конвоем был направлен в Киевский исполком. 30 марта Новоград-Волынский совет офицерских, солдатских и рабочих депутатов (Киевская губерния) арестовал командира 264-го пехотного запасного полка, который сказал о красных флагах: «Пора бросить эти красные тряпки»³⁰.

Упомянутые случаи относятся к марту 1917 г., очевидно, прежде всего именно к этому, раннему периоду революции относятся и попытки части офицеров и генералов бороться с красным флагом. Но и 9 апреля генерал Е.-Л.К. Миллер, командующий 26 корпусом, вышел к прибывшим ротам пополнения и потребовал снятия красных бантов как неустановленных формой одежды. Очевидно, такой приказ был воспринят как контрреволюционный, неудовольствие солдат, прибывших из иной политической среды тыловых гарнизонов, вылилось в настоящий бунт. Толпа солдат арестовала генерала и поместила его на гауптвахту. Генерал В.Ф. Новицкий, помощник военного министра наложил резолюцию на рапорт командующего фронтом, в котором излагался данный эпизод: «...Наши начальники не всегда умеют себя вести. Можно

²⁷ Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции. С. 70.

²⁸ Гречанюк Н.М., Попов П.И. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957. С. 23; Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 256; Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 114.

²⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 634.

³⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. Т. 1: 27 февраля — 6 мая 1917 года. М., 1957. С. 196, 331.

ли в дни революции придираются к красным бантам? Зачем лезть на рожон и раздражать толпу?». Этот эпизод свидетельствует о совершенно различном отношении к революционным символам в тылу и в действующей армии. Если для чинов военного министерства красные банты были неизбежным и привычным злом революционного времени, то для некоторых фронтовых генералов и офицеров — недопустимым нарушением формы одежды. Для солдат же, только что прибывших на фронт из тыла, красные банты были уже чуть ли не новым элементом формы, а действия генерала Миллера они воспринимали как попытку реставрации, как намеренное злостное оскорбление общепринятых символов революционной России. Можно также предположить, что до этого момента на данном участке фронта командование не допускало еще ношение красных бантов.

В других местах и ранее возникали подобные конфликты, порой они заканчивались гораздо драматичнее. Депутаты Государственной Думы, посещавшие войска Северного фронта в марте, отмечали: «Везде приходится слышать жалобу на то, что если и одевается красный бантик, то он срывается». В штабе фронта солдаты могли уже свободно носить красные банты, в Режице же офицеры Сумского полка «резко отзывались о солдатах и о красных бантиках», в результате возник конфликт, в ходе которого командир полка был убит³¹.

Постепенно командиры войсковых частей были вынуждены примириться с ношением красных лент и бантов, появлялись приказы, в которых командиры призывали не обращать внимание на эти символы революции³². Главкомандующий Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов, по-видимому, пытаясь предотвратить подобные столкновения вокруг революционной символики, издал специальный приказ, в котором он требовал от офицеров не вмешиваться, солдатам же официально позволялось носить банты и значки. Вскоре красный бант становился и в некоторых соединениях армии на фронте чуть ли не обязательным элементом, частью «новой формы»³³. И теперь уже отсутствие его у офицера порой могло вызвать враждебные действия со стороны солдат. Однако пик моды на красные банты пришелся, по-видимому, на весенние месяцы. Затем они встречаются реже.

С красными флагами также поначалу пытались вести борьбу местные военные и гражданские власти. Это приводило к конфликтам, революционные массы резко реагировали на действительные и воображаемые оскорбления «священного» символа революции. Показательно, например, что некий священник у Казанского собора в Петрограде призывал своих слушателей идти за хоругвями, «а отнюдь не за красными тряпками» (газета меньшевиков расценила его слова как «черносотенную выходку»)³⁴. Само противопоставление этих символов косвенно свидетельствовало о сакрализации красного флага в то время.

³¹ Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 36, 44, 45.

³² Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 70.

³³ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971. С. 145–147.

³⁴ Рабочая газета. 1917. 24 мая.

По-своему пытались бороться с красным флагом и власти союзной Румынии, на территории которой были дислоцированы русские войска. Так, в городе Яссы магазинам запрещалось продавать русским солдатам красную материю для знамен и значков³⁵.

Между тем члены Временного правительства, его представители на местах либо терпели красный флаг, либо сами активно использовали его для решения различных тактических политических задач. И в том, и в другом случае они фактически нарушали свое собственное законодательство и содействовали утверждению красного флага в качестве государственного символа. «Национальный флаг заменен революционным красным знаменем», — с сожалением констатировал автор консервативного журнала³⁶.

Ситуация вокруг красного флага демонстрирует и пределы реальной власти Временного правительства, и особенности его тактики. Но она свидетельствует и о стереотипах массового символического сознания, игнорировать которые властям в то время было невозможно.

На «праздники свободы» некоторые полки вышли с красными флагами, иногда солдаты даже заменяли ими свои полковые знамена. В Канске, например, 10 марта солдаты маршировали под партийными знаменами социал-демократов и социалистов-революционеров³⁷.

В некоторые казачьи части красные флаги проникли довольно рано. Генерал П.Н. Врангель так вспоминал свое посещение полкового праздника Амурского казачьего полка 17 марта: «Я с удивлением видел вместо сотенных значков в большинстве сотен красные флаги... Командир подскочил с рапортом, оркестр заиграл “Марсельезу”. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад, и услышал неожиданный для меня ответ: “Казачи этого потребовали”». Генерал заявил казакам, что «под красной юбкой» он сидеть не будет и покинул праздник. Приказом по дивизии командиру части был объявлен выговор, а попытки полковника протестовать закончились его отстранением от должности³⁸. Мемуарист утверждает, что после этого случая в данном соединении не было более «революционных демонстраций», однако, по-видимому, большинство подобных конфликтов вокруг революционных символов заканчивалось политическим поражением консервативных командующих.

Некоторые войсковые части стремились обзавестись новыми, сшитыми под заказ, красными знаменами. В Пскове, например, некоторые части уже 5 марта вышли на парад в честь революции с «роскошно расшитыми красными полотнами». В первом же своем постановлении, принятом не позже 12 марта, солдатский комитет 481-го Мещовского полка постановил: «Собрание постановило о замене имеющегося в полку знамени — знаменем свободы красное (пунцового цвета) полотно с надписью белыми буквами: “За родину, свободу, равенство и братство”». Данное решение встретило возражения командира дивизии. Его

³⁵ Революционное движение в России в апреле 1917 г. ... С. 496.

³⁶ Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. 654.

³⁷ Правда. 1917. 23 марта.

³⁸ [Врангель П.Н.] Воспоминания генерала барона П.Н.Врангеля. С. 26–27.

резолуция гласила: «Вопрос о знамени не есть вопрос полка, но вопрос всей русской армии и, конечно, будет решен скоро. Надо только подождать, это объяснить. До учредительного собрания, казалось бы, поднимать вопрос о знамени не следует»³⁹.

В некоторых же случаях комитеты пытались использовать официальные приказы для того, чтобы обзавестись революционным полковым знаменем. Так, 24 мая полковой комитет Стрелкового полка Офицерской стрелковой школы постановил: «На основании приказа по военному ведомству № 182 от 4-го апреля сего года, полковое знамя подлежит отправке в город Петроград в Технический комитет Главного интендантского управления для замены новым. От полкового комитета выразить пожелание иметь следующее знамя: полотнище шелковое малиновое, на одной стороне герб Свободной России, на другом — полукругом “Свобода, Равенство и Братство”, в середине полукруга — “Стрелковый полк Офицерской стрелковой школы”». Малиновый цвет был знаком отличия стрелковых частей, но в новых условиях он мог восприниматься и как революционный символ. Данному решению предшествовало постановление о печати полкового комитета, принятое 19 марта. В середину печати была помещена надпись «Стрелковый полк Офицерской стрелковой школы», а по кругу — «Свобода, Равенство и Братство». Лозунг Французской революции стал своеобразным девизом данного полка, так полковой комитет именовался: Комитет «Свобода, равенство и братство»⁴⁰. Нам неизвестно, чем закончилось данное ходатайство Стрелкового полка.

Однако некоторые части все-таки получили красные знамена, нередко это были подарки социалистических организаций и рабочих коллективов. Когда в дни Февраля матросы Гвардейского экипажа, самовольно покинувшие Царское Село, шли в центр Петрограда мимо Путиловского завода, то рабочие этого предприятия устроили короткий митинг и вручили морякам-гвардейцам «огромное» красное знамя под звуки «Марсельезы»⁴¹. Очевидно, речь шла о флаге, и, по-видимому, матросы не воспринимали его как новый символ своей части. Во всяком случае, на фотографиях, изображающих участие Гвардейского экипажа в демонстрациях весны 1917 г., этот флаг не зафиксирован.

14 апреля на заседании Исполнительного комитета Петергофского районного совета рабочих и солдатских депутатов (Петроград) представитель гвардейского Павловского полка выступил с просьбой разрешить обмен знаменами между полком и рабочими Путиловского завода в знак «единения между ними». Исполком Совета поддержал эту просьбу⁴².

В некоторых случаях красные знамена не только воспринимались как новые символы воинских частей, но и приобретали официальный статус таковых. Так, рабочие и служащие завода «Динамо» преподнесли красное знамя

³⁹ [Болдырев В.Г.] Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный архив. 1927. Т. 4 (23). С. 259; Войсковые комитеты действующей армии (март 1917 г. — март 1918 г.). М., 1982. С. 32–34.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 43, 63, 146 об.

⁴¹ Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 37; Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в Февральские дни 1917 года. М., 1932. С. 48–49.

⁴² Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 457.

14-му Сибирскому стрелковому полку. Одновременно была послана грамота, гласившая: «...Дадим 14 Сибирскому стрелковому полку Красное Знамя. Да послужит оно залогом кровного единения рабочих и солдат в нашей общей борьбе за свободу, равенство, братство». Знамя было по всем правилам прибито к древку Георгиевского знамени части и торжественно вручено полку 30 апреля 1917 г. Петроградский завод «Старый Парвиайнен» 14 июня вручил знамя Гвардейскому Московскому полку, эта церемония была использована большевистскими агитаторами для пропаганды среди солдат. Осенью тот же завод преподнес знамя команде конных разведчиков 13-го Сибирского стрелкового полка. На знаменах-подарках часто изображались фигуры рабочих и солдат, символизовавших единство сил революции⁴³. А на знамени, которое рабочие петроградского Франко-русского завода подарили 2-му Балтийскому флотскому экипажу, были изображены рабочий и матрос на фоне восходящего солнца свободы⁴⁴.

Красные знамена на фронт послал и Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Союз социалистов народной армии направил 20 мая 1917 г. красное знамя с изображением серпа, меча и молота 443-му Соснинскому полку. На церемонии присутствовали командующий Петроградским военным округом генерал-майор П.А. Половцев, председатель Петроградского совета Н.С. Чхеидзе и министр земледелия В.М. Чернов. В данном случае было получено официальное разрешение военного министра, стяг был освящен по всем правилам и стал полковым знаменем⁴⁵.

В канун Июньского наступления А.Ф. Керенский сам торжественно вручил коленопреклоненному командиру Потийского полка (29-я дивизия) красное знамя. Воодушевленные солдаты этого полка клялись министру «умереть за родину», однако, по словам генерала А.И. Деникина, во время последовавших боев полк с позором отступил⁴⁶.

В начале августа В.М. Чернов, лидер партии социалистов-революционеров и министр Временного правительства, прибыл в Ревель для участия в праздновании годовщины восстания на крейсере «Память Азова». Чернов торжественно вручил Балтийскому флоту знамя Всероссийского совета крестьянских депутатов⁴⁷.

Летом 1917 года войсковые части нередко выходили на смотры под красными флагами⁴⁸. На фотографии, изображающей парад запасных батальонов гвардии в Петрограде 6 августа 1917 г., изображен знаменосец, стоящий перед

⁴³ Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников (По материалам Петрограда и действующей армии): Дис. ... кандид. ист. наук. Л., 1989. С. 358–360; Журавлев В.А. Без веры, царя и отечества: Российская периодическая печать и армия в марте-октябре 1917 года. СПб., 1999. С. 99; Лацис. Июльские дни в Петрограде (Из дневника агитатора) // Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 107; Войсковые комитеты действующей армии... С. 134, 391. См. также С. 401.

⁴⁴ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, № 05281.

⁴⁵ Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 174, 361–362; Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции. С. 71; Журавлев В.А. Без веры, царя и отечества... С. 81.

⁴⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты... С. 429.

⁴⁷ Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. С. 313.

⁴⁸ Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914 – 1918 гг.). Пг., 1918. С. 92.

строем полка; на знамени отчетливо видна надпись «Свобода». По бокам стоят ассистенты — молодые офицеры в гвардейской форме. Очевидно, что данное знамя воспринималось как официальное полковое, а высшее командование, присутствовавшее на параде, либо одобряло это, либо, по крайней мере, открыто не выдвигало возражений⁴⁹.

Передача красного знамени 84-му пехотному Ширванскому полку было обставлено весьма торжественно, полковой комитет даже организовал 27 августа в честь этого события специальный праздник Знамени свободы⁵⁰.

Вручение красных знамен от имени промышленных предприятий войсковым частям продолжалось и осенью 1917 г. Так, Балтийский судостроительный и механический завод подготовил знамя поезду № 2 специальной морской тяжелой батарее. Своей надписью «Да здравствует 3-й Интернационал. За мир всему миру» знамя отличалось от первых знамен-подарков, в этом проявилось усиление влияния социалистов-интернационалистов⁵¹.

Революционная символика отразилась и на знаменах вновь создаваемых ударных частей. Согласно приказу Верховного главнокомандующего № 439 от 13 июня 1917 г., революционные ударные батальоны получали особые знамена: на красном фоне изображался черный Андреевский крест и надпись «За свободу народов, граждане, с оружием вперед». Другая сторона знамени должна была оставаться гладко-красной — до боевого отличия. В случае же отличия знамя украшалось «эмблемой бессмертия» — черепом и двумя костями. Организаторы батальонов, используя революционную риторику, подчеркивали свою приверженность идеологии и политической позиции Петроградского совета. Их призыв гласил: «На германские баррикады — там мир и наша свобода! Все, кому дороги судьбы родины, кому дороги великие идеалы братства народов, рабочие, солдаты, женщины, юнкера, студенты, офицеры, чиновники идите к нам под красные знамена добровольческих батальонов»⁵².

Красный цвет использовался и в символике ударных частей, создававшихся из добровольцев-фронтовиков. В соответствующем приказе Верховного главнокомандующего указывалось, что цветами этих соединений являются красный — «символ борьбы за свободу» и черный — «указание на нежелание жить, если погибнет Россия». Черный и красный цвета стали цветами формы и знамени Корниловского полка, созданного в 1917 г., эти цвета полк сохранял в течение всей Гражданской войны. Таким образом, традиция революционного подполья опосредованно влияла и на символику Белого движения⁵³.

В наступление российская армия под красными флагами пошла 18 июня 1917 г. Красный флаг был символом атакующего «революционного оборончества». «И в тот день, когда красное знамя взвьется над дворцом германского

⁴⁹ Архив кино-, фото-, фотодокументов Санкт-Петербурга. Д. 3760.

⁵⁰ Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции. С. 72.

⁵¹ Каталог флагов и знамен Центрального Военно-морского музея. Л., 1967. С. 103.

⁵² Кибовский А. Революцией призванные (Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла) // Цейхгауз. 1998. № 8 (2). С. 30–36; Разложение армии в 1917 году. С. 69.

⁵³ Корнаков П.К. Краски войны // Родина. 1990. № 10. С. 26, 27.

императора, в этот день и кончится война», — писал фронтовик-доброволец. Образ краснознаменной и победоносной Российской армии рисовало и обращение Временного правительства (8 июля): «Воины революционной армии! Ваши братья, вступившие с красными знаменами в бой, зовут вас вместе с ними к дружному натиску на защиту свободы, во имя справедливых условий прочного мира». 9 июля министр-социалист М.И. Скобелев призывал войска Северного фронта: «Товарищи, с красными знаменами и с оружием в руках несите освобождение народам». Этот призыв рассылался по всем армиям. Язык министров-социалистов пытались копировать и некоторые генералы. «С красным стягом в руках, с любовью к Родине в сердце бросимся на помощь соратникам и сметем врага с земли русской», — гласил подписанный 6 июля приказ генерала В.Н. Клембовского войскам Северного фронта⁵⁴.

Красный флаг использовал и генерал Л.Г. Корнилов. Он позировал с красным флагом, а 20 июня генерал приветствовал военного министра А.Ф. Керенского такими словами: «...Теперь, когда мы знаем, что деремся за счастье русского народа, и его будущее, то под этим красным знаменем армия пойдет вперед и исполнит свой долг». Образ доблестных русских войск, идущих в атаку под красным флагом, рисовал в своих речах и сам военный министр: «Я видел, как под страшным свистом смертоносного огня наши товарищи и братья с красным знаменем революции и с кликом “Да здравствует свобода!”, “Земля и воля!” бросились вперед». В июле, выступая перед военнослужащими в Минске, Керенский приветствовал «доблестную армию и... командный состав, который пойдет... неся вперед красные знамена революции». Временное правительство извещало войска о наступлении так: «Войска революционных армий, ваши братья, вступившие с красными знаменами в бой, зовут вас вместе с ними к дружному натиску на защиту свободы». Красное знамя революции в этих текстах служит инструментом пропагандистской подготовки к наступлению. Существовали и проекты создания особого «Красного революционного знамени», которым следовало награждать полки, особо отличившиеся в наступлении. 18 июня военный и морской министр А.Ф. Керенский телеграфировал министру-председателю князю Г.Е. Львову: «Настойчиво прошу срочно разрешить мне вручить от имени свободного народа полкам, участвовавшим в бою 18 сего июня, красные знамена, уже и ныне по почину самих атаковавших полков развевавшихся во время боя...». Ответ главы Временного правительства гласил: «... Временное правительство от имени свободного народа вручает геройским полкам, участвовавшим в бою 18 сего июня, красные знамена...»⁵⁵.

⁵⁴ Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции. С. 72; *Латыш-доброволец*. Братание на фронте (Из действующей армии) // Моряк. 1917. № 1. С. 4; РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 133. Л. 67; Ф. 716. Оп. 2. Д. 114. Л. 150.

⁵⁵ Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 364–365; Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции. С. 71–72; Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 5 июля; РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 133. Л. 46; Ф. 479. Оп. 1. Д. 1328. Л. 197–197 об.

Эта переписка оглашалась в приказах по соединениям российских вооруженных сил, что в глазах военнослужащих подкрепляло официальный, государственный характер новых красных знамен. Позднее этот замысел был реализован большевиками, создавшими в августе 1918 г. Почетные революционные знамена, которыми награждались части и соединения Красной Армии. Однако в июне 1917 г. большевики рассматривали этот проект как кощунственное оскорбление «знамени Интернационала», их святого символа. «Солдатская правда» писала 22 июня: «[Солдатам] завязали глаза черной лентой английских и французских нот, и вслепую повели на смерть, давая в награду этим полкам красные знамена. Зачем давать знамена, когда их уже взял, уже завоевал сам народ? Не надо, чтобы Временное правительство дарило красные знамена, благословляя этими знаменами братоубийственную бойню. Вчера мы сами взяли эти знамена, прошли с ними по столице, показали всему миру, что мы против политики наступления, против империалистов всех стран, за переход всей власти в руки народа»⁵⁶.

В это время серьезную конкуренцию красному флагу в вооруженных силах начинают представлять различные национальные флаги. Так, уже в марте многие войска на Украине, вышли на демонстрации под желто-голубым флагом⁵⁷. Национальный флаг был поднят над штабом «украинизируемого» 34-го корпуса, которым командовал П.П. Скоропадский (позже корпус получил название 1-го Украинского)⁵⁸. Отражением усилий по украинизации части кораблей Черноморского флота был подъем желто-голубых флагов осенью 1917 г. (см. главу II).

Использование различных национальных флагов в качестве государственных символов свидетельствовало о кризисе власти. В масштабах всей страны, однако, доминировал красный флаг. В некоторых ситуациях появление каких-либо других флагов, кроме красного, не допускалось. Так, маршевые роты, направляющиеся на фронт, срывали по пути все флаги, висевшие в управлениях, частях и штабах, и требовали их повсеместной замены красными флагами. Повидимому, это получило очень широкое распространение, так как мобилизационное отделение Главного управления Генерального штаба специально требовало знакомить всех отправляемых на фронт со значением различных флагов. Это распоряжение было включено в приказ по Петроградскому военному округу от 3 мая⁵⁹.

Позже последовал и специальный приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего, который требовал разъяснить нижним чинам, что укреплять красные флаги на вагонах нельзя, ибо на железной дороге красный флаг служит сигналом опасности, и частое его использование в другом качестве притупляет бдительность железнодорожников. Можно предположить, что составители приказа руководствовались не только стремлением предотвра-

⁵⁶ Большеви́зация Петроградского гарнизона: Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. 127.

⁵⁷ Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. Київ, 1996. Т. 1. С. 49.

⁵⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты... С. 386–387.

⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 1. Д. 2188. Л. 344–344 об.

тить железнодорожные катастрофы, но и желанием ограничить распространение революционной символики⁶⁰.

Красное знамя воспринималось порой как могучий и уникальный интернациональный символ, противостоящий национальной символике. В центральном органе меньшевиков было напечатано стихотворение, опубликованное затем и в некоторых провинциальных изданиях умеренных социалистов, занимавших оборонческую позицию:

*Красное знамя — ты символ свободы,
Гордо ты реешь средь вражьих знамен.
Властно к борьбе призываешь народы,
Нет для тебя ни границы, ни племен*⁶¹.

Неудивительно, что российские революционные организации самого разного толка порой настороженно относились к национальной символике. Когда Временное правительство отменило все акты, ограничивавшие права Финляндии, в Великом княжестве были вывешены национальные финские флаги с изображением льва. Тогда в резиденции полицмейстера города Або раздался звонок. Звонивший передал постановление местного военного комитета российских войск, якобы требующее снятия флагов. Впоследствии этот звонок был отнесен на счет «провокаторов», но, возможно, он действительно отражал позицию какой-то части членов комитета. Показательно, что Исполнительный комитет российских войск в Або специально запросил Гельсингфорсский совет о необходимых действиях в данной ситуации. Исполнительный комитет Гельсингфорского совета 11 марта заявил, что «никаких препятствий к вывешиванию тех или иных флагов ... не видит, и просит Абосский исполнительный комитет предоставить местному населению в этом деле полную свободу»⁶².

Обострился вопрос о национальных флагах в канун праздника Первого мая. Демонстрация интернационализма приобрела характер общегосударственного праздника, она требовала отрицания национализма. В этих условиях национальные символы казались совершенно неприемлемыми. Накануне праздника газета большевиков Кронштадта прямо призывала: «Против многоцветных знамен капиталистов поднимается наше Красное знамя»⁶³.

Кронштадт выделялся своей радикальной позицией. Однако конфликт, связанный с национальными флагами, имел место и в Ревеле, где в то время преобладали умеренные политические партии. Предпраздничная листовка Ревельского комитета РСДРП гласила: «Это красное знамя международный пролетариат во время празднования рабочими 1 мая высоко поднимает над всеми национальными флагами. В этот день в доказательство своей солидарности с рабочими всех стран и единения в достижении общепролетарской цели, рабочие выходят на

⁶⁰ Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции. С. 71.

⁶¹ Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 20 июля.

⁶² Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 19 марта.

⁶³ Голос правды. Кронштадт, 1917. 13 апреля.

улицу только под красным знаменем, и в этот день нет места национальным флагам. Если же национальные флаги будут вынесены, то их надо считать противными международному братству. Особенно это теперь так, когда русская революция, сбросив царскую власть, водрузила красное знамя на развалинах старого режима и до Учредительного собрания не снимет его с новых занятых мест». Неудивительно, что во время праздника в Ревеле срывались эстонские национальные флаги, пострадали и флаги чехов, участвовавших в демонстрации. Большевики утверждали, что срывать эстонские флаги начали русские матросы, а затем к ним якобы присоединились с пением «Марсельезы» эстонские рабочие. К этим свидетельствам следует относиться осторожно, однако показательна принятая на следующий день резолюция местного Совета: «Осуждая срывание флагов как акт насилия, Совет рабочих и воинских депутатов в то же время разъясняет, что 1 мая — праздник Интернационала, праздник международный, вывешивание национальных флагов в этот день противоречит идее Интернационала»⁶⁴. Иначе говоря, умеренный в политическом отношении Совет считал, что конфликт спровоцирован самим видом национальных флагов. Можно предположить, что в этой и иных ситуациях риторика интернационализма использовалась для сохранения единства государства.

«Буржуазно-националистические» флаги считались недопустимыми на первомайских торжествах и в других городах. Так, в Одессе к демонстрации пытались присоединиться сионисты со своими флагами, однако организаторы праздника сочли их участие в «празднике труда» недопустимым и, «чтобы не смешать националистически-буржуазную демонстрацию с демонстрацией труда», направили сионистов по другим улицам⁶⁵.

Зачастую красные и национальные флаги мирно соседствовали. В Петрограде еще 26 марта состоялась демонстрация эстонцев-республиканцев (состоявшая по преимуществу из военнослужащих), которые несли национальные флаги. Эстонские социал-демократы отказались участвовать в данной манифестации, так как, по их мнению, «буржуи затемняют такой манифестацией сознание народных масс и отвлекают их от классовой борьбы». Но показательно, что и участники демонстрации, придерживавшиеся относительно умеренных политических взглядов, несли на красных транспарантах лозунги с требованием автономии Эстонии. Демонстранты несли также и красное знамя, на котором был изображен небольшой эстонский флаг⁶⁶. И в

⁶⁴ Революционное движение в России в апреле 1917 г. ... С. 101–102; РГА ВМФ. Ф. Р–402. Д. 119. Л. 98; *Петров М.А.* Большевизация южных баз Балтийского флота в 1917 году. Л., 1981. С. 51–52. — По-видимому, этот эпизод учитывался при планировании Июньской демонстрации в Ревеле. Местный флотский комитет постановил: «Участвующим в демонстрации предоставляется свобода революционных лозунгов и национальных флагов». См.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 97.

⁶⁵ *Ачканов Г.* 1) Очерки Февральской и Октябрьской революции в Одессе (Развитие революционного движения в Одессе и роль большевиков). Одесса, 1927. С. 11; 2) От Февраля к Октябрю // Октябрь на Одешине: Сб. статей и воспоминаний к 10-летию Октября. Одесса, 1927. С. 7.

⁶⁶ *Авдеев Н.* Революция 1917 года (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. 1: Январь-апрель. С. 127; Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 298; Архив кино-, фото-, фонодокументов Санкт-Петербурга. Д. 1976.

других ситуациях красный флаг использовался как символ национальных движений.

Свои лозунги на красных флагах писали и мусульмане, и сионисты. Красные стяги несли и во главе православных религиозных процессий, и во время манифестаций, организованных Лигой равноправия женщин. Красными знаменами обзаводились бойскауты. На красных полотнищах и транспарантах школьников красовались лозунги: «Ученье — свет, неученье — тьма», «Охрана детского труда и всеобщее обязательное обучение». Впрочем, некоторые юные манифестанты выдвигали и более радикальные требования. Дети порой требовали ликвидации «ига родителей» и на своих красных флагах писали: «Да здравствует детский социализм!»⁶⁷.

Обилие красных флагов, ставших символами различных организаций, привело к тому, что некоторые политические группировки предпринимали попытки заявить о своем исключительном праве на революционный стяг. Они считали «истинными знаменосцами» лишь свою политическую партию, своих вождей. В этом отношении показателен лозунг большевиков Кронштадта, развернутый на демонстрации 1-го мая: «Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия. Только она защищает интересы пролетариата, только она держала и держит высоко наше красное знамя, звала и зовет нас к великой цели к социализму!». В свою очередь митинг солдат гарнизона г. Воронежа, 13 мая организованный местными большевиками, приветствовал своего лидера данной партии так: «Шлем братский привет дорогому товарищу Ленину как стойкому борцу революционного пролетариата, рабочих, крестьян и солдат, всегда высоко державшему красное знамя Интернационала...»⁶⁸.

Нередко в статьях и резолюциях «истинные знаменосцы» революции противопоставлялись политическим силам, недостойным хранить красный флаг, хотя и претендующим на это. В конце ноября 1917 г. I съезд моряков Военного флота приветствовал Военно-Морской революционный комитет, «который распустил Центрофлот и не дал затоптать в грязь революционное красное знамя моряков»⁶⁹.

Порой под красным флагом одновременно боролись друг с другом и явные политические противники. Так, во время Апрельского кризиса манифестанты, выступавшие против «империалистической» политики министра иностранных дел П.Н. Милюкова, шли, естественно, под красными флагами. Но красные флаги наряду с иными несли и участники контр-манифестации, — сторонники Милюкова. Они использовали имевшиеся в обилии красные флаги, куски простой красной материи, тут же на улице мелом и углем писали на них свои лозунги. Например, на огромном красном флаге, висевшем на Невском

⁶⁷ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов, № 4532, 4533, 4534; Русское слово. 1917. 4 марта; Witnesses of the Russian Revolution. London, 1994. P. 101; Реликвии Великого Октября из фондов Центрального музея революции СССР и Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1987. С. 32, 34; *Корнаков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 61–62.

⁶⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 498.

⁶⁹ *Вахрамеев И.И.* Во имя революции (Воспоминания). М., 1957. С. 93.

проспекте со дня праздника 1 мая (18 апреля старого стиля), появилась надпись «Да здравствует Временное правительство». Сторонники Милюкова использовали и красные транспаранты патриотической демонстрации инвалидов, состоявшейся 17 апреля, несли они и красные розы. Борьба за флаги играла большую роль в дни Апрельского кризиса. Участники различных манифестаций срывали и уничтожали флаги своих политических противников. Информация о подобных действиях влияла на развитие событий. Так, узнав о том, что на Невском проспекте срывают «их» красные флаги и транспаранты, рабочие некоторых промышленных предприятий, оставив все первоначальные колебания, решительно устремлялись в центральные районы города. Прибыв на место, они принимали участие в уничтожении красных флагов и плакатов своих политических противников. При этом противникам Милюкова, похоже, было неприятно признавать, что их оппоненты также несли красные транспаранты, поэтому, описывая события, они либо не упоминали цвет уничтоженных ими знамен, либо специально подчеркивали, что, например, было сорвано белое знамя с надписью «Да здравствует Милюков»⁷⁰.

Стремление уничтожить «чужие» и отстоять «свои» красные флаги имело место и в других городах во время манифестаций разного толка. Иногда причиной тому были лозунги на знаменах, иногда целью атаки становились просто символы оппонентов. Так, 2 июня во время митинга в порту Ревеля группа матросов с крейсеров, поддерживавших партию социалистов-революционеров, напала на матросов радикально настроенных кораблей «Республика» и «Россия», имевших репутацию «большевистских». «Эсеры» пытались захватить красное знамя, на котором на русском, эстонском и латышском языках был написан социал-демократический лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь», то есть флаг в принципе мог быть и меньшевистским. Советские авторы отмечали, что митингующие смогли отстоять свое знамя. Это связано с тем, что, очевидно, историкам было неприятно признавать, что знамя с марксистским лозунгом было уничтожено балтийскими матросами. Тем не менее в постановлении Военной организации Ревеля указывалось, что знамя было разорвано; о том же можно прочесть в ранних редакциях воспоминаний моряков. Большевики-военные заявляли, что при повторении подобных ситуаций они готовы пойти на крайние меры: «Заявляем буржуазии и ее прихвостням, что мы впредь не допустим того, что было 2-го июня и будем с оружием в руках защищаться от их злоумышленных и нагло-насильственных проделок. Мы призываем всех матросов и солдат встать под наше знамя». Однако уже 18 июня в Ревеле были предприняты попытки разорвать большевистское красное знамя во время новой демонстрации⁷¹. Аналогичное событие произошло в Перми 25 июня, когда большая группа сол-

⁷⁰ Новое время. 1917. 22 апр.; Апрельские дни 1917 года в Петрограде // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 40, 43, 50, 66, 74; *Корнаков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 135, 139; *Большевизация Петроградского гарнизона...* С. 81.

⁷¹ *Дыбенко П.Е.* 1) *Мятежники (Из воспоминаний о революции)*. М., 1923. С. 56; 2) Из недр царского флота к Великому Октябрю: Из воспоминаний о революции. М., 1928. С. 89–90; *Ховрин Н.* В 1917 году во флоте (Воспоминания матроса) // *Красная летопись*. 1926. № 5 (20). С. 62; *Петров М.А.* *Большевизация южных баз Балтийского флота...* С. 66, 75; Копии большевистских резолюций, постановлений. Л. 328.

дат атаковала демонстрацию рабочих, организованную Мотовилихинским советом рабочих и солдатских депутатов и местным комитетом РСДРП. В результате этого столкновения было разорвано до 20 красных знамен⁷².

Июньская демонстрация в Петрограде вошла в историю как своеобразный «референдум флагов», но точнее было бы назвать ее «референдумом красных флагов» — на красных знаменах изображались совершенно разные лозунги политических оппонентов. Эта демонстрация также сопровождалась уничтожением «чужих» красных знамен. Если в Петрограде срывали флаги сторонников Временного правительства, то в Ревеле вновь подвергся нападению красный флаг приверженцев левых социалистов. «Оборонцы» атаковали знамя рабочих завода «Двигатель», на котором было написано «Долой 10 министров-капиталистов! Война войне!». Стяг удалось отстоять при поддержке вовремя подоспевших матросов. В Архангельске 25 июня также напали на знамена большевиков; специально созданный по этому поводу митинг оценил данные действия как «контрреволюционную попытку»⁷³.

В то же время некоторые представители командования старались использовать красный флаг для укрепления военной дисциплины и собственного авторитета. Так, генерал А.А. Брусилов, вступая в должность Верховного главнокомандующего, издал 25 мая приказ, в котором призвал «...всех русских воинов всяких чинов и положений сплотиться вокруг красного стяга с девизом “Свобода, равенство и братство”, и ринуться на врага, сломать его и разрушить навсегда германский милитаризм». Подобный призыв подтверждал особый, фактически официальный статус красного флага. Можно предположить, что это вызвало протесты части генералов и офицеров. По свидетельству генерала А.И. Деникина, Брусилов оправдывался, объясняя необходимость своего поступка патриотическими и прагматическими соображениями: «Вы думаете, мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна, ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю»⁷⁴. Брусилов не был единственным генералом, который пытался «лечить» страну и армию с помощью авторитета красного флага. Как уже отмечалось, подобные попытки предпринимали и будущие лидеры Белого движения — адмирал А.В. Колчак и генерал Л.Г. Корнилов.

18 июня стране стало известно о наступлении русских армий Юго-Западного фронта. В Петрограде сторонники начавшегося наступления прикалывали к красным флагам портреты А.Ф. Керенского — изображение «вождя революции» становилось своеобразным политическим символом. Другие манифестанты прикрепляли портреты популярного военного министра к национальным трехцветным флагам. В этот день символ революции и старый национальный флаг мирно соседствовали, их объединил культ общего вождя.

Красные флаги, заготовленные для более ранних манифестаций, использовались противоборствующими силами и во время Июльского кризиса.

⁷² Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. ... С. 553.

⁷³ *Петров М.А.* Большевизация южных баз Балтийского флота... С. 76; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.): Сб. документов. Л., 1982. С. 41.

⁷⁴ Цит. по: *Солнцева С.А.* Военная символика Февральской революции. С. 71.

При этом на знаменах порой можно было прочесть одни и те же лозунги. Многие участники событий были этим изрядно озадачены. Один из них вспоминал: «Когда я читал надписи на знаменах прибывших частей, то недоумевал — лозунги их мало отличались от наших. Смысл их был один и тот же»⁷⁵.

Красный флаг нередко использовали участники многих стихийных волнений, пытавшихся таким образом «узаконить» свои действия. Но и подавление этих волнений также шло под красным флагом. Неудивительно, что купцы Нижнего Новгорода преподнесли большой букет красных роз полковнику А.И. Верховскому, главнокомандующему войсками Московского военного округа, подавившему беспорядки солдат местного гарнизона. Выбор цветов не был случайным, к букету прилагалась визитная карточка с надписью «От благодарных купцов Нижнего Новгорода революционному командующему»⁷⁶. Нижегородские предприниматели приветствовали сильную власть, под красным флагом наводившую порядок в городе.

После Июльского кризиса возник конфликт из-за флага Центрального комитета Балтийского флота, высшего выборного органа моряков этого соединения. Флаг представлял собой красное полотнище с двумя скрещенными якорями и надписью «ЦКБФ». Центробалт просил разрешения поднять данный флаг. Очевидно, речь шла лишь о придании юридического статуса уже существующему флагу, который еще 1 мая был поднят на стеньге гот-мачты корабля «Виола», ставшем резиденцией Центробалта. Однако помощник морского министра капитан 1-го ранга Б.П. Дудоров во время переговоров с командующим флотом 14 июля заявил: «Никаких самочинных флагов ни комиссия (ликвидационная комиссия, созданная после роспуска первого состава Центробалта. — *Б.К.*), ни будущий Центральный комитет не имеют права поднимать. Флаг может быть утвержден только в установленном законом порядке центральной властью». Официальное обращение Центробалта к центральной власти с просьбой утвердить образец флага было отвергнуто, и 28 июля Дудоров сообщил командующему флотом Балтийского моря решение А.Ф. Керенского: «Министр отклонил такое ходатайство, так как флаг на корабле присваивается лишь начальствующим лицам». Аналогичная резолюция Дудорова появилась и на проекте, посланном Центробалтом. Соответственно, и командующий флотом не разрешил поднимать флаг. Но, сообщая это решение Центробалту, адмирал использовал иную, более дипломатичную формулировку: проект отклонялся ввиду того, что в Российском флоте данный флаг «не существует»⁷⁷. Вернее было бы предположить, что

⁷⁵ Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 180–190.

⁷⁶ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 284.

⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1641. Л. 1; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2334. Л. 2; Зингер М.Е. 1917 год в Балтийском флоте: Опыт систематического исследования революционных событий // РГА ВМФ. Ф. Р–29. Оп. 1. Д. 153. Л. 513; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота (1917–1918). М.; Л., 1963. С. 87, 100, 137; Дыбенко П.Е. 1) Мятежник... С. 40; 2) Из недр царского флота к Великому Октябрю... С. 76; Миланов В.Я., Семенович Н.Н. Флаги отечественного флота, 1667–1996. М., 1996. С. 145–149.

решение правительства явилось следствием падения влияния Центробалта после Июльских событий, влиятельный комитет лишился важного символа власти. И флаг Центрального комитета Балтийского флота на некоторое время был спущен⁷⁸.

Партийные организации большевиков, используя этот инцидент в пропагандистских целях, начали проводить соответствующие резолюции на собраниях, побуждая Центробалт занять более радикальную позицию и открыто бросить вызов Временному правительству. Так, команда эскадренного миноносца «Автроил» заявила: «Категорически протестуем против спуска флага Центрального комитета Балтийского флота». Резолюция требовала: флаг «должен гордо развеваться на страх всем темным силам». На большом митинге в Гельсингфорсе была принята схожая резолюция: «Требуем от Центрального комитета Балтийского флота, чтобы он водрузил свой флаг на яхте “Полярная звезда”». С аналогичным требованием выступила и первая бригада линейных кораблей, самое мощное соединение флота⁷⁹.

В конце августа 1917 г. политическая ситуация в стране вновь радикально изменилась: генерал Корнилов бросил вызов Временному правительству, в связи с чем последнему понадобилась поддержка войсковых и флотских комитетов. В этой обстановке Центробалт, не дожидаясь уже никаких разрешений правительства и Морского министерства, 28 августа вновь поднял свой флаг⁸⁰.

Красный флаг на мачтах кораблей стал знаком присоединения Балтийского флота к революции в марте 1917 г. (см. главу II), однако он поднимался и в последующие месяцы, что отражало социальные и политические конфликты разного характера и разного уровня, отражая особенности борьбы на флотах, соединениях и отдельных военных судах.

В мае 1917 г. команды ряда судов Балтийского флота все настойчивее ставили вопрос о повышении жалования матросам. Морскому ведомству и правительству с их стороны был предъявлен фактически ультиматум. Активист матросских организаций Гельсингфорса вспоминал, как на одном заседании было решено поднять красные флаги вместо Андреевских и не спускать их до тех пор, пока правительство не улучшит материальное положение моряков. Флаги были подняты, а движение матросов поддержал и Гельсингфорсский совет. В результате правительство отступило, увеличив жалование матросам⁸¹.

Однако красный флаг поднимался и на тех кораблях, чьи экипажи заявляли о своей лояльности правительству. Так, 9 июня 1917 г. из дальнего плавания во Владивосток прибыл крейсер «Печенга». Стоявшие на берегу увидели развевавшиеся

⁷⁸ Дыбенко П.Е. Мятежники... С. 60.

⁷⁹ Прибой. Гельсингфорс, 1917. 22 августа, 9 сентября; Копии большевистских резолюций, постановлений. Л. 243, 251; Миланов В.Я., Семенович Н.Н. Флаги отечественного флота... С. 149.

⁸⁰ Миланов В.Я., Семенович Н.Н. Флаги отечественного флота... С. 149.

⁸¹ Вишневецкий Е. Матросская фракция Гельсингфорсского совета // Октябрьский шквал (Моряки Балтийского флота в 1917 году). Л., 1927. С. 55.

на корабле красные флаги с надписями «Да здравствует свободная Россия», «Поддерживаем Временное правительство»⁸².

Чаще боевой красный флаг стал символом политического радикализма моряков. Созданный при поддержке Гельсингфорского совета матросский клуб начал издавать журнал «Моряк», получив для этого специальную правительственную субсидию. На обложке издания был изображен военный корабль, на мачте которого развевался боевой флаг. От изображения кормового флага осторожный художник воздержался: взгляды потенциальных читателей, матросов Балтийского флота, на этот счет расходились как уже отмечалось, многие моряки сохраняли верность Андреевскому флагу. Показательно, что, хотя среди инициаторов выпуска журнала, по-видимому, были большевики, они вовсе не контролировали его содержание. «Журнал шел с постоянными переходами от погромной программы к эсеровской, потом беспартийной и т.д., но, к сожалению, так и не стал большевистским», — вспоминал моряк-большевик. Обвинения издания в «погромности» носили обличительно-пропагандистский характер, но передовая статья журнала была выдержана в оборонческом духе. При этом она была пропитана пафосом бескомпромиссной борьбы с капиталом: «“Моряк” поднял боевые флаги до места и вступил в бой с врагом русского крестьянина и рабочего — с капиталом — и не спустит “Моряк” своих боевых флагов до тех пор, пока наш враг — капитал не будет повержен»⁸³. На обложке другого журнала моряков «Шторм», издававшегося в то же время Ревельским матросским клубом «Объединение», также был изображен броненосец, на мачте которого развевался красный флаг.

По-видимому, некоторые соединения Военно-морского флота отпраздновали 1 мая поднятием на стеньгах красного флага вместо Андреевского. Во всяком случае, накануне праздника командование Флотилии Северного Ледовитого океана приказало командирам судов не препятствовать командам, если они выразят подобное желание. С приказом был заблаговременно ознакомлен и местный Совет рабочих и солдатских депутатов⁸⁴.

Образ революционного флота, идущего в бой под красным флагом революции, встречается в резолюциях того времени. Так, в начале августа в прессе появилась резолюция одного из наиболее мощных кораблей Балтийского флота: «Революционный линейный корабль “Петропавловск” с гордостью поднимет красный флаг революции и будет бороться за право народа до конца»⁸⁵. Однако, как уже отмечалось выше, официальным символом военно-морского флота продолжал оставаться Андреевский флаг.

Красное полотнище, подобно старому императорскому штандарту, поднималось над Зимнем дворцом ставшем резиденцией А.Ф. Керенского, когда он возглавил Временное правительство после Июльского кризиса. Однако ре-

⁸² Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917–1922): Документы и материалы. Владивосток, 1989. С. 64.

⁸³ Моряк. Гельсингфорс, 1917. № 1. С. 1; Вишневский Е. Матросская фракция Гельсингфорского совета. С. 66.

⁸⁴ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере... С. 30.

⁸⁵ Прибой. Гельсингфорс, 1917. 4 августа.

волюционный премьер, возможно, в это время сам пришел к выводу, что революционные символы не смогут стать символами общенационального объединения. Красный флажок на его автомобиле был заменен флагом военного министра. Это, казалось, подтверждало слова, по слухам, сказанные адъютантом Керенского: «красные тряпки» де надоели главе Временного правительства, и он де хочет Андреевский флаг сделать национальным⁸⁶. Все это, наверняка, настораживало многих искренних сторонников Февраля, в особенности социалистов.

После выступления генерала Л.Г. Корнилова 1 сентября правительство провозгласило Россию республикой, чего требовали многие резолюции, проводившиеся ранее водившиеся левыми социалистами. На Балтийском флоте по инициативе капитана 1-го ранга А.М. Щастного, офицера для поручений при командующем флотом, в честь этого события все суда подняли стеньговые революционные флаги, оркестр исполнил «Марсельезу», присутствующие кричали «ура». Затем 4 сентября красные флаги на стеньгах судов были подняты на три дня — в ознаменование полугодия отречения великого князя Михаила Александровича от престола⁸⁷.

Между тем, решение о провозглашении республики вызвало недовольство со стороны либеральных и консервативных кругов: формально лишь Учредительное собрание имело должные полномочия для изменения государственного строя страны. Неожиданно к этим протестам присоединились и силы на левом фланге политического спектра. 6 сентября по инициативе линейного корабля «Петропавловск» 19 кораблей Балтийского флота выразили свой протест: они желали провозглашения республики демократической. Первоначально поступила информация о том, что именно так определялось государственное устройство страны. К ним присоединился и судовой комитет линейного корабля «Республика», хотя ранее команда была горда своим новым революционным названием. Матрос-большевик Н.А. Ховрин пишет в своих мемуарах, что объединенное заседание судовых комитетов 19 кораблей состоялось по инициативе большевиков. К данному свидетельству следует отнестись осторожно: во многих воспоминаниях, написанных и изданных в советское время, руководящая роль партии всячески преувеличивалась. Во всяком случае, комитеты этих судов постановили поднять 8 сентября боевые флаги и «до проведения всех реформ, связанных с демократической формой правления, в жизнь таковые не спускать». Но фактически уже 7 сентября на стеньгах некоторых судов Балтийского флота были подняты красные флаги. Поднятие флагов воспринималось как давление команд и на правительство, и на выборные организации флота. 7 сентября Центральный комитет Балтийского флота после острой дискуссии был вынужден поддержать это решение и распространил его на весь флот (показательно, что на этом собрании «Петропавловск» представлял беспартийный матрос, требовавший подъема флагов). Даже умеренные члены

⁸⁶ Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. 182.

⁸⁷ [Ренгартен И.И.] Балтийский флот накануне Октября (Из дневника И.И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 4 (35). С. 22, 24.

Центробалта понимали, что, не пойдя они на уступки, им грозила бы конфронтация с командами важнейших кораблей флота, которые были полны решимости поднять красные флаги. Соответствующая резолюция Центробалта гласила: «Принимая во внимание, что декретом Временного правительства объявлена Российская республика, а не демократическая, в знак протеста против недоговоренности и откладывания введения республиканских учреждений на неопределенное время в 8 часов утра 8 сентября поднять на стенах всех судов Балтийского флота, а также на береговых частях красные флаги и не спускать таковые до установления федеративной демократической республики». Оговаривалось, впрочем, что суда, получившие приказание выйти в море, должны спускать боевые флаги.

Красные флаги на Балтийском флоте были спущены лишь 12 сентября, в день открытия Демократического совещания. Объединенное заседание делегатского собрания Гельсингфорсского совета, Революционного комитета Финляндии и Центробалта постановило: «Балтийский флот поднял боевые флаги. Этим самым он выражает свою непоколебимую преданность и верность революции. Флот демонстрирует свою готовность всеми силами бороться за переход власти в руки Революционной Демократии пролетариата и трудового крестьянства и настаивает перед Демократическим совещанием о проведении этой меры в жизнь. <...> Флаги должны быть спущены в день созыва Демократического совещания в 8 часов вечера». Однако корабли, базировавшиеся на Гангэ и Лапвик, даже после принятия этого постановления не спустили красный флаг⁸⁸.

Можно предположить, что радикально настроенные сторонники большевиков не были согласны с решением Центробалта и других комитетов, они желали сохранить красный флаг. Кронштадтская большевистская газета писала по этому поводу: «Надо ли опустить боевые флаги в день совещания, или они должны быть подняты как символ того, что хочет Балтийский флот, к чему стремится революционная на деле, а не на словах демократия»⁸⁹.

Центральный комитет Черноморского флота также постановил в честь республики поднять на кораблях 22 сентября красные флаги. Это решение поддержал и Севастопольский совет. Некоторые команды рассматривали эти постановления как призыв поднять красный флаг на относительно длительный период: «Заслушав постановление Центрофлота Черноморского флота относительно красного флага, поднятого на судах Черноморского флота в честь провозглашенного лозунга ... “Да здравствует демократическая федеративная республика” и оставление такового до Учредительного собрания, команда линейного корабля “Ростислав” совместно с судовым комитетом приветствует Центральный комитет Черномор-

⁸⁸ Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. С. 386–387; Дыбенко П. Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю... С. 133–134; [Ренгартен И. И.] Балтийский флот накануне Октября. С. 23–24; Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм. М., 1987. С. 135; Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 210–212; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота... С. 175, 192–193, 198, 201, 214; Пролетарское дело. 1917. 25 сентября; Копии большевистских резолюций, постановлений. Л. 91; Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet (War and Politics, February 1917 – April 1918). London; Basingstoke, 1978. P.80.

⁸⁹ Пролетарское дело. Кронштадт, 1917. 25 сент.; Копии большевистских резолюций, постановлений. Л. 184.

ского флота и выражает свое подчинение»⁹⁰. Однако, по-видимому, флаг развевался сравнительно непродолжительное время. Вновь красный флаг на кораблях Черноморского флота был поднят 28 ноября, когда военно-политическая часть флота отдала распоряжение: «...Поднять на один день сигнал “Вся власть Учредительному собранию”, на стенах красные национальные флаги»⁹¹. Показательно, что в данном случае красный флаг рассматривался и как национальный символ России, и как символ Учредительного собрания.

Многие противники «углубления революции» без энтузиазма взирали на почти полное господство красного флага — желанная политическая стабилизация связывалась с отказом от революционной символики. Корреспондент английских газет и офицер американской армии С. Уошберн писал военному министру США о том, что голод и холод уже осенью приведут к власти в России «сильное правительство»: «Когда это время придет, мы увидим, как комитеты солдатских и рабочих депутатов с их красными флагами попрячутся по подвалам»⁹². Без сомнения, он цитировал высказывания своих русских собеседников.

Открытые выступления против красного флага рассматривались всеми русскими социалистами как контрреволюционные действия. В то же время социалисты разного толка претендовали на то, что именно они являются «истинными» знаменосцами, обвиняя своих оппонентов в оскорблении священного символа революции. Обращение Федерации анархистов-коммунистов Харькова, принятое 30 сентября, обличало новых «опричников», сторонников Временного правительства: «Карательные экспедиции, как встарь, рыскают по свету и отыскивают крамолу, и вместо красного знамени, что так нахально держат в руках палачи, им достойнее взять метлы и собачьи головы»⁹³. Этот процесс продолжался и позднее: после прихода к власти большевиков их политические противники стали обвинять их в профанации символа революции. Статус красного знамени был фактически закреплен лишь в апреле 1918 г., когда Всероссийский Центральный исполнительный комитет принял соответствующий декрет, согласно которому флагом Российской Республики признавалось знамя с надписью «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика»⁹⁴.

Тем не менее, многие противники большевиков продолжали считать их узурпаторами, несправедливо похитившими священные символы революции. Соответственно, антибольшевистское движение подчас проходило под красным флагом. Так, 17 ноября в Могилев вступил ударный батальон 1-й Финляндской стрелковой дивизии, прибывший для защиты Ставки Верховного главнокомандующего от большевистских отрядов. Над колонной стрелков реяло алое знамя, на котором было начертано: «Долой анархию»⁹⁵.

⁹⁰ Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. С. 386; Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 8 октября.

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.

⁹² Library of Congress, Manuscript Division, S. Washburn Papers.

⁹³ Анархисты... Т. 2. С. 59.

⁹⁴ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 62.

⁹⁵ Кибовский А. Революцией призванные... С. 30–36; Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России. М., 1976. С. 245.

Противники большевиков продолжали и позднее использовать красный флаг. Многие демонстранты, выступавшие в защиту Учредительного собрания в Петрограде 5 (18) января 1918 г., шли под красными флагами, а депутаты-эсеры украсили себя красными бантами. Советским авторам это использование революционной символики было крайне неудобно признавать, они выделяли участие в манифестации кадетов, шедших под зелеными (партийными) и белыми флагами⁹⁶. Напротив, многие сторонники Учредительного собрания всячески подчеркивали, что именно они являются носителями символов революции, защитниками героической революционной традиции. Лидер социалистов-революционеров В.М. Чернов в январе 1918 г. описывал расстрел большевиками демонстрации в защиту Учредительного собрания: «...Несколько раз, встречаемая залпами, волна демонстрантов взмывалась после залпов вперед, заглушая пением революционных гимнов стукотню выстрелов; несколько раз с потрясающим энтузиазмом сплачивались вокруг красных знамен, принимая их из рук падающих на землю раненых или убитых». Большевиков он обвинял не только в крайней жестокости, но и в кощунственном оскорблении священных символов революции: «При обстреле отступающих с Литейного проспекта демонстрантов их преследовали выстрелами в спину. Затем, догнав их и вырвав красное знамя, его ломали в куски, рвали в лохмотья, топтали сапогами. <...> Теперь никого не удивляет, если эту святую для социалистов эмблему топчет тяжелый и грязный сапог красногвардейца»⁹⁷.

Действительно, и 5 (18) января 1918 г. борьба на улицах вновь велась вокруг красных флагов. Красногвардейцы и солдаты вырывали транспаранты и знамена у демонстрантов, обрывали полотнища и швыряли их в костры или на лед Невы. Борьба красногвардейцев с красными флагами носила ритуальный характер. Среди убитых демонстрантов, павших от пуль сторонников большевиков, был и крестьянин Г.Л. Логвинов, эсер, член Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов, который шел во главе одной из процессий, неся в руках большой красный флаг⁹⁸.

В то же время массы, поддерживающие большевиков, рассматривали использование красного флага их политическими противниками как своеобразную мимирию, как приспособление к условиям революции. Команда линейного корабля «Гангут» писала в Совет народных комиссаров: «Если потребуются вооруженные силы для борьбы с черной бандой, прикрывающейся красным знаменем социализма, мы по первому вашему зову все как один человек выйдем на баррикады, умрем, или победим»⁹⁹.

Однако и позже красный флаг использовали некоторые противники большевиков. В политической жизни Грузии доминировали меньшевики, и это от-

⁹⁶ Ильин-Женевский А.Ф. Трагикомедия Учредительного собрания // Красная летопись. 1927. № 3 (24). С. 131.

⁹⁷ Цит. по: Гусев К.В. В.М. Чернов (Штрихи к политическому портрету). М., 1999. С. 115, 117.

⁹⁸ Рабинович А. Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 173–174, 176.

⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

разилось на символическом оформлении политических процессов. Лишь спустя время символ революции и интернационализма был потеснен грузинской национальной символикой. Так, в начале революции над дворцом, который был резиденцией царского наместника на Кавказе, развевался красный флаг. Затем рядом с красным полотнищем появились два небольших национальных флага, и только потом все они были заменены одним большим грузинским флагом¹⁰⁰.

С красным флагом воевали против Красной Армии рабочие Ижевского завода, желавшие свержения власти большевиков, а также войска Комитета членов Учредительного собрания. Красный стяг использовали и многие участники антибольшевистских восстаний. Красные сражались против красных, символическая битва за право обладания красным стягом продолжалась. Так, во время Кронштадтского мятежа красные флаги продолжали реять над броненосцами, бросившими вызов власти большевиков. Мятежники считали себя истинными защитниками красного флага, подлинными знаменосцами: «Мы, кронштадтцы... сбросили проклятое иго коммунистов и подняли красное знамя Третьей революции трудящихся». Листовка же антикоммунистической «Петроградской рабочей организации», выпущенная в апреле 1921 г., гласила: «Не во имя контрреволюции, не против народа восстал Кронштадт, а для того, чтобы вырвать славное красное знамя из рук той партии, которая своей деятельностью забрызгала его грязью и кровью народа, неслыханными преступлениями и обманом»¹⁰¹.

Буквально те же образы узурпирования и осквернения, загрязнения, профанации священного символа революции использовал, уже в мае 1918 г. философ Г.П. Федотов: «Мы целый год с невыразимой болью созерцали, как влачится в грязи красное знамя, как во имя братства и справедливости бушуют ненависть, алчность и вожделение. <...> Именем социализма трудящиеся массы отравлены ядом подлинно буржуазной, мещанской жадности»¹⁰².

Однако в ходе Гражданской войны красный флаг, символ Февральской революции, по сути игравший роль государственного флага еще до Октября, постепенно начинает восприниматься именно как символ красных, сторонников большевиков, монополизировавших со временем этот символ революции. Фактически это присвоение символа революции признавали белые — неприятие ими красного цвета дошло до того, что их организация «Красный Крест» была преобразована в «Белый Крест», символом которого стал белый крест на синем фоне¹⁰³.

В первые месяцы после Февральской революции были созданы и новые символы, впоследствии использованные большевиками. Такова, например,

¹⁰⁰ Квинтадзе Г.И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии, 1917–1921. Paris, 1985. С. 14.

¹⁰¹ Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы в двух книгах. М., 1999. Кн. 1. С. 255, 404; Кн. 2. С. 45.

¹⁰² Федотов Г.П. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1996. Т. 1. С. 101.

¹⁰³ Герб и флаг России (X–XX века) / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. М., 1997. С. 472. В этом отношении белые руководствовались теми же соображениями, что и анархисты, создавшие ранее организацию политического Черного Креста.

история эмблемы «серп и молот». Сегодня она воспринимается как главный коммунистический символ, но в 1917 г. эту эмблему могли считать своей и социалисты, противостоявшие большевикам. Как показал своими исследованиями П.К. Корнаков, впервые этот знак появился уже в марте 1917 г. на воинском знамени, композиция состояла из молота, меча и серпа. Через несколько недель, 1 мая эмблема появляется во время праздника на знаменах в «классическом» виде. Автором ее был, по-видимому, Л.В. Руднев, впоследствии известный советский архитектор. В этот день серп и молот украшали Марининский дворец (можно предположить, что члены Временного правительства не возражали против того, чтобы такой символ украсил их резиденцию). Затем появляются и другие варианты, включавшие серп, молот и штык (меч), предложенные разными политическими группировками. Справедливым представляется вывод о том, что различные слои общества обладали схожими взглядами на революционную геральдику¹⁰⁴. Впоследствии эта эмблема стала важнейшим элементом гербов РСФСР и СССР.

Прослеживается и иная связь между геральдическим сознанием 1917 г. и советской символикой. Попытки создания нового герба революционной России предпринимались еще в 1917 г. Эсер Д.О. Хелаев предлагал изобразить на красном знамени Земной шар, обрамленный венком из лавра, где каждый лист обозначал определенную «союзную республику», предвосхищая элементы Государственного герба СССР¹⁰⁵.

«Марсельеза» и «Интернационал»

После Февраля предпринимались попытки создания нового национального гимна России. При Особом совещании по делам искусств, функционирующих при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора для рассмотрения вопроса о государственном гимне 6 марта была создана специальная подкомиссия. Чуть позднее, 25 марта, была организована особая «музыкальная комиссия» — для рассмотрения вопроса о создании нового русского гимна. Вероятно, комиссия не проявляла особой активности, так как известно об обращении знаменитого пианиста и дирижера А.И. Зилоти в апреле 1917 г. к комиссару над бывшим Министерством двора Ф.А. Головину с предложением созвать в специальную комиссию музыкантов и литераторов для предварительного рассмотрения проектов гимна, представляемых Временному правительству¹⁰⁶.

Примерно в то же время инициативы создания нового гимна предприняли и иные группы, и уже в первых числах марта 1917 г. представители артистов Мариинского театра обратились к композитору А.К. Глазунову с просьбой срочно сочинить «народный гимн», который предполагалось исполнить 13 марта.

¹⁰⁴ Корнаков П.К. 1) 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 105; 2) Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции (1917 год в России: Массы, партия, власть)... С. 358–359. Уже в 1914 году на знаке в память 50-летия земства были изображены серп и молот в той же позиции, что и на будущем гербе РСФСР. Герб и флаг России (X–XX века) ... С. 358–359.

¹⁰⁵ Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. ... С. 363.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 6834. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 5; РГИА. Ф. 794. Оп. 1. Д. 35. Л. 2; Речь. 1917. 30 апр.

В прессе даже появлялись сообщения о том, что композитор написал «гимн свободы», однако он сам вскоре опроверг эти слухи, заявив, что с новым гимном «следует подождать». По мнению Глазунова, музыку для этого следовало выдержать в русском стиле, но в то же время гимн должен быть «доступен для понимания всеми народами мира». Ориентиром для создания музыки русского гимна композитору служили хоры Н.А. Римского-Корсакова, народные песни. Призыв обратиться к народному творчеству нашел отклик в печати, появились предложения сделать гимном страны песню «Эй ухнем» в обработке Глазунова: «Это поистине торжественная, революционная песнь»¹⁰⁷.

«Русская музыкальная газета» опубликовала анкету о новом народном гимне России, желая выявить мнение музыкальной общественности. Редакция предлагала создать временный гимн, действительный до решения вопроса Учредительным собранием. Предлагалось объявить особый конкурс на создание гимна. В число конкурсных условий входили и такие требования: «По содержанию слов гимн должен быть патриотичен и внепартиен ... текст гимна должен подходить к какой-либо популярной на Руси мелодии торжественного характера». Редакция полагала, что такой мелодией могли бы стать «древняя русская “Слава” и хор “Славься” Глинки». Читатели газеты предлагали и другие варианты: гимн берендеев из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка», мелодия «Коль славен наш Господь в Сионе» Д.С. Бортнянского. Одновременно звучали призывы создать новый российский гимн, на основе мелодии «Марсельезы» или даже старого гимна. Однако журнал «Музыкальный современник» оценил идею проведения конкурса на создание нового гимна как неудачную. Редакция журнала предлагала взять известный напев, уже созданный народом. Выбор редакции пал на песню «Эй, ухнем» в обработке Глазунова¹⁰⁸.

В 1917 г. предлагались и другие гимны новой России. Например, поэт К.Д. Бальмонт написал на музыку А.Г. Гречанинова гимн «Да здравствует Россия, свободная страна!». Свой вариант российского гимна предложил и Ф.И. Шаляпин, музыка новой песни была частично заимствована им из военной песни гарибальдийцев, стихи же написал сам знаменитый певец. Он исполнил свой гимн «Свободный гражданин» на совещании деятелей литературы и искусства, однако большинство участников этого собрания склонялось к выводу о непригодности песни Шаляпина в качестве нового гимна. Хору же Мариинского театра даже пришлось публично опровергать слухи о существовании планов исполнения «какой-то песенки» совместно с Шаляпиным. Обиженный певец все же пел свой гимн на митинге-концерте Преображенского полка. Выступление вызвало бурю оваций, но вскоре песня была забыта¹⁰⁹.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 794. Оп. 1. Д. 35. Л. 2; Биржевые ведомости (вечерний выпуск). Пг., 1917. 5 апреля; Речь. 1917. 26 апреля.

¹⁰⁸ *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября... С. 183 — 184.

¹⁰⁹ *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября... С. 114; *Безалов В.* Театры в дни революции. Л., 1927. С. 43–44. Текст гимна Ф.И. Шаляпина публиковался в сборниках революционных песен. См.: Песни свободы. Армавир, 1917. Вып.1, С. 17; Песни и гимны свободной России. М., 1917. С. 12–13. О попытках создать новый гимн см.: *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993. С. 143.

Споры о новом гимне весьма интересны для реконструкции взглядов части художественной интеллигенции той эпохи. Однако они не имели какого-то политического значения: фактически роль государственного гимна России после Февраля играла «Марсельеза», ставшая к 1917 г. общепризнанным гимном революционного движения. Пением «Марсельезы», точнее, русской «Рабочей марсельезы», выражали свою радость по поводу состоявшегося переворота противники режима. Весть о перевороте многие политические заключенные встретили пением революционных песен. Так, большевик В.В. Куйбышев и его товарищи по каторге вскочили на нары и запели «Марсельезу». Непосредственная реакция «политических» каторжан красноречива — очевидно, в этом кругу предполагалось, что именно «Марсельеза» станет всеобщим гимном революции¹¹⁰. В некоторых городах восторженные сторонники революции, узнав о перевороте в Петрограде, устремлялись в местные театры и прерывая спектакли, требовали от артистов и музыкантов исполнения революционного гимна¹¹¹.

«Марсельезу» считали гимном революции и те, кто даже не знал ее содержания. Один из современников событий так описывал первую после начала революции политическую манифестацию в Гельсингфорсе: «...Во главе некоторых колонн моряков судовые оркестры играли “Марсельезу”, а в перерывы вся матросская масса пробовала петь “Марсельезу”, хотя слов почти никто не знал»¹¹².

Автор «Русской музыкальной газеты» писал: «Между тем как национальный флаг был заменен социалистическим, или анархическим красным, так и назначение гимна у нас исполняет “Марсельеза”»¹¹³. Такой статус мелодии порой закреплялся приказами. Уже 12 марта командующий флотом Балтийского моря адмирал А.С. Максимов отдал приказ № 24, которой, в частности, гласил: «Предлагаю при подъеме флага с церемонией, а также во всех торжественных случаях играть Марсельезу впредь до написания нового гимна Свободной России»¹¹⁴.

«Марсельезу» исполняли при встрече членов Временного правительства, при приеме иностранных делегаций, при открытии театрального сезона и перед спектаклями. Порой публика требовала играть «Марсельезу» и вынуждала театральных музыкантов вновь и вновь исполнять этот популярный революционный гимн. Случалось, что при звуках революционного гимна присутствующие снимали головные уборы, пример иногда подавали министры Временного правительства. Такая ситуация создавала благоприятную обстановку и для демонстраций иного рода; так, при исполнении «Марсельезы» консерва-

¹¹⁰ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. С. 313

¹¹¹ Паперников Я. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. // На волю! Падение самодержавия. Освобождение из царских тюрем и каторги: Сб. воспоминаний к 10-летию Февральской революции. Л., 1927. С. 12–13.

¹¹² Залесский В.Н. В борьбе за Балтфлот: Революционное движение в Балтийском флоте. М.; Л., 1925. С. 18.

¹¹³ Русская музыкальная газета. 1917. № 19–20. Библиографический листок.

¹¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 92. Оп. 22. Д. 1. Л. 104.

тивно настроенные морские офицеры продолжали демонстративно сидеть. Однако «Марсельеза» постепенно завоевывала вооруженные силы, в армии ее стали исполнять во время утренней и вечерней молитвы, под звуки революционного гимна полки маршировали во время парадов. Под «Марсельезу» шла подготовка к июньскому наступлению российской армии: революционный марш сопровождал А.Ф. Керенского во время его пропагандистских поездок на фронт, под «Марсельезу» манифестировали и женские ударные подразделения. С «Марсельезой» русская армия пошла в наступление, и весть о первоначальных военных успехах также была встречена революционным гимном¹¹⁵.

Собственно, продолжали звучать две «Марсельезы»: оркестры исполняли классический французский вариант, а пелась русская «Рабочая марсельеза». Это усиливало полисемантическую символику, но некоторые участники событий считали лишь свое восприятие гимна «правильным». Французский дипломат Л. де Робьен 19 марта записал в свой дневник: «Оркестры играли “Марсельезу”, каждое слово которой звучит сейчас с жестокой иронией»¹¹⁶. Действительно, интернационалистские лозунги русской революции не были созвучны патриотическому пафосу французского гимна. Однако русская «Рабочая марсельеза» и не была боевым национальным гимном, она звала к бескомпромиссной социальной борьбе.

В то же время «Марсельеза» была символом оборончества. Еще в 1914 г. некоторые студенческие организации призывали защищать отечество с «Марсельезой», а не с гимном «Боже, царя храни»¹¹⁷. В 1917 г. некоторые российские политики также «прочитывали» «французское» патриотическое и воинственное значение «Марсельезы» и, соответственно, использовали ее в своей милитаристской пропаганде¹¹⁸; Керенский не раз запевал «Марсельезу» и даже дирижировал пением восторженной аудитории¹¹⁹. Агитировавшая за наступление газета также апеллировала к авторитету революционного гимна: «Какое право мы имеем петь “Марсельезу”, зовущую к походу на тиранов?». А в одном из милитаристских изданий публиковались стихи такого свойства:

*А мы прем и поем «Марсельезу»
И победы хотим до зарезу*¹²⁰.

Оборонцы пытались использовать в своих целях и иные революционные песни, предлагая их соответствующий «перевод». Пафос бескомпромиссной

¹¹⁵ Южная мысль. 1917. 16 мая; Русский инвалид. 1917. 27 июня, 1 июля; Вперед. М., 1917. 6 июля; Приказы и речи первого русского военного и морского министра-социалиста А.Ф. Керенского. Б.м., 1917. С. 25, 62; Граф Г.К. На «Новике» (Балтийский флот в войну и революцию). 2-е изд. СПб., 1997. С. 368; Разложение армии в 1917 году. С. 52; Безгалов В. Театры в дни революции. С. 76; Heald E. T. Witness to Revolution: Letters from Russia (1916–1919). Kent, 1972. P. 90; Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. С. 185.

¹¹⁶ Robien de L. The Diary of a Diplomat in Russia (1917–1918). London, 1967. P. 25, 61–62.

¹¹⁷ Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York; Oxford, 1998. P. 220.

¹¹⁸ См., например: Н.А. Марсельеза // Русский инвалид. 1917. 27 июня.

¹¹⁹ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (Период двоевластия) Л., 1973. С. 162–163.

¹²⁰ Русская воля. 1917. 7 мая; Л.Ив. Солдат на побывке. Пг., 1917. С. 12.

борьбы с врагом, звучавший в песнях революционного подполья, привлекал порой и сторонников продолжения Мировой войны. Так, матросы и офицеры крейсера «Богатырь» приняли обращение к солдатам действующей армии, призывая их к наступлению: «Мы уверены, что дружным натиском соединенных сухопутных и морских сил Свободной России, германский милитаризм будет повержен в прах и занесенный над нашей головой железный кулак Вильгельма бессильно опустится книзу. Так

*“Смело ж, товарищи в ногу
Духом окрепнем в борьбе
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе”*¹²¹.

Обращение комитета батарей, дислоцированных на мысе Церель, заканчивалось призывом «Дружно, товарищи, в ногу!» — и в этом случае известная песня подполья служила инструментом создания «гражданского мира» ради победы над внешним врагом¹²².

Некоторые радикальные социалисты-интернационалисты считали «Марсельезу» буржуазным и шовинистическим гимном. Однако попытки использования этой песни в патриотическо-военной пропаганде порой приводили к обратным результатам — аудитория, ориентируясь на русский текст, воспринимала ее как призыв к углублению социальной и антимилитаристской революции. Кроме того песню использовали как средства мобилизации забастовщиков во время трудовых конфликтов. Так, 9 апреля собрание нескольких сотен киевских портных, работавших на военные мастерские, приняло решение о начале стачки, по окончании заседания прозвучала «Рабочая марсельеза». 26 сентября на конференции промыслово-заводских комиссий Баку после принятия решения о забастовке ее участники также запели «Марсельезу»¹²³.

Между тем на митингах и собраниях все чаще звучал гимн социалистов «Интернационал». Первоначально его мелодия была сравнительно малоизвестной. «Интернационал» крайне редко звучал на «праздниках свободы». Литератор В.А. Поссе, наблюдавший «праздник революции» в Харькове, специально отметил отсутствие «Интернационала». Однако, на соответствующей манифестации в Риге «Интернационал» прозвучал наряду с «Марсельезой» и похоронными маршами. Возможно, это объясняется тем, что организаторами здесь выступали латышские социал-демократы¹²⁴.

14 марта 1917 г. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял знаменитый манифест «К народам всего мира», после чего оркестр, размещенный на хорах, заиграл «Интернационал», а затем прозвучала и «Марсельеза». Очевидно, что порядок исполнения музыки не был случайным, тем самым

¹²¹ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 227.

¹²² Зингер М.Е. 1917 год в Балтийском флоте... Л. 325.

¹²³ Революционное движение в России в апреле 1917 г. . С. 369; Сеф С. Е. Революция 1917 года в Закавказье... С. 248.

¹²⁴ Поссе В.А. От Февраля до Бреста (Воспоминания) // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. 1991. Кн. 1. С. 198; Ezergailis A. The 1917 Revolution in Latvia. New York; London, 1974. P. 14.

руководители Совета символизировали и международное значение документа, и свою приверженность интернационализму, выражением которого стал принятый документ. Однако когда к манифесту присоединился Московский совет солдатских депутатов, его депутаты ограничились пением одной «Марсельезы». По-видимому, они полагали, что эта песня вполне подходит для демонстрации интернационализма¹²⁵.

Редко можно было услышать «Интернационал» и 23 марта, в день похорон жертв революции в Петрограде. Лишь оркестр кронштадтцев, прибывший в столицу, играл «Интернационал», да и те исполняли эту малознакомую мелодию по нотам¹²⁶. Однако с течением времени международный гимн социалистов звучит все чаще.

В Петрограде встречали В.И. Ленина «Марсельезой» и «Интернационалом». Еще на границе с Финляндией, в Белоострове, партийные активисты приветствовали его пением «Марсельезы». Затем революционный гимн прозвучал в Петрограде и в исполнении военного оркестра, торжественно выстроившегося на перроне Финляндского вокзала¹²⁷. Со своими оркестрами пришли и некоторые районные партийные организации (случайный попутчик Ленина, британский офицер Бромхэд заметил три оркестра). Большевик В.И. Залеский вспоминал, что, когда Ленин закончил свою знаменитую речь, раздался «революционный гимн». Можно предположить, что исполнялась «Марсельеза». Вероятно, лидер большевиков слушал тогда гимн Российской революции со смешанным чувством. По словам Е.Д. Стасовой, поздно вечером, после беседы с большевистским руководством Ленин предложил собравшимся спеть революционные песни, пели «Варшавянку», «Замучен тяжелой неволей», но когда кто-то запел «Марсельезу» вождь большевиков поморщился и сказал: «Давайте петь “Интернационал”»¹²⁸.

Чем объясняется подобная реакция Ленина? Многие социалисты разного толка воспринимали «Марсельезу» как гимн «буржуазной» революции и противопоставляли ему социалистический символ — «пролетарский» гимн «Интернационал». Так считали не только большевики. Меньшевик В.Л. Львов-Рогачевский писал в 1917 г.: «... В атмосфере мировой войны в нашей варварской отсталой стране совершается буржуазная революция, в то время как в Западной Европе время буржуазных революций давно прошло, давно “Марсельезу” заменил “Интернационал”, а в дверь отжившего буржуазного строя стучится социализм»¹²⁹. Вполне естественно, что Ленин, открыто призывавший к социалистической революции, отрицательно относился к «буржуазной» «Марсельезе».

¹²⁵ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 2. С. 267; Солдат-гражданин. 1917. 19 марта.

¹²⁶ Стасова Е.Д. Воспоминания. М., 1969. С. 94.

¹²⁷ По-видимому, существовала отработанная церемония встречи революционных эмигрантов. В.М. Чернов вспоминал, например, что и он выступал с броневики. См.: Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 312.

¹²⁸ Правда. 1917. 5 апреля; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. С. 285; Октябрю навстречу: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде в марте – октябре 1917 г. Л., 1987. С. 58; Стасова Е.Д. 1) Воспоминания... С. 134–135; 2) Страницы жизни и борьбы. М., 1957. С. 94; Bromhead A. Russian Diaries, 1916–1917 // Imperial War Museum (London), A.Bromhead Papers.

¹²⁹ Социалисты о текущем моменте: Материалы Великой революции 1917 г. М., 1917. С. 11.

К тому же для европейских социалистов-интернационалистов «Марсельеза» была прежде всего гимном одной из главных воюющих «империалистических» держав. Негативное отношение к ней становилось важным знаком, отличающим интернационалистов (считавших себя истинными социалистами) от «социал-патриотов» Антанты. Это проявилось, например, во время митинга в честь победы Российской революции, проведенного в марте 1917 г. в Париже. В нем принимали участие русские эмигранты, придерживающиеся различных политических взглядов и по-разному относившиеся к войне. Свою радость по поводу переворота они выражали с помощью различных символов, что в тех условиях неизбежно вело к острому столкновению. Писатель И.Г. Эренбург вспоминал: «Одни запели “Марсельезу”, другие — “Интернационал”. Праздник окончился дракой». С другой стороны, празднование 1 мая 1917 г. в русских войсках, расположенных во Франции, ошеломило жителей окрестных деревень: русский военный оркестр исполнил сначала «Марсельезу», а затем «Интернационал». Французские крестьяне были весьма озадачены соседством совершенно несовместимых для них символов: «Воевать всем надоело, наши тоже бунтуют... Но почему с ними офицеры! И почему они исполняют “Марсельезу”? Станный вы народ!»¹³⁰. В то время для французов «Интернационал» явился знаком мятежа и интернационализма, а «Марсельеза» — символом патриотизма и республиканского законопослушания (Французские коммунисты признали «Марсельезу» лишь в эпоху Народного фронта, в середине 30-х гг., когда они реабилитировали и сам термин «патриотизм»). Как видим, и иностранные дипломаты в России, и французские крестьяне, и русские эмигранты-социалисты, в том числе Ленин, при всех своих различиях, реагировали на песню «по-европейски», противопоставляя ее «Интернационалу».

Однако, и в России, и в войсках русского экспедиционного корпуса во Франции в 1917 г., обе песни могли сосуществовать, воспринимаясь как знаки единой революционной политической культуры. При этом «Марсельеза» выступала в качестве символа интернационализма. Например, на русско-германском фронте исполнение «Марсельезы» полковым оркестром русской армии служило сигналом к братанию. Звуки этого гимна звучали на многих участках фронта и в день праздника Первого мая (порой, впрочем, исполнялся и «Интернационал»)¹³¹. Можно только догадываться о том, с каким чувством германские офицеры-разведчики и пропагандисты, руководившие братанием с немецкой стороны, слушали «Марсельезу», гимн своего заклятого противника. Но для русских солдат-окопников она была сигналом к активным интернационалистским действиям. «Целый день в окопах играла музыка, неслись к врагам мощные звуки “Марсельезы”», — так описывал фронтовик, участник братания в этот день¹³².

¹³⁰ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. М., 1961. Кн. 1–2. С. 333.

¹³¹ Хабас Р. Первое мая в России в 1917 году // Пролетарская революция. 1927. № 5 (64). С. 38; Революционное движение в русской армии (27 февраля — 24 октября 1917 года). М., 1968. С. 93; История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972. С. 129; Войсковые комитеты действующей армии... С. 96.

¹³² Латыш-доброволец. Братание на фронте... С. 3–4.

Возвращаясь к вышеупомянутому фрагменту воспоминаний Е.Д. Стасовой, следует отметить комментарии советских исследователей, утверждавших, что символическим отражением политической борьбы после Февраля был конфликт «буржуазной» «Марсельезы» и «пролетарского» «Интернационала». В этом есть некоторая доля истины. Уже до приезда Ленина большевики уделяли особое внимание пропаганде «Интернационала». Так, 10 марта в «Правде» была опубликована статья М.С. Ольминского, который писал: «Русская армия во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и иных командах должна обучаться хорошему пению “Интернационала”». Характерно, что статья звучала как боевая директива, копируя стиль военных приказов. Однако и через несколько месяцев даже многие большевики-активисты не знали толком текста «Интернационала». Например, известно, что в июне 1917 г. Н.И. Подвойский разучивал с делегатами партийной конференции военных организаций «Интернационал», слова и мотив которого, по его собственным словам, в это время мало кто знал¹³³.

Порой «Марсельеза» и после приезда Ленина воспринималась некоторыми большевиками как признанный партийный гимн. Открывая Самарскую городскую партийную конференцию, 9 апреля член временного комитета большевиков А. Митрофанов призывал своих товарищей начать заседание исполнением революционного гимна: «Каждый раз, когда мы выходили из подполья на улицу протестовать и бороться на баррикадах, мы делали это под звуки рабочей Марсельезы — начнем же строительство партии и борьбу в новых условиях под звуки старой нашей песни». После этого все присутствующие встали и запели «Марсельезу». Затем в честь «светлых мучеников» партии спели похоронный марш «Вы жертвою пали». Пением «Марсельезы» и революционного «Похоронного марша» начали свое собрание и большевики Самарского Трубочного завода 17 апреля¹³⁴.

Разумеется, «Интернационал» был большевистским партийным гимном — и Апрельская конференция, и VI съезд большевиков завершались его исполнением. Однако в 1917 г. большевики не обладали монополией на «Интернационал»: завершая работу своих форумов его пели и делегаты меньшевистской партийной конференции, и делегаты III съезда партии социалистов-революционеров. Во время первомайского митинга, организованного социалистами-революционерами в петроградском цирке Чинизелли, сначала прозвучала «Марсельеза», после чего А.Ф. Керенский призвал всех присутствующих исполнить «Интернационал». Он начал петь сам и весь зал с энтузиазмом подхватил слова международного социалистического гимна. Текст «Интернационала» публиковался в песенниках, выпускавшихся издательствами различной политической ориентации — большевиками, меньшевиками, социалистами-революционерами, печатью Советов и войсковых комитетов, а также беспартийными издательствами, преследовавшими коммерческие цели¹³⁵.

¹³³ Кедров М.С. Всероссийская конференция военных организаций РСДРП (большевиков) // Октябрью навстречу... С. 158.

¹³⁴ Революционное движение в России в апреле 1917 г. ... С. 57, 125.

¹³⁵ Правда. 1917. 2 мая; Рабочий и солдат. 1917. 6 авг.; Труд. М., 1917. 6 июня; Меньшевики в 1917 году. Т. 1: От января до июльских событий. М., 1994. С. 443; Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of Revolution. London; New York, 1987. P. 173.

Постепенно «Интернационал» получал все более широкое распространение. Особенно часто он, разумеется, исполнялся 18 апреля (1 мая по новому стилю), хотя «Марсельеза» и осталась главным и самым популярным «гимном революции».

Во время Апрельского кризиса оркестры некоторых полков, вышедших на улицы в знак протеста против «ноты Милюкова», играли «Интернационал». Его же пели и демонстранты, что специально отметила печать большевиков. Но эти же оркестры играли и «Марсельезу», а рабочие пели «Рабочую Марсельезу». Позже это обстоятельство подчеркивалось некоторыми большевиками как доказательство миролюбия, лояльности демонстрантов. «Рабочие пели “Марсельезу” и ничего угрожающего для окружающих не было в их поведении...», — сообщал большевик-свидетель юристу, расследовавшему причины кровавых столкновений, произошедших в эти дни¹³⁶.

Как видим, в марте – октябре 1917 г. противостоящие политические силы — и «интернационалисты», и «оборонцы» — подчас использовали одни и те же политические символы, к которым в первую очередь относились «Марсельеза» и красный флаг. Особенно ярко это проявилось в дни Июльского кризиса. Решение Петербургского комитета большевиков о поддержке движения, об организации демонстрации возбужденная толпа встретила «Марсельезой». На следующий день колонны демонстрантов шли под звуки революционных песен (упоминается пение «Марсельезы»). Некоторые полки выходили на улицы со своими оркестрами, которые исполняли гимны революции. Несколько тысяч кронштадтцев, прибывших в столицу, также привезли с собой оркестры, они играли «Интернационал» и «Марсельезу». По воспоминаниям Ф. Раскольникова, у дворца Кшесинской кронштадтские матросы запели «Интернационал». При этом оркестры полков, прибывших на защиту Таврического дворца от воинственно настроенных демонстрантов, также играли «Марсельезу», над колоннами развивались красные флаги революции. Взволнованные оборонцы — социалисты-революционеры и меньшевики — встретили своих защитников революционным гимном. Интернационалист Н.Н. Суханов вспоминал: «Торжествуя, косясь в сторону левых, они в избытке чувств хватают друг друга за руки и в упоении, стоя с обнаженными головами, тянут “Марсельезу”». Многим левым социалистам при этом вспомнилась побежденная Парижская коммуна 1871 г., торжествующие версальцы, гимн буржуазной республики. Они не могли не подумать и о расстрелянных коммунарах, мучениках социалистического движения. Возмущенный Л. Мартов воскликнул: «Классическая сцена начала реакции». Однако после выступления нескольких ораторов «Марсельеза» зазвучала вновь¹³⁷.

¹³⁶ Большевизация Петроградского гарнизона... С. 81, 83–84; Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 545.

¹³⁷ Раскольников Ф. В июльские дни // Пролетарская революция. 1923. № 5 (17). С. 61, 64, 65; Шестой съезд РСДРП (б), Август 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 17–18; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 2. С. 298, 328; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 86; Дело народа. 1917. 4, 5 июля; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 4. С. 340; Колбин И.Н. Кронштадт от февраля до корниловских дней // Красная летопись. 1927. №2 (23). С. 150; Вперед. М., 1917. 6 июля.

«Марсельеза» продолжала оставаться общереволюционным гимном, что признавали даже интернационалисты, сторонники «Интернационала». Писатель М.П. Арцыбашев описал следующий случай, произошедший в Большом театре. По просьбе публики в антракте оркестр начал играть «Марсельезу», и все присутствующие в зале, как обычно, встали. Спектакль продолжился, но перед последним актом, воспользовавшись наступившей паузой (антракта в спектакле не было), члены Совета, сидевшие в царской ложе (что само по себе было символом власти), потребовали исполнить «Интернационал». Часть зрителей встретила это требование аплодисментами, другая часть — возгласами негодования, для них «Интернационал» был лишь партийным гимном социалистов и воспринимался как символ интернационализма, что было неприемлемо для патриотически и милитаристски настроенных зрителей. Спектакль был прерван, разрастался скандал, однако находчивые музыканты вновь начали играть «Марсельезу», и вся публика немедленно встала — гимн Февраля в это время был «своим» и для оборонцев, и для интернационалистов. После этого представление продолжилось без помех¹³⁸.

В последующие месяцы в русской прессе упоминалось об исполнении революционных песен реже, и тому было несколько причин. Во-первых, исполнение песен перестало быть важной политической новостью: если в первые дни Февраля сам факт пения становился серьезным политическим действием, ранее невиданным знаком распространения революции, то уже спустя несколько месяцев исполнение «Марсельезы» превратилось в обыденное событие, иногда официальный, чуть ли не казенный ритуал. Соответственно, информация такого рода перестала интересовать и журналистов, а также, надо полагать, и читателей.

Во-вторых, к песням изменилось отношение публики. Кажущееся всеобщим, увлечение ими было одним из проявлений послефевральской эйфории, моды на политику. Напротив, нарастание разочарования, депрессии, связанное с продолжением войны, ухудшением снабжения, ростом преступности и кризисом власти, влекло распространение аполитичности, а иногда и антиреволюционных настроений. Очевидно, что частое исполнение «гимнов свободы» в такой ситуации должно было многих раздражать. Уже весной в либеральной прессе можно встретить публикации, содержащие резкую критику большевистской печати, где печатались призывы к рабочим разучивать революционные песни в тот момент, когда в стране обострялись хозяйственные трудности и всем патриотически настроенным гражданам следовало бы их решать. Противники крайних социалистов утверждали, что в такой обстановке следовало не петь, а «заниматься делом»¹³⁹.

Однако многие митинги, организованные в Петрограде большевиками и их сторонниками осенью 1917 г., напоминали весенние митинги-концерты: речи популярных ораторов чередовались с выступлениями рабочих хоров. Так, митинг в знаменитом цирке «Модерн», созданный редакцией большевистского

¹³⁸ *Свифт Э.* Культурное строительство или культурная разруха? (Некоторые аспекты театральной жизни Петрограда и Москвы в 1917 г.) // *Анатомия революции (1917 год в России: Массы, партия, власть)*. СПб., 1994. С. 297; *Арцыбашев М.* Марсельеза и интернационал // *Рампа и жизнь. 1917.* № 22. С. 8.

¹³⁹ *Русская музыкальная газета. 1917.* № 15–16. Стб. 322.

журнала «Работница», закончился пением «Интернационала». Затем, как сообщала большевистская газета, «под революционные песни и рукоплескания тов. Коллонтай вынесли на руках»¹⁴⁰. Если у одних эйфория первых дней Февраля сменялась разочарованием — гиперполитизация весенних дней уступала место нарастанию аполитичности, то сторонники «углубления революции» продолжали демонстрировать свои чувства с помощью революционных символов.

«Интернационал» становился официальной песней большевизирующихся (точнее — радикализирующихся) Советов. Так, съезд Советов Северной области, сыгравший немалую роль в подготовке выступления большевиков, завершился пением «Интернационала». В это же время и члены Совета города Иваново пением «Интернационала» заканчивали каждое свое заседание. С этим гимном социалистов на устах расходились делегаты конференции заводских и фабричных комитетов Басманного района Москвы (15 июня)¹⁴¹.

К осени 1917 г. «Марсельеза» перестает быть главной революционной песней. 15 октября в Юрьеве (Тарту) состоялась эффектная политическая демонстрация, организованная местным Советом. Участвующие в ней латышские, эстонские и русские полки маршировали под музыку песни «Смело, товарищи, в ногу»¹⁴².

В дни большевистского Октября песни и музыка сравнительно редко звучали на улицах Петрограда. Значение политических символов как факторов самоорганизации совершенно несопоставимо с Февралем. В это время определяли ситуацию не революционные символы, а политические директивы и боевые приказы. Признание этого факта встречается в резолюции комитета Гренадерского полка от 17 октября: «Мы считаем, что время парадов с музыкой и красными знаменами прошло, мы выступим организованными цепями и с охранением только по призыву Всероссийского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов для защиты полномочных органов революционной демократии»¹⁴³.

Впрочем, в мемуарах бывших красногвардейцев, можно встретить упоминания о том, что колонна вооруженных путиловских рабочих шла к Зимнему дворцу с «любимой красногвардейской песней» “Смело, товарищи в ногу” (именно этот мотив позже был использован во множестве советских кинофильмов и спектаклей, посвященных «Великому Октябрю»). При этом, возможно, многие ветераны по прошествии лет стремились придать событиям большую значительность, окрасить их в торжественные и праздничные тона. Иногда подобная романтизация событий возникала под влиянием советского искусства: Октябрь описывали уже «по Эйзенштейну» и

¹⁴⁰ Рабочий путь. 1917. 28 сент., 7 окт.

¹⁴¹ Революционное движение в России в мае – июне 1917 г. ... С. 307; Рабочий путь. 1917. 15 окт.; *Бреслав Б.* В канун Октября 1917 года: Съезд Советов Северной области 11–13 октября 1917 г. М., 1934. С. 71; *Дрейден С.Д.* Музыка – революции. М., 1981. С. 138–139.

¹⁴² Революционное движение в военных округах (март 1917 г. – март 1918 г.): Сб. документов и материалов. М., 1988. С. 288.

¹⁴³ *Дрезен А.* Петроградский гарнизон в Октябре (Материалы) // Красная летопись. 1927. № 2 (23). С. 119.

«по Маяковскому». Соответственно, музыка «слышалась» мемуаристам и там, где ее не было, во многих случаях, очевидно, мы имеем дело с псевдореминисценциями.

Так, машинист минного заградителя «Амур» в 1932 г. вспоминал: «Под звуки музыки и под крики “ура” “Амур” прошел мимо “Авроры”...». Однако член Исполкома Кронштадтского совета И.П. Флеровский, находившийся в октябре 1917 г. на том же корабле, вспоминал десятью годами раньше, в 1922 г., о том же эпизоде не без сожаления: «Гремят приветственные крики, радость, оживление ключом забили на палубе. Какая жалость, что мы забыли оркестр! Ничего, скоро будет другая музыка»¹⁴⁴. Очевидно, что с течением времени Октябрь представлялся мемуаристам, а также их редакторам и цензорам, все более торжественным и величавым. Такого рода воспоминания подтверждали официальную парадную версию событий, внедрявшуюся в массовое сознание. Пропагандистские штампы попадали и в специальные исследования советского периода: «В исторические дни Великого Октября с пением “Интернационала” шли на штурм Зимнего дворца колонны красногвардейцев, солдат и матросов...»¹⁴⁵. Вряд ли подобный эпизод имел место в действительности. Можно предположить, что иностранные корреспонденты, наблюдавшие штурм, сообщили бы об этом эпизоде, обычно они фиксировали столь колоритные сцены.

Однако песни, бесспорно, звучали на Втором съезде Советов: после принятия «Декрета о мире» делегаты запели «Интернационал», а затем — в память о погибших — революционный похоронный гимн «Вы жертвою пали...». Об этом сообщали в своих отчетах газеты разной политической ориентации. После закрытия съезда, 26 октября, некоторые депутаты также запели «Интернационал». Репортер меньшевистской «Рабочей газеты» отмечал: «Члены съезда пытаются петь “Интернационал”, но ничего из этого не выходит, и все расходятся». Показательно, что большевистские газеты не упоминали о неудачной попытке завершения съезда Советов партийным социалистическим гимном, однако центральный орган партии меньшевиков ее зафиксировал¹⁴⁶. Для меньшевиков этот эпизод был символичен: для них он являлся знаком грядущего провала большевистского социалистического эксперимента.

3 ноября Джон Рид наблюдал движение колонн, выступивших против войск Керенского: «...По Загородному проспекту двигались две тысячи красногвардейцев с военным оркестром, игравшим “Марсельезу” (как верно она попадала в тон этому войску!)»¹⁴⁷. Красными флагами, «Марсельезой» и «Интернационалом» были встречены петроградские красногвардейцы и войска, возвращавшиеся в столицу после боев с войсками Керенского и Краснова. С пением революционных песен шли они по улицам города.

¹⁴⁴ В дни Октября: Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982. С. 238, 256, 260.

¹⁴⁵ Нутрихин А. Песни русских рабочих // Песни русских рабочих (XVII — начало XX века). М.; Л., 1962. С. 37.

¹⁴⁶ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.). М., 1997. С. 56, 78, 82.

¹⁴⁷ Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 202.

«Марсельезой» военные оркестры провожали и встречали отряды моряков Гельсингфорса, участвовавших в боях в Петрограде¹⁴⁸. Очевидно, что многие рядовые сторонники большевиков, в отличие от части партийного руководства, и в это время продолжали считать «Марсельезу» своей песней.

Порой «Марсельеза» звучала и во время съездов и официальных церемоний, так как она воспринималась участниками событий как символ «новой революции». Состоявшееся 25 октября соединенное заседание Советов и комитетов войск, дислоцированных в Финляндии, на котором было принято решение о переходе власти в руки Советов, завершилось пением «Марсельезы». 15 ноября исполнением «Марсельезы» завершилось и первое заседание I Всероссийского съезда военного флота. С пением «Марсельезы» расходились 19 ноября со своего последнего заседания делегаты I съезда Черноморского флота. В Минске же 26 ноября под звуки «Марсельезы» было вручено почетное красное знамя местного Совета одному из полков¹⁴⁹.

Многие активисты низшего и среднего уровней, поддерживавшие большевиков и их союзников, продолжали считать «Марсельезу» официальным символом нового режима, используя ее для политической мобилизации.

О пении «Интернационала» в дни боев в Москве сообщается в письме И.Г. Эренбурга М.А. Волошину: «Проехал патриарх, кропил святой водой... Навстречу ему шла рота солдат и орала “Интернационал”». В Москве же, на Красной площади, во время похорон участников восстания военный оркестр заиграл «Интернационал», манифестанты подхватили песню. Затем оркестр начал играть революционный похоронный марш и толпа, стоявшая с непокрытыми головами, вторила ему¹⁵⁰.

В Севастополе установление новой власти сопровождалось живописной демонстрацией. Матросы-большевики, узнав о событиях в Петрограде, на катерах, украшенных красными флагами, начали объезжать корабли флота, призывая к немедленной демонстрации. Суда, стоявшие на рейде, приняли праздничный вид, реяли красные флаги, оркестры играли «Интернационал», матросы пели. В этой атмосфере эсеро-меньшевистские лидеры Исполкома Севастопольского совета вынуждены были заявить, что власть в городе и его окрестностях переходит в руки Совета¹⁵¹.

Переворот придал новый смысл песням и пению, революционные песни использовались как символы нового режима, однако противники большевиков не хотели отказываться от своих политических символов, уступить эти символы победителям. Революционные песни прозвучали на улицах Петрограда 5 ян-

¹⁴⁸ Большевизация Петроградского гарнизона... С. 325; Балтийский флот в Октябрьской революции и Гражданской войне. М.; Л., 1932. С. 35; Балтийские моряки в подготовке и проведении... С. 292; Военно-морской революционный комитет: Сб. документов. Л., 1975. С. 103; *Грунт А.Я., Старцев В.И.* Петроград–Москва, июль – ноябрь 1917. М., 1984. С. 255.

¹⁴⁹ Балтийские моряки в подготовке и проведении... С. 271–272; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917 – 1920 гг.). Киев, 1963. С. 38; Военно-Морской революционный комитет... С. 180; Войсковые комитеты действующей армии... С. 421; Революционное движение в военных округах... С. 373.

¹⁵⁰ Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты // Звезда. 1996. № 2. С. 195; *Рид Д.* Указ. соч. С. 211.

¹⁵¹ *Платонов А.П.* Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. Симферополь, 1932. С. 69–70.

варя 1918 г., в день открытия Учредительного собрания. Упоминается, что демонстранты, выступавшие в защиту собрания, шли под красными знаменами, под звуки «Рабочей марсельезы» и «Смело, товарищи, в ногу!». Участвовавший в разгоне Учредительного собрания матрос, позже вспоминал, что «прошла демонстрация спокойно с революционными марсельезами». Корреспондент «Новой жизни» писал: «Пели песни и странно звучали слова “Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на врага, люд голодный”, а также “В царство свободы дорожку грудью проложим себе” от манифестантов, протестующих против политики большевиков, считающих себя представителями рабочих и крестьянских масс». Демонстрантов сопровождали оркестры, в том числе оркестр рабочих Обуховского завода. Вечером в Мариинском театре перед 3-м актом спектакля по требованию публики была исполнена «Марсельеза», выслушанная стоя. Занавес был поднят и один из зрителей произнес речь¹⁵². Очевидно, гимн Февраля считался символом Учредительного собрания, так полагали его сторонники и защитники.

Но в Таврическом дворце прозвучала иная мелодия. После бурного конфликта с эсеровским большинством Учредительного собрания, представитель большевиков, Я.М. Свердлов, открыл заседание. Затем «слева» раздался призыв: «Товарищи, “Интернационал”!». По словам эсера М.В. Вишняка, он принадлежал большевику И.И. Скворцову-Степанову, только что получившему некую записку от Ленина. Другой социалист-революционер, Н.В. Святицкий, вспоминал: «Этот гимн для многих эсеров — и для меня тоже — был такой же заветной боевой песнью, как и для большевиков. Не помня себя, я вскочил и запел с ними. <...> Это была величественная картина, когда все Учредительное собрание в целом, без различения фракций единодушно пело боевой гимн революционных социалистов». Возможно, на тональность воспоминаний повлияли «обстоятельства времени и места» — текст опубликован в подцензурной советской печати в 1928 г. Иначе вспоминает этот эпизод Вишняк, работавший над своими мемуарами в эмиграции: «Время от времени он (лидер эсеров В.М. Чернов. — *Б.К.*) оборачивается лицом к членам фракции и широкой жестикуляцией силится ее вдохновить и увлечь. Поют, однако, немногие. На обоих флангах нестерпимо фальшивят. Не только поющие — вразброд, по фракциям фальшивят — самый “Интернационал” в создавшейся обстановке отдает фальшью». Возможно, автор воспоминаний намеренно хотел «снизить» значение пения социалистического гимна, представить его менее торжественным, менее зрелищным, «фальшивым». Впрочем, другие участники событий также упоминали о том, что Чернов «дирижировал» своей фракцией. Корреспондент «Новой жизни» писал: «...У социалистов-революционеров дирижирует Чернов, у большевиков свой дирижер». По словам большевика Ф.Ф. Раскольников, лидер эсеров даже использовал пение социалистического гимна для небольшой символической демонстрации: при словах «Но если гром великий грянет над сворой псов и палачей» он сделал выразительный жест, указывая на большевиков. Во всяком случае, лидеры самой крупной фракции никак не возражали

¹⁵² Воспоминание Рахманова Даниила Петровича по прохождении военной службы, и революционные события, и Гражданская война // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд, № В-9116. Л. 4; Новая жизнь. 1918. 6 янв.; Русская музыкальная газета. 1918. № 1-2. Стб. 29.

против того, чтобы символом Всероссийского Учредительного собрания стал «Интернационал»¹⁵³.

Эпизод с пением «Интернационала», по-видимому, оказал известное влияние на отношение многих участников событий к Учредительному собранию, которое воспринималось многими людьми либеральных и консервативных взглядов как «партийное» и «социалистическое». Адмирал А.В. Колчак впоследствии отмечал: «... Учредительное собрание... которое с места запело Интернационал под руководством Чернова, вызвало со стороны большинства лиц, с которыми я сталкивался, отрицательное отношение. Считали, что оно было искусственным и партийным. Это было и мое мнение»¹⁵⁴.

На III съезде Советов, состоявшемся вскоре после разгона Учредительного собрания, исполнялись и «Марсельеза», и «Интернационал», большевики в это время принимали гимн Февраля в качестве одного из символов своего режима. Но затем роль главного официального гимна переходит исключительно к «Интернационалу». «Марсельеза» же все чаще трактуется как гимн «буржуазного» Февраля противостоящий «Интернационалу» Октября.

С этого времени именно «Интернационал» сопровождает все официальные церемонии нового режима — съезды и митинги, парады и встречи революционных вождей разного ранга. Так, в июне 1919 г. по прибытии К.Е. Ворошилова в штаб Н.И. Махно, считавшегося тогда союзником красных, оркестр махновцев играл «Интернационал», который, впрочем, анархисты считали и своим гимном¹⁵⁵.

Всевозможные собрания, часто обязательные для работников предприятия, жильцов дома и т.п., непременно завершаются теперь пением «Интернационала». Умеренных социалистов подобная официальная «утилизация», профанация «их» политического символа не могла не раздражать. Меньшевик Е. Ананьин вспоминал: «Потом, по сигналу, мы все поднялись и исполнили “Интернационал”. Пели “это есть (а не будет) наш последний, решительный бой”. Все это было пропитано невыносимой казенщиной, точно такой же как при царях, когда заставляли подыматься при исполнении гимна “Боже, царя храни”». Соответственно, и в новой обстановке обязательность ритуала создавала почву для выражения недовольства режимом и (или) его политикой, для символического протеста — отказ петь «Интернационал» на митингах и собраниях становится явным знаком антибольшевистских демонстраций — что происходит, например, в Кронштадте в канун восстания в марте 1921 г.¹⁵⁶

¹⁵³ Учредительное собрание: Стенографический отчет. Пг., 1918. С. 4; *Вишняк М.* 1) Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С. 103–104; 2) *Дань прошлому.* Нью-Йорк, 1954. С. 363; *Святыцкий Н.В.* 5–6 января 1918 года: Из воспоминаний бывшего эсера // *Новый мир.* 1928. № 2. С. 225; *Новая жизнь.* 1918. 6 янв.; *Раскольников Ф.* О времени и о себе: Воспоминания, письма, документы. Л., 1989. С. 338–339.

¹⁵⁴ Протоколы допроса адмирала Колчака Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе-феврале 1920 г. // *Архив русской революции.* Берлин, 1923. (Репринт. изд. 1991). Т. X. С. 250.; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 309.

¹⁵⁵ *Сяков Ю.* Под знаменем черным гигантской борьбы // *Час пик.* 1991. 24 августа.

¹⁵⁶ *Ананьин Е.* Из воспоминаний революционера, 1905–1923 // *Меньшевики.* Бенсон (Вермонт), 1988. С. 251; *Кронштадт в марте 1921 г.* // *Отечественные архивы.* 1996. № 1. С. 53.

Некоторые противники большевиков использовали песни подполья для создания собственных гимнов. На Украине в годы Гражданской войны появился даже «Бандитский Интернационал». Бойцы же Ижевско-Воткинской дивизии белых, состоявшей из участников массового народного антибольшевистского восстания, пели песню, сложенную на мотив «Варшавянки». Еще одна их песня использовала мелодию «Интернационала»¹⁵⁷.

«Граждане» и «товарищи»

Февральская революция привела к новым формам обращения. Старые нормы обращения в вооруженных силах — «Ваше благородие», «Ваше высокоблагородие», «Ваше превосходительство», «Ваше высокопревосходительство» и тому подобное — отменил принятый 1 марта «Приказ № 1» Петроградского совета. Некоторые войсковые и судовые комитеты самостоятельно принимали решения об отмене титулования¹⁵⁸. Позже новая форма обращения была закреплена приказами по армии и флоту, подписанными командующими некоторых соединений.

Уже 3 марта за изменение формы обращения высказались участники совещания в Ревеле, на котором присутствовали высшие офицеры и выборные от команд. Соответственно, утром 4 марта адмирал В.К. Пилкин, старший начальник на ревельском рейде, высказался за изменение обращения по «примеру союзных флотов»: к нижним чинам следовало обращаться на «Вы», а вместо привычного титулования вводилось обращение «господин офицер». А 5 марта командующий флотом Балтийского моря, адмирал А.С. Максимов своим приказом № 3 подтвердил положения «Приказа № 1». Всех старших по званию следовало именовать с приставкой слова «господин»: «господин мичман», «господин лейтенант» и т.д. Впрочем, в этом приказе исключение делалось для генералов и адмиралов, их по-прежнему следовало титуловать «Ваше превосходительство» или даже «Ваше высокопревосходительство». Однако в тот же день военный и морской министр А.И. Гучков также подписал приказы по военному и морскому ведомствам (соответственно, №№ 114 и 5), которые уже не делали никаких исключений. По этому приказу даже высших чинов армии и флота следовало именовать «господин генерал», «господин адмирал» и так далее¹⁵⁹. Именно так солдаты охраны бывшего императора и стали именовать свергнутого царя — «господин полковник».

Новое обращение звучало непривычно. Возможно, именно поэтому командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак 15 марта издал специальный приказ, согласно которому командам в строю следовало отвечать на

¹⁵⁷ Білий В. Коротенькі пісні («частушки») років 1917–1925 // Етнографічний вісник. Київ, 1925. Кн. 1. С. 32; Памятники Отечества. 1995. № 1–2. С. 177; Благодарю за сообщение И.И. Кобзева. Здесь нельзя не вспомнить «Контрмарсельезу» вандейцев. Schama S. Citizens: A Chronicle of the French Revolution. New York, 1989. P. 702.

¹⁵⁸ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 104.

¹⁵⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 18 апреля; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 22. Д. 1. Л. 88, 91–91об.; Зингер М.Е. 1917 год в Балтийском флоте... Л. 111–112.

приветствия и обращения без упоминания чина. Вопрос о титуловании таким образом отпадал¹⁶⁰.

После этого наступил черед и официальных документов. Так, начальник дивизии подводных лодок Балтийского моря 19 марта приказал отменить титулование в рапортах и отношениях, и вместо слов «Ваше превосходительство», «Ваше высокоблагородие» употреблять выражения «Доношу Вам» или «Сообщаю Вам»¹⁶¹.

Первоначально многих кадровых офицеров это нововведение приводило в ярость: «Обращение господин лейтенант вместо обычного Ваше высокоблагородие поразило и совершенно добило меня», — вспоминал морской офицер-подводник, вернувшийся в революционный Севастополь после боевого похода¹⁶². На некоторых участках фронта даже вопреки приказам офицеры требовали привычного титулования, подчас даже угрожая солдатам оружием¹⁶³. Однако подобное отрицание новых форм обращения не могло продолжаться долго.

Впрочем, на отдаленных участках фронта, на дальних военно-морских базах старые формы титулования сохранялись. Офицер Батумского отряда судов вспоминал, что многие матросы-сверхсрочники упорно продолжали титуловать офицеров по-прежнему. В это легко можно поверить: еще в августе 1917 г. командующий одной из армий Румынского фронта провел совещание с членами войсковых комитетов. Выяснилось, что многие солдаты продолжали обращаться к лицам командного состава, используя титулы, отмененные приказом военного министра № 114. Очевидно, это не могло не приводить к конфликтам, и 14 августа был отдан специальный приказ по армии, предлагавший разъяснить необходимость перехода к новым формам «титулования»¹⁶⁴.

Даже министров Временного правительства по инерции продолжали порой титуловать на старый манер. Так, председатель Свияжской земской медицинской управы 2 мая написал письмо А.Ф. Керенскому, которого он по-прежнему именовал «Ваше превосходительство»¹⁶⁵.

Однако и слово «господин» затем подверглось табуированию, — в этом отношении Российская революция следовала примеру Французской революции XVIII в.¹⁶⁶ Данное обращение ассоциировалось с социальным неравенством, в России также подчеркивалось и выделялось именно это значение слова. Такого «перевода» отвергаемого обращения требовала и революционная традиция: во многих пропагандистских текстах и песнях подполья в качестве врагов на-

¹⁶⁰ РГА ВМФ. Архивохранилище печати, приказы командующего Черноморским флотом, приказ № 967.

¹⁶¹ РГА ВМФ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 70. Л. 13 об.

¹⁶² *Монастырев Н.А.* Гибель царского флота. СПб., 1995. С. 83.

¹⁶³ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 659.

¹⁶⁴ *Федоровский В.М.* Батумский отряд судов в 1917 году // Военная быль. 1964. № 69. С. 23; РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2649. Л. 48.

¹⁶⁶ *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений за русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928. С. 18–19, 21.

рода назывались «господа». В 20-е же годы это обращение почти совершенно вытесняется и оно воспринимается как «старорежимное». В ответ на обращение «господин» можно было услышать: «Господа все в Париже», «Сколько лет господ нет» и т. п. Советскими деятелями это слово стало употребляться в ироническом значении по отношению к своим противникам¹⁶⁷.

Составители разного рода воззваний не без колебаний выбирали новые обращения. Современник вспоминает сомнения, охватившие делегатов офицеров, солдат, матросов Севастополя, писавших первую прокламацию в начале марта: «Как обратиться к народу в воззвании? “Господа” — было отвратительно, так как это обращение было пропитано гнилью и ложью старого. “Товарищи” — еще не приобрело право гражданства ни в солдатской среде, ни в среде офицеров. Наконец после долгих поисков решили начать свое приветствие словом “братья”. Это тоже было не особенно хорошо. Но единственное оставшееся обращение “гражданин” казалось сухим и чиновничьим»¹⁶⁸.

Однако первоначально основным новым общим обращением стало слово «гражданин». «Теперь все стали называться гражданами», — так описывалась революция в одном школьном сочинении¹⁶⁹. Жителей новой России именуют «гражданами», а популярных политических деятелей, членов Временного правительства — «первыми гражданами». Например, в приветствии союза морских врачей Севастополя, адресованном А.И. Гучкову, он именовался «первым морским министром-гражданином»¹⁷⁰. Нередко «первым гражданином» именовали председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, а грузинская национально-демократическая партия, например, именовала Г.Е. Львова, возглавившего Временное правительство, «великим гражданином возрожденной России»¹⁷¹. Но затем почти монопольным обладателем подобного революционного «титула» становится А.Ф. Керенский.

Генерал Л.Г. Корнилов в своих приказах обращался к «солдатам народной армии и гражданам России»¹⁷². В прессе слово «Гражданин» иногда печаталось с заглавной буквы, тем самым подчеркивался особый, почетный статус нового революционного обращения¹⁷³. Обращение использовали и многие видные деятели «старого режима», а великий князь Кирилл Владимирович, пытавшийся первоначально сохранить пост командира Гвардейского экипажа, именовался в своей части «гражданин Романов». Вряд ли это происходило без согласия данного представителя царской семьи. Некоторых других членов императорской фамилии также порой демонстративно называли — «гражданин Романов», «гражданка Романова»¹⁷⁴.

¹⁶⁷ Там же. С. 192.

¹⁶⁸ *Верховский А.И.* На трудном перевале. С. 185.

¹⁶⁹ *Воронов В.* Февральская революция в детских записях // Вестник просвещения. 1927. № 3. С. 10.

¹⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2314. Л. 57.

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 294. Л. 56.

¹⁷² Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

¹⁷³ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 11 марта.

¹⁷⁴ *Сорокин Ф.* Гвардейский экипаж... С. 56; *Верховский А.И.* На трудном перевале. С. 242.

Новое обращение стало знаком признания нового строя, его использование должно было усилить авторитет соответствующих деятелей. Так, Ф. Баткин, лидер делегации Черноморского флота, посещавшей с пропагандистскими целями города России и участки фронта, именовал командующего «нами любимый гражданин адмирал Колчак»¹⁷⁵. Тем самым он способствовал усилению политического влияния адмирала и придавал больший вес своим ссылкам на авторитет командующего флотом.

Изменение политического положения после Февраля подчеркивалось официальными обращениями. Приказ начальника 106-й дивизии гласил: «Сердечно поздравляю всех военнослужащих вверенной мне дивизии с дарованием им свобод и гражданства Великого Российского Государства»¹⁷⁶.

Простые люди также с гордостью использовали новое для них «звание», бывшее символом приобретения нового статуса. «Поздравляю вас с гражданством, а мы будем мужественно исполнять свой долг до полной победы», — писал в марте солдат своим домашним¹⁷⁷. Солдаты гвардейского Тяжелого артиллерийского дивизиона писали в Петроградский совет: «Гражданин — как приятно и гордо звучит. Да будет это гордое слово трепетом наших врагов, приверженцев старого режима». Соответственно, некоторые бывшие полицейские чины опасались, что они будут лишены нового статуса в новом государстве. Так, помощник полицмейстера Симферополя обратился в местный городской общественный комитет с просьбой «причислить его к числу граждан Великой Свободной России»¹⁷⁸.

В этой форме обращения проявлялась ориентация на традицию европейских революций, противопоставлявших «подданных» и «граждан». Это сказалось и во время церемонии принятия присяги Временному правительству. Военнослужащие и чиновники обычно либо указывали свое звание, а затем подписывались, либо просто ставили подпись. Но порой перед фамилией вставлялось — «гражданин»¹⁷⁹. Появляются, впрочем, и обращения-гибриды: «господа-граждане», «граждане-товарищи»¹⁸⁰.

Обращение нередко используют противостоящие политические силы. Большевики, захватывая власть в стране, адресуют свой победный призыв «Гражданам России», но и генерал-майор П.Н. Краснов, возглавлявший антибольшевистские войска, двигавшиеся на Петроград, обращался к «гражданам-солдатам»¹⁸¹.

В то же время некоторые россияне, обеспокоенные обострением политического кризиса, нарастанием продовольственных трудностей и скачком пре-

¹⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 206.

¹⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 45.

¹⁷⁷ Революционное движение в русской армии... С. 57.

¹⁷⁸ Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С. 33; *Никольский П.* Симферопольский Городской Общественный Комитет // Революция в Крыму. Симферополь, 1927. № 1(7). С. 71.

¹⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2322. Л. 46, 47об.

¹⁸⁰ Такое обращение использовал, например, И.И. Поска, городской голова Ревеля и губернский комиссар Эстляндской губернии. — См.: РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 119. Л. 12.

¹⁸¹ Большевизация Петроградского гарнизона... С. 340.

ступности, со временем отказывались от «революционной» идентификации. Так, некий житель Киева, написавший 10 июля письмо Керенскому, который нередко противопоставлял «граждан» новой России «обывателям», законопослушным подданным императора. Письмо было подписано: «Возмущенный обыватель, но не гражданин»¹⁸².

Слово «гражданин» имело большое значение в различных текстах, но при этом оно воспринималось, «переводилось» в разных ситуациях по-разному. Иногда обращение рассматривалось как знак уравнивания всего населения страны, как символ преодоления социальных, классовых, сословных различий. Совет офицерских депутатов в Петрограде заявлял, что во имя «... войны за свободу вся Россия — солдат, офицер, рабочий, земледелец, сольются в одно — в “гражданина свободной России”». Но иногда предполагалось даже, что это и знак ликвидации национальных различий, символ создания в результате революции нового гражданского сообщества. «Теперь нет больше национальностей, все равны, все граждане», — говорил солдат В. Коречников на похоронах «борцов за свободу» 17 марта в Гельсингфорсе¹⁸³.

Тем не менее все большую популярность в ходе революции приобретает слово «товарищ», которое быстро становится самым модным приветствием. «Все говорили “Товарищ!” “Товарищ!” Очень было радостно и хорошо всем людям», — вспоминал о революции в своем сочинении московский школьник.¹⁸⁴

Бывший матрос так запомнил первый революционный день в Кронштадте: «В роте появилось слово “товарищ”. Это наше родное, запрещенное ранее обращение теперь прочно вошло в быт казармы, и мы его так часто применяли, что применяли даже там, где не требовалось». Так, матросы-караульные заставляли арестованных офицеров называть их «товарищами» и сами обращались к ним так же. Впрочем, некоторые арестанты сами проявляли инициативу. «Теперь, вероятно, Вас надо называть “товарищем”», — обратился старый полковник к своему конвоиру-матросу¹⁸⁵. Увлеченность модным словом отразилась и на делопроизводстве войсковых выборных организаций. Например, полковой комитет Стрелкового полка Офицерской стрелковой школы рассматривал вопросы о случаях «недобросовестного отношения к товарищам больным со стороны старшего врача», «о товарищах поляках, желающих поступить в польские батальоны» и т.п.¹⁸⁶

Революционное обращение довольно быстро стало знаком политической мимикрии, приспособления к новому строю. Так, морской офицер, украсивший свою форму громадным красным бантом, уже 4 марта обращался к «товарищам матросам» в Гельсингфорсе¹⁸⁷. Показательно, однако, что подобные

¹⁸² ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 362. Л. 338.

¹⁸³ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 19, 28 марта.

¹⁸⁴ Воронов В. Февральская революция в детских записях. С. 11.

¹⁸⁵ Баранов С. По своим следам: Воспоминания старого балтийца-большевика // ЦВММ. Рукописно-документальный фонд. № 35763. Л. 23, 25, 27, 39, 41, 55.

¹⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 126. Л. 41, 47 об.

¹⁸⁷ Д.А. День 4 марта на крейсере (Продолжение) // Военная быль. 1958. № 33. С. 12

карьеристы и оппортунисты и без подсказки знали, как следует обращаться в подобных ситуациях. Это свидетельствует о том, что многие жители Российской империи, не имеющие никакого отношения к революционному подполью, были знакомы с революционной политической культурой.

Слово «товарищ», впрочем, становится порой и официальным приветствием. Центральный Исполнительный комитет Советов адресовал свое обращение «Товарищам офицерам», а ответное послание Союза морских офицеров Ревеля было направлено «Дорогим товарищам». Командир одного полка мог, например, назвать членов комитета своей части «товарищами», в другом же полку командир так приветствовал всех солдат на построении. Высший чин, командовавший парадом в Кронштадте, приветствовал «товарищей», правда, они в ответ отвечали по уставу: «Здравия желаем, господин генерал». Даже командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А.С. Максимов в некоторых своих приказах обращался к «товарищам матросам». Депутаты Петроградского совета именовали командующего Петроградским военным округом «Товарищ главнокомандующий», и это не вызывало возражений со стороны генерала. Наконец, и прибывший в Москву военный министр А.Ф. Керенский приветствовал солдат почетного караула по-революционному: «Здравствуйте, товарищи солдаты!»¹⁸⁸.

Слово «товарищ» становилось общим приветствием. «В то время, несмотря на острые политические разногласия, все были “товарищами”», — вспоминал бывший профессор Саратовского университета¹⁸⁹.

Так именовали и членов Временного правительства — нередко резолюции, принятые различными коллективами, прославляли «товарища Керенского». Для того же образа «министра-демократа», который создавал Керенский, обращение «товарищ» было необычайно важно, оно предполагало и соответствующие «товарищеские» действия. Своими демократическими манерами Керенский покоряет сердца делегатов-провинциалов, совершающих политические паломничества в революционную столицу. Их восторженная реакция весьма напоминает появившиеся впоследствии описания образцовых крестьян-ходоков, посещавших Ленина, в советских хрестоматиях. Товарищеская простота Керенского лишь оттеняет его величие: «Я, сельский народный учитель, был у министра. Он меня встретил — садитесь, товарищ. Было ли, чтобы министр звал простого солдата товарищем? Этот министр — Керенский. Он сделал великое дело не только для русских. Оно далеко выйдет за пределы нашего отечества и опередит весь мир»¹⁹⁰.

¹⁸⁸ Войсковые комитеты действующей армии... С. 324, 411; *Оськин Д.П.* Записки прапорщика. М., 1931. С. 99; РГА ВМФ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 70. Л. 20 об.; Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 28. Л. 24; *Солнцева С.А.* Военная символика Февральской революции. С. 69; *Половцов П.А.* Дни затмения... С. 91.

¹⁸⁹ Воспоминания Г.Г. Тальберга // Library of Congress, Manuscript Division, Talberg Papers, Box 3.

¹⁹⁰ *Керенский А.Ф.* Издалека: Сб. статей (1920–1921). Париж, 1922. С. 218; *Соболев Г.Л.* 1) Александр Федорович Керенский (Штрихи к политическому портрету) // Александр Керенский: Любовь и ненависть революции (Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников). Чебоксары, 1993. С. 22; 2) Революционное сознание рабочих и солдат... С. 162; *Голиков А.Г.* Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. С. 64, 65.

Для многих иностранцев слово «товарищ» было первым русским словом, которое они узнавали при пересечении русской границы¹⁹¹. В России же стали звучать и совершенно невозможные ранее обращения вроде «товарищи казаки». Даже полицейские, желая продемонстрировать свою верность новому строю, именуют своих коллег «товарищи полицейские». В дни Апрельского кризиса противостоящие «ленинцам» организаторы манифестаций в поддержку П.Н. Милюкова также именовали друг друга «товарищами». Ударницы, защищавшие Зимний дворец в Октябре, использовали обращение «товарищ». Более того, они так называли и своих пленителей — солдат полков, поддержавших большевиков. А затем даже деревенские колдуны иногда обращались к «товарищам духам»¹⁹².

В дни Февраля слово «товарищ» особенно часто звучало на улицах города, в центрах революционного движения. Само обращение демонстрировало принадлежность к революционной субкультуре и бросало вызов власти. Арестованным царским сановникам, находившимся в дни Февраля в Таврическом дворце, это слово, упоминаемое при каждом удобном случае кстати и некстати, резало слух. «Товарищ» стал знаком самоидентификации; «мы», «товарищи», противопоставлялись «им», врагам, ненавистным «буржуйам». «... Товарищ! Буржуй! ... Товарищ! Буржуй! Эти два слова висели в воздухе... Тошнить меня начинало от двух этих слов, без конца повторяемых разными голосами», — вспоминал ветеран освободительного движения, посетивший в 1917 г. революционную столицу¹⁹³. Это свидетельство подтверждается и другими источниками. В июне солдаты писали своему офицеру: «Для вас “товарищ” — это татарское слово, которое роняет смысл свободы. Для нас же товарищами считаются все те, которым не противны наши убеждения, наша цель, наша идея... Слово товарищ для нас выше слова гражданин, а потому оно не только не является словом, роняющим мысль свободы, а наоборот, призывающее к закреплению ее. Все мы, так же как и вы, не имеем ничего против тех граждан, которые не желают нам зла. Но вам, буржуазии, мы открыто заявляем, что в лице нас вы имеете серьезных врагов. Врагов не на жизнь»¹⁹⁴.

Действительно, в это время термин «товарищ» приобретает и негативное значение. Увлеченность модным словом вызывает появление соответствующих карикатур. Так, на одном рисунке был изображен гусь, обращающийся к свинье: «Здравствуй, товарищ!»¹⁹⁵. Многие консерваторы и даже либералы иронически, а иногда и презрительно именуют «товарищами» энтузиастов революции, и прежде всего солдат. Такое употребление слова встречается уже в

¹⁹¹ *Welle-Strand E.* Krensken: Verdenskrigen homo novus. Kobenhavn, 1917. S. 5; *Heald E.T.* Witness to Revolution... P.100.

¹⁹² Русское слово. 1917. 14 марта; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты... С. 484; Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. Кн. 68. С. 218, 219, 222; Революция в деревне: Очерки / Ред. В.Г. Тан-Богораз. М.; Л., 1924. С. 9; Апрельские дни 1917 года в Петрограде. С. 41, 53.

¹⁹³ [Дебагорий-Мокриевич В.К.] «Революция приняла чересчур левый характер»: Из воспоминаний В.К. Дебагория-Мокриевича // Исторический архив. 1998. № 5–6. С. 120.

¹⁹⁴ Революционное движение в русской армии... С. 123.

¹⁹⁵ Трепач. 1917. № 2. С. 11.

начале марта 1917 г. Именно в этом значении со словом «товарищ» познакомились некоторые иностранцы, оно было для них понятно и без перевода: «Had chat with tovarisch sentry while waiting»¹⁹⁶.

Затем «товарищами» стали именовать советскую элиту, сторонников большевиков. В лексиконе белых слово играет примерно такую же роль, как слово «буржуй» у красных. Слово «товарищ» стало единицей измерения неприемлемого политического радикализма, белые офицеры именовали своих временных политических союзников, умеренных социалистов, «полутоварищами» (последние продолжали использовать свое старое партийное обращение). И после Октября это обращение продолжали использовать некоторые политические противники большевиков, что иногда приводило к смятению в их рядах. Так, во время антибольшевистского восстания в Ярославле рабочие-меньшевики сформировали свою боевую дружину и явились на сборный пункт. Когда же они назвали руководителей-офицеров «товарищами», то в ответ услышали резкий ответ: «Здесь нет товарищей, здесь есть только солдаты и офицеры». В рядах дружинников-социалистов подобное заявление вызвало замешательство — так, по их мнению, могли реагировать только явные контрреволюционеры, их противники¹⁹⁷. Можно реконструировать и реакцию офицеров, для которых «товарищи» олицетворяли врага. И в этом, и во многих других случаях различное отношение к символам революции раскалывало фронт противников большевизма.

Со временем обращение «товарищ» на территориях, занятых белыми, исчезает вовсе, табуируется. Академик В.И. Вернадский так описывал атмосферу, царившую в Харькове после прихода белых в 1919 г.: «Любопытно быстрое исчезновение большевистской внешности в обращении публики. Исчезли “товарищи”, появились господа, барин и т.п., и весь разговор принял совсем другой характер»¹⁹⁸.

Для людей же, принимающих идентификацию «товарищ», это означало вступление во внутренний круг лояльности. «Товарищи» здесь — активные граждане и в то же время граждане первого сорта. Эта тенденция получила развитие в советское время: слово «товарищ» стало обращением полноправных граждан к полноправным гражданам. Заключение же, например, обращались к начальству со словом «гражданин». В 1917 г. эта тенденция еще только намечается, но не видеть ее нельзя.

Почему одно новое «революционное» обращение начинает оттеснять другое? Звание «гражданина» звучало как символ политического освобождения, однако многие активные участники конфликта считали политическую революцию недостаточной и мечтали о революции социальной. Об этом ярко свидетельствует обращение Центрального бюро профессиональных союзов

¹⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 322. Оп. 1. Д. 43. Л. 77; Bromhead A. Russian Diaries, 1916–1917 // Imperial War Museum (London), A. Bromhead Papers. Автор, не владевший русским языком называл и Таврический сад Товарищеским-Tovarisch Sad.

¹⁹⁷ [Богданов-Хорошев] Из показаний меньшевика Богданова-Хорошева // Пролетарская революция. 1923. № 10 (22). С. 215–226.

¹⁹⁸ Вернадский В.И. Дневники, 1917–1921. Киев, 1994. С. 138.

Центрального промышленного района, опубликованное 17 марта: «Яркий луч политической свободы ворвался в нашу жизнь. Мы стали гражданами, но остались рабами капитала. Крепкими цепями голода мы прикованы к фабрикам, заводам, мастерским, магазинам, конторам»¹⁹⁹. Данная позиция указывает на недостаточность идентичности «гражданина» для социального освобождения, она предполагает переход к антикапиталистической борьбе и, соответственно, поиск новых слов для самоопределения. Обращение «товарищ» звучало гораздо более революционно.

К тому же термин «гражданин» вовсе не исключался из официального «старорежимного» политического лексикона дореволюционной России, здесь убежденный монархист мог называть себя «русским гражданином и верноподданным государя-императора»²⁰⁰. Можно вспомнить и поддерживавшееся царем консервативное издание «Гражданин» князя В.П. Мещерского, и журнал «Российский гражданин» П.Ф. Булацеля, человека правых взглядов. Даже некоторые небольшие коммерческие суда и до революции могли носить имя «Гражданин»²⁰¹. В дореволюционной России существовали официальные звания «почетный гражданин», «потомственный гражданин» и пр., что после свержения монархии иногда приводило к известным недоразумениям: некоторые казаки крайне негативно относились к новому обращению, так как опасались, что их из категории «казаков» хотят перевести в «граждане», то есть «горожане» с лишением всех традиций и привилегий. Другие казаки, напротив, не желая нести традиционные повинности своего сословия, стремились стать «гражданами». Забайкальский казачий съезд, состоявшийся 16 апреля в Чите, постановил: «Казачье сословие как пережиток старины должно быть уничтожено и сравнено со всеми свободными гражданами»²⁰².

Примерно так же, «сословно», но с положительным знаком, «переводил» этот термин и некий солдат, который писал своим домашним: «Указана свобода всем крестьянам, теперь крестьяне перешли в граждане»²⁰³.

Слово «товарищ» становилось знаком признанных членов политического сообщества. Если в отдельных приказах продолжали еще педантично указываться дворянские титулы «князь», «барон» и др., то в протоколах некоторых комитетов перед каждым именем неизменно употреблялось слово «товарищ»: «... в комиссию... избран офицер товарищ Белуха и товарищи матросы ...»²⁰⁴.

По крайней мере на некоторых территориях, контролировавшихся белыми, восстанавливалось старое титулование — «Ваше благородие» и пр. И это становилось знаком раскола лагеря антибольшевистских сил, а порой и

¹⁹⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 513.

²⁰⁰ Из архива Щегловитова / Публ. И. Тоболина // Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 110.

²⁰¹ Корабли и вспомогательные суда Советского Военно-морского флота (1917–1927 гг.): Справочник. М., 1981. С. 331.

²⁰² Великая Октябрьская социалистическая революция... Т. 1. С. 485.

²⁰³ *Гарви П.* Воспоминания: Петербург — 1906 г., Петербург–Одесса–Вена — 1912 г. New York, 1961. С. 251; Революционное движение в русской армии... С. 57.

²⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 71. Л. 47 об.

одной из причин данного раскола. Так, в Чехословацком корпусе, руководители которого стремились подчеркнуть свою демократическую ориентацию, было введено обращение «брате-генерале». Такого же обращения к себе требовал и чехословацкий генерал Р. Гайда, который, командуя русскими войсками, противопоставлял себя консервативному окружению адмирала А.В. Колчака. Социалисты-революционеры, поднимавшие восстания против Колчака, сразу же вводили обращения с прибавлением слова «гражданин»: «гражданин-прапорщик» и т.д. А генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев, культивировавший в противовес Колчаку образ «народного героя генерала», использовал и эсеровские и, в русифицированной форме, чехословацкие обращения: «гражданин-генерал», «брат-генерал». Однако подобные эксперименты отталкивали многих консервативно настроенных кадровых русских офицеров, требовавших традиционного и привычного для них дореволюционного титулования²⁰⁵.

Живой символ революции

Центральной и самой популярной фигурой Февральской революции был А.Ф. Керенский. Он занимал важнейшие посты во Временном правительстве — министр юстиции (март – апрель), военный и морской министр (май – август), затем возглавил правительство (с 8 июля), а с 30 августа стал и Верховным главнокомандующим. Однако простое перечисление этих должностей не дает представления ни о действительном авторитете Керенского, ни о той реальной власти, которой он располагал уже в первом революционном кабинете.

Керенский некоторое время был не только самым популярным политическим деятелем Февраля, персонифицирующим определенный политический курс. Он был олицетворением революции, ее символом. Именно так его характеризовали авторы брошюр, прославлявших вождя революции: «Благородный символ благородной Февральской революции», «Имя Керенского стало уже нарицательным. Керенский — это символ правды, это залог успеха; Керенский — это тот маяк, тот светоч, к которому тянутся руки, выбившихся из сил пловцов, и от его огня, от его слов и призывов получают приток новых и новых сил для тяжелой борьбы»²⁰⁶.

По-видимому, частое сравнение Керенского с солнцем связано с подсознательной ориентацией на монархическую традицию. «Солнце свободы России» — так именовала его дружественная печать. Когда же министр в конце мая 1917 г. прибыл в Смоленск, то встречающие его несли плакаты: «Да здравствует солнце России Керенский!». Никого не удивлял и другой политический лозунг: «Да здравствует солнце свободы Керенский!». Близкий Керенскому публицист В.В. Кирьяков писал: «Имя его сделалось синонимом красоты, чистоты и ясности нашей “улыбающейся” революции. А.Ф. Керенский стал любимцем и надеждой, “красным солнышком” русского народа». Показательна и атмосфера встреч «демократического министра» на фронте во время подготовки Июньского наступления российской армии — после его выступлений мно-

²⁰⁵ Сахаров К.В. Белая Сибирь... С. 92, 306.

²⁰⁶ В-ий В. А.Ф. Керенский. Пг., 1917. С. 3; Леонидов О. Вождь свободы Керенский. М., 1917. С. 4.

гие солдаты целовали руки Керенскому, его одежду, его автомобиль, землю, по которой он ступал. Одни рыдали, другие молились, стоя на коленях²⁰⁷.

Отношение к Керенскому стало своеобразным политическим индикатором, позволяющим ориентироваться в сложной обстановке того времени: политических деятелей, политические партии оценивали в зависимости от их отношения к излюбленному вождю. Так, уже в марте в Екатеринославе во время «праздника свободы» звучал лозунг: «Да здравствует Керенский!». На Юго-Западном фронте Керенского приветствовали делегации с красным флагом, на котором было написано: «Кто с Керенским, тот с нами»²⁰⁸. Здравницы в честь вождя революции заменяли содержательные политические лозунги. На июньскую демонстрацию один из военных лазаретов вышел под флагом с надписью: «Да здравствует вождь товарищ Керенский!»²⁰⁹. Севастопольский же совет заявил во время конфликта Керенского и Корнилова, что он «выступает на защиту своего вождя Керенского, Совета и революции», — показательно, что имя вождя было поставлено на первое место.²¹⁰ Изречения Керенского, выложенные живыми цветами, украшали могилы жертв революции²¹¹.

Политическим знаком становились также изображения Керенского. Показательна реакция группы петроградских детей, описанная в повести Г. Белых. Подражая взрослым, они решили организовать свой политический клуб. Вырыв во дворе землянку, они первым делом водрузили на стене портрет Керенского²¹². В этом проявилось подражание взрослым: именно так, по их мнению, должен выглядеть «настоящий» клуб.

19 июня в Петрограде состоялась патриотическая манифестация в честь успешного начала наступления русской армии. Корреспондент «Правды» сообщал, что манифестанты несли два красных флага и один трехцветный, ко всем знаменам были прикреплены портреты Керенского. Другие манифестанты несли портреты военного министра — широко известна фотография, на которой изображен Г.В. Плеханов с портретом Керенского. На другом снимке М.Л. Бочкарева, командир известного ударного подразделения также изображена с портретом вождя революции. Некоторые фотографии Керенского, которые несли манифестанты были украшены букетами, иногда портреты популярного министра просто утопали в цветах²¹³.

Патриотические манифестации состоялись и в других городах. В Киеве несли красно-черный флаг ударных батальонов смерти, под ним красовался портрет Керенского. Его встречали дружным «ура!». Союз георгиевских

²⁰⁷ Приказы и речи... С. 29; *Кирьяков В.В.* А.Ф.Керенский как оратор // *Керенский А.Ф.* Избранные речи. Пг., 1917. С. 13; *Арманд Л.* Керенский. Пг., 1917. С. 11; *Abraham R.* Alexander Kerensky... P. 200.

²⁰⁸ Рабочая газета. 1917. 22 марта; Приказы и речи... С. 23.

²⁰⁹ *Корнаков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 155.

²¹⁰ *Хесин С.С.* Октябрьская революция и флот. С. 350–351.

²¹¹ Благородная жертва Февральской революции 1917 года студент Петроградского университета Владимир Иванович Хлебцевич. Сызрань, 1918. С. 28.

²¹² *Белых Г.* Дом веселых нищих. Л., 1930. С. 172.

²¹³ Русский инвалид. 1917. 21 июня; Правда. 1917. 20 июня. См. также: *Корнаков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников... С. 173.

кавалеров Киевского военного округа и волонтеры ударных революционных батальонов приняли специальную резолюцию, адресованную Керенскому, в которой заявляли, что «в день манифестации всей демократии [он] преклоняет перед вами свои революционные знамена и просит вас, как любимого вождя революции, приказать умереть для счастья родины и мира всего мира»²¹⁴.

Портреты Керенского украшали и другие празднества, в том числе и все-российский День крестьянского дела, отмечавшийся 15 августа²¹⁵. Но в то же время и политические противники «министра-демократа» относились к изображениям Керенского как к значимым политическим символам. Вскоре после выступления генерала Л.Г. Корнилова, в ночь на 3 сентября в городе Орел группа офицеров и вольноопределяющихся, собравшихся в местной кофейне «Свобода», вела непринужденную беседу о текущем моменте. По предложению одного из присутствующих, было решено демонстративно разорвать портрет Керенского, что и было немедленно исполнено. Однако это действие вызвало возмущение других посетителей кофейни. Начался скандал. Прибыла милиция с патрулем конного артиллерийского дивизиона, и шестеро «демонстрантов» были арестованы²¹⁶. В этой истории показательно все — и название модной кофейни, и тема ночной застольной беседы, и акт бытового «иконоборчества», и оказавшийся под рукой портрет Керенского, что свидетельствует о распространенности его изображений. Но особенно интересна острая реакция публики, которая подтверждала ритуальный характер происходящего. На новую ситуацию проецировалось монархистское правовое сознание: дореволюционное законодательство предусматривало довольно суровые наказания за оскорбления лиц императорской фамилии и их изображений²¹⁷. Очевидно, потребность в сакрализации представителей высшей власти была укоренена в политическом сознании новых «граждан».

Само имя вождя становилось важнейшим политическим знаком. В мае возникла идея создания специального «Фонда имени Друга Человечества А.Ф. Керенского». Юнкера Московского Александровского военного училища просили, чтобы выпуск 1917 г. носил имя Керенского, сам министр не без труда отговорил их от этой идеи. Группа солдат из действующей армии обратилась к городскому голове города Киева с просьбой переименовать некоторые улицы, носившие «царские» названия. Прежде всего они предлагали переименовать «в честь военного министра Керенского Столыпинскую улицу в Керенскую». Одна из улиц Бобруйска также получила имя вождя. При перемене же фамилий в 1917 г. некоторые лица выбирали новое родовое имя в честь популярного политика — Керенский²¹⁸.

²¹⁴ Киевлянин. 1917. 20 июня.

²¹⁵ Дело деревни. Тамбов, 1917. 27 августа.

²¹⁶ Русское слово. 1917. 5 сентября.

²¹⁷ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Изд. Н.С. Таганцев. Изд. 18-е, пересмотренное и дополненное. Пг., 1916. С. 338.

²¹⁸ Известия Петроградского совета. 1917. 24 мая; *Abraham R. Alexander Kerensky...* P. 202; Киевлянин. 1917. 3 июня; *Verner A. M. What's in a Name? Of Dog-Killers, Jews and Rasputin // Slavic Review.* 1994. Vol. 53, № 4. P. 1070.

«Министра-демократа» Керенского именовали «символом демократии». «Для нас Керенский не министр, не народный трибун, он перестал быть даже просто человеческим существом. Керенский — это символ революции», — так писали поклонники «народного министра», субъективно считавшие себя приверженцами демократии, таково содержание листовки, изданной в 1917 г. Для них Керенский олицетворял революцию, новый революционный строй. «Вашиими устами говорит с нами русская свобода», — обращались к военному министру комитет и командир 3-го Морского полка Балтийской морской дивизии. А резолюция, принятая рабочими завода С.А. Трайнина, гласила: «Надеемся, что революционное правительство, созданное символом демократии А.Ф. Керенским, будет капитаном спасения тонущего корабля, и страна при поддержке всех живых сил страны будет выведена на светлый путь будущего»²¹⁹.

Культ Керенского просуществовал сравнительно недолго, однако он оказал немалое воздействие на развитие национальной политической культуры. Уже в первые месяцы революции многие комитетчики вне зависимости от своей политической ориентации копировали манеру выступлений, стиль, даже костюм популярного министра. Не был исключением и Д.А. Фурманов, ставший позже символом большевистского военного комиссара, — он сам признавал в то время, что подражал ораторской манере Керенского (запись в дневнике Фурманова за 29 мая 1917 г.)²²⁰.

Многие символы, найденные Керенским, его сторонниками и почитателями, были затем использованы при создании культов большевистских вождей, имена и образы которых также становились символами нового режима. В 1917 г. уже начали складываться культы вождей Гражданской войны — красных и белых (культ В.И. Ленина — в субкультуре большевизма, культ генерала Л.Г. Корнилова — в субкультуре военных организаций). Однако некоторое время лишь Керенский выступал в роли персонифицированного символа нового государства. Показательно, например, что скульптурные бюсты «народного министра», пользовавшиеся немалым спросом, вручались тем лицам, которые приобретали большое количество облигаций «Займа свободы» (на сумму не менее 25 тыс. р.)²²¹.

2. Революционные символы и массовая культура

В условиях моды на политику в первые месяцы революции 1917 г. важнейшей чертой общественной жизни стала политизация досуга. Это сразу же про-

²¹⁹ Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), фонд 2, № 10964. Кулегин А., Бобров В. История без купюр // Советские музеи. 1990. № 3. С. 5–6; Русский инвалид. 1917. 24 июня; Земля и воля. 1917. 28 июля.

²²⁰ Курьяновский П.В. Неизвестный Фурманов. Иваново, 1996. С. 61.

²²¹ Биржевой курьер. 1917. 28 июля; Смирнова Е.Ю. Язык революции в финансовых периодических изданиях. С. 5 (машинопись). Благодарю Е.Ю. Смирнову за сообщенные мне сведения.

явилось в театральных постановках. Порой даже самые обычные спектакли превращались в эффектные политические манифестации.

Впервые после свержения монархии бывшие императорские театры Петрограда вновь открылись 13 марта 1917 г. В Мариинском театре шли увертюра Н.Н. Черепнина «Памяти павших борцов за свободу» и «Майская ночь». По требованию публики хор и оркестр несколько раз исполнили «Памяти павших», «Эй, ухнем» и «Марсельезу». 15 марта «Спящей красавицей» открылись балетные спектакли театра, и публика в зале также постоянно требовала «Марсельезу», а при ее исполнении все присутствовавшие вставали. Иногда «революционизировались» и старые постановки, переделывались сценарии, менялось музыкальное сопровождение. Так, в Благовещенске, в начале апреля труппа Народного дома играла пьесу «Рабочая слободка», в содержание которой были включены революционные песни²²².

После Февраля появился и новый театральный жанр, первоначально пользовавшийся огромной популярностью, — митинги-концерты, в ходе которых играли оркестры и пели хоры, выступали артисты с художественной декламацией, чередовавшиеся с речами известных политиков и ветеранов освободительного движения, популярных ораторов. Именно на политических деятелей шла порой публика, их имена печатались на афишах и рекламных плакатах. Звездой таких митингов-концертов был, конечно, А.Ф. Керенский. Однажды на одном из таких митингов-концертов, проходившем в петроградском цирке Чинизелли, А.Ф. Керенский, встреченный овацией, предложил всем присутствующим спеть «Марсельезу». Корреспондент одной из газет сообщал: «А.Ф. Керенский затягивает первые слова... В это время дирижер оркестра дает министру юстиции смычок, и он продолжает им дирижировать. В заключение к Керенскому обращается капельмейстер Волынского полка: “Вы не только блестящий министр, но и дирижер”»²²³.

В митингах-концертах участвовали и видные деятели русского искусства, которые порой представляли на суд публики собственные революционные произведения. Так, в Севастополе же, во время грандиозного концерта под открытым небом, Ф.И. Шаляпин исполнял свой «Гимн революции» с красным знаменем в руках²²⁴.

«Революционизировался» и «демократизировался» жанр благотворительных балов. Так, 22 апреля в Русском общественном собрании Ревеля прошел бал-маскарад в пользу «борцов революции». Приглашенный оркестр 2-го артиллерийского полка, разумеется, начал свое выступление с исполнения «Марсельезы»²²⁵.

Революционная традиция сразу же повлияла на кинематограф: перед началом сеансов оркестры и таперы играли «Марсельезу». Многие киностудии

²²² Безданов В. Театры в дни революции. С. 39, 41; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 2. С. 263, 264; Амурское эхо. Благовещенск, 1917. 8 апреля; Русская музыкальная газета. 1917. № 17–18. Стб. 358; № 19–20. Стб. 380.

²²³ Цит. по: Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда... С. 162–163.

²²⁴ Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 13 июля.

²²⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 119. Л. 105 об.

быстро выпустили несколько соответствующих «революционных» фильмов, в названиях которых были использованы цитаты из революционных песен: «Отречемся от старого мира», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Не плачьте над трупами павших бойцов». Подчас под одним названием такого рода конструирующими фирмами снималось сразу несколько фильмов. Девиз партии эсеров «В борьбе обрешь ты право свое» также дал название одному фильму. В 1917 г. снималась картина с актуальным названием «Буржуй (Враг народа): Социальная драма». Несколько фильмов знакомили зрителя с историей освободительного движения, они обличали павший режим и прославляли «борцов за свободу»²²⁶.

Организовывались и революционные экскурсии, которые могли перерасти в внушительные политические демонстрации. Так, в воскресенье, 6 августа, состоялась поездка большой группы петроградских рабочих в Кронштадт, организатором которой был В. Володарский, один из лучших большевистских агитаторов, а среди участников были делегаты 6-го съезда партии большевиков. Экскурсантов в сопровождении нескольких оркестров погрузили на три парохода под звуки «Марсельезы». Духовая музыка играла то на одном корабле, то на другом, а в промежутках тысячи рабочих пели «Интернационал» и другие революционные песни. Кронштадтцы также встретили прибывших гостей музыкой. Три духовых оркестра и один струнный, расположенные в различных местах, один за другим играли «Интернационал» и «Марсельезу». У могил жертв революции 1905 г. раздался революционный похоронный марш «Вы жертвою пали...». Эта политическая экскурсия выделяется своим размахом, но можно привести и массу других примеров «революционного туризма». Так, кронштадтцы нанесли ответный визит рабочим Сестрорецка²²⁷.

Рынок быстро откликнулся на новые запросы политизирующегося потребителя. В Москве уже во время революционных событий уличные торговцы, быстро реагирующие на спрос, стали предлагать невиданный доселе товар: красные ситцевые ленточки, по две копейки за штуку. В возбужденной революционной толпе товар разошелся за несколько секунд. Счастливые обладатели дефицитных эмблем разрывали ленточки и делились со своими товарищами, которые также желали украсить себя популярным символом революции²²⁸. На улицах Петрограда также появились продавцы, торгующие красным бантами и флажками. В середине марта стоимость модного красного банта составляла уже 20–30 копеек²²⁹.

Мода на красный цвет проявилась и в увеличении спроса на красную материю. Современный поэт-сатирик писал, обращаясь к «барышням-демократкам»:

²²⁶ Кине-журнал. 1917. № 11/16. С. 137, С. XIV; Сине-фоно. 1917. № 11–12. С. 31, 64, 97, 120.

²²⁷ Пролетарий. 1917. 15, 18 августа; Колбин И.Н. Кронштадт от Февраля до корниловских дней. С. 155; Флеровский И.П. Большевистский Кронштадт в 1917 году (По личным воспоминаниям). Л., 1957. С. 79.

²²⁸ Dune E.M. Notes of a Red Guard. Urbana; Chicago, 1993. P. 35.

²²⁹ Русская воля. 1917. 17 марта.

*Точно с тягостной потери
Гложет барышень тоска:
Боже, красных нет материй
В магазинах ни куска!
Как все это, право, гадко,
Точно свет пришел к концу!
Я — такая демократка,
И... мне красное к лицу!*²³⁰

После Февраля было выпущено множество почтовых открыток, посвященных революции и обличающих «старый режим». Фирмы, печатавшие почтовые карточки, также учитывали интересы политизированных покупателей. Большим спросом пользовались «романовские» и «распутинские» сюжеты. В 1917 г. продукция такого рода воспринималась как «порнография»²³¹. Но немалой популярностью пользовались открытки, создатели которой использовали революционную символику, прежде всего красный флаг.

Спросом пользовались и специальные значки-жетоны в форме медалей. На них часто были изображены красные флаги. Выделяются жетоны, посвященные Керенскому. Они копировали по форме соответствующие жетоны и медали с изображениями Николая II и других членов императорской фамилии, которые выпускались в годы войны. Один жетон в честь «революционного министра» особенно показателен: на лицевой стороне было помещено «изображение А.Ф. Керенского в растительном орнаменте, вправо обращенное», а на оборотной — надпись: «Славный — мудрый — истинный и любимый вождь народа 1917 г.». Средства, вырученные от продажи подобных жетонов, поступали на патриотические нужды. В атмосфере распространения культа революционного вождя появились даже слухи о выпуске новых медалей с изображением Керенского. «Зато появились медали с выбитым на них римским профилем, которые носят рядом с Георгиевским крестом...», — сообщила в своем письме от 20 июня аристократка своим близким. Из контекста ясно, что речь идет о Керенском, а упоминание о «римском профиле» имеет антисемитскую направленность. (В то время распространялись разнообразные домыслы о еврейском происхождении министра.) Любопытно, что слухи в этой среде преувеличивали воздействие монархической традиции на формирование культа революционного вождя, предвосхищая тем самым своеобразную частичную символическую реставрацию, осуществленную Сталиным в 40-е годы, когда на медалях СССР появился профиль живого вождя. Некоторые жетоны с изображением Керенского послужили образами для значков советского времени, на которых уже с 1918 г. изображался В.И. Ленин. Они создавались в тех

²³⁰ Дон-Жуан. Барышням-демократкам // Развлечение: Приложение к иллюстрированному журналу «Родина». 1917. № 12. С. 2.

²³¹ См.: Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 352–367.

же мастерских, в том же стиле, похоже, что при этом использовались те же формы и штампы²³².

В обстановке «моды на революцию», в атмосфере политизации частной жизни образ популярного вождя революции стал элементом китча. При этом образцы массовой культуры пользовались известным спросом и у представителей культуры «высокой». «Есть у меня такой сувенир: бирюзовая картонная книжечка с золотым ободком, распахнешь: слева разбитое зеркало, справа — Керенский. Керенский, денно и нощно глядящийся вдребезг своих надежд. Эту реликвию я получила от няньки Нади, в обмен на настоящее зеркало, цельное, без Диктатора», — вспоминала М.И. Цветаева. Цветаева также приобрела бюст Керенского, который заменил бюст Наполеона, стоявший ранее на ее письменном столе²³³.

Большим спросом пользовались и открытки с изображениями «народного министра», его портреты красовались в витринах магазинов, его фотографии выставлялись на аукционах (средства от их продажи также шли на патриотические нужды). На улицах, во время импровизированных патриотических аукционов, продавались портреты «народного вождя», звучали слова: «Товарищ Керенский — двести рублей! Кто больше?». В Ростове-на-Дону, например, портрет «лучшего гражданина» был продан за 390 р. На концертном митинге, организованном Центральным комитетом по организации революционной добровольческой армии ударных батальонов, был устроен американский аукцион, на котором портрет Керенского был продан за 12 тыс. р. Но своеобразный рекорд, по-видимому, был установлен в Москве: после знаменитого выступления Керенского в Большом театре 26 мая на митинге-концерте одна его фотография была продана за 16 тыс. р. (по другим данным — 15 100 р.), другая — за 5 тыс. р. На других аукционах продавались и бюсты «первого гражданина»²³⁴.

Издатели приступили к выпуску литературы, соответствующей требованиям момента. Большим спросом у покупателей пользовались песенники с революционными песнями. Эти песни пели, их стремились выучить, они становились модными. Различные же политические силы пропагандировали песни, публикуя, как и в 1905 г., их тексты в виде отдельных листовок и открыток. Так, например, большевистское издательство «Прибой» выпустило серию открыток с портретами Маркса, Энгельса и текстом «Интернационала»²³⁵.

Революционные песни печатались и в газетах. Так, 5 марта, в первом же номере возобновленной большевистской «Правды» был опубликован текст «Интернационала». Он был вновь напечатан 16 апреля, накануне Первомайской

²³² Рафальский С. Что было и чего не было. Лондон, 1984. С. 59; Русская армия, 1917–1920: Обмундирование, знаки различия. Награды и нагрудные знаки. Санкт-Петербург, 1991. С. 47–48; Кривцов В.Д. Аверс № 2: Советские значки и жетоны (Каталог для коллекционера). М., 1996. С. 172–173; РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 613. Л. 37 об.

²³³ Цветаева М.И. Собрание сочинений. М., 1994. Т. 4. С. 521.

²³⁴ Солдат-гражданин. М., 1917. 27 мая; Русский инвалид. 1917. 28 июня; Труд. М., 1917. 10 августа; Петроградская газета. 1917. 1, 2 августа; Abraham R. Alexander Kerensky... P. 207.

²³⁵ Дрейден С.Д. Музыка — революции. С. 131.

манifestации. 8 марта был опубликован текст «Красного знамени», 9-го, накануне запланированного дня похорон жертв революции — «Похоронный марш», 10-го — «Уж красное знамя зардело», 11-го — «Кончается царство постылой зимы...» и «Машинушка», 12-го «Дружно товарищи в ногу», 6-го апреля — «Крестьянская марсельеза», 7-го апреля — «Варшавянка».

Интересно сопоставить «Правду» и меньшевистскую «Рабочую газету». В центральном органе меньшевиков 9 марта также был опубликован революционный похоронный марш («Вы жертвою пали...»), 11-го — «Интернационал», 18 апреля, в день первомайской демонстрации, были напечатаны «Красное знамя» и — вновь — «Интернационал». В московской меньшевистской газете «Вперед» 15 апреля был опубликован текст «Красного знамени», 18-го — «Интернационал».

Можно утверждать, что большевики уделяли сравнительно больше внимания агитации с помощью песен (что, по-видимому, было тактически верно). Видно также, что и для большевиков, и для меньшевиков «Интернационал» был важнейшим музыкальным символом.

О популярности революционных песен свидетельствует и спрос на соответствующие песенники²³⁶. Так, солдат-фронтовик в своем письме, адресованном редакции меньшевистской газеты, просил о посылке политических книг: «... а также политических песенников, и не мешает напомнить мотив песни, на какую старую будет сходен»²³⁷. Эти издания использовались уже во время «праздников свободы» в марте 1917 г. Участники демонстраций пели малознакомые песни, заглядывая в небольшие песенники²³⁸.

Удалось выявить 82 песенника, изданные в 1917 г.²³⁹, однако можно с уверенностью предположить, что некоторые издания остались пока неизвестными. В целом можно выделить два типа сборников песен: собрания старых песен революционного подполья и сборники стихотворений поэтов (часто — поэтов-любителей), написанных в 1917 г. после Февраля. В последнем случае стихи часто создавались под влиянием популярных песен (не обязательно революционных). Некоторые же брошюры представляли собой комбинацию двух подобных типов изданий. Издавались и песенники традиционного типа, включавшие наряду с революционными гимнами народные песни, цыганские и городские романсы и т.п. Показательно, что в 1917 г. в изданиях такого рода

²³⁶ Спрос на песенники пыталось использовать в своей пропаганде и германское командование. Издательство берлинской газеты «Русской вестник», выпускавшейся немецкими властями для российских военнопленных в Германии, напечатало песенник с нотами для балалайки (само издание нам не удалось просмотреть, подбор песен неясен). Брошюра эта использовалась в 1917 г. для фронтовой пропаганды. Так, в конце мая-начале июня только на участке 2-й Баварской ландверной дивизии, дислоцированной в Латвии, в русские окопы разными способами переправлялось по несколько десятков песенников в день. Немецкие разведчики доносили, что русские солдаты встретили песенник «с пением и радостью». См.: Баварский военный архив (Мюнхен). Фонд 2-й Баварской ландверной дивизии. Оп. 5. Д. 2, 9.

²³⁷ Рабочая газета. 1917. 11 мая.

²³⁸ Русский инвалид. 1917. 28 июня.

²³⁹ Источники: «Книжная летопись» за 1917 г., картотеки Российской Национальной библиотеки (Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), каталоги издательств. Подробный список изданий песенников содержится в монографии Н.И. Миронец: *Миронец Н.И.* Революционная поэзия Октября и Гражданской войны как исторический источник. Киев, 1988. С. 167–174.

публиковались и революционные песни — это служит подтверждением их популярности.

Песенники издавались самыми разнообразными издательствами. Их печатали и социалисты-революционеры (Москва, Иркутск, Слободской, Тюмень, Юрьев), и социал-демократы — меньшевики, большевики, объединенные организации — (Москва, Александрия, Бийск, Екатеринодар, Казань, Красноярск, Харьков). Выпустили песенники и петроградские издательства большевиков («Прибой», «Жизнь и знание»). Песенники выпускали и издательства всевозможных Советов и комитетов — Совета рабочих депутатов Москвы, Совета солдатских депутатов Владивостока, Самарского совета крестьянских депутатов, Совета солдатских депутатов Томского гарнизона, полкового комитета 539-го Боровского полка. Секция же распространения идей народовластия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих осуществила несколько изданий песенников.

Многие песенники, выпущенные партийными организациями, Советами и комитетами, издавались специально к «праздникам свободы» и к празднику 1 мая.

Но песенники выпускались и частными, коммерческими издательствами. Это само по себе свидетельствует о популярности революционных песен, очевидно, предполагалось, что выпуск подобных брошюр будет приносить прибыль.

Не удалось обнаружить песенники, изданные конституционно-демократической партией. По-видимому, российские либералы в это время не могли считать песни революционного подполья «своими», собственных же политических символов они предложить не смогли.

Революционные песни пели на отдыхе, их заказывали и ресторанным оркестрам. Ситуацию сразу же уловили производители граммофонных пластинок, немедленно приступившие к выпуску соответствующих дисков. Реклама фирм обещала: «...Вскоре Свободная Россия услышит на знаменитых пластинках “Пишущий Амур” все лучшие и любимые номера революционного репертуара». Киевская фирма «Электрофон» гордилась тем, что начала выпускать «свободные» пластинки «с первых дней революции». Реклама завлекала: «Русский соловушко — Мария Александровна Каринская исполнила весь свой новый репертуар цыганских романсов и песен свободы». Фирма выпустила, разумеется, запись «Рабочей марсельезы» в исполнении хора А.А. Кошица под аккомпанемент оркестра С.Т. Аббакумова. «Электрофоном» были выпущены также украинский национальный гимн и гимн сионистов. Московское акционерное общество «Граммфон» подготовило серию пластинок «Гимны, песни и речи свободы». Так, поступили в продажу несколько записей «Марсельезы». «Русская марсельеза» звучала в исполнении хора Московского государственного театра. Различными фирмами было также выпущено не менее трех записей революционного похоронного марша («Вы жертвою пали»). Чаще всего в 1917 г., разумеется, выпускались пластинки с записями «Марсельезы», затем следовали записи революционного похоронного марша («Вы жертвою пали...»). Известно также не менее двух записей «Варшавянки» и двух — «Интернационала»²⁴⁰. Существовал, безусловно, немалый спрос на пластинки

²⁴⁰ Граммфонный мир. 1917. № 6–7. С. 6–7, 8–9, 14–15; № 8. С. 8–9.

такого рода. В каких ситуациях люди слушали пластинки с записями революционного похоронного марша? Во всяком случае, спрос на такую продукцию свидетельствовал о крайней политизации частной жизни.

Революционные песни политизировали досуг. Солдаты разучивали их подчас по собственной инициативе, в свободное время, пели «для души». Офицер-монархист записал 17 апреля в дневнике о своих драгунах-малороссах: «Но не украинские песни поют они, не старые полковые песни, которые мы слушали среди турецких пустынь, персидских степей и перевалов, и среди снегов Западного фронта. Нет, — они изволят петь “Марсельезу”, да и поют они ее плохо, иногда ошибаются и в словах, и в напеве. Но стараются, как дети, и все стройнее и стройнее звучит нерусский напев... снова громко прозвучал какой-то революционный напев. Надо закрыть окно, в которое врывается новая, победная, гордая песнь»²⁴¹.

«Мода на революцию» продолжалась несколько месяцев. Послефевральская эйфория сменилась разочарованием и апатией, внимание все большего числа людей оказалось сосредоточено на житейских, бытовых проблемах своих семей. Однако сам факт участия рыночных структур в распространении символов революции необычайно важен. Он отражал огромный массовый спрос на революционные символы. С другой стороны, производители и продавцы, естественно, были заинтересованы в сбыте своего товара — революционных символов — рекламировали его, провоцировали спрос различными способами. Парадоксально, но наряду с социалистическими политическими партиями именно предприниматели немало сделали для распространения революционной и социалистической символики, которая нередко провоцировала затем борьбу против «буржуазии».

3. Время в политической культуре революции

Для любой революции важной идеологической проблемой становится проблема определения своего места в истории, истории всемирной и национальной. Некоторые революции воспринимались как тотальный разрыв с прошлым, начало революции рассматривалось как своеобразная новая точка отсчета, как начало «новой истории». Другие же революционные идеологии связывают перевороты с определенными тенденциями прошлого, конструируется революционная генеалогия нового государства, нового общества. Между различными моделями революционного времени и различными сценариями развития революции существует определенная связь: тотальное отрицание прошлого, декларируемый разрыв с традицией запускает механизмы углубления революции и радикализации политического процесса.

²⁴¹ *Стальтин А.А.* Записки драгунского офицера, 1917–1920 гг. // Русское прошлое. 1992. Кн. 3. С. 14–15.

Временное правительство просто вынуждено было создавать свою историческую традицию. Так, уже 16 марта 1917 г. постановлением Временного правительства было отменено празднование «царских дней» (дни рождения и тезоименитства императора, царицы и наследника, дни вошествия на престол и коронования императора — эти праздники до революции имели государственный и религиозный характер). Встал вопрос о создании новых общенациональных праздников. Министерству внутренних дел поручалось выработать соответствующие предложения и представить их правительству. Первый проект был подготовлен и 11 мая направлен для обсуждения в Министерство народного просвещения. В этом документе планировалось установить три общенациональных праздника: 19 февраля — день освобождения крестьян от крепостной зависимости; 17 октября — «день установления в Российском Государстве первого конституционного строя» и 27 февраля — «В память Великой Российской революции, когда сам народ в лице Исполнительного комитета Государственной Думы взял власть в свои руки». Показательно, что само описание последнего праздника соответствует определенной идеологии: в массовом сознании стремились закрепить мысль о решающей роли Думы в перевороте. Обсуждался вопрос и о придании государственного статуса празднику 1-го мая (18 апреля старого стиля), который в 1917 г. был объявлен в государственных учреждениях неприсутственным днем. Однако это предложение было отвергнуто, видный чиновник Министерства внутренних дел дал следующее заключение: «1-е мая праздник рабочих, и даже не всех рабочих, а только социал-демократов-интернационалистов. Поэтому едва ли соответственно устраивать всенародное празднование для партийного праздника. За границей 1-е мая — только партийный праздник». Предлагалось также сократить и число религиозных праздников, отмечаемых как государственные. Предложение МВД было направлено в Министерство юстиции и Святейший Синод, все ведомства отнеслись к нему сочувственно²⁴². Как видим, чиновники Временного правительства пытались установить связь между революцией и российской либеральной традицией.

Однако концепция исторического времени, предлагавшаяся всей системой революционных символов, совершенно противоречила тому видению истории, которое предлагалось чиновниками Временного правительства. Революционная символика оказывала огромное влияние на политическое сознание участников событий. Революционные песни оказали воздействие на риторику лидеров революционного периода. Автор классического исследования, посвященного языку революционной эпохи, отмечал: «Образы мстителя за угнетенных, образы железа и крови, хищного зверя, гидры с миллионом щупалец, грандиозного пламени, вихрем бушующего по всему миру, представляются в речах революционных деятелей»²⁴³. Можно лишь добавить, что те же образы использовались и ранее в милитаристской пропаганде различных воюющих стран в годы Первой мировой войны. Это делало аудиторию революционных лидеров еще более восприимчивой к соответствующим текстам.

²⁴² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 21. Л. 64; Ф. 1284. Оп. 187. Д. 1. Л. 1–11.

²⁴³ Селищев А. М. Язык революционной эпохи... С. 133.

Революционные песни нередко цитируются и в резолюциях, и в письмах этой эпохи. Так, например, казаки конвоя командира 26-го Армейского корпуса направили А.Ф. Керенскому 37 р. 75 к., предназначенные «семействам борцов, жертвою павших в борьбе роковой за долгожданную свободу»²⁴⁴. Как видим, в письме были использованы слова революционного похоронного марша. Письмо крестьянина А.И. Писачкина в газету «Солдат» кончалось цитатой из другой революционной песни: «Мы несем смерть всем богачам-плутократам, всем паразитам трудящихся масс»²⁴⁵.

Тексты революционных песен нередко использовались при создании красных знамен. Так, на траурном знамени мастерской по изготовлению пироксилина Охтенского порохового завода были вышиты стихи:

*Не надо ни жалоб, ни слез мертвецам.
Воздайте иной им почет.
Шагайте бесстрашно по мертвым телам.
Несите их знамя вперед*²⁴⁶.

Создатели знамени использовали «Requiem» Л.И. Пальмина. Это стихотворение, созданное еще в 1860-е годы, продолжало оставаться популярным и включалось во многие песенники, изданные в 1917 г.

Практически во всех песнях революционного подполья встречаются одни и те же смысловые блоки, «Рабочая марсельеза», например, в этом отношении ничем не отличается от «Интернационала». В первую очередь это — противопоставление настоящего и будущего. Настоящее — это «старый мир» («Рабочая марсельеза»), «мир насилия» и «вечного горя», это «тюрьма» и «неволя». Соответственно, атрибуты настоящего — «оковы» и «рабские путы», «ярмо» и «пытки». Другая черта настоящего — «бездушный гнет»: это мир «слез» и «тяжелого труда». «Голодуха», «нищета», «иго проклятой нужды» царят в этом проклятом мире.

Мрачное настоящее революционных песен («мрак», «сумрак ночи», «позора тьма», «черные дни») сравнивается также со старостью («дряхлый мир»), с «ужаснейшим сном» и даже с «постылой могилой». «Царские чертоги» и «золотые короны» — другие символы настоящего — своим зловещим блеском лишь оттеняют этот невыносимый мрак.

Гнету и насилию, нищете и мраку настоящего противостоит будущее, «вольное царство святого труда» («Рабочая марсельеза») — «Новый мир», «Новая жизнь грядущего»:

*Дней без слез и без страданий,
Без господ и без рабов,
Дней, когда взамен терзаний
Будет братство и любовь.
(«Знамя красное уж вьется»).*

²⁴⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2649. Л. 22.

²⁴⁵ Революционное движение в августе... С. 326.

²⁴⁶ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 171.

Будущее — это «лучший мир», «царство свободы» и «братской любви». Это время окончательной победы добра и правды, «Рабочая марсельеза» утверждала и обещала: «Сгинет зло, сгинет ложь навсегда». Грядущее — это своеобразный конец истории, означающий наступление «свободы вечной» («Пролетарская марсельеза»). Символы будущего светлы и ярки — это «заря» и «солнце», «свет» и «день».

Прорыв из мрачного настоящего в светлое будущее может и должен быть осуществлен в результате грандиозной окончательной битвы — «последней борьбы» («Рабочая марсельеза»). Неминуем «смертный», «роковой», «последний и решительный бой». Великая последняя битва нередко сравнивается с «неумолимым грозным судом» («Красное знамя»). Это «час искупления», «мгновение мести и суда», время «мести народной». Именно на подготовку такой битвы ориентировала свою аудиторию пропаганда всех социалистических партий, распространявших свои политические символы. Брошюра, изданная в 1917 г. военной организацией партии социалистов-революционеров, гласила: «Схватка между истиной и светом — с одной стороны, и мраком и произволом — с другой, была неизбежна»²⁴⁷. Великая грядущая битва за будущее освящается и романтизируется.

В результате последней битвы будет окончательно подавлен могущественный Враг (образ Врага присутствует во всех революционных песнях). Враг — это представитель сил тьмы — «слуги тьмы» («Красное знамя»), «темные силы» («Варшавянка»). В революционной социалистической символике присутствуют в скрытой форме религиозные образы, это было особенно важно в условиях Российской революции 1917 г., когда политическое сознание и сознание религиозное переплетались.

К числу врагов относятся в первую очередь «начальство» и «власти». Так, «Рабочая марсельеза» в качестве главного врага называет «царя-вампира». Другие революционные песни также призывают к беспощадной борьбе с «властелинами», «тиранами», «самодержавием», «злым вампиром», «царями-плутократами», «самодержцем-царем», «мертвящим царизмом», «царем-батюшкой», «начальством», «слепыми вождями», «ничтожным тираном».

Среди врагов упоминаются и агенты власти — полиция, жандармы, земские начальники, «бюрократы», «судьи-палачи». В отдельных песнях среди врагов, преграждающих путь в светлое будущее, упоминаются и священники, «попы». Однако очень часто к Врагам относят и представителей социальных верхов. Так, «Рабочая марсельеза» упоминает «богачей», «кулаков», «богатых». В других песнях враги — «господа», «фабриканты-кушцы», «хозяин таровой». В некоторых же песнях в роли врага выступает «буржуазия», «власть капитала», «буржуй» («Пролетарская марсельеза», «Красное знамя — песнь народовольцев»). Составители песенника, специально изданного Московским советом рабочих депутатов к 1 мая для солдат, имели все основания утверждать: «Победно звучат пролетарские песни в день 1-го мая, наводя страх на весь буржуазный мир»²⁴⁸.

²⁴⁷ Шабалин И.А. Восстание и казнь моряков с «Памяти Азова». С. 4.

²⁴⁸ Песни революции. М., 1917. С. 2.

Этический и эстетический образ врага ужасен, он отвратителен внешне и абсолютно аморален. В мире символов революционного подполья место «врагам народа» отведено в ужасном бестиарии, заполненном кровожадными и опасными хищниками. «Рабочая марсельеза» призывает к борьбе со «злодеями», «собаками», «жадной сворой», с жиреющими «обжорами», продающими совесть и честь. Другие песни также призывают к последней и решительной битве с «паразитами трудящихся масс», со «сворой псов и палачей», с «супостатами», «наглецами», «пауками», «кровопийцами», «мошенниками», с «сытой сволочью»:

*На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира — царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись, лучшей жизни заря!*

Так призывала «Рабочая марсельеза», наиболее популярная песня Февраля, ставшая, фактически, государственным гимном революционной России.

Результатом великой борьбы должна стать не просто победа над Врагом, но и его тотальное уничтожение — без этого невозможно наступление «новой жизни» — «светлого будущего»:

*Фабрикантов-купцов, твоих верных сынов,
Точно пыль, мы развеем по полю,
И на место вражды, да суровой нужды
Установим мы братство и волю.
(«Машинушка»)*

Французский дипломат Л. де Робьен, наблюдавший за исполнением революционных песен на улицах Петрограда, иронизировал по поводу их кровожадности: «Тенора требовали голов аристократов, сопрано — голову царя, басы вообще же не желали никого щадить»²⁴⁹.

Показательны и красноречивые заглавия некоторых сборников песен: «Песни народного гнева», «Песни террора», «Песни ненависти, борьбы и мести», «Красное знамя: Песни революции — песни ненависти». Последний песенник был издан в Тифлисе, на его обложке напечатаны портреты Г.Е. Львова и А.Ф. Керенского. Можно поэтому предположить, что составители придерживались довольно умеренных, возможно, либеральных взглядов. Но при этом они не только издавали революционные песни, но и считали нужным усилить их эффект, дав брошюре столь свирепое название. Неудивительно, что в 1919 г. здание одесской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией было украшено живописным плакатом, цитирующим «Варшавянку»:

*Мы кровью народной залитые троны
Кровью наших врагов обагрим!*

²⁴⁹ Robien L. de. The Diary of a Diplomat... P. 28.

И.А. Бунин под впечатлением увиденного им чекистского лозунга перечитал один из песенников 1917 г. С горечью и злостью он писал, что несколько поколений русской молодежи разжигали в себе ненависть «к помещику, к фабриканту, к обывателю, ко всем этим “кровопийцам”»²⁵⁰. Однако в 1917 г. подобные песенники издавали не только представители «революционной молодежи», но и патриотически настроенные социалисты-государственники, и коммерческие издательства: ненависть к «кровопийцам» хорошо продавалась в то время.

Авторы и, соответственно, исполнители песен революционного подполья отождествляли себя с братством борцов, готовых к последней битве. Показательны и названия некоторых сборников — «Песни борцов за свободу» и др. «Последняя битва» освящается, культ жертвенности борцов-революционеров — романтизируется. Песни утверждали пафос активизма, энергичного, насильственного и революционного преобразования общества.

Образы революционных песен были особенно созвучны наиболее радикальным политическим призывам 1917 г. Газета латышских социал-демократов так описывала демонстрацию 18 июня в Риге: «В песне, музыке, речах — всюду звучал призыв, вызывающий восторг, несущий отчаяние старому миру: “Приближается, приближается час расплаты!”...»²⁵¹.

Авторитетный исследователь справедливо указывает, что русская революция первоначально не дала новых песен, сопоставимых по своему значению и распространенности со старыми революционными гимнами²⁵². Однако попытки создания новых песенных текстов заслуживают внимания исследователей — эти стихи могут стать ценнейшими источниками для реконструкции политического сознания эпохи революции.

Выше уже отмечалось, что многие авторы явно ориентировались на старые песни — в 1917 г. появлялись всевозможные варианты «Марсельезы», «Варшавянки», «Дубинушки», к уже существующим популярным песням добавлялись новые куплеты. Но и в текстах, претендующих на оригинальность, мы встречаем те же образы. Настоящему, «скучному сону земли» в них противопоставлено «царство правды», «царство свободы светлой»; «руинам», «тлению» и «тьме» — «ликующий свет будущего»; «миру оков» — «царство братства». Прорыв в «новую жизнь» все так же предполагается осуществить в результате грандиозной битвы и полного подавления врага. Постоянно упоминаются и враги — «палачи и грабители», «свора жестоких зверей», «позорная рать палачей», «темная рать», «народные палачи», «старые недруги», «исчадия удавов и ужей», «тираны», «безумные слепцы», «народные воры»²⁵³.

²⁵⁰ Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 97–99.

²⁵¹ Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. ... С. 545–546.

²⁵² Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть. С.-Петербург, 1994. С. 363–364.

²⁵³ Емельяненко И. На зов грядущего // Единство. 1917. 28 марта; Песни Великой Русской революции. М., 1917. С. 4, 5; Вперед: Сборник революционных песен. Б.м., 1917. С. 8, 9, 11–12, 13, 14; Вы жертвою пали... М., 1917. С. 5–6, 7–8; Гражданские песни. Пг., 1917. С. 1–3; Новый сборник свободных песен “Пролетарий”. Барнаул, 1917. С. 7, 24–25.

Не должно быть никакой пощады врагу: «Пусть не гаснет народное пламя, пожирая остатки врагов!» — гласила «Народная марсельеза», написанная 23 марта 1917 г. прапорщиком-сапером В.Зубакиным «по желанию дружного гарнизона города Невеля»²⁵⁴.

Однако в новых текстах ощущается и непосредственное влияние иных традиций. Так, революция воспринимается подчас как осуществление божественной воли: «Ныне свершилася воля господня»²⁵⁵. Иногда ощутимо и влияние милитаристской пропаганды эпохи Мировой войны. Это и неудивительно — некоторые авторы революционных стихов 1917 г. ранее писали патриотические и воинственные тексты²⁵⁶.

Но все же главное отличие новых текстов от старых революционных песен заключено в своеобразной временной замене. Мрачное «настоящее» старых революционных песен описывается в 1917 г. уже как «прошлое». И если ранее песни призывали к грядущей битве, то в новых песнях переживаемая революция воспринимается как время решающей, последней битвы с врагом и как начало «новой жизни». Показательно также, что в 1917 г. в различных городах России издавалось не менее 12 периодических изданий с заголовком «Новая жизнь», знаменитая петроградская газета интернационалистов была лишь самой известной. Так, составители одного из песенников писали: «Позади ночь, впереди: солнце, свет, свободный труд и победа!»²⁵⁷. Для поэтов, создававших новые стихотворные тексты после Февраля, «светило любви» уже восходит, «заря золотая» уже засияла, счастье уже идет к угнетенным²⁵⁸.

Еще более показательно, что после Февраля менялся и текст старых революционных песен — их стали исполнять по-иному, в них также переживается «решительная битва». Исследователь песен эпохи революции справедливо отмечает: «В некоторых созданных ранее песнях время действия переводилось из настоящего в прошедшее. Так, если ранее пелось “Все, чем держатся их троны”, то после революции стали петь: “Все, чем держались троны”, “Все, чем держались тираны”»²⁵⁹. При исполнении «Дубинушки» также время менялось, действие песни переносилось в прошлое: «Но настала пора и проснулся народ» (ранее, соответственно, пели «настанет» и «проснется») ²⁶⁰. В песне «Смело, товарищи, в ногу» вместо слов «Свергнем могучей рукою гнет вековой навсегда» пели, соответственно, «свергли»²⁶¹. Из будущего в настоящее и прошлое были

²⁵⁴ Новый сборник свободных песен «Пролетарий»... С. 7.

²⁵⁵ Шкулев Ф. Ныне свершилася воля Господня // Песни Великой Русской революции. М., 1917. С. 3. На обложке брошюры — характерный заголовок: «Долго мы ждали свободы святой».

²⁵⁶ Шкулев Ф. Что ты кайзер... // Спице орлы боевые. М., 1916. С. 14–15.

²⁵⁷ Гражданские песни. С. 1.

²⁵⁸ Вперед: Сборник революционных песен. С. 9, 10, 13.

²⁵⁹ Миронец Н.И. Публикация сборников революционных песен в 1917–1922 гг. // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 68.

²⁶⁰ Полищук Н.С. Отражение самосознания рабочих в их песенном репертуаре // Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 179.

²⁶¹ Иванов Д.И. Я — матрос Гангута! М., 1987. С. 141.

«переведены» и сроки революционного похоронного марша: «... и пал произвол, и восстал весь народ!»²⁶².

Такие изменения нельзя считать случайными, они свидетельствуют об особенностях массового политического сознания эпохи. Участники революции требовали «грозного суда» и приветствовали «новую жизнь». Для многих участников революции настоящее, время революции — это уникальное, особое, сакральное время, это конечный момент всего предшествующего развития, это начало новой истории. Важно отметить, что это было присуще людям разных политических взглядов. Подобное ощущение настоящего мы встречаем в различных источниках, в т.ч. в речах А.Ф. Керенского. «Мы живем в великое время, о котором историки будут писать многие книги, о котором будут слагаться легенды и песни, о котором наши будущие потомки будут с завистью говорить, что им не удалось жить в наше время», — говорил «народный министр» в мае 1917 г. в своей речи на крестьянском съезде²⁶³.

Но и для многих противников Керенского события революции — это время Великой и последней битвы. Они описывали это время словами революционных песен: «Настроение наше во флоте и в Гельсингфорсе очень хорошее, но заявляю вам, что если вы упустите из рук ту власть, которую мы завоевывали себе веками, то лучше гибните на баррикадах последнего решительного боя, а не являйтесь на флот», — сообщал представитель Центробалта в Петроград в начале ноября 1917 г., буквально цитируя «Интернационал».²⁶⁴ Ранее тот же образ использовал и Центральный комитет Черноморского флота в своем обращении к морякам-балтийцам: «Мы идем вместе с вами на баррикады последнего боя»²⁶⁵. К текстам революционных гимнов обращался и манифест Московской федерации анархистских групп, выпущенный в начале ноября: «Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты, наступил великий священный момент, о котором мечтают все народы мира и о котором поется в песнях. Настает “последний решительный бой” за мир, за землю, за хлеб, за волю»²⁶⁶. Показательно, что в этом тексте песни прямо упоминаются. Можно предположить, что милитаристская пропаганда эпохи Первой мировой войны, также призывавшая к «последней войне», к «войне за прекращение войн», усилила восприятие эсхатологических революционных символов.

В ходе революции революционные символы получают необычайно широкое распространение. Их тиражировали и все социалистические партии, и коммерческие структуры, ориентировавшиеся на специфический спрос революционного времени. Соответственно, и потребитель, выбирая определенные

²⁶² *Кани-Новикова Е.* Вы жертвою пали в борьбе роковой. М., 1968. С. 84.

²⁶³ *Керенский А.Ф.* Голос первого народного министра к крестьянам и рабочим о земле и воле. Пг., 1917. С. 6; *Речи А.Ф. Керенского.* Киев, 1917. С. 16. *А.Ф. Керенский об армии и войне.* Одесса, 1917. С. 13, 14.

²⁶⁴ Военно-Морской революционный комитет... С. 104.

²⁶⁵ Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 15 октября.

²⁶⁶ Анархисты... Т. 2. С. 68.

виды товаров, косвенно способствовал распространению революционных символов. В то же время революционные символы могли стать инструментом самоорганизации стихийных массовых движений различного толка.

Завоевание страны революционными символами шло неравномерно. Становясь общепризнанными, порой официальными символами в одних регионах, они некоторое время упорно отрицались в других. Это не могло не создавать известного политического напряжения, провоцировало борьбу за власть, в которой участвовали как члены местных партийных организаций, так и многочисленные беспартийные активисты, быстро политизирующиеся в условиях революции. Распространение революционных символов порой служило знаком влияния различных политических сил. Например, символы играли немалую роль в конфликтах военного командования и войсковых комитетов. Соответственно, усиление влияния войсковых комитетов проявлялось в распространении и легитимации революционной символики. Но иногда именно борьба вокруг символов служила катализатором, исходной точкой таких конфликтов, победителями из которых в конце концов выходили войсковые комитеты.

В 1917 г. вся система революционных символов была общей для основных российских социалистических политических партий вне зависимости от их положения в современной политической жизни и отношения к важнейшим политическим вопросам. Конкуренты, а порой и враги, использовали одни и те же символы для политической идентификации и мобилизации, стремились их распространять, способствовали их сакрализации.

Усиливающаяся монополия революционных политических символов становилась важнейшим фактором политической борьбы. Шел процесс фактического утверждения этих символов в качестве символов нового строя. Большевики, захватывая власть, поддержали этот процесс, придали ему новый импульс и осуществили его юридическое оформление.

Соответственно, политическая борьба проявлялась не только как борьба между символами «старого режима» и символами «новой жизни», но и как борьба за революционные символы между политическими силами разного толка, которая шла сразу в нескольких направлениях. Во-первых, политические партии стремились представить лишь себя истинными носителями данных символов. Во-вторых, различные политические силы выстраивали различную иерархию одних и тех же символов. Можно проследить, что большевики, широко использовавшие первоначально «Рабочую марсельезу», главный символ Февраля, выдвигают постепенно на первый план «Интернационал». Для других же социалистов «Интернационал» был важным, но все же второстепенным символом. Наконец, в-третьих, ведется борьба за «правильный перевод» символов. Различные силы выдвигают на первый план какое-то определенное значение данного символа.

Сам характер символов революционного подполья наложил серьезный отпечаток на весь ход политической борьбы. Видение мира, предлагавшееся этими символами, само по себе ориентировало на «углубление революции». Странники классового мира, общенационального единства и продолжения войны не могли на них опираться полностью и безоговорочно.

Большевики же стремились представить себя достойными и единственными хранителями системы революционных символов. И постепенно им удается добиться в этом направлении важных успехов: если первоначально некоторые их противники пытались использовать красный флаг и песни революции как свои символы, то со временем, большевики предстают защитниками святых символов революции от сторонников реставрации символов «старого мира». Ленин и его сторонники смогли завладеть символическим арсеналом Февраля, они сумели его использовать и развить. И это было их важнейшей политической победой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А.Ф. Керенский, крайне не любивший публично признавать свои собственные ошибки, в конце своей жизни все же отмечал, что Временному правительству следовало бы создать новую государственную символику: «Ну, разве что гимн следовало бы принять другой, ведь мы пели “Марсельезу”. Может быть, флаг нужен был новый, не знаю». А в середине 60-х годов значок в форме трехцветного российского флага был приколот к лацкану пиджака бывшего главы Временного правительства¹. Стремление переписать собственную историю, собственную биографию, присущее многим бывшим политикам, было весьма характерно и для Керенского. Это проявлялось в его мемуарах, в которых он стремился предстать гораздо более умеренным, современным и «западным» политиком, чем он был в 1917 г. на самом деле. Но это же проявлялось и в его символических поступках: человек, много сделавший для утверждения красного флага, «Рабочей марсельезы» и других революционных символов, включая «Интернационал», в старости использовал символ «старого режима», совершенно неприемлемый для Керенского-политика эпохи революции. Это само по себе является признанием той роли, которую играли политические символы в ходе Российской революции 1917 г.

В начале XX в. в России сложилась своеобразная политическая контрсистема — революционное подполье. В разные периоды, в различных странах существовали и более развитые структуры подполья, однако, в отличие от русского образца, их действия были направлены, как правило, против чужеземного господства. В России же подполье часто было направлено против «своей» империи. Несмотря на полицейские репрессии и разоблачения, несмотря на внедрение в ряды подпольщиков информаторов и провокаторов, структуры революционного подполья воссоздавались вновь и вновь. Возрождение организаций революционного подполья облегчалось наличием специфической политической культуры, которая была создана благодаря творческим усилиям нескольких поколений участников протестных акций и революционных интеллектуалов. Так, появились сотни стихотворных текстов, на основе которых были созданы десятки популярных революционных песен. При этом их авторы ори-

¹ *Боровик Г.* Временный правитель России // Совершенно секретно. 1997. № 3; *Решетников В.* Александр Керенский: Правда и вымысел // Известия. 1991. 5 июля.

ентировались на европейскую революционную и социалистическую традицию (особенно ощутимо здесь влияние французской и польской революционных традиций).

Субкультура революционного подполья вступила в диалог с субкультурами различных социокультурных групп, возможно, это и было важным фактором ее саморазвития. Так, нельзя не видеть связь субкультуры подполья с культурой российской интеллигенции. Традиция революционного подполья оказала немалое воздействие и на формирование особой субкультуры «сознательных рабочих», т.н. «рабочей интеллигенции».

Практически все важные революционные символы были созданы до революции 1905 г. Можно предположить, что в ходе Первой российской революции и в последующий период, в новых условиях, потенциальные творцы революционных символов нашли иные способы для политического и творческого самовыражения. Однако в этих условиях революционная символика получила широкую известность, революционные символы тиражировались. В это время политическая культура подполья проникала и в массовую культуру.

Февральская революция на какое-то время объединила совершенно несоединимые политические движения, сплотившихся против общего врага — «темных сил». При этом сам этот термин мог «переводиться» совершенно по-разному. «Темные силы» в одних случаях означали Распутина и так называемых распутинцев, в других — «германскую партию» и «немецких шпионов», «придворную партию» и некий «черный блок». Черносотенцы именовали так евреев и масонов, социалисты же — монархистов, а то и «буржуев». Против «темных сил», этого «общего» врага России, в Феврале выступили республиканцы и монархисты, социалисты и предприниматели, сторонники войны и ее противники, приверженцы империи, сторонники национальной автономии и сепаратисты.

Но, преследуя различные задачи, в целях политической мобилизации они часто использовали одни и те же символы, хотя и не всегда отождествляли себя с ними. Февральская революция происходила под красным флагом, под звуки французской «Марсельезы» и под пение русской «Рабочей марсельезы». Для одних это были давние важные и дорогие символы. Некоторые же активные участники Февраля либо вынужденно терпели революционную символику, либо пытались тактически ее использовать в своих интересах. Однако даже подобное толерантное отношение к революционной символике ради достижения конкретных политических целей способствовало ее утверждению. Известному русскому националисту В.В. Шульгину «крикливые звуки» и «завывание» «Марсельезы» «резало нервы», однако само присутствие этого авторитетного консервативного политика при исполнении «гимна свободы» делало песню «своей», уважаемой, чуть ли не законной и для многих умеренных участников революции².

Социалисты не были единственными участниками революции, которую они сами считали «буржуазно-демократической», но она прошла под социа-

² Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 183, 190–191, 197, 210.

листическими и революционными символами, что серьезно повлияло на дальнейшее развитие страны.

Либералы не предлагали своим последователям в 1917 г. своих особых символов — показательно, например, что в отличие от всевозможных социалистических партий кадеты не издавали в это время сборники песен. Позднее П.Н. Милюков с полным основанием писал: «Партия народной свободы сознавала всю опасность крутого разрыва с политической символикой прошлого»³. Однако страной, как мы видим, радикально отвергались старые государственные символы, и связывать с ними свою судьбу в 1917 г. было равносильно политическому самоубийству: они все чаще воспринимались как символ контрреволюции. Именно так многие современники относились к похоронам казаков, погибших в дни Июльского кризиса в Петрограде: организаторы этой церемонии демонстративно игнорировали революционную символику и революционный ритуал. Это настораживало многих сторонников Февраля, даже если они и выступали против большевиков.

М. Рольф, автор интересного и важного исследования, посвященного советскому празднику, утверждает: «1917-й год был, таким образом, годом не только двоевластия, но и параллельного существования двух символьных систем»⁴. Изучение конфликтов, происходивших вокруг символов, не позволяет согласиться с этим выводом. Символы революционного подполья, связанные с европейской социалистической традицией, практически монополизировали после Февраля политическую сферу. В России существовал редкий для военного времени политический плюрализм (возможности монархистов, однако, были существенно ограничены), но в сфере политической символики почти безраздельно господствовали знаки революционного подполья. Любое же покушение на революционные символы воспринималось как контрреволюция. Многие рядовые сторонники Февраля вне зависимости от своей партийной принадлежности, необычайно болезненно относились к любым попыткам даже частичной символической реставрации. Сложившуюся ситуацию должны были учитывать даже консервативные политические деятели — вынужденные прибегать к политической мимикрии, они использовали революционную политическую символику, способствуя ее утверждению.

Политическая, культурная и психологическая атмосфера, сложившаяся в стране после Февраля, стимулировала процесс создания новых политических символов. Именно в этот период начинает складываться советская геральдическая система. Символы революции стали фактически символами революционного государства, хотя это не соответствовало законодательству Временного правительства, а порой и явно противоречило его юридическим актам. При этом часть министров активно использовали революционную символику и способствовали ее легитимизации.

³ Милюков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 1. С. 171. См. также: Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in Russian Revolution. New York; Oxford, 1979. P. 82.

⁴ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 62.

Двойственное отношение к государственной символике наглядно продемонстрировало кризис власти после Февраля. Создавая государственную символику своего режима, делая, например, красный флаг государственным, большевики лишь узаконили реально сложившуюся ситуацию. Отменяя же ордена, погоны и другие знаки отличия, они опирались на массовое и стихийное движение, развивавшееся в течение нескольких месяцев.

Категорическое отрицание старых политических символов имело важное политическое значение. Подчас именно старые символы становились почвой для конфликтов между рядовыми военнослужащими и офицерами, командованием. В конце концов основную выгоду из этих конфликтов извлекали большевики и их союзники, однако можно с уверенностью утверждать, что множество больших и мелких «битв за символы» начиналось без прямого участия активистов политических партий. Символы стали важнейшим фактором самоорганизации стихийных движений, которые были важным фоном борьбы политических партий и часто влияли на ее исход.

Соответственно, важно выделить периоды, когда борьба вокруг символов приобретает особенно острый характер.

В марте – октябре особое значение имела борьба за утверждение новых символов и ритуалов (красный флаг, красные банты, «Марсельеза» и др.) и за отрицание символов и ритуалов «старого режима» (национальный флаг, гимн, «помянуть» во время церковных служб, погоны, названия кораблей, отдавание чести и др.). Исход этих конфликтов вел к усилению власти Советов и войсковых комитетов, хотя они и не всегда сами были инициаторами данных политических баталий, а шли за массовым стихийным движением. В конце концов и Временное правительство шло навстречу этим движениям, фактически (а иногда и юридически) отрицая статус «старых» символов и придавая официальный статус символам революционным.

После Июля правительство пытается стабилизировать и упорядочить систему государственных символов, отдавая, например, приказы о повсеместном восстановлении официального военно-морского флага. И хотя данное постановление было исполнено, но с точки зрения носителей революционной политической культуры, придерживавшихся разных политических взглядов, действия властей выглядели как символическая «реставрация». Восстанавливая дисциплину, воскрешая старые ритуалы и символы, они отдавали своим противникам революционные символы, важнейший в тех условиях инструмент политической мобилизации и легитимации.

К осени 1917 г. мода на политику сменяется апатией и разочарованием. Но воздействие революционной традиции наложило глубокий отпечаток на национальную политическую культуру, ее воздействие испытывали подчас люди и группы, находившиеся в противостоящих лагерях.

Показательно, что осенью вокруг символов вновь обостряется борьба, особенно остро она протекает в вооруженных силах. В армии вновь становится актуальным вопрос о погонах, а в военно-морском флоте вновь оспаривается авторитет Андреевского флага. Все это было знаком радикализации масс, процесса, способствовавшего политической победе большевиков и их временных

союзников — левых эсеров, интернационалистов, анархистов, украинских социалистов. Однако нет свидетельств того, что за всеми этими конфликтами стояли какие-либо партийные организации. Вернее было бы предположить, что символы, воспринимавшиеся как «старорежимные», вновь стали инструментом самоорганизации масс, формой, позволявшей им выразить свое недовольство.

Политическая борьба почти всегда является и борьбой политических символов, конфликтом разных систем символов. Так, в 1917 г. система символов революционного подполья вытесняла государственные и национальные символы, которые воспринимались как символы «старого режима». Однако после Февраля «борьба за символы» имела и другие измерения. Так, шла борьба за право обладания тем или иным символом, попытки оппонентов использовать «свою» символику встречались необычайно резко. Это нашло отражение и в языке революции: себя, своих политических вождей, например, именовали «истинными знаменосцами», которые «высоко держат» красный флаг. Такая формулировка предполагала, что существуют еще знаменосцы «неистинные», недостойные святых символов, либо обманом их присваивающие. Большевики и умеренные социалисты нередко обменивались обвинениями такого рода.

Борьба шла и за понимание символа, за право его интерпретации, «перевода», приписывания ему того или иного значения. Не все сторонники революции, например, расшифровывали именно социалистическое значение символов. Так, для многих красные знамена были общими «флагами свободы», «флагами братства». Они могли восприниматься и как символы интернационализма, противостоящие всем национальным символам, и как новый русский национальный флаг, символ «революционного оборончества». Но красные флаги могли восприниматься и как «знамена пролетариата», как символ борьбы с буржуазией. В ходе развития революции массы могли переориентироваться на радикальные значения уже принятых ранее символов. Менялась иерархия коннотаций, на первый план выходило самое радикальное понимание знака.

Ориентируясь на «углубление» революции, большевики и их союзники могли использовать в своих целях практически всю систему символов, утвердившуюся после Февраля. Она не требовала радикальной замены, менялась лишь иерархия символов в рамках единой знаковой системы. «Интернационал», например, потеснил «Марсельезу», хотя первоначально и не устранил ее. И в глазах многих сторонников Февраля использование и развитие «их» системы политических символов большевиками делало новый режим «революционным», а значит, и легитимным.

Можно предположить, что именно политические символы, особенно песни, повлияли на формирование политической культуры масс, «проснувшихся» к политической жизни после Февраля. Они стали важным инструментом политического воспитания. Именно усвоение (и неоднократное использование, повторение) политических символов явилось начальной фазой политизации. В этом отношении многие солдаты и матросы 1917 г. повторяли путь, пройденный ранее несколькими поколениями русской революционной молодежи.

Специфика российской революции 1917 г. заключалась в ее синкретичности: символические изменения имели не только собственно политический, но и политико-морально-религиозный смысл. Язык и символы Российской революции проникали в Российскую православную церковь. Но оборотной стороной политизации церкви была сакрализация политики. Революционные символы приобретали сакральный характер, порой фетишизировались.

Революционные символы оказывали на массы, только приобщавшиеся к политической жизни, особое эмоциональное и эстетическое воздействие. Массовая политизация после Февраля первоначально проявлялась в огромном спросе на политическую литературу. Однако многочисленных неопитов политической жизни ждало серьезное разочарование: столь притягательные политические тексты содержали огромное количество специальных терминов и непонятных слов, язык современной политики оставался своего рода чужим, иностранным языком. Требовался специальный их «перевод», поэтому неудивительно, что всевозможные политические словари и «толковники» пользовались большим спросом в первые месяцы революции⁵.

В этой обстановке именно революционные символы вводили массы в мир политики. Понимаемые буквально, они использовались как инструменты для описания, классификации и интерпретации сложнейшей действительности, как непосредственное руководство к действию. Монопольное положение революционной символики после Февраля объективно вело к углублению революции, и вся система революционных символов этому способствовала, что было на руку прежде всего большевикам и их политическим союзникам. Для достижения же целей, поставленных Временным правительством, для создания общенационального единства, для утверждения «общенародного» характера революции, для ведения войны символы «новой жизни» вряд ли были хорошим средством. Скорее они могли содействовать «углублению» революции, культурной и психологической подготовке к гражданской войне, они ориентировали прежде всего на борьбу с внутренним врагом, врагом политическим и социальным. Наконец, они практически исключали возможность присутствия «врага слева», и это также создавало благоприятные условия для сторонников «углубления» революции.

В итоге умеренные социалисты находились в двойственном положении: они не могли отказаться от своих давних политических символов, продолжали их распространять и пропагандировать, они никак не могли уступить их своим противникам. Но в то же время многие умеренные сторонники Февраля осознавали возможные последствия распространения и возможности радикальной интерпретации революционной символики.

Представители новых властей порой откровенно формулировали свои страхи. Вскоре после Февраля Исполнительное бюро Общественного комитета Симферополя даже выступило против публикации в городе брошюры «Песни свободы», в которую включались

⁵ О проблемах «перевода» языка современной политики в 1917 году см.: *Figes O. The Russian Revolution of 1917 and its Language in the Village // Russian Review. 1997. Vol. 56. № 3.*

ранее запрещенные песни. Публикация, на взгляд членов бюро, отличалась «... своей неуместностью в светлый миг торжества революции и своей опасностью для темной массы»⁶. Разумеется, в условиях 1917 г. цензура такого рода дискредитировала тех общественных деятелей, которые запрещали издание революционных песен.

Но и представителей радикальной интеллигенции не могло не пугать возможное воздействие ее собственных символов. Известный библиограф И.В. Владиславлев писал в предисловии к сборнику революционных песен: «Свободный народ будет петь песни свободы, сложенные предыдущими поколениями борцов... но пути, которыми он будет идти к светлому будущему, будут у него свои, отличные от тех, которыми приходилось идти прошлым поколениям. Народ... не пойдет дорогой крови и насилия, на которую толкала его раньше рука правящих страну палачей и обезумевших от крови деспотов»⁷.

Данное высказывание ярко иллюстрирует двойственное и трагическое положение радикальной интеллигенции: создавая и распространяя систему революционных символов, утверждая ее монополию после Февраля, они вместе с тем тщетно стремились ограничить ее воздействие только символической сферой, желали не допустить возможного «буквального перевода» языка символов как руководства к прямым политическим действиям. Стремление приостановить «углубление» революции политическими средствами противоречивым образом сочеталось с культивированием революционной традиции, революционной символики, революционной ментальности, что не могло не привести к дальнейшему революционизированию общества.

В 1917 г. основная тенденция символических изменений носила новаторский характер, она представляла собой программу радикального преодоления прошлого, его тотального отрицания. При этом использовались символы субкультуры освободительного движения, имела место экспансия подпольной протестной субкультуры и ее претензией на всеобщность и монополию при почти полном отрицании дореволюционной символики. Радикальная символическая революция создавала условия для «углубления революции».

Февральская революция фактически (хотя и не юридически) знаменовала собой разрыв со старой государственной символикой. Большевики же получили возможность использовать всю утверждавшуюся систему революционной символики.

Показательна история первой советской почтовой марки. В апреле 1917 г. был объявлен конкурс рисунков для новой почтовой марки. Выбор жюри пал на рисунок Р. Зарриньша (Р. Заррина) «Меч, разрубающий цепь». Было подготовлено пять пробных вариантов, из которых утвержден был один — 15-копеечного достоинства. Но по техническим причинам эта марка не была напечатана в период существования Временного правительства. Рисунок был использован уже советским Народным комиссариатом почт и телеграфов для

⁶ *Никольский П.* Симферопольский Городской Общественный Комитет // Революция в Крыму. Симферополь, 1927. № 1 (7). С. 93.

⁷ *Владиславлев И.* Предисловие // Песни революции и свободы. М., 1917. Вып. 1. С. 4.

двух марок первого советского выпуска с номиналами 35 и 75 копеек. Марки были отпечатаны лишь в 1918 г. и поступили в обращение 7 ноября, в день первой годовщины свержения Временного правительства⁸. Символ Февраля стал важным символом нового режима.

Большевики продолжали и завершали процессы, начатые в Феврале: своими декретами они юридически оформляли реальную ситуацию, сложившуюся в стране накануне Октября — знаки субкультуры революционного подполья монополизировали символическое пространство и фактически (а иногда и юридически) играли роль государственных символов. Это создавало благоприятные возможности для радикальных социалистов. Ряд же побед, одержанных большевиками и их союзниками в их стремлении контролировать символы революции, значительно облегчал им борьбу за власть.

⁸ *Карлинский В.* Почтовые марки РСФСР, 1917–1921 // Советский коллекционер. 1966. № 4. С. 24–27; Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1818 — 2008. Федеральное государственное унитарное предприятие «Гознак»: История в событиях, датах, судьбах / А.В. Трачук, Н.М. Никифорова. М., 2008. С. 137, 142.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской Академии наук

ОР — Отдел рукописей

РНБ — Российская национальная библиотека

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦВММ — Центральный военно-морской музей

ЦГА СПб. — Центральный государственный архив С.-Петербурга

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббакумов С.Т. 293
Абрамович Н.Я. 58
Абросимова Т.А. 5
Авдеев Н. 23, 55, 143, 161, 214, 248
Агафангел, архиепископ. 60
Агурский М.С. 77
Аджемов М.С. 93
Александр I, император. 134
Александр II, император. 134–136, 138–139
Александр III, император. 19, 135–136, 139
Александр Невский, вел. кн. 90
Алексеев М.В. 84, 159
Алексеевский А.Н. 212
Алексеевский К.А. 165–166
Алмонд Г. 8
Амвросий, епископ. 64
Амурский С. 182
Амфитеатров А.В. 136, 138
Ананьин Е.А. 274
Ананьич Б.В. 5
Андреев Л.Н. 78, 85, 88
Андрей, епископ. 60
Андринг Э.А. 87, 178
Андроник, архиепископ. 76
Анин Д.С. 25
Арманд Л.М. 285
Артамонов В.А. 10, 92, 97, 261, 263
Архитов И.Л. 25
Арцыбашев М.П. 269
Астрахан Х.М. 68
Ахти А. 32
Ачканов Г. 129, 248
Білий В. 275
Бабкин М.А. 5, 38–39, 46, 52, 56, 60, 63–64, 67–68, 70, 72, 78–80, 82–83
Бальмонт К.Д. 261
Баранов С. 34, 104, 160, 279
Барыков С.И. 95
Баткин Ф.И. 192, 278
Бауман Н.Э. 37
Бахметев Е. 20, 151, 161, 181
Бевзюк Н.П. 70
Безпалов (Беспалов) В.Ф. 96, 261, 263, 288
Бейлис М. 132
Беленький С. 34
Белых Г.Г. 285
Бенуа А.Н. 22, 48, 91, 138
Бердяев Н.А. 59, 77–78, 81, 85
Берестин Е. 80
Бермондт-Авалов П.Р. 99
Билибин И.Я. 48, 91–92
Блок А.А. 22
Блюменталь И.И. 43
Бобров В.Д. 287
Богданов-Хорошев П.А. 282
Богословский М.М. 57–58
Богоявленский 52
Бойнович А.Д. 94
Болдырев В.Г. 75, 147, 157, 202, 210, 235–237, 242
Болтянский Г.М. 50
Бородаевский В.В. 80
Бортнянский Д.С. 261
Бочкарева М.Л. 285
Брантинг К.Я. 233
Бреслав Б.Б. 270
Брешко-Брешковская Е.К. 215
Бромхэд А. 265
Броун, полковник. 160
Брусилов А.А. 63, 156, 190, 240, 251
Бубнов А.Д. 151–152, 175, 237
Булак-Булахович С.Н. 212
Булацель П.Ф. 283
Булдаков В.П. 5, 11–12, 51, 296
Булла В.К. 50
Бунегин М.Ф. 48, 104, 132
Бунин И.А. 299
Бурджалов Э.Н. 16, 21, 27, 38, 44, 64, 70, 75, 82, 90, 105, 107, 132, 155, 240, 262
Бурский П.Д. 196
Буяков А. 211
Быстрицкий М.И. 50
Варнек П.А. 224
Вахрамеев А.И. 88
Вахрамеев И.И. 125, 205–206, 249
Введенский А.И. 67, 70

- Вениамин, епископ 20
Верба С. 8
 Вердеревский Д.Н. 119, 163, 168
 Вериго-Доровский Ф.К. 50
Вернадский В.И. 282
Верстюк В.Ф. 41
Верховский А.И. 39, 56, 83, 157, 243, 252, 277
 Веселкин В.В. 154
Вилинбахов Г.В. 92, 97, 99
 Вирен Р.Н. 160
Вишневецкий Е. 253–254
Вишняк М.В. 273–274
 Владимиров И.А. 88, 179
Владиславлев И.В. 310
 Водозовов В.В. 93, 215
Войтинский В.С. 43, 62
 Володарский В. (Гольдштейн М.М.) 289
 Волошин М.А. 272
Воронов В. 89, 232, 235, 277, 279
Воропаев. 70, 153, 180
 Ворошилов К.Е. 274
Востоков В.И. 64
Врангель П.Н. 70, 155, 236, 241
Гавриил Константинович, князь императорской крови. 227
 Гадд Г.О. 165
Гаджиев К.С. 10
 Гайда Р. 284
Гальперина Б.Д. 5
 Гальперн А.Я. 93
Ганелин Р.Ш. 5
Гарви П.А. 26, 283
 Гельмерсен П.В. 153
 Гердер И.Г. 8
 Гермоген, епископ. 83
Гернет М.Н. 33
Гиацинтов Э.Н. 239
Гиппиус Е.В. 16
Гиппиус Э.Н. 29, 60, 68, 74–75
Гиппиус Т.Н. 25, 65, 73
 Глазов В.Г. 33, 139, 154, 208
 Глазунов А.К. 105, 260–261
Гломозда К.Е. 117
Голиков А.Г. 280
 Головин Ф.А. 260
Гордеев П.Н. 162
Горденев М.Ю. 109
Гордиенко И.М. 161, 163
Горобець В.М. 41
Горшков В.В. 140
Горький А.М. 45, 48–49, 54, 91, 137–138
Граббе П.А. 155
Граф Г.К. 165–166, 179, 209, 222, 263
 Гречанинов А.Г. 261
Гречанюк Н.М. 239
Грунт А.Я. 272
Гусев К.В. 234, 258
 Гучков А.И. 50, 234–236, 275, 277
Дебагорий-Мокриевич В.К. 281
Деникин А.И. 13, 99, 108–109, 159, 173, 187, 190, 229, 237, 243, 246, 251, 281
Дерябин А. 208–209, 211, 212,
 Дмитриев С.Н. (Дмитриев 5-й). 206,
 Дмитриевский А.А. 65, 88–89, 92,
 Дмитрий Павлович, вел. князь. 227
 Добужинский М.В. 48, 97
 Домбровский С.В. 47
 Дорн А. 50
Доценко В.Д. 94, 173
Дрезен А. 120, 204, 270
Дрейден С.Д. 270, 291,
Дробот В. 109
 Дружинин А. 196
Дубенский Д.Н. 63, 155, 237
Дубенцов Б.Б. 5
Дубровская Е.Ю. 110, 135, 138, 167
Дудоров Б.П. 169, 198, 224, 252
Дука А.В. 8
 Дурас В. 31
Дыбенко П.Е. 121, 125, 165, 180, 182–183, 188, 205–207, 214, 250, 252–253, 256
Дымищиц А.Л. 23
Дюбуа А.Э. 21–22
 Евлогий, митрополит. 62–63, 64–65, 70, 73, 82–83
Егоров И.Н. (Орлов К.Н.) 114, 153
 Екатерина II, императрица. 132, 135–136
 Елашненцев. 72
 Елизавета Федоровна, вел. кн. 21
Емельяненко И. 299
Жданков А.В. 18
Жданов И.М. 42, 104
 Железняков А.Г. 45
Живов В.М. 59
 Жилкин Ф.И. 67
Жордания Н.Н. 36, 59.
 Жук И.П. 34
Жуков В.К. 117, 119, 121, 123, 130, 149, 153–154, 188
Журавлев В.А. 196, 198, 243
Закатов А.Н. 30
Залежский В.Н. 111–112, 168, 262
 Зарриньш (Заррин Р.). 310
Зензинов В.М. 24–25
Зернов Н.М. 68, 70
 Зилоти А.И. 260
Зингер М.Е. 63, 75, 110, 113, 163–164, 166, 169–170, 252, 264, 275
 Зиновьев Г.Е. 103, 136–137, 213
Зинько Ф.З. 35
Знаменский О.Н. 25, 236, 261
 Зотов. 202
 Зубакин В. 300
 Иван III, вел. кн. 88
Иванов Д.И. 300

- Иванов И. 27
 Иванов М.В. 125, 205, 207
 Ивановский В.В. 8
 Иващенко Г. 34
 Измозик В.С. 5
 Ильин-Женевский А.Ф. 29, 204, 238, 258
 Иннокентий, епископ. 60
 Иоасаф, епископ. 68
 Иогансон Э. 17, 126
 Иоффе Г.З. 268
 Ипатьев В.Н. 157, 205
 Исаков И.С. 183
 Каблуков С.П. 217
 Кабытов П.С. 48
 Кадесников Н.З. 131, 213
 Казакевич А.Н. 10
 Каланов Н.А. 222
 Калашников А. 113
 Каменский Б. 80
 Канин В.А. 193
 Канн-Новикова Е.И. 301
 Кантор А.М. 12
 Каревский А. 211
 Каринская М.А. 293
 Карлинский В.А. 98, 311
 Каюров В.Н. 18, 26
 Квинтадзе Г.И. 151, 209
 Кедров М.А. 178
 Кедров М.С. 267
 Керенский А.Ф. 7, 30, 35, 53, 59, 61, 113, 115, 132, 141, 143, 149, 153, 186, 192, 195, 198, 201–202, 216–217, 222, 227, 243, 245, 263, 267–268, 277, 280, 284–288, 291, 301, 304
 Кибовский А. 190, 244, 257
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 30, 277
 Киртичников Т.И. 26, 143
 Кирьяков В.В. 284–285
 Киселев А.А. 132, 216
 Кишкин Н.М. 137
 Клембовский В.Н. 245
 Климов Ю.Н. 132, 216
 Князев Г.А. 25
 Кобзев И.И. 275
 Кобозев И. 50
 Кованько Л.Е. 191
 Ковбасюк. 40
 Ковнатор Р.А. 24
 Кокошкин Ф.Ф. 93
 Колбин И.Н. 104, 121, 160, 168, 289
 Колеров М.А. 121
 Колесников Г.А. 150
 Коллонтай А.М. 270
 Кологривов К.Н. 236
 Коломейцов Н.Н. 177
 Колоницкий Б.И. 52, 57, 60, 69, 197, 204, 290
 Колчак А.В. 39–40, 50, 56, 63, 99, 101, 106–107, 143, 173, 179, 185, 187–188, 191, 193, 210–212, 215, 219, 251, 274–275, 278, 284
 Кондратьев Т.К. 22
 Коновалов В.Г. 7, 122–123, 128–129, 181
 Коречников В. 279
 Корнаков П.К. 5, 9–10, 51, 53, 85, 95, 97, 99, 103, 107–108, 111, 154, 156, 243–245, 249–250, 252, 260, 285, 299
 Корнилов Л.Г. 49–50, 69, 106, 125, 139, 143, 148–149, 156, 160, 175, 200–202, 226, 233, 236, 244–245, 251, 253, 255, 268, 277, 285–287, 289
 Королев В.И. 116, 119, 123, 130, 152, 168, 176, 235
 Котовский Г.И. 35
 Кошиц А.А. 293
 Краснов П.Н. 271, 278
 Красовский И.А. 162
 Красюков Р.Г. 102
 Крачкович П. 104
 Кривенький В.В. 234
 Кривоцов В.Д. 291
 Кригер-Войновский Э.Б. 156
 Крицкий Н. 211
 Кроми А.Ф. 170
 Круппенский Н.Д. 2-й. 64
 Крылов. 126
 Кудрина Ю.В. 39
 Кузнецов А. 141–142
 Кузнецов Н. 211
 Куйбышев В.В. 262
 Кулегин А.М. 287
 Кутрияновский П.В. 287
 Кутрюхин В.А. 94
 Куропаткин А.Н. 43
 Курсков Н.А. 48
 Кустодиев Б.М. 179
 Лавинский М. 126
 Лавров П.Л. 16, 22–23
 Ладыженский А.М. 77
 Лазаревский Н.И. 93
 Ламанов А.Н. 202
 Ламанов П.Н. 115
 Лансере Н.Е. 48
 Латшин В.П. 10, 136
 Лацис М.И. 243
 Лебедев В.А. 97
 Левитин (Краснов-Левитин) А.Э. 68
 Левицкая Е. 107
 Лейберов И.П. 23
 Лемешев Ф.А. 18
 Ленин В.И. 8, 15, 85, 98, 139, 168, 189, 194, 198, 217, 225–216, 238, 249, 265–267, 273, 280, 287, 290, 303
 Леонидов О.Л. 284
 Леонов О.Г. 139
 Лесная Л. (Штерлинг Л.О.) 233
 Лисовский Ю. 79
 Лобач-Жученко Б.Б. 233
 Логвинов Г.Л. 258
 Логинов И.С. 23
 Лохвицкий Ф. 34, 126
 Лукашевич С.П. 125
 Лукомский А.С. 69, 158
 Лукомский В.К. 90–91, 93
 Лукьянов Ф. 230
 Луначарский А.В. 139
 Львов В.Н. 66–68
 Львов Г.Е., князь 53, 113, 227, 245, 277, 289

- Львов-Рогачевский В.Л. 265
 Любович А.М. 163
Людендорф Э. 14
 Макаров С.О. 20
 Маклаков В.А. 93, 132
 Максимов А.С. 110, 113, 158, 164, 166, 168–173, 176, 179, 185–186, 189, 199, 218, 230, 262, 275, 280
Мальшиев А.И. 28, 92, 98, 133
Мальков Д.П. 139
Манвелов А. 34
 Маниковский А.А. 229
 Мария Федоровна, императрица. 39
Марков И. 21
 Маргов Л. (Цедербаум Ю.О.) 268
 Марченко. 149
 Матросов Р.А. 223
 Матусевич А.Н. 126
Матъез А. 9
 Матюшенко А.Н. 56
Махно Н.И. 215, 274
 Мейер А.А. 77
Мельгунов С.П. 32, 65, 70, 134, 138, 236, 239
Мельников А.В. 27
Мережковский Д.С. 60–61, 68, 82
 Мецерский В.П. 283
Миланов В.Я. 109–110, 113, 123, 127–128, 131, 252–253
Миллер В.И. 6, 185
 Миллер Е.-Л.К. 239–240
Мильчик И.И. 24, 26
Милоков П.Н. 14, 90–91, 137, 234, 249–250, 268, 281, 306
Миров В. (Иков В.К.) 8
Миронец Н.И. (Миронец Н.И.) 22, 292, 300,
Миртов О. (Негрескул О.Э.) 25
 Митрофан, архиепископ. 66
 Митрофанов. 143
 Митрофанов А. 267
 Михаил Александрович, вел. кн. 62, 106, 255
 Михаил, епископ. 60
Михайлов А.А. 155
Михайлов Н.В. 5
Михайловский Г.Н. 90, 105
 Мищенко П.И. 229
Можейко И.В. 151
 Мокроусов А.В. 122
Монастырев Н.А. 101, 117, 127, 176, 276
Москвич А.Г. 102
Моссе Дж. 12
Мудров А.А. 68
Мясин А.С. 17
Набоков В.Д. 152
Найда С.Ф. 104, 121
 Нарбут Г.(Е.)И. 48, 91
 Непенин А.И. 109, 164, 224
 Никитин А.М. 202
Никифорова Н.М. 311
Николаев А.Б. 5, 28, 32
Николаев Р.В. 99
 Николай I, император. 136, 161–162
 Николай II, император. 48, 58, 61, 65, 78, 104, 107–108, 139, 142, 144, 154–155, 187, 217, 224, 235, 290
 Николай Николаевич, вел. кн. 62–63
Никольский П. 278, 310
 Никон, епископ. 72, 82
Нитраур Э. 179
Новиков М.М. 24
 Новицкий В.Ф. 239
 Новицкий П.К. 50
 Ножин А.Е. 166
Нокс А. 152, 162
 Нольде Б.Э. 90, 93
Нутрихин А.И. 271
Оберучев К.М. 25
Овсянкин Е.И. 99
Оглоблев Е. 201
Ольминский М.С. 228, 267
 Орановский В.А. 185
Орлов И.С. 47, 49,
Осипова Е.С. 64, 70, 76
Останина О.В. 61
Острогорский М.Я. 8
Оськин Д.П. 44, 107, 280
 Павел Александрович, вел. кн. 75
Павлова М.М. 61
Павлоуевский О. 117
Палей В.П. 75
 Пальмин Л.И. 296
 Пальчинский П.А. 157
Панцержанский Э.С. 154, 166, 169
Паперников Я. 262
 Пархомов Л.Н. 199–200
Пашков П. 139
 Пашенко В.Г. 144
 Пепеляев А.Н. 284
Перетц Г.П. 28, 30, 233
Петерс Д.И. 142
 Петлюра С.В. 208
 Петр I, император. 132, 222
Петраш В.В. 115
Петров М.А. 248, 250–251
 Петров-Водкин К.С. 48
 Пилкин В.К. 168, 275
 Писачкин А.И. 296
 Питирим, митрополит. 66
 Платон. 8
Платонов А.П. 116, 118, 149, 165, 188, 272
 Плеханов Г.В. 285
Плотников И.Ф. 56
 Погуляев С.С. 154
 Подвойский Н.И. 267
 Поливанов А.А. 140
Поликарпов В.Д. 257
Полищук Н.С. 300
Половцов (Половцев) П.А. 30, 92, 106, 132, 154, 162, 197–198, 201, 243, 255, 280
Поляков А. 30
Попов В.А. 12
Попов П.И. 188, 219, 239,
 Поска И.И. 278

- Поспеловский Д.В.* 59, 61
Поссе А.В. 264
Потолов С.И. 5
Преображенский А. 75
Протасов Л.Г. 120, 274
Протопопов П. 41, 48
Пуришкевич В.М. 236
Пушкин А.С. 134
Пушкин С. 25
Пчелин Н.Н. 58
Пятаков Г.Л. 98
Рабинович А. 5
Развозов А.В. 116, 126, 169, 199
Раскольников Ф.Ф. 115, 126, 150, 205–206, 268, 273–274
Распутин Г.Е. 60, 227, 305
Рафальский С.М. 291
Рахманов Д.П. 273
Ребров. 152
Редигер А.Ф. 82, 236
Рейли Д. Дж. 40, 131
Ремизов А.М. 232–233
Ренгартен И.И. 116, 125, 149, 166–167, 182, 255–256
Рерберг Ф.П. 185
Рерих Н.К. 91
Решетников В. 304
Ривов Я.Н. 90, 94
Рид Д. 136, 204, 271–272
Римский-Корсаков Н.А. 261
Риттих Ф.А. 140
Рихтер О.О. 179
Робьен, де Л. 263, 298
Рогозиль П.Г. 5, 65–67, 69, 77, 88
Родзянко А.П. 99
Родзянко М.В. 132, 214, 277
Родичев Ф.И. 134, 154
Рожков А.М. 150
Рольф М. 306
Романенко. 158
Романовский С.И. 214
Ромейко-Гурко В.И. 187
Рубец-Масальский Ф.В. 92
Руднев В.В. (В.И.) 160, 178
Руднев Л.В. 47, 260
Ружек А.А. 46, 206
Рузский Н.В. 170
Рыкачев А.М. 8
Саблин М.П. 130
Савинков Б.В. 201
Савич Н.В. 143, 174, 193
Садиков П.А. 227
Сажин С.И. 45
Сапронов С. 121
Сахаров К.В. 106, 139, 211, 213, 284
Свенцицкий В.П. 82
Свердлов Я.М. 104, 273
Святыцкий Н.В. 273–274
Селищев А.М. 276, 295
Семенов Г.М. 43
Семенович Н.Н. 109–110, 113, 123, 127–128, 252–253
Серафим, епископ. 68
Сеф С.Е. 136, 215, 238, 264
Сидорова И. 97
Симанович (Симонович) В.А. 33–34, 153
Синельников С.П. 41, 48
Скворцов-Степанов И.И. 273
Скобелев М.И. 245
Скоропадский П.П. 246
Сладков И.Д. 180
Смиренный И.Н. 28, 92, 98, 133
Смирнов А.А. 206
Смирнов М.И. 101, 192
Смирнов Н.Н. 5
Смирнова Е.Ю. 287
Смолин А.В. 151
Смольянинов М.М. 187
Соболев Г.Л. 5, 7, 9, 15, 30, 64–65, 70, 73, 280, 288
Соболева Н.А. 5, 10, 92, 97, 105, 134, 261, 263
Соколов Н.Д. 151–152
Солицева С.А. 10, 207, 235, 237, 239–240, 243–245, 247, 251, 280
Сологуб Ф.К. 136
Солтановська Т.Г. 22
Сомов К.А. 88
Сорокин П.А. 25, 44
Сорокин Ф.Д. 26–27, 242, 277
Софья Палеолог. 88
Спасский И.Г. 141
Спиридович А.И. 30
Спиридонова М.А. 77
Спроге В.Э. 156
Стайтс Р. 9
Станкевич В.Б. 29, 202
Старцев В.И. 15, 272
Стасова Е.Д. 265, 267
Стеклов В.А. 28
Столянский П.Н. 58
Столыпин А.А. 294
Столыпин П.А. 134
Струве П.Б. 8
Суханов Н.Н. 27, 265, 268, 288
Сухомлинов В.А. 153
Сяков Ю. 274
Таганцев Н.С. 19, 286
Тальберг Г.Г. 280
Тан-Богораз В.Г. 281
Таранков В.И. 28, 92, 98, 133
Тарсаидзе А.Г. 14, 128, 131, 177
Тарышев Н. 79
Темиров С.Н. 112, 156, 168
Тихон, патриарх. 66
Тихонов А.Н. 48
Тихонова Н.С. 31
Тоболлин И. 204, 283
Токвиль, де А. 74
Толочко О.П. 41
Тома А. 53
Точеный Н. 115
Трачук А.В. 311
Троицкий С.Н. 91, 93
Тронь А.А. 173
Троцкий Л.Д. 15, 27
Трубецкой Е.Н. 60
Тухачевский М.Н. 213

- Ульянов И.Э. 139
 Уошберн А. 257
 Успенский Б.А. 59
 Фабрицкий С.С. 235
 Файджес О. 10
 Федоров И.И. 100
 Федоровский В.М. 128, 276
 Федотов Г.П. 259
 Филарет, архимандрит. 221
 Философов Д.В. 25, 50, 60, 61, 65, 68, 153, 201
 Фирсов С.Л. 61, 69
 Флеровский И.П. 203, 271, 289
 Фомин И. 48
 Франк С.Л. 58
 Фруменкова Т.Г. 76
 Фурманов Д.А. 287
 Хабас Р.О. 266
 Харитонов О.В. 140
 Хасегава Ц. 21
 Хелаев Д.О. 260
 Хесин С.С. 39, 105, 118–120, 132, 188, 190, 193, 195, 242–243, 256–257, 275, 285
 Хлебцевич В.И. 285
 Ховрин Н.А. 144–145, 161, 167, 204, 219, 221, 250, 255–256
 Ходнев Д.И. 18, 236
 Ходяков М.В. 28, 99–100
 Цабель С.А. 155
 Цветаева М.И. 95, 291
 Цертели И.Г. 51, 268
 Чеботарева В. 216
 Чекменев В.И. 239
 Чепурнов Н.И. 141–142
 Черепнин Н.Н. 288
 Чернов В.М. 76, 132, 233–234, 243, 258, 265, 273–274
 Черняев В.Ю. 5
 Чертилина М.А. 49–50, 78
 Чугурин И.Д. 18
 Чхеидзе Н.С. 29, 243
 Шабалин И.А. 78, 113, 164, 233
 Шавельский Г.И. 61, 75
 Шаверов В.М. 68
 Шагин М. 104
 Шалятин Ф.И. 16, 261, 288,
 Шангин И.С. 126
 Шепелев Л.Е. 142, 207
 Шиловский А.Л. 47
 Ширяева П.Г. 16
 Шкаровский М.В. 67–69
 Шкулев Ф.С. 300
 Шляпников А.Г. 22
 Шмидт (Шмидт-Очаковский) Е.П. 222, 228–229
 Шмидт П.П. 55
 Шреттер Е.Ф. 47
 Штерн О. 226
 Шульгин В.В. 101–102, 235, 305
 Шуман Р. 16
 Щастный А.М. 255
 Энгельгардт Б.А. 29
 Эренбург И.Г. 266, 272
 Эссен М.М. 17
 Эткин А.М. 61
 Юрьев С.Ф. 173, 181
 Юсупов Ф.Ф. 73
 Abraham R. 267, 285–286, 291
 Acton E. 59
 Agulhon M. 9
 Almond G. 8
 Baker K. 9
 Vociurkiw B.R. 70
 Bromhead A. 265, 282
 Cherniaev V. Iu. 59
 Cromie F.N.A. 170
 Dresher S. 12
 Dune E.M. 205, 289
 Ezergailis A. 40, 264
 Fedotoff White D. 154, 177
 Figes O. 10, 28, 31, 309
 Gourko B. 155
 Hasegawa T. 18, 21, 25
 Heald E.T. 89, 102, 263, 281
 Hosking G. 70
 Hunt L. 9
 Ipatieff V.N. 157, 205
 Kavanagh D. 8
 Knox A. 26, 152, 201, 229,
 Kolonitski B. (Kolonitskii B.) 10, 85, 228,
 Mason L. 9
 Mathiez A. 9
 Mawdsley E. 126, 230, 256
 Mc Kean R.B. 21
 Melancon M. 15
 Morrissey S.K. 263
 Neuberger J. 21
 Ozouf M. 9
 Robien de L. 22, 263, 298
 Rosenberg W.G. 59
 Sabean D. 12
 Schama S. 275
 Sharlin A. 12
 Scherrer J. 61
 Shkarovskii M. 59
 Spinka M. 68
 Steinberg M.D. 81
 Stites R. 9, 306
 Thomas A. 22
 Trice T.R. 45
 Van Geldern J. 10
 Verba S. 8
 Verner A.M. 227, 286
 Welle-Strand E. 281
 Wildman A. 63–64, 105, 107

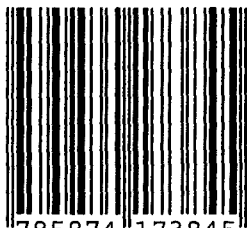
ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	6
I. Свержение монархии и политические символы	14
1. Восстание в Петрограде	14
2. Праздники свободы	36
3. Красная Пасха революции	57
II. Отрицание старых символов	87
1. Государственные символы	88
2. Военные знамена и военно-морской флаг	106
3. Царские портреты и памятники «старого режима»	131
4. Награды и форма одежды	139
5. Революция: отражение в ономастике	214
III. Символы «новой жизни»	232
1. Символы революции в условиях революции	232
Борьба за красный флаг	232
«Марсельеза» и «Интернационал»	260
«Граждане» и «товарищи»	275
Живой символ революции	284
2. Революционные символы и массовая культура	287
3. Время в политической культуре революции	294
Заключение	304
Список сокращений	312
Именной указатель	313

**СИМВОЛЫ ВЛАСТИ
И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ:
К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

Борис Иванович Колоницкий

ISBN 978-5-87417-384-5



9 785874 173845

Информационно-издательская фирма «Лики России»
190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 17/8
Тел. (812) 312 1121, факс (812) 320 8788
www.likii-rossii.ru

Подписано в печать 10.11.2011.
Печ. л. 20+1 вкл. Формат 70х100/16.
Гарнитура Peterburg C. Тираж 300 экз.
Заказ № 12-130.

Отпечатано в типографии ООО «Сборка»,
192 077, С.-Петербург, наб. Обводного канала, 64,
литера А, корп. 2, пом. 22. Тел.: (812) 642-43-44